Turc. 245 h

~~464178~~

3988

<36640704990019
<36640704990019
Bayer. Staatsbibliothek

Turc. 245 h

4647b

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА

Георгій Петровичъ
ЧЕРНЫЙ
Верховный Вождь Сербскій
(1770-1817).

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА

II. J. 1/13
I–J 45

ИСТОРІЯ СЕРБІИ

Зд. I. 2/24

по

СЕРБСКИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

сочиненіе

Леопольда Ранке.

Нар. Библиотека
ДУБЛИКАТ

переводъ съ нѣмецкаго

ПЕТРА БАРТЕНЕВА.

II J 1/13

Съ приложеніемъ портрета Чернаго Георгія, съ картою княжества сербскаго и съ виньетками.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена.
1857.

5258

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 7 Февраля 1856 г.

Цензоръ Н. Фонъ-Крузе.

Bayerische Staatsbibliothek München

Fgt| 80| 4768.

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Сербскій народъ, слишкомъ четыреста лѣтъ почти вовсе не упоминаемый въ исторіи, въ наше время, геройскимъ освобожденіемъ своимъ изъ-подъ власти Турокъ, снова обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Цѣною долгихъ, неслыханныхъ усилій, рядомъ подвиговъ, которымъ мало примѣровъ въ лѣтописяхъ міра, часть сербскаго народа пріобрѣла себѣ гражданскую независимость. Образовалось новое княжество сербское, которое, хотя и находится въ политическомъ отношеніи подъ покровительствомъ другихъ державъ, но вполнѣ пользуется внутреннею самостоятельностью. Его возникновеніе составляетъ эпоху въ новой исторіи славянскихъ народовъ.

Борьба, выдержанная Сербами, происходила въ первой четверти нашего столѣтія, когда ве-

ликія событія, быстро слѣдуя одно за другимъ, исключительно занимали собою вниманіе просвѣщеннаго міра. Европѣ въ то время было не до Сербовъ. Тѣмъ не менѣе, имя Георгія Чернаго, главнаго сербскаго вождя и освободителя, сдѣлалось извѣстнымъ повсюду. Позднѣе, народная сербская словесность встрѣтила полное сочувствіе въ лучшихъ представителяхъ европейской образованности. О ней замолвилъ слово и знаменитый Гёте. Сербскія пѣсни появились въ переводахъ на главнѣйшихъ языкахъ Европы. Многіе путешественники стали посѣщать дотолѣ неизвѣстную землю, и теперь безпрестанно издаются о Сербіи разныя книги на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ.

Но если западные Европейцы обращаютъ такое вниманіе на страну, чуждую имъ по происхожденію, вѣрѣ, языку и обычаямъ, то еще больше участія возбуждаетъ она въ насъ Русскихъ. Стоитъ только вспомнить, что въ храмѣ божіемъ Русскій и Сербъ чувствуютъ себя братьями, что мы молимся на одномъ и томъ же языкѣ, что рѣчь сербская почти понятна Русскому, и при недолговременномъ изученіи можетъ быть вполнѣ усвоена, что наконецъ въ старинныхъ коренныхъ обычаяхъ нашихъ мы имѣемъ съ Сербами много общаго, ибо принад-

лежимъ къ одному племени и воспитаны въ нѣдрахъ одной церкви.

И дѣйствительно, Россія всегда питала сочувствіе къ сербскому народу. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Русскіе побратались съ Сербами оружіемъ, и какъ извѣстно, самымъ нынѣшнимъ бытіемъ своимъ сербское княжество обязано договорамъ Россіи съ Турціею, букарештскому (1813) и адріанопольскому (1829). Съ древнѣйшихъ поръ отправляются изъ Россіи пособія въ пользу сербскихъ церквей, и еще недавно, въ 1849 году Сербы, живущіе въ Бачкѣ, Банатѣ, Самѣ и Далмаціи, получили изъ Россіи разнаго рода вспоможенія. Однимъ словомъ, какъ правительство, такъ и частные люди въ Россіи, на самомъ дѣлѣ показываютъ свое сочувствіе къ отдаленнымъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ.

Но къ сожалѣнію, русская словесность не можетъ указать ни одного сочиненія о Сербіи, за исключеніемъ развѣ книги Д. Момировича, которая представляетъ самый краткій и сухой перечень событій сербской исторіи, большей частью древняго періода, и нисколько не удовлетворяетъ любознательнаго читателя.

Желаніе, хотя сколько нибудь восполнить такой существенный недостатокъ въ русской словес-

ности, побудило пишущаго эти строки издать въ переводѣ книгу о Сербіи одного изъ славныхъ современныхъ историографовъ, берлинскаго профессора, Леопольда Ранке, автора Исторіи Папъ, Реформаціи, исторіи Франціи въ XVII вѣкѣ и проч. Кромѣ занимательнаго изложенія, книга Ранке отличается изъ всѣхъ иностранныхъ сочиненій о Сербіи наибольшею точностью. Авторъ почерпнулъ свои извѣстія изъ лучшаго источника. Въ 1828 году, живя въ Вѣнѣ, онъ сошелся съ извѣстнымъ знатокомъ сербской народности, Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ, наслушался его разсказовъ о Сербіи, получилъ отъ него нѣсколько сербскихъ бумагъ, и на основаніи всего этого въ слѣдующемъ году издалъ въ Гамбургѣ Исторію Сербіи. Конечно никто не въ состояніи сообщить болѣе точныхъ и подробныхъ свѣденій объ этомъ предметѣ, какъ Вукъ Караджичь. Онъ былъ очевидцемъ борьбы Сербовъ съ Турками; служилъ писаремъ у сербскихъ вождей, Чюрчія и Якова Ненадовича, и потомъ въ сербскомъ Сенатѣ; былъ друженъ съ славнымъ гайдукомъ Велькомъ; исполнялъ разныя порученія Чернаго Георгія; впослѣдствіи, при Милошѣ, участвовалъ въ составленіи сербскихъ законовъ, занималъ должность предсѣдателя въ бѣлградскомъ магистратѣ, и проч.

Профессоръ Ранке ходилъ къ Вуку Стефановичу почти ежедневно записывать его разсказы (*). — Такимъ образомъ переведенная нами книга имѣетъ особенную цѣну, ибо сообщаетъ наиболѣе вѣрныя извѣстія.

Но при всѣхъ достоинствахъ своихъ, сочиненіе Ранке не можетъ быть вполнѣ удовлетворительно для русскихъ читателей, ибо въ ней весьма кратко сообщается о томъ благодѣтельномъ участіи, которое принимала Россія въ судьбѣ Сербіи. Для пополненія этого недостатка, переводчикъ счелъ необходимымъ, въ видѣ приложенія, привести нѣсколько свѣденій о сношеніяхъ Россіи съ Сербами во время турецкой войны при императорѣ Александрѣ I-мъ. Свѣденія эти извлечены изъ книги Михайловскаго-Данилевскаго, который имѣлъ доступъ къ государственнымъ архивамъ.

Уставъ княжества сербскаго, составляющій второе приложеніе къ нашей книгѣ, переведенъ съ сербскаго подлинника, за сообщеніе котораго, равно какъ и за другія указанія переводчикъ считаетъ долгомъ изъявить благодарность профес-

(*) Всѣ эти свѣденія заимствованы изъ жизнеописанія Вука Караджича, составленнаго И. И. Срезневскимъ и напечатаннаго въ Моск. Сборникѣ 1846 г.

сору московскаго университета, І. М. Бодянскому.

Портретъ Чернаго Георгія заимствованъ изъ *Повѣстницы сербскаго народа*, изданной Медаковичемъ въ Новомъ Садѣ (въ 1852), карта сербскаго княжества изъ сочиненія Ами Буе о европейской Турціи, а гербъ изъ сербскихъ Новинъ (бѣлградской газеты).

Вся книга переведена со втораго, значительно дополненнаго изданія, вышедшаго въ 1844 году въ Берлинѣ.

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА

ГЛАВА I.

Нѣсколько словъ о древнѣйшей сербской исторіи.

Вторая половина девятаго столѣтія представляетъ самую замѣчательную и важную эпоху во внутренней жизни славянскаго племени.

Переселенія окончились; огромныя пространства земли заняты; тѣ безчисленные народы, наименованіе которыхъ такъ затрудняло древнихъ писателей. мало по малу опредѣляются и входятъ въ кругъ историческихъ и географическихъ свѣдѣній; иго чуждаго господства, каковымъ было аварское, сокрушено вторично; наступаетъ и для Славянъ пора самостоятельности; у нихъ являются признаки гражданской жизни.

Во второй половинѣ девятаго вѣка мы видимъ великое государство моравское, простиравшееся къ востоку за Краковъ, къ сѣверу по Эльбѣ (ибо къ нему принадлежали и Чехи въ Богеміи). До нынѣ въ Моравіи еще живетъ память о великомъ князѣ Святополкѣ. Въ странахъ около Гнѣзна и Познани, у Леховъ, являются Пясты, первые князья, при которыхъ начинается новый порядокъ вещей въ жизни этого племени. Изъ соединенія славяно-чудскихъ народовъ, подъ правленіемъ варяго-русскихъ князей, возникаетъ русское государство, съ самыхъ раннихъ поръ обнаруживающее стремленіе на югъ, къ низовьямъ Дуная и Кон-

стантинополю. Между тѣмъ по всѣмъ придунайскимъ землямъ проходятъ славянскіе апостолы, Кириллъ и Меѳодій, и, вопреки обыкновенію почти всѣхъ древнихъ миссіонеровъ, употребляютъ народный языкъ для проповѣди слова Божія и обученія христіанству.

Къ этому же времени относятся и первыя начала политической жизни у Сербовъ.

Предоставляемъ археологамъ сличать отрывочныя историческія извѣстія съ миѳологическими преданіями и свидѣтельствами языка, опредѣлять происхожденіе сербскаго народа и говорить о его переселеніяхъ: мы издревле застаемъ его въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, на которыхъ онъ живетъ нынѣ.

Дабы получить понятіе о географическомъ положеніи древней Сербіи, надобно поставить себя мысленно въ центрѣ того высокаго горнаго хребта, который отъ Альпъ тянется къ Черному морю, и своими отраслями, текущими съ него рѣками и ручьями, своими долинами, наполняетъ все пространство между Дунаемъ съ одной стороны, Адріатическихъ моремъ и Архипелагомъ съ другой. Сербы издавна владѣли горными проходами этихъ террасообразно подымающихся высотъ,— этими, по выраженію народныхъ пѣсенъ, пестрыми планинами (шара планина), въ которыхъ лѣсной мракъ смѣняется бѣлыми скалами и глыбами долго нетающаго снѣга. Они обитали также по низовьямъ Дрины, Босны и обѣихъ Моравъ; къ югу занимали земли до верхней Македоніи и населяли адріатическое побережье. Цѣлыя столѣтія прожили они подъ управленіемъ своихъ жупановъ и старшинъ, не принимая никакого замѣтнаго участія въ судьбахъ всемірно-историческихъ народовъ.

Также и въ девятомъ столѣтіи они не составляли

особеннаго государства, подобно остальнымъ Славянамъ; мы видимъ только, что они приняли христіанство и вмѣстѣ съ тѣмъ признали надъ собою власть византійскаго императора: ибо занимаемыя ими страны искони были римскою областью, и въ эпоху возстановленія Западной Римской Имперіи, при Карлѣ Великомъ, оставались за Имперіею Восточною.

Но ни свѣтской, ни церковной власти Грековъ Сербы не подчинялись совершенно.

Рѣшившись признать власть Византіи, они поставили условіемъ, чтобы къ нимъ не присылали оттуда правителей; императоръ дозволялъ имъ управляться собственными начальниками, которыхъ они сами имѣли право выбирать, и которые не нарушали патріархальнаго ихъ быта (*).

Равно и христіанское ученіе было принесено къ нимъ на родномъ языкѣ, и они употребляли родную грамоту, гдѣ бы, на Востокѣ, или на Западѣ, ни была изобрѣтена она. Они слушали литургію для нихъ понятную. Мы видимъ, что въ началѣ десятаго вѣка многіе славянскіе священники изъ всѣхъ эпархій принимали рукоположеніе отъ епископа города Ноны, Славянина по происхожденію (**).

Но какъ скоро возникли на землѣ силы, имѣющія цѣлью осуществлять, претворять въ себя и распространять далѣе тѣ общія идеи, въ которыхъ заключается жизнь человѣческаго рода, съ тѣхъ поръ, по видимому, ни одному народу не суждено болѣе идти путемъ

(*) Constantinus Porphyrogenitus de vita Basilii: Theophanes continuatus ed. Bonn. p. 291. *τοὺς ὑπ' αὐτῶν ἐκείνων ἐκλεγομένους καὶ οἱονεὶ χειροτονουμένους ὡς αἱρετοὺς ἄρχοντας καὶ πατρικὴν πρὸς αὐτοὺς διασώζειν ὀφείλοντας εὔνοιαν ἄρχειν αὐτῶν διωρίσατο.*

(**) Копитара Glagolita Clozianus XIII.

вполнѣ самостоятельнымъ, свободно усовершенствуя природою данныя способности; съ тѣхъ поръ всякое преуспѣяніе зависитъ по преимуществу отъ того отношенія, въ которое новое племя становится къ народамъ уже образованнымъ.

Именно этимъ отношеніемъ, различнымъ у различныхъ славянскихъ народовъ, опредѣлилась вся ихъ исторія.

Одни славянскіе народы, Моравы, Чехи, Каринтійцы, до извѣстной степени даже Поляки, примкнули къ возстановленному Германцами западно-римскому государственному устройству и къ латинской церкви: они принимали участіе въ постепенномъ образованіи формъ западной общественной жизни.

Другіе присоединились къ восточной церкви и удержали допускаемый ею народный бытъ. Но и между ними было большое различіе.

Россія, вслѣдствіе пришествія Норманновъ достигшая великаго могущества, въ тоже время была слишкомъ удалена отъ средоточія греческой жизни, такъ что Византія не имѣла никакой возможности воспользоваться духовнымъ вліяніемъ своимъ на нее, для утвержденія свѣтскаго.

Напротивъ того Сербамъ пришлось жить на греческой почвѣ. Хотя они признавали надъ собою вообще власть византійскихъ императоровъ, но должны были напрягать всѣ свои силы для отпора ихъ дальнѣйшимъ притязаніямъ.

Въ одиннадцатомъ столѣтіи, вопреки упомянутому выше условію, Греки захотѣли непосредственно править Сербіею и подчинить ее своей финансовой системѣ. Въ Сербію прибылъ греческій намѣстникъ; появленіе его произвело всеобщее возстаніе. Одинъ сербскій

старшина, Стефанъ Боиславъ, сидѣвшій въ Константинополѣ въ заключеніи, нашелъ средство убѣжать оттуда и возвратился на родину. Народъ присталъ къ нему: греческій намѣстникъ и чиновники его, подобно ему наглые и корыстолюбивые, принуждены были удалиться. По всему вѣроятію, этотъ Боиславъ имѣлъ свое мѣстопребываніе на адріатическомъ побережьѣ: ему достались въ плѣнъ византійскіе корабли, съ богатымъ грузомъ, и онъ имѣлъ сношенія съ итальянскими подданными Византіи, также пытавшимися отложиться. Наконецъ, въ 1043 году, Константинъ Мономахъ послалъ для возстановленія утраченной власти многочисленное войско, которое должно было высадиться на берегъ и оттуда начать свои дѣйствія. Сербы встрѣтили его въ горахъ, подобно тому, какъ встрѣчали своихъ враговъ Тирольцы и швейцарскіе крестьяне: вся греческая армія погибла въ непроходимыхъ горныхъ ущельяхъ.

Событіе это было рѣшительнымъ и опредѣлило все послѣдующее время. Сербы не только положили предѣлъ притязаніямъ цареградскаго двора, но и выбрали себѣ великаго жупана съ княжескою властью, *основанною на соблюденіи народной независимости*. Обѣ стороны по-видимому чувствовали важность этого событія: Византійцы относятъ къ нему появленіе кометы (*), древнѣйшій сербскій лѣтописецъ, священникъ Діоклейскій, повѣствуетъ о немъ съ баснословными прикрасами (**).

(*) По словамъ Гликаса комета эта означала *τὰς μελλούσας κοσμικὰς συμφορὰς: ὅρα γὰρ ὅτι μετ᾽ οὐ πολὺ στάσις ἐν Σερβίᾳ γέγονε* (p. 594 ed. Bonn).

(**) У Швандтнера III, 497. Доброславъ безъ сомнѣнія тоже лицо, что и Боиславъ. По словамъ Діоклейскаго священника, греческіе чиновники были избиты въ одинъ день.

Съ тѣхъ поръ Сербы постоянно были на стражѣ противъ покушеній Грековъ. По своему положенію на границахъ западнаго христіанскаго міра, они находили въ семъ послѣднемъ, если не всегда помощь, то по крайней мѣрѣ нѣкоторую опору. Великіе жупаны не рѣдко брали себѣ женъ изъ княжескихъ семействъ западной Европы, и лѣтописцы всегда съ особеннымъ удовольствіемъ упоминаютъ о такихъ бракахъ. Они часто и охотно вступали въ союзъ съ Венеціею, которая находилась въ одинаковомъ съ ними отношеніи къ Восточной Имперіи; они противодѣйствовали всѣми силами попыткамъ Мануила Комнена возстановить свое господство и въ Западной Имперіи; когда императоръ Фридрихъ рыжебородый въ крестовый походъ свой проходилъ черезъ ихъ земли, они выразили ему неожиданную преданность, предложили ему въ ленное владѣніе городъ Ниссу и обѣщались быть его вассалами (*): Фридрихъ отклонилъ предложеніе, не желая разрыва съ греческимъ императоромъ, въ ту минуту, отъ которой зависѣло возвращеніе Святой земли. Но уже самая мысль о подчиненіи Германцамъ чрезвычайно замѣчательна. Сербы обращались не только къ императору, но иногда и къ Римскому двору, не оставлявшему своихъ притязаній на иллирійскія эпархіи. Папа Григорій VII, первый наименовалъ одного изъ великихъ жупановъ королемъ.

Не естественно ли было думать, что мало по малу Сербы наконецъ совершенно примкнутъ къ

(*) *Ansbert* de expeditione Friderici imperatoris p. 32. Pro ipsa terra de manu imperatoris percipienda hominium et fidelitatem ipsi offerebant ad perpetuam romani imperii gloriam, nullo quidem timore coacti, sed sola ipsius teutonici regni dilectione invitati.

западному міру, подобно столь многимъ своимъ собратіямъ? Григорій VII назвалъ сербскаго князя не только королемъ, но и сыномъ, ибо одно безъ другаго не могло быть и мыслимо. Кто изъ послѣдующихъ папъ не имѣлъ причинъ надѣяться на постепенное полное подчиненіе сербскаго народа?

Мы не можемъ рѣшить, что̀ именно заставляло сербскихъ жупановъ обнаруживать иногда нѣкоторую склонность къ Риму, политическіе ли разсчеты, или дѣйствительное желаніе. Ясно только то, что если и было такое желаніе, оно уже не могло быть исполнено.

Сербы приняли христіанство отъ греческихъ проповѣдниковъ, приходившихъ изъ Константинополя, и именно въ то время, когда возникало и опредѣлялось разномысліе между латинскою и греческою церквами. Изначала получили они отвращеніе Анатолійцевъ къ западнымъ церковнымъ формамъ, то отвращеніе, которое, разъ возникнувъ, никогда уже не прекращается. Неманя обнаруживалъ намѣреніе присоединиться къ германской имперіи; но это не мѣшало ему настроить множество церквей и монастырей и тѣмъ утвердить греческое багослуженіе. Ему не было дѣла до Ватикана; завѣтныя желанія его устремлены были къ монастырямъ лѣсистаго Аѳона, къ этому центру православія, чтимому на всемъ Востокѣ. Онъ основалъ Хиландарь и прославился обновленіемъ ватопедской обители, гдѣ и скончался въ санѣ греческаго калугера.

Латинская церковь представляла не одни догматическія уклоненія; она проповѣдывала цѣлую систему жизни и внутренняго устройства, по преимуществу основанную на различіи между церковью и государ-

ствомъ. Одно изъ опредѣленій Собора, созваннаго въ 1199 году Иннокентіемъ III въ Діоклеѣ, основано именно на этой, будто бы искони существующей, противоположности между свѣтскою и духовною властями (*).

Совершенно иное воззрѣніе образовалось въ Сербіи. Сынъ Немани, святый Сава, въ тиши своего любимаго хиландарскаго уединенія, продолжалъ дѣло отца, въ духѣ вполнѣ народномъ. Константинопольскій патріархъ предоставилъ Сербамъ право избирать себѣ архіепископа изъ среды собственнаго духовенства. Первымъ архіепископомъ былъ самъ св. Сава. Онъ имѣлъ свое мѣстопребываніе въ Ужицѣ, священномъ для Сербовъ городѣ, и своимъ духовнымъ значеніемъ освятилъ свѣтскую власть, что̀ во мнѣніи народа отнюдь не походило на то освященіе, которое преподавалось отъ папскаго престола. Онъ вѣнчалъ своего брата королевскимъ вѣнцомъ (и на этотъ разъ, если мы не ошибаемся, съ согласія византійскаго императора), при великомъ стеченіи духовенства и міранъ, которые всѣ повторяли за нимъ слова символа вѣры, по восточному ученію.

Между тѣмъ какъ на Западѣ кипѣла отчаянная борьба власти духовной съ властію свѣтскою, и глава церкви съ неумолимою ненавистію преслѣдовалъ благородное племя талантливыхъ и величавыхъ государей, въ Сербіи господствовало можетъ быть даже чрезмѣрное согласіе, и не рѣдко случалось, что сербскій краль, поступавшій не совсѣмъ кротко съ

(*) Concilium in Dalmatiae et Diocleae regnis: cap. VIII начинается словами: такъ какъ Богъ установилъ двѣ власти (cum duae sint potestates a deo constitutae). Mansi XXII, 703.

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА

своимъ народомъ, и только на закатѣ дней своихъ обращавшійся на правый путь, по смерти причислялся къ святымъ.

Здѣсь не мѣсто исчислять этихъ кралей и разсказывать ихъ войны съ Венгріею, Булгарами, съ Византійцами и Латинянами на адріатическомъ побережьѣ (*); достаточно будетъ указать на то положеніе, которое они заняли въ 14 столѣтіи, достигнувъ нѣкоторой степени могущества.

Россія подпала владычеству Монголовъ, и Ханы господствовали надъ нею изъ далекой Золотой орды черезъ пословъ своихъ; Польша при послѣднихъ Пястахъ примкнула къ Западу, и тѣмъ тѣснѣе, что оттуда ждала себѣ защиты отъ подобной участи. Богемія со всѣми принадлежащими къ ней землями, подъ властью люксембургскаго дома, сама сдѣлалась центромъ западной образованности; одни сербскіе крали въ горахъ своихъ держались самостоятельно, въ гордомъ отчужденіи отъ другихъ странъ.

Подобно славяно-нѣмецкимъ народамъ въ Силезіи и на границахъ Австріи, они славно отбились отъ нападеній Монголовъ, утратившихъ конечно въ этихъ отдаленныхъ отъ родины ихъ странахъ, дикую силу и стремительность свою. Архіепископъ сербскій, призывая имена святыхъ предковъ, Савы и Арсенія, повелъ народъ на встрѣчу Монголамъ и обратилъ въ бѣгство толпы язычниковъ: именно такой священ-

(*) Исторія Сербіи, сколько нибудь удовлетворительная, не возможна до тѣхъ поръ, пока не будутъ обнародованы, и притомъ въ исправныхъ текстахъ, источники ея, каковы напримѣръ Доминіановы жизнеописанія св. Симеона и св. Савы, Родословецъ архіепископа Даніила и его продолжателей и пр.

ный характеръ приняла у нихъ борьба съ невѣрными, наполнявшая собою тогдашній міръ.

Притязанія на Сербію латинскихъ императоровъ, въ Константинополѣ, оставались безплодными. Правда Балдуинъ II, уже изгнанный, въ одномъ договорѣ, распоряжался Сербіею и Албаніею, какъ землями ему подчиненными (*), и такое распоряженіе могло быть опасно, ибо онъ передалъ свои права анжуйскому дому, который завладѣлъ Венгріею, тоже предъявлявшею свои собственныя права; но важныхъ послѣдствій отъ этого не могло произойти, тѣмъ болѣе, что Венеція въ случаѣ нужды охотно подала бы Сербамъ руку помощи.

Равнымъ образомъ и возстановленная греческая имперія должна была отказаться отъ надежды распространить свою власть надъ Сербіею.

Поставленные въ необходимость искать союза латинской церкви и дѣлать ей различныя уступки, византійскіе императоры едва успѣвали сдерживать негодованіе собственныхъ подданныхъ, ревностно слѣдившихъ за соблюденіемъ церковнаго догмата.

Напротивъ, эта борьба Латинянъ съ Греками, эти вѣчные раздоры, кипѣвшіе по всѣмъ берегамъ и землямъ отъ Іоническаго моря до Ѳракійскаго Босфора, ослабляла силу обѣихъ враждующихъ сторонъ, и давала Сербамъ возможность играть роль самостоятельную.

Негодуя на унизительныя для себя притязанія Византіи, не имѣвшей средствъ для собственной защиты,

(*) 1267. Buchon, Recherches et matériaux I, 33. ita quod etiam in regnis Albaniae et Serbie liceat nobis nostrisque heredibus hujusmodi tertiam partem eligere.

сербскіе крали, въ концѣ тринадцатаго вѣка, рѣшились дѣйствовать наступательно и прежде всего завладѣли древнимъ своимъ достояніемъ, землями по теченію верхняго Вардара.

Быстрому развитію ихъ могущества содѣйствовали внутренніе раздоры, не прекращавшіеся въ Византіи, и тѣ отношенія, въ которыя они себя поставили къ враждующимъ греческимъ партіямъ. Въ первой половинѣ четырнадцатаго вѣка Сербы были самымъ сильнымъ народомъ на Иллирійскомъ полуостровѣ: мало того: передъ ними открывалось поприще всемірно-исторической дѣятельности.

Понятно, что они всегда держались той греческой партіи, которая дѣйствовала противъ двора. Такъ они помогали младшему Андронику противъ старшаго; могущественные правители областей, Сигріанъ Македонскій, Сфранцъ Беотійскій, враждовавшіе противъ младшаго Андроника, находили у нихъ убѣжище и съ ихъ помощью возвращались на родину. Но самымъ важнымъ было то, что Іоаннъ Кантакузенъ, въ 1341 году возложившій на себя корону и не спасенный ни друзьями, ни родственниками, ни вспомогательнымъ латинскимъ войскомъ, ушелъ въ горы, въ увеселительный замокъ могущественнаго сербскаго краля Стефана Душана, близь Приштины, и убѣдилъ его дѣйствовать съ собою за одно.

Никифоръ Грегора повѣствуетъ, что условіемъ своего союза они положили не мѣшать счастію другъ друга и предоставлять непріятельскимъ городамъ передаваться тому изъ нихъ, кому они сами пожелаютъ (*); если повѣствованіе это вѣрно, то мо-

(*) Lib. XIII, ed. Bonn. II, p 656: *μηδέτερον μηδετέρῳ ποτὲ γίνεσθαι κώλυμα πρὸς εὐτυχίαν ἡντιναοῦν καὶ συγχωρεῖν ταῖς τῶν Βυζαντίων ὑπηκόοις πόλεσιν ὅτῳ βούλοιντο προσχωρεῖν.*

жно предполагать, что союзъ ихъ былъ нѣкотораго рода братствомъ, (побратимствомъ), которое до нынѣ въ обыкновеніи у сербскаго народа.

Двадцать четыре сербскихъ воеводы сопровождали честолюбиваго и хитраго Іоанна, шедшаго завладѣть цареградскимъ престоломъ.

Выше замѣчено, что чувство религіознаго единомыслія и общаго нерасположенія къ латинскому міру тѣсно соединяло Сербовъ съ Греками. Слѣдовательно Кантакузену нечего было оскорбляться, когда нѣкоторые занятые имъ значительные города, какъ напримѣръ Мелевикъ и Едесса, передались Стефану Душану, потому особенно, что большая часть мѣстныхъ жителей были славянскаго, если не всѣ сербскаго происхожденія.

Но усилившись и получивъ надежду на достиженіе своей цѣли, Кантакузенъ не хотѣлъ терпѣть долѣе такого положенія дѣлъ.

Онъ скоро поссорился съ Душаномъ, не умѣлъ противостоять искушенію, и призвалъ къ себѣ на помощь невѣрныхъ, господствовавшихъ въ Малой Азіи, Турковъ-Османовъ, будучи твердо увѣренъ, что они не пощадятъ его противника (*).

Но онъ ошибся въ своемъ разсчетѣ. Войска душановы дрались съ невѣрными и тѣмъ пріобрѣли себѣ имя въ народѣ; лѣтопись восхваляетъ его побѣды надъ Агарянами, его гордую вѣрность слову, ни разу не дозволившую ему дѣйствовать противъ своего брата-союзника; ни одинъ изъ его воеводъ не осмѣливался напасть на Кантакузена. Но межъ тѣмъ, какъ сей по-

(*) Кантакузенъ III, p 74. *βάρβαροί τε ὄντες καὶ ἀπ' ἐναντίας ἡμῖν περὶ τὸ σέβας διακείμενοι οὐδεμίαν φειδὼ ποιήσονται.*

слѣдній распоряжался во Ѳракіи, Стефанъ почиталъ себя въ правѣ совершенно завладѣть Македоніею. Ему подчинились города, составлявшіе главнѣйшій предметъ желаній обоихъ союзниковъ, каковы напримѣръ Фере и Берреа. Византійскіе писатели сравниваютъ его дикую, неудержимую силу то съ занявшимся поломемъ, то съ рѣкою, выступившею изъ береговъ своихъ.

Стефанъ Душанъ занялъ положеніе весьма значительное.

Отъ родовыхъ земель Неманичей, по верховьямъ рѣки Рашки, отъ коей вся та страна назвалась Раскіею, онъ господствовалъ до береговъ Савы. Когда напали на него Венгры, усилившіеся при Людвигѣ I, онъ пошелъ къ нимъ на встрѣчу, напутствуемый благословеніями своего духовенства, и счастливо отбилъ нападеніе: по всему вѣроятію, онъ владѣлъ нѣкоторое время Бѣлградомъ (*). Непокорный банъ принужденъ былъ уступить ему Боснію. Въ 1347 году видимъ его въ Рагузѣ, которая встрѣтила его съ европейскими почестями и признала своимъ покровителемъ. Жители Албаніи, Шкипетары, ходили за его знаменами; ему принадлежали Арта и Янина. Отсюда сербскіе воеводы, коихъ области можно различать съ достаточною опредѣленностью, распространяли его власть на всѣ ромейскія земли по рѣкамъ Вардару и Марицѣ до Булгаріи, которую также могъ онъ почитать областію своего царства. Владѣя такою обширною державою, онъ рѣшился принять титулъ, до того времени спорный между Востокомъ и Западомъ, и собственно не принадлежав-

(*) Исторія Сербіи Энгеля, 336.

шій ни тому ни другому (въ качествѣ сербскаго краля онъ не имѣлъ права ни требовать, ни ожидать повиновенія отъ Грековъ): онъ назвался Ромейскимъ Кесаремъ, христолюбивымъ царемъ македонскимъ, и сталъ носить тіару; на монетахъ находимъ его изображеніе съ державнымъ яблокомъ въ рукѣ, надъ которымъ возвышается крестъ (*). Власти духовная и свѣтская дѣйствовали за одно по преимуществу въ государствѣ греческаго исповѣданія; собственно онѣ были даже нераздѣльны, хотя духовенство и имѣло своихъ независимыхъ представителей. Потому съ царскимъ титуломъ не согласно было признаніе иноземнаго патріарха. Но и это противорѣчіе легко устранилось: на соборѣ въ Фере сербское духовенство выбрало себѣ особаго собственнаго патріарха.

Такимъ образомъ естественное стремленіе сербскаго народа, если только оно дѣйствительно состояло въ томъ, чтобы сберечь свою политическую независимость отъ западняго христіанства, и церковную отъ восточнаго, было достигнуто.

Какъ жестоко ошибались въ Римѣ, приписывая даже и Душану наклонность къ западной церкви! Законы душановы осуждаютъ на работу въ рудникахъ всякаго, кто вздумаетъ «уклониться въ латинскую ересь».

Разъ, на праздникъ Архистратига Михаила, — говоритъ одно древнее сказаніе,—Стефанъ спросилъ своихъ воеводъ, куда ему вести ихъ, на Грецію или на Алеманію? «Куда ни поведешь, мы пойдемъ за тобою, великій государь!» отвѣчаютъ они ему.

Разумѣется изъ этого еще нельзя заключать, чтобъ у

(*) Занетти, de nummis regum Mysiae, p. 24.

него было намѣреніе воевать нѣмецкія земли; но сказаніе это весьма вѣрно выражаетъ то чувство собственнаго достоинства, которое возникаетъ обыкновенно вслѣдствіе достигнутой самостоятельности.

Раждается вопросъ, не вредило ли подобное положеніе, не смотря на все его величіе, успѣхамъ образованности. Народъ, постоянно стоящій на стражѣ за свою независимость и потому не вступающій въ сношенія съ другими болѣе образованными націями, въ тоже время не допускаетъ къ себѣ того полезнаго вліянія, которое могли бы производить на него эти націи.

Но Сербія не вовсе чуждалась западныхъ вліяній.

Ея богатыя рудокопни, доставлявшія въ то время много драгоцѣнныхъ металловъ, прежде всего привлекли рагузинскихъ купцовъ, которые основали конторы въ Новобрдѣ, Кладовѣ, Смедеревѣ и вели непрерывныя сношенія съ далматинскимъ побережьемъ, гдѣ господствовала итальянская образованность (*). Тогда военное наемничество (кондотьери) было въ обыкновеніи; богатые сербскіе короли держали въ своей службѣ то итальянскихъ, то французскихъ воиновъ (ихъ конечно Греки разумѣютъ подъ общимъ именемъ Кельтовъ), то даже нѣмецкія дружины; и вѣроятно эти наемныя войска содѣйствовали успѣхамъ ихъ оружія. Около 1355 года въ числѣ вельможъ Душана встрѣчаемъ германскаго полководца. Въ Сербіи, какъ и по всему Западу, воздвигались замки и крѣ-

(*) Аппендини (Notizie sulle antichità etc. di Ragusa I, p. 229) говоритъ, что прекраснѣйшія древнія зданія города Рагузы воздвигнуты именно во времена этихъ сношеній.

пости, на горныхъ недоступныхъ вершинахъ, въ ущельяхъ, на берегу рѣки, текущей въ горахъ, на островѣ по срединѣ озера. Донынѣ близъ Ипека уцѣлѣла великолѣпная церковь изъ бѣлаго мрамора, воздвигнутая по заказу отца душанова, художникомъ изъ Каттаро (*). Множество другихъ церквей и монастырей было выстроено сербскими зодчими, благодаря щедрости кралей. Съ умноженіемъ церковныхъ книгъ и церковныхъ постановленій зачалась литература. Стефанъ Душанъ оставилъ книгу законовъ, которая къ сожалѣнію доселѣ остается малоизвѣстною (**).

Однако мы видимъ изъ этой книги, что законодательная власть въ Сербіи принадлежала собору духовенства и мірянъ подъ предсѣдательствомъ царя и патріарха, что соборъ этотъ заботился объ огражденіи собственности богатыхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ отъ притязаній высшей власти, равно какъ о защитѣ крестьянъ отъ произвола землевладѣльцевъ. Грубая сила еще господствуетъ въ народѣ; она слишкомъ явно выражается и въ историческихъ событіяхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ и живое стремленіе къ лучшему.

Сербы вступили въ эпоху, самую важную въ жизни народовъ, въ эпоху перехода отъ стародавняго, патріархальнаго и мѣстно-ограниченнаго быта къ законному и сознательному порядку вещей, который соотвѣтствуетъ общему развитію человѣческаго рода. При этомъ они не удержались отъ подражанія чужеземнымъ образцамъ и формамъ, и однако сохраняли первоначальный народный духъ. По свидѣтельству зна-

(*) Ами Буе: La Turquie d'Europe III, 464.

(**) Шафарикъ, см. Wiener Iahrbücher LIII, Anzeigeblatt, стр. 33.

токовъ, право сербское есть наиболѣе народное изъ всѣхъ славянскихъ (*).

Но куда поведетъ это начало, дастъ ли оно Сербамъ возможность въ самомъ дѣлѣ занять мѣсто въ ряду европейскихъ народовъ? Рѣшеніе этого вопроса уже зависѣло не столько отъ внутреннихъ способностей ихъ къ развитію, сколько отъ того отношенія, въ которое они стали къ другой, могущественной, нападавшей на южную Европу, силѣ.

ГЛАВА II.

Паденіе сербскаго царства.

Съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣли мы на развитіе новыхъ вѣковъ, почти всегда приходится обращаться къ римскому государству, которое, покоривъ древній міръ и само покоренное новымъ, сдѣлалось средоточіемъ всей исторіи.

Нѣкогда, и именно въ то самое царствованіе, къ которому историческія преданія относятъ пришествіе Славянъ въ придунайскія земли, при императорѣ Гераклiѣ, азіатскія области Византійской Имперіи были наводнены Арабами и пристали къ ихъ вѣроисповѣданію, завоевавшему цѣлую половину міра. По счастію, Константинополь отбился тогда отъ нападеній ихъ. Прошли вѣка, и снова въ передней азіи явились представители ислама, уже почти подъ самыми стѣнами христіанской столицы, и притомъ въ силѣ, гораздо могущественнѣйшей, нежели въ первый разъ. Самъ

(*) Мацеёвскаго, Исторія славянскаго права, т. I, ч. II, отд. V.

Кантакузенъ привелъ ихъ внутрь полуострова. До нынѣ поля галлиполійскія, гдѣ они утвердились въ 1357 году, носятъ имена тѣхъ Турокъ, которые первые пали тамъ мнимою смертью мучениковъ, сокрушая христіанское войско со всею энергіею магометанскаго фанатизма.

Можно сказать, что по счастію, въ эту самую пору, на другой половинѣ полуострова возникла сербская держава, равно воинственная и побѣдоносная.

Среди нихъ держалась еще дряхлая Византія, и спасала свое существованіе, въ борьбѣ съ однимъ народомъ призывая къ себѣ на помощь другой. Но наступило время, когда народы эти встрѣтились.

Сербы должны были употребить всѣ свои силы для отпора Османовъ. Имъ оставалось либо отразить ихъ, либо погибнуть.

И судьбѣ угодно было, чтобы именно въ это самое время умеръ могущественный царь сербскій Стефанъ Душанъ, не достроивъ начатой крѣпости, даже — продолжимъ сравненіе—не сдѣлавъ необходимыхъ распоряженій для защиты уже воздвигнутыхъ бастіоновъ.

Главнѣйшее различіе между сербскимъ и турецкимъ государствомъ состояло въ томъ, что у Турокъ было болѣе единства; ихъ военное устройство было надежнѣе, ибо въ немъ все раболѣпно подчинялось одному, между тѣмъ какъ у Сербовъ, по обычаю западному, воеводы уже имѣли нѣкоторую долю власти.

Не они ли возвели на престолъ самого Стефана Душана, можетъ быть даже противъ его желанія? Не они ли всегда принимали рѣшительное участіе во всѣхъ, даже политическихъ его дѣйствіяхъ? Но ему удавалось подавлять непокорныя движенія, не одинъ разъ поднимавшіяся: какъ скоро его не стало, воз-

никло разномысліе въ семьѣ его; верховная власть раздѣлилась между его супругою, сыномъ и братомъ, и уже не сдерживала воеводъ, которые свергли съ себя узы повиновенія.

Такъ, не задолго передъ тѣмъ боснійскіе баны пытались устроить олигархическую республику. То было время, когда по всей Европѣ шли споры за наслѣдство, и вмѣстѣ съ тѣмъ совершалось освобожденіе сословій.

Османовъ напротивъ спасали отъ неустройствъ подобнаго рода гаремъ и братоубійство, установленія, наиболѣе заклейменныя печатью варварства.

Не трудно было рѣшить, за кѣмъ останется побѣда.

Турецкія лѣтописи говорятъ о битвахъ, которыхъ не видимъ у лѣтописцевъ западныхъ; сербскія упоминаютъ о другихъ битвахъ, умалчиваемыхъ Турками: побѣды именуются пораженіями, пораженія побѣдами. Но какъ ни сбивчивы наши свѣдѣнія о тогдашнихъ событіяхъ, выводъ ихъ несомнѣненъ: уже сынъ Стефана Душана лишился ромейскихъ земель, пріобрѣтенныхъ его предшественниками; цѣлыя воеводства отошли къ Туркамъ.

Тогда нельзя было удержать и земель, искони составлявшихъ достояніе Сербовъ.

Нѣсколько сильныхъ ударовъ довершили неминучую судьбу.

Турки обыкновенно занимаютъ покоренныя земли военными колоніями и для того уводятъ въ плѣнъ мѣстныхъ жителей. Это произвело въ 1389 году великое народное возстаніе.

На вершинѣ горнаго хребта, въ средоточіи сербской земли, на Косовомъ полѣ, еще разъ выступили про-

тиву Турокъ Сербы, Босняки, по смерти Душана снова независимые, и Албанцы. Но всѣхъ ихъ пересилили Османы. Ходъ этой битвы также затемненъ поэтическими преданіями и народнымъ самолюбіемъ; вѣрно одно: съ этого дня Сербіи не стало.

Султанъ турецкій и краль сербскій оба пали въ бою; ихъ преемники Баязидъ и Стефанъ Лазаревичь заключили договоръ, опредѣлившій вполнѣ подчиненіе Сербовъ. Лазаревичь отдалъ султану свою сестру въ жены и обѣщался во всѣхъ походахъ слѣдовать за нимъ съ своимъ войскомъ (*). Онъ во всю жизнь оставался вѣренъ этому обѣщанію. Мы видимъ его подлѣ Баязида въ великихъ битвахъ, рѣшавшихъ судьбу османской державы, при Никополисѣ и Анкирѣ. Казалось, клятвенный обѣтъ привязывалъ его къ этому дому. Съ ревностью кровнаго родственника старался онъ прекратить распри, напослѣдокъ возникшія и въ семействѣ Османовъ. Разумѣется все это послужило къ утвержденію рабства его же собственнаго народа. Но при жизни его дѣла шли еще сносно: какъ же скоро онъ умеръ, Османы, по родству съ нимъ, стали предъявлять наслѣдственныя права свои на Сербію, и вскорѣ закипѣла непримиримая религіозная вражда, до сихъ поръ какъ бы забытая «Мы не можемъ допустить — говорили Турки — чтобы христіанскій государь имѣлъ у себя такіе богатые рудники, такія сильныя крѣпости; онъ наконецъ воспользуется ими и станетъ мѣшать распространенію ислама.» Доводы

(*) Какъ сказано о томъ въ переводѣ Дуки, который не совсѣмъ впрочемъ вѣренъ: volse che Stephano sotto 'l suo imperio esercitasse la militia, et in qualunque loco fosse l'imperatore, se trovasse la sua persona, т. е. Стефанъ командовалъ войсками подъ начальствомъ императора и безпрестанно находился при его особѣ.

религіозные разжигали ихъ алчность. Около 1438 года воздвигается мечеть въ Крушевцѣ; османскіе гарнизоны занимаютъ придунайскія крѣпости: Голубацъ, Смедерево и Новобрдо, мать сербскихъ городовъ, неподалеку отъ самыхъ богатыхъ рудниковъ. Между тѣмъ засѣвъ въ Скоплѣ, Османы опустошаютъ набѣгами Боснію; изъ Аргирокастрона и Кроіи господство ихъ распространяется по южной и сѣверной Албаніи.

Тогда уже негдѣ было искать спасенія, какъ только у другихъ народовъ, и именно у народовъ западныхъ.

Но сіи послѣдніе не должны ли были напослѣдокъ сами ополчиться противъ Турокъ, грозившихъ имъ въ Италіи, уже нападавшихъ на Венгрію?

Они еще имѣли несомнѣнное превосходство надъ Турками на морѣ; кромѣ того именно въ то время на европейскомъ востокѣ, подъ властью Ягеллоновъ, соединившихъ Литву съ Польшею и давшихъ короля Венграмъ, образовалась держава, какъ бы предназначенная для борьбы съ Османами. Къ ней-то не замедлили обратиться владѣтели Сербіи и Босніи.

Такимъ образомъ образовался сильный союзъ. Стараніями сербскаго князя Георгія Бранковича, сохранившаго славу мудраго и храбраго человѣка во всѣхъ несчастіяхъ и не щадившаго сокровищъ, накопленныхъ въ лучшіе годы, союзъ этотъ началъ дѣйствовать. Борьба завязалась успѣшно; особенно счастливъ былъ долговременный походъ, когда Іоаннъ Гуніадъ праздновалъ Пасху на снѣжныхъ поляхъ Гемуса; Турки поколебались и цегединскимъ миромъ (въ Іюлѣ 1444 г.) уступили назадъ Сербію (*).

(*) Энеи Сильвіи de statu Europaе, cap. IV. Consternati ac perculsi metu, perinde ac totus oriens conjurasset, pacem petiere.

Если бы западныя государства подали руку помощи мелкимъ владѣтелямъ, которые еще держались на ѳракійскомъ полуостровѣ и къ числу которыхъ принадлежалъ теперь самъ императоръ византійскій, если бы въ тоже время они напали на султана со стороны моря, то спасеніе еще было бы возможно, по крайней мѣрѣ можно бы было выждать случая для побѣды и одолѣнія.

Но въ Италіи думали однимъ разомъ избавиться отъ Турокъ, и разсчитывали преимущественно на силы государства, недавно одержавшаго побѣду. Папа разрѣшилъ нарушеніе только что заключеннаго договора, хотя лучшіе люди предостерегали его отъ этого. Легатъ римской церкви не пощадилъ средствъ для исполненія воли папской, и хотя встрѣтилъ отказъ у недовѣрявшихъ ему Сербовъ, но Венгрія и Польша по слову его не замедлили начать новую борьбу (*).

Что, если бы европейскій флотъ, который дѣйствительно появился тогда въ Геллеспонтѣ, съумѣлъ запереть обратный путь султану, удалявшемуся въ Азію! Не извѣстно, какая была причина, небреженіе ли, трусость, или измѣна, только Султанъ возвратился безпрепятственно (**).

Слѣдствія были ужасныя. Огромная османская сила неожиданно напала на войска Венгровъ и Поляковъ, близъ Варны, не давъ имъ занять выгоднаго

(*) Aeneas Silvius ib. (Papa) novum instaurari bellum cum precibus tum minis extorsit.

(**) Дука. Come la bona fortuna de Morat volse, trovò spatio libero da le galie appresso lo stomio. По счастію Муратъ успѣлъ пройти близъ самаго входа, не замѣченный кораблями.

для боя мѣста: непріятельская конница напирала съ неудержимою стремительностью, пѣхота стѣною окружала султана. Христіане потерпѣли совершенное пораженіе (въ ноябрѣ 1444 года).

Конечно ни одна битва не имѣла болѣе несчастныхъ и болѣе продолжительныхъ послѣдствій. Она повлекла за собою иго, которое доселѣ тяготѣетъ надъ христіанами Турецкой Имперіи.

Одно за другимъ теряли свою независимость деспотства Греціи и Албаніи, въ числѣ ихъ и Византійская Имперія. Ихъ сопротивленіе лишь на короткое время могло отвратить неизбѣжную участь. Гдѣ же было удержаться славянскимъ народамъ? И къ несчастію, въ самомъ паденіи они все еще не оставляли церковной вражды своей. Одна сербская пѣсня разсказываетъ, что Георгій Бранковичь однажды спросилъ Іоанна Гуніада, что̀ онъ думаетъ о вѣрѣ, въ случаѣ если побѣдитъ; Гуніадъ прямо отвѣчалъ, что онъ обратитъ народъ къ римско-католической церкви; затѣмъ Георгій сдѣлалъ такой же вопросъ султану, и тотъ отвѣчалъ, что онъ поставитъ возлѣ каждой мечети церковь и отдастъ вѣру на произволъ жителямъ, какъ они захотятъ, кланяться ли въ землю или по прежнему креститься. Однимъ словомъ народъ предпочелъ лучше покориться Туркамъ и сохранить вѣру, нежели пристать къ латинскому обряду (*). Георгій съ твердостью отвергалъ всѣ предложенія, съ которыми обра-

(*) Императоръ Фридрихъ въ одной грамотѣ (13 авг. 1443) освобождаетъ графовъ Cilley отъ ленной зависимости, для того, чтобы они «воевали Босняковъ, Турокъ и другихъ невѣрныхъ, которые въ тѣхъ мѣстахъ жестоко и безпрестанно враждуютъ противъ христіанства.» Каково сопоставленіе: Босняки, Турки и другіе невѣрные!...

щались къ нему Латиняне еще на девятнадцатомъ году его возраста; когда онъ умеръ, женская половина семьи его поколебалась и тѣмъ лишь ускорила собственную гибель. Послѣдняя княгиня, Елена Палеологъ, передала свои земли папѣ въ ленное владѣніе; но даже всѣ ближайшіе ея люди возстали противъ этого; Сербы же сами призвали Османовъ въ свои крѣпости, дабы не видѣть ихъ во власти римскаго кардинала. Банъ боснійскій, намѣревавшійся жениться на сербской княжнѣ и подъ покровительствомъ папы соединить обѣ земли, также объявилъ было себя въ ленной зависимости отъ римскаго престола; но слѣдствія были одинаковыя. Тѣже убѣжденія раздѣляла и распространившаяся въ Босніи патаренская секта, которую папы преслѣдовали въ теченіи столѣтій и противъ которой не разъ проповѣдывали крестовый походъ (*). Послѣдователи ея даже не защищались отъ Турокъ: въ теченіи 8 дней они передали имъ 70 крѣпостей своихъ, и самъ банъ былъ захваченъ Турками.

Весьма вѣроятно, что всѣ эти народы избѣгли бы тяжкой своей участи, заранѣе присоединившись къ западному міру: но для того имъ слѣдовало совершенно перемѣниться. Впрочемъ Венгрія съ самаго начала принадлежала западу и однако не долго спустя, большая часть ея была покорена Османами.

Съ другой стороны Сербы и Босняки, рѣшившіеся покориться Туркамъ, далеко не знали, что̀ они дѣлали и какая судьба ожидала ихъ.

Послѣдній боснійскій банъ сдался на обѣщаніе не лишать его жизни; но одинъ шейкъ-фанатикъ собственноручно умертвилъ его, говоря, что нѣтъ ни-

(*) Шимекъ, Исторія Босніи 145, 147.

какой нужды соблюдать слово, данное христіанину (*).

Вскорѣ началось истребленіе владыкъ народа, которые вмѣстѣ съ княжескимъ семействомъ принуждены были искать спасенія въ принятіи магометанства. Завѣщаніе послѣдней княгини, бѣжавшей въ Римъ и при своей кончинѣ передавшей права свои римскому папѣ, который въ знакъ принятія ихъ коснулся поднесенныхъ ему меча и башмака,—это завѣщаніе основано на томъ, что дѣти княгини, сынъ и дочь, приняли исламъ и чрезъ то лишились возможности наслѣдовать ей. Знатнѣйшіе роды, угрожаемые опасностью потерять все и съ другой стероны соблазняемые надеждою сохранить свое общественное значеніе, послѣдовали примѣру княжескаго семейства. За то они получили право наслѣдственнаго владѣнія въ своихъ за́мкахъ, и пока жили согласно, пользовались большимъ вліяніемъ въ областяхъ: иногда имъ дозволялось даже имѣть визиря изъ среды своей. Но тѣмъ самымъ они отдѣлились отъ народа, который твердо сохранялъ старую вѣру, и за то исключенъ былъ изъ государства, лишенъ права носить оружіе и сдѣлался раею, какъ и всѣ христіане, оттоманской порты.

Участь Герцеговины была нѣсколько легче; тамошніе христіанскіе князья, во главѣ воинственнаго народонаселенія, еще сохраняли нѣкоторый видъ самостоятельности: Порта своими бератами иногда признавала независимыя права ихъ, и паши должны были щадить ихъ.

Но въ собственной Сербіи, по Моравѣ, Колубарѣ и Дунаю, турецкая система господствовала во всей своей силѣ. Султаново войско почти ежегодно ходило черезъ

(*) Нешри у Гаммера въ Исторіи Османовъ, II, 552.

эти земли къ венгерскимъ границамъ, и не оставляло ихъ въ покоѣ. Крестьяне изъ окрестностей Бѣлграда отправлялись въ Константинополь косить сѣно на лугахъ султанскихъ. Страна подѣлена между спахіями, коимъ жители обязаны были отправлять всякаго рода службу. Они не смѣли носить оружія: при началѣ возстанія все вооруженіе ихъ состояло въ длинныхъ дубинахъ. Они не могли обзавестись лошадьми, коихъ отнимали у нихъ Турки. Одинъ путешественникъ XVI вѣка описываетъ ихъ нищими, узниками, изъ которыхъ ни одинъ не осмѣливается глядѣть прямо. Каждые пять лѣтъ производился наборъ мальчиковъ: цвѣтъ и надежда народа, они уводимы были въ Константинополь для непосредственной службы султану; изъ нихъ выростали ревностные губители христіанства.

Между тѣмъ, мало по малу происходило измѣненіе въ судьбахъ міра.

Венгрія соединилась съ Австріею и черезъ нее съ Германіею, которая по преимуществу сдерживала дальнѣйшее распространеніе османскаго могущества. Религіозное разномысліе хотя и раздѣлило, но въ тоже время и развило силы Германіи; не безъ живаго участія протестантскихъ князей Венгрія освободилась отъ Турокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оторвана была отъ Порты и большая часть сербскаго народа, издавна поселившаяся въ предѣлахъ старой Венгріи. Радостная надежда воскресла и по ту сторону рѣки Савы, въ сердцахъ остальныхъ Сербовъ. Они вошли въ сношенія съ императоромъ Леопольдомъ, и, какъ извѣстно, славно содѣйствовали успѣху имперскаго оружія: по миру въ Пассаровичахъ (Пожаревцѣ), большая часть Сербіи отошла къ австрійской имперіи. Правительство заботливо распространяло между Сербами образованіе,

облегчило участь низшаго класса и покровительствовало нѣмецкимъ колоніямъ.

Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, какимъ образомъ все это движеніе не только не ускорило, но даже замедлило достиженіе цѣли, какъ 20 лѣтъ спустя самыя завоеванныя сербскія области были снова отданы Туркамъ. Всякому извѣстно, что причина тому заключалась не въ усиленіи турецкаго могущества, а единственно въ запутанности тогдашней европейской политики. Замѣтимъ только, что сія новая катастрофа значительно увеличила тяжесть турецкаго ига.

Сербы, не успѣвшіе выселиться, были жестоко наказаны за свое отпаденіе; у нихъ отняли земли и передали въ другія руки. Но всего важнѣе и всего тяжелѣ было измѣненіе церковнаго ихъ быта. Доселѣ Турки дозволяли Сербамъ имѣть патріарха и епископовъ, которые, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ церковныхъ, пользовались нѣкоторымъ общественнымъ значеніемъ и были самостоятельными представителями и защитниками предъ лицемъ султана.

Императоръ Леопольдъ I весьма умно воспользовался этимъ, и склонивъ на свою сторону сербское духовенство, сдѣлался нѣкотораго рода покровителемъ всего народонаселенія Иллиріи. По примѣру своего патріарха Арсенія Черновича, въ 1689 году Сербы обнаружили явное сочувствіе къ императору. Нѣсколько тысячъ христіанъ вмѣстѣ съ патріархомъ появились въ имперскомъ лагерѣ (*).

(*) Канишскому пашѣ было сказано, что германская имперія не успокоится до тѣхъ поръ, пока границами ея не будутъ «оба моря, Черное и Бѣлое.» Neu eröffnete ottom. Pforte, Fortsetzung p. 527.

Австріи предстояло теперь вполнѣ осуществить свои планы.

Уже Арсеній Черновичь принужденъ былъ покинуть древнее мѣстопребываніе сербскаго патріаршества и переселиться въ Австрію. Поступокъ главы народа не могъ остаться безъ подражанія. Тридцать семь тысячъ семействъ покинули родину; императоръ роздалъ имъ земли въ Венгріи, даровалъ правленіе и обезпечилъ религіозную ихъ независимость.

Турки очень естественно не могли допустить, чтобы Арсеній, столь явно враждебный имъ, продолжалъ свое вліяніе въ Сербіи. Всякое сношеніе съ нимъ строго преслѣдовалось, и въ Ипекѣ поставленъ былъ новый сербскій патріархъ.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого были внутреннія волненія, о которыхъ можно судить по событію, имѣвшему рѣшительное значеніе для Черной Горы. Черногорскій митрополитъ Даніилъ, изъ дома Петровичей, изъ племени Нѣгошей, принялъ рукоположеніе отъ переселившагося въ Австрію патріарха; Турки воспользовались тѣмъ временемъ, когда онъ выѣхалъ изъ Черной Горы, схватили его и не прежде дали свободу, какъ получивъ богатый выкупъ. Исламъ, подъ охраною правительства, уже проникалъ къ Черногорцамъ. Желая по крайней мѣрѣ у себя дома оставаться спокойнымъ въ этомъ отношеніи, Даніилъ уговорилъ своихъ Черногорцевъ однимъ разомъ порѣшить съ перешедшими въ магометанство. Всѣ, не захотѣвшіе снова сдѣлаться христіанами или не успѣвшіе спастись бѣгствомъ, были избиты въ одинъ день. Съ тѣхъ поръ главою народа сдѣлался епископъ, имѣвшій право при жизни назначать себѣ преемника; ибо духовныя должности передаются у нихъ по наслѣдству.

Національное духовенство сдѣлалось весьма важнымъ органомъ сопротивленія.

Въ 1737 году, во время новой войны Австріи съ Портою, произошло возстаніе въ Албаніи и Сербіи; число возставшихъ полагаютъ до 20,000 (*); Османы настигли ихъ на берегахъ Колубары и всѣхъ перерѣзали.

Вскорѣ оказалось, что даже и безъ такихъ великихъ побужденій, каковы были войны Австріи съ Турціею, религіозно-народное возмущеніе всегда готово вспыхнуть.

Съ этихъ поръ Порта рѣшилась отнять у Сербовъ право выбирать собственнаго патріарха и присоединила Сербію къ константинопольскому патріаршеству, въ покорности котораго не сомнѣвалась (**). Отселѣ управленіе сербскою церковью предоставлено было греческимъ епископамъ.

Для народа это было великимъ несчастіемъ. Вмѣстѣ съ независимостію своей церкви онъ утратилъ послѣднее значеніе въ общественной жизни, и съ нимъ возможность образованія. Съ этой поры началась его полная зависимость отъ Константинополя, сдѣлавшагося настоящимъ турецкимъ городомъ.

(*) Авторъ весьма обстоятельной біографіи генерала Секендорфа увѣряетъ (II, 107), что патріархъ ипекскій и архіепископъ охридскій выразили тогда желаніе имѣть въ своихъ епархіяхъ кромѣ духовной и свѣтскую власть съ правомъ присутствія и голоса на германскомъ сеймѣ.

(**) Въ бератѣ константинопольскому патріарху (см. Muradgea d'Ohsson Tableau de l'empire ottoman V, p. 120) упоминается объ относящемся сюда хаттишерифѣ: патріархъ взялся выплачивать ежегодную подать въ 63,000 асперовъ, которая до того времени получалась изъ Ипека.

ГЛАВА III.

Черты османскихъ учрежденій въ Сербіи.

Настоящая исторія вѣроисповѣданій вмѣстѣ съ изложеніемъ догматовъ, обычаевъ, іерархическихъ учрежденій, должна показывать и то политическое вліяніе, которое они производили на разные народы.

Уже нѣсколько вѣковъ ученіе ислама и христіанство развиваютъ свои силы рядомъ, одно возлѣ другаго, и борятся между собою. Какое же, въ политическомъ отношеніи, главное различіе тѣхъ формъ жизни, которыя возникли подъ ихъ вліяніемъ?

Въ направленіи западнаго христіанства можно многое порицать и отвергать; но нѣтъ сомнѣнія, что западная церковь чрезвычайно какъ содѣйствовала возникновенію національностей.

Такъ напримѣръ, разнообразное населеніе древней Галліи, неоднократныя нашествія и завоеванія, испытанныя этою страною въ средніе вѣка, могли ли бы привести къ такому крѣпкому національному единству, какое представляетъ нынѣшняя Франція, безъ вліянія христіанской религіи и церкви?

Правда, въ одно время съ іерархическою соединяющею силою существовало и противодѣйствіе ея притязаніямъ, съ вліяніемъ извнѣ соперничало живое движеніе извнутри, повиновеніе встрѣчало непокорность. Но какъ скоро разъ заложена была крѣпкая національная основа, ее не могло поколебать никакое разномысліе, ибо сіе послѣднее уже предполагало утвердившуюся національность.

Совершенно иное видимъ на Востокѣ!

Какъ нѣкогда въ аравійскихъ калифатахъ, какъ въ Индіи во время владычества Монголовъ, такъ точно во всѣхъ огромныхъ странахъ, покоренныхъ Османами, прежде всего бросается въ глаза противоположность между правовѣрными, за коими религія признаетъ исключительное право господства, и невѣрными, коихъ таже религія осуждаетъ на подчиненіе.

Господствующее военное населеніе воображаетъ себѣ, что ему принадлежитъ единая истинная религія, и на этомъ основываетъ права свои. Въ настоящую минуту ему необходимо существованіе подчиненнаго невѣрнаго народа; и не смотря на всю свою религіозную ревность, оно вообще довольно этимъ; ибо въ Коранѣ сказано: « Если кого Богъ предалъ заблужденію, напрасно ты будешь искать средствъ просвѣтить его.» Говорятъ, нѣкогда султанъ имѣлъ намѣреніе искоренить всѣхъ своихъ христіанскихъ подданныхъ; если это правда, то онъ воздержался отъ такого насилія потому, что они ему необходимы какъ работники. На этомъ началѣ правовѣрія зиждется все государство; его главныя составныя части на вѣкъ останутся въ непримиримомъ противорѣчіи: націи возникнуть нѣтъ возможности.

Мы не будемъ вникать глубже въ это дѣло, не будемъ распространяться о томъ, что оно связано съ началами обѣихъ религій, что христіанство, популярное во внутренней сущности своей, въ противоположность языческимъ государственнымъ установленіямъ, прежде всего утверждалось въ народѣ, между тѣмъ какъ исламъ изначала распростанялся мечемъ, что основная истина одного ученія и ложь другаго, хотя иногда скрываются, но всегда дѣйствуютъ; того,

что мы сказали, достаточно для обозначенія характера обѣихъ системъ.

Цѣль христіанства—обратить къ себѣ народы; цѣль ислама—покорить себѣ землю. «Земля достояніе Бога, и Онъ даетъ ее кому хочетъ.»

Земля принадлежитъ государству или государю; отдѣльныя лица могутъ только занимать ее и пользоваться ею: это начало, являющееся въ древнемъ Римѣ лишь въ видѣ юридической гипотезы (*), есть основное, утверждаемое религіею положеніе османской державы. « Вся земля принадлежитъ калифу, который есть божія тѣнь и божій намѣстникъ на землѣ.»

Нѣкогда, исполняя волю божію и завѣтъ пророка, повелѣвшаго распространять чистую вѣру, онъ роздалъ завоеванную землю правовѣрнымъ воинамъ, однимъ въ наслѣдственное владѣніе, большею же частью въ ленное, какъ плату за участіе въ завоеваніи.

И не смотря на всѣ измѣненія, послѣдовавшія въ мирныя времена, первоначальное учрежденіе сохраняется въ общихъ своихъ чертахъ.

Въ осмнадцатомъ столѣтіи, точно также какъ и въ шестнадцатомъ, вся земля раздѣлена была между тимарліями и спахіями, число которыхъ полагали до 132,000 человѣкъ (*).

Войско янычаровъ, въ числѣ полутораста тысячъ (рейстровыхъ, ибо конечно въ наличкости ихъ было

(*) Гай: in eo solo (provinciarum) dominium populi Romani est vel Caesaris: nos autem possessionem tantum et usumfructum habere videmur.

(*) Эту цифру приводитъ Итонъ (Eton, Survey of the turkish empire 1798): « from the concording testimony of several persons who had the most intimate acquaintance with it.» т. е. по согласному свидѣтельству разныхъ лицъ, имѣвшихъ о томъ самыя точныя свѣдѣнія.

гораздо менѣе) держало въ повиновеніи всѣ области государства. Паши въ крѣпостяхъ имѣли при себѣ издавна опредѣленныя для того орты, изъ отряда джематъ; имъ ввѣрены были ключи крѣпостей.

Рая, какъ въ Сербіи, такъ и въ другихъ областяхъ, обязана была содержать это поселенное войско правовѣрныхъ, служить этой военной кастѣ, которую религія уполномочивала господствовать. Она обработывала землю и платила налоги. Посмотримъ, въ чемъ заключались сіи послѣдніе.

По словамъ Корана непокорный подданный, собственно заслуживающій смертную казнь или заточеніе, платитъ султану поголовныя деньги. «Угнетай ихъ — говоритъ Коранъ о невѣрныхъ — пока не смирятся и не заплатятъ поголовной дани?» На это изреченіе ссылались султаны, напримѣръ Ахмедъ II, вводя новый порядокъ въ сборѣ податей (*). Весь мужской полъ, отъ семи лѣтъ и до глубокой старости, обложенъ былъ подушною податью. Тескеры или штемпелеванныя квитанціи, разсылаемыя изъ Константинополя, выдавались жителямъ и служили документомъ признаннаго закономъ подданства, охранительнымъ свидѣтельствомъ и паспортомъ.

Въ сербскихъ областяхъ нѣкоторые округи еще управлялись христіанскими кнезами; такъ въ Краинѣ пользовались наслѣдственною княжескою властью Карапанджичи, и хотя не справедливо говорятъ, будто турецкая подкованная лошадь никогда не ступала по землѣ ихъ, однако они имѣли право недопускать у себя поселенія спахіевъ и вообще природныхъ Турокъ, и отвозили подати Бегу, жившему въ Кладовѣ. Раш-

(*) Рескрипты Ахмеда II у Гаммера, Staatsverfassung I, 332.

ковичи почти на такихъ же правахъ нѣкоторое время владѣли Старымъ Влахомъ. Округъ Ключь управлялся мѣнявшимися кнезами. Но въ собственно бѣлградскомъ пашалыкѣ, по преимуществу носившемъ названіе *серф-вилаетъ* (сербская земля), деревни принадлежали исключительно спахіямъ, права которыхъ мало по малу сдѣлались наслѣдственными, и тѣмъ самымъ болѣе опредѣлились. Спахіи получали десятину отъ всѣхъ полевыхъ плодовъ, отъ виноградника и отъ улья, и небольшую подать съ каждой головы скота. Имъ платился также и подушный оброкъ, такъ называемая главница, по два піастра съ каждой супружеской четы. Но такъ какъ урожай бываетъ не всегда одинаковъ, и усмотрѣть за количествомъ его трудно, то часть десятины причислялась къ главницѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ положено было, чтобы каждая супружеская чета, бѣдная и богатая, выплачивала спахію всего по 10 піастровъ ежегодно, и спахіи были довольны этимъ, ибо въ такомъ случаѣ они могли знать на вѣрное свои доходы. Весьма не справедливо будетъ сравнивать спахіевъ съ нашимъ дворянскимъ сословіемъ. Они не держали въ деревняхъ ни дома, ни особеннаго имущества, не требовали барщины и не вмѣшивались въ судебную расправу; они не только не выгоняли самовластно своего подданнаго изъ деревни, но даже не могли увесть его и переселить въ другое мѣсто. Имъ предоставлялось только какъ бы наслѣдственное кормленіе, за которое они, какъ воины, обязывались нести военную службу. Настоящихъ правъ собственности они никогда не имѣли, пользуясь только за опредѣленную службу опредѣленными выгодами.

Извѣстное число деревень султанъ предоставилъ собственной своей особѣ.

Кромѣ того надо было содержать пашу, и на покрытіе расходовъ по управленію пашалыкомъ опредѣлялись нѣкоторые общіе налоги.

Первоначально барщина вообще была весьма тяжка, и сербскіе крестьяне въ каждой деревнѣ сто дней въ году обязаны были работать на пашу. Въ Константинополѣ велась перепись всѣхъ домовъ въ государствѣ, состоявшихъ на барщинѣ. Но въ концѣ прошлаго столѣтія болѣе не слышно о подобныхъ отягощеніяхъ. Равнымъ образомъ и паша перестаьъ получать подать натурою, хлѣбомъ, которую прежде взносили ему около Рождества. Вмѣсто того онъ ежегодно собиралъ съ жителей извѣстную сумму денегъ, которая вообще была опредѣлена обычаемъ, но могла по произволу возвышаться. Кнезы разлагали ее на округи, а въ сихъ послѣднихъ она распредѣлялась по деревнямъ, и потомъ по дворамъ (*). Кадастра не было: оцѣнка имущества производилась самими поселянами и притомъ круглымъ счетомъ.

Часть этого сбора отсылалась въ Константинополь, но по преимуществу онъ шелъ на покрытіе издержекъ по управленію областью, между прочимъ также на жалованье янычарамъ, которые, съ тѣхъ поръ какъ имъ даны были привилегіи относительно ввозной пошлины (**), начали заниматься промыслами и сдѣлались самыми богатыми людьми въ странѣ.

Но султанъ есть не только верховный военный вождь; онъ въ тоже время и калифъ Пророка, испол-

(*) Отъ этого и названіе ея *пореза*, отъ *порезати*, раздѣлять, зарубать на биркѣ; сравни Сербскій Словарь Вука, стр. 607.

(**) Porter (Observations sur les Turcs. фр. пер. II. 127.) приписываетъ эти привилегіи и эту перемѣну въ бытѣ янычаръ Махмуду I.

нитель Корана, совмѣщающаго въ себѣ религію и законодательство. Въ Бѣлградѣ жилъ второстепенный мулла; въ менѣе значительныхъ городахъ кадіи давали судъ музульманамъ и христіанамъ. Они содержались по преимуществу на счетъ сихъ послѣднихъ, получая извѣстныя деньги по смерти домохозяина, отъ купчихъ и продажныхъ записей, взимая судейскія протори отъ тяжебныхъ дѣлъ, которыя они рѣшали. Разумѣется чѣмъ больше было безпорядковъ, тѣмъ для нихъ было выгоднѣе. Кади имѣлъ при себѣ особаго, поставляемаго пашею, исполнителя своихъ рѣшеній, мусселима, который, держа въ своихъ рукахъ полицейскую власть, часто пользовался бо́льшимъ значеніемъ, нежели самъ судья.

Духовными дѣлами христіанъ завѣдывали епископы, но поставляемые изъ Грековъ, и находившіеся въ болѣе тѣсныхъ сношеніяхъ съ государственными властями, нежели съ своею паствою.

Уже по самой внѣшней обстановкѣ своей епископъ-Грекъ былъ чуждъ народу. Онъ ѣздилъ на роскошно убранной лошади, вооруженный мечемъ и буздованомъ, знаками власти, которые получалъ въ силу султанскаго берата.

Извѣстно, что раздача пашалыковъ была сопряжена по преимуществу съ денежными разсчетами, что богатые Фанаріоты или армянскіе мѣнялы, принимая на себя ручательства во взносѣ слѣдующихъ съ областей податныхъ денегъ, имѣли большое вліяніе на опредѣленіе пашей, и слѣдили за ихъ управленіемъ черезъ своихъ секретарей;—они цѣлыми сотнями покупали у Шейкъ-ель-Ислама патенты на должность кадіевъ, и потомъ перепродавали ихъ лицамъ, до извѣстной степени искусившимся въ судейскихъ

дѣлахъ. Относительно епископскихъ мѣстъ вся разница заключалась въ томъ, что Фанаріоты могли доставлять ихъ своимъ единовѣрцамъ.

И такъ эти три должности, должность паши, кадія и епископа, т. е. администрація, судебная и духовная власти, служатъ Портѣ источниками ея доходовъ; лица, ихъ занимающія, поэтому получаютъ особенныя права относительно народа; даже помѣстья спахіевъ раздаются въ видѣ жалованья за извѣстную службу. Слѣдовательно земля и люди въ политико-экономическомъ отношеніи представляютъ огромный капиталъ, проценты съ коего по преимуществу принадлежатъ правительству, предоставляющему ихъ нѣкоторымъ лицамъ въ видѣ платы за военную охрану, а другимъ какъ бы на откупъ.

Рая, неимѣющая никакого участія въ общественной власти, представляетъ собою предметъ управленія; на ея счетъ существуетъ угнетающее ее государство; она содержитъ его войско, его чиновниковъ, даже дворъ.

Но на самомъ дѣлѣ не всегда было такъ.

Не рѣдко Османы враждуютъ между собою. Выгоды спахіевъ, постоянныхъ жителей страны, сталкиваются съ выгодами пашей, которые живутъ въ ней временно; на тѣхъ и другихъ враждебно смотрятъ янычары, и пока они взаимно мѣшаютъ другъ другу дѣйствовать, рая благословляетъ судьбу свою: иначе каждый предъявляетъ свои права и позволяетъ себѣ всѣ возможныя насильственныя мѣры.

Съ другой стороны и Сербы не всѣ равно повиновались. Кто не могъ явиться на судъ передъ кадія, кому Турки грозили смертью за какую нибудь вину или просто по личнымъ отношеніямъ, тотъ бѣжалъ въ лѣсъ и становился разбойникомъ, гайдукомъ. Гайду-

ковъ можно сравнить съ итальянскими фуорусчитами (fuorusciti), бандитами, съ бандольерами нѣкоторыхъ испанскихъ областей; но гайдуки имѣли болѣе причинъ не почитать себя преступниками, ибо цѣлью ихъ было враждовать съ невѣрными. Они подстерегали Турокъ на дорогѣ, перехватывали денежныя суммы, отправляемыя въ Константинополь, и это не мѣшало имъ слыть въ народѣ людьми честными и правдивыми. Изъ двухъ гайдуковъ одинъ непремѣнно становился вождемъ, арамбашею; но часто они составляли небольшія товарищества. У нихъ были свои *ятаци*, пристанодержатели, у которыхъ они жили по одиначкѣ въ теченіи зимы, становясь поденщиками, либо пастухами; но съ наступленіемъ весны они снова уходили въ лѣса, собирались между собою, и если кого либо изъ товарищей не оказывалось, остальные почитали обязанностью отмстить за смерть его.

Безъ всякаго сомнѣнія это гайдучество производило нѣкоторое движеніе въ народѣ, будило воспоминанія, поддерживало воинственныя наклонности. Существенной пользы однако оно не приносило, ибо противъ гайдуковъ было само христіанское народонаселеніе, которое они не всегда щадили.

Но не смотря на эти уклоненія, разъ заведенная система пребывала во всей силѣ: поклонники ислама господствовали, христіане покорялись имъ.

Различіе религіозное было тѣмъ разительнѣе, что оно не совпадало съ различіемъ племеннымъ. Такъ спахіи были большею частію сербскаго происхожденія и говорили по-сербски, хотя и не справедливо было бы считать ихъ за потомковъ древняго дворянскаго сословія.

Въ этомъ устраненіи христіанъ отъ государствен-

ной, военной и общественной дѣятельности никто не думалъ видѣть несправедливости, личнаго произвола: такъ было всегда, таковъ основный законъ ислама.

Въ книгѣ султанскихъ повелѣній, составленной въ пятомъ столѣтіи геджиры однимъ багдадскимъ судьею, исчисляются обязанности гяуровъ, т. е. подданныхъ немузульманскаго происхожденія (*): «они должны носить особенное платье; не могутъ строить домовъ своихъ выше мусульманскихъ, не имѣютъ права звонить въ колокола, не смѣютъ ѣздить верхомъ на лошадяхъ и верблюдахъ.» Еще въ осмнадцатомъ столѣтіи возобновлено было повелѣніе Омара, чтобы невѣрные не знали ученаго арабскаго языка и не обучали дѣтей своихъ Корану. Но главное запрещеніе, о которомъ даже не упоминаютъ болѣе, ибо оно само собою разумѣется, заключается въ томъ, чтобы они не носили оружія (**). Они—беззащитное стадо, рая, коей долгъ есть покорность и уничиженіе,

Таково въ общихъ чертахъ было положеніе Сербіи во второй половинѣ осмнадцатаго столѣтія.

Всѣ Турки, знатные и незнатные, почитали себя господами раи. Не допуская сію послѣднюю заниматься военнымъ дѣломъ, они въ тоже время захватили въ свои руки относящіеся къ военному дѣлу промыслы, въ этомъ отношеніи напоминая древнихъ Германцевъ или своихъ восточныхъ предковъ, у которыхъ нѣкогда сынъ кузнеца достигъ верховной власти и основалъ династію.

(*) Mawerdi у Гаммера, Verwaltung des Califates p. 112.

(**) Впрочемъ турецкое законодательство весьма точно въ своихъ опредѣленіяхъ; см. Ohsson Suppl. 1,106. Code militaire: Il doit s'interdire le port des armes, l'usage des chevaux et de toute autre monture.

Не рѣдко Турокъ, засучивъ шелковые рукава своей одежды, принимался ковать лошадь, и это не унижало его достоинства. Всѣ другіе промыслы оставались въ презрѣніи и предоставлялись христіанамъ. Такъ напримѣръ ни одинъ Турокъ не былъ скорнякомъ. Всѣ принадлежности избытка и благоприличія, красивое оружіе, богатыя одежды, большіе дома и проч. составляли исключительное достояніе Турокъ. Такъ никто кромѣ нихъ не смѣлъ употреблять зеленаго цвѣта.

Но всего несноснѣе для Серба была личная встрѣча съ Туркомъ. Онъ никогда не смѣлъ появиться въ городѣ иначе, какъ пѣшій, и всякій встрѣчный Турокъ могъ подозвать его и велѣть что нибудь для себя сдѣлать. Встрѣчаясь съ Туркомъ за городомъ, Сербъ останавливался, уступалъ ему дорогу; если съ нимъ было какое нибудь оружіе для защиты отъ разбойниковъ, пряталъ его. Сносить оскорбленія было для него обязанностью; отвѣчать на нихъ тяжкимъ преступленіемъ.

По счастію сама природа давала Сербамъ возможность жить въ удаленіи отъ Турокъ. Иностранцу, который бы заѣхалъ въ Сербію въ концѣ прошлаго столѣтія, съ перваго разу бросилась бы въ глаза рѣзкая разница между городами и селами. Въ городахъ, большихъ и малыхъ, въ крѣпостяхъ, въ сторожевыхъ укрѣпленіяхъ (паланкахъ) жили Турки, въ селахъ Сербы.

Паши, для собственныхъ выгодъ, не дозволяли Туркамъ ѣздить по селамъ, и потому, чтобы не встрѣчаться съ ними, Сербамъ стоило только какъ можно рѣже ходить въ города. Иной Сербъ доживалъ до 60 лѣтъ, ни разу не видавъ города.

И въ этой-то сельской тиши возникли тѣ формы быта, которыя поддерживали народный духъ, и не дали замереть ему подъ гнетомъ чуждаго ига.

ГЛАВА IV.

Нравы, обычаи и поэзія Сербовъ.

Высоко въ ущельяхъ горныхъ, въ долинахъ, на берегу рѣки или ручья, въ глуши лѣсной, разбросаны селенія Сербовъ. Деревня въ 40 или 50 дворовъ обыкновенно занимаетъ пространство, равняющееся Вѣнѣ съ ея предмѣстьями.

Дворы выстроены отдѣльно, на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго. Въ каждомъ живетъ особая семья. Глиняная мазанка съ печкою по серединѣ, покрытая сухою липовою корою и соломою, составляетъ главное жилье; къ нему пристроиваются каморки — клѣти или *ваяти*, внутри по большой части обитыя тесомъ, но холодныя. Въ главномъ жильѣ помѣщаются обыкновенно отецъ и мать семейства, и иногда для нихъ устроивается особая спальня; въ клѣтяхъ живутъ молодые супруги. Всѣ члены семьи ведутъ общее хозяйство, работаютъ и ѣдятъ вмѣстѣ и въ зимніе вечера собираются вокругъ огня. По смерти отца, братья выбираютъ изъ себя опытнѣйшаго, старѣйшину, и подъ его началомъ продолжаютъ жить вмѣстѣ до тѣхъ поръ, пока семейство не размножится и тѣснота помѣщенія не принудитъ раздѣлиться. Часто одна семья занимаетъ цѣлую улицу.

Семья эта живетъ, почти вовсе не нуждаясь въ чужой помощи. Мужчины сами строятъ себѣ дворы, сколачиваютъ по заведенному изстари образцу плугъ и телѣгу, приготовляютъ упряжь для вьючнаго скота, набиваютъ обручи на кадки, шьютъ башмаки изъ сырой кожи. Вся остальная одежда на попеченіи женщинъ, которыя прядутъ волну и ленъ, ткутъ сукна и полотна и приготовляютъ крашенину. Почва даетъ все нужное для пропитанія, такъ что покупать приходится развѣ одну соль. Въ кузницѣ работаются самыя необходимыя сельскія орудія. Мельницы у нѣсколькихъ дворовъ общія, и каждый дворъ имѣетъ свой особый день для помола.

Этотъ замкнутый въ самомъ себѣ семейный бытъ — уже потому удержавшійся подъ турецкимъ владычествомъ, что на него пала почти вся тяжесть налоговъ — хранилъ въ себѣ начала народнаго духа. Личное существованіе какъ бы отодвигалось на заднiй планъ. Никто не праздновалъ ни дня своихъ имянинъ, ни дня рожденія; у всякаго дома былъ свой святой, и день памяти его чествовали празднествомъ и пиромъ.

У древнихъ Германцевъ связью семейства служило особенное предпочтеніе, оказываемое родственникамъ съ материнской стороны: братъ матери въ древнемъ германскомъ быту имѣлъ большое значеніе (*): въ славяно-сербскомъ племени болѣе развилось чувство любви между братьями и сестрами. Братъ гордится тѣмъ, что у него есть сестра; сестра клянется именемъ брата. Не супруга оплакиваетъ покойника; на могилу его всѣхъ чаще ходятъ мать и сестры. Въ нѣкото-

(*) Тацитъ: Sororum filiis idem apud avunculum qui ad patrem honor etc. etc.

рыхъ мѣстахъ сохранился странный обычай: если одинъ изъ братьевъ, день рожденія которыхъ приходится въ одинъ мѣсяцъ, умираетъ, то оставшагося въ живыхъ привязываютъ къ мертвому, и онъ остается въ такомъ положеніи, пока не позоветъ къ себѣ другаго, который развязываетъ его и становится ему братомъ.

Это основано на одномъ изъ наиболѣе своеобразныхъ обычаевъ сербскаго племени, побратимствѣ. Хотя въ собственной Сербіи побратимство не освящается церковными молитвами, тѣмъ не менѣе вступающіе въ этотъ союзъ, кладутъ обѣтъ во имя Бога и святаго Іоанна, на всю жизнь быть вѣрными другъ другу. Существуетъ повѣрье, что всего лучше брататься съ тѣмъ, про кого видѣлъ во снѣ, будто получилъ отъ него помощь въ какой нибудь нуждѣ. Вступившіе въ союзъ называются по Богу братьями, избранными братьями, побратимами. Въ Старой Оршовѣ и Неготинѣ, утромъ во второй понедѣльникъ по Пасхѣ, обкладываютъ могилы свѣжимъ дерномъ; послѣ обѣда собираются молодые люди и завиваютъ зеленые вѣнки; за тѣмъ каждые два юноши и каждыя двѣ дѣвушки вступаютъ между собою въ союзъ, и въ знакъ того просовываютъ головы черезъ вѣнки, цалуются и обмѣниваются вѣнками. Но это только приготовленіе къ побратимству или посестримству, которыя заключаются не тотчасъ. Познакомившись между собою, въ слѣдующій годъ молодые люди либо возобновляютъ союзъ свой, либо разрываютъ его.

Такой союзъ касается только лицъ вступающихъ въ него. Есть другой, почитаемый общимъ семейнымъ дѣломъ, это супружество. Его устрояютъ старѣйшины семействъ, и оно не обходится безъ подарковъ, иногда весьма цѣнныхъ: семья, пріобрѣтая себѣ такого по-

лезнаго въ хозяйствѣ члена, какова взрослая дѣвушка, какъ бы платитъ за нее этими подарками. За невѣстою отправляется торжественный поѣздъ, и получаетъ ее изъ рукъ ея брата; въ домѣ жениха ее принимаетъ сестра его. Она вступаетъ въ новую семью съ символическими обрядами: убираетъ младенца, касается веретеномъ стѣнъ, въ знакъ того, что будетъ прилежною пряхою; держа въ рукахъ хлѣбъ, вино и воду, подходитъ къ столу, который такъ часто придется ей накрывать; ей замыкаютъ ротъ кускомъ сахару, ибо она должна говорить немного и только добрыя рѣчи. Но все еще она чужая въ семьѣ, и цѣлый годъ ее зовутъ невѣстою. По обычаю, она продолжаетъ стыдиться мужа и при другихъ почти не говоритъ съ нимъ, и не позволяетъ себѣ ни какой шутки. Только съ годами, уже будучи матерью взрослыхъ дѣтей, она становится самостоятельнымъ членомъ своего втораго семейства.

Замѣчательно, что не смотря на преобладаніе чувствъ кровнаго родства, Сербы не знаютъ кровной мести, которая обыкновенно господствуетъ у народовъ, живущихъ въ подобномъ состояніи и играетъ важную роль у ближайшихъ соплеменниковъ ихъ, Черногорцевъ. Причина тому, можетъ быть, заключается въ отсутствіи большихъ родовъ и поколѣній, которые подъ гнетомъ чуждаго ига, вѣроятно, не возникаютъ или не могутъ безпрепятственно размножаться. Вообще соединеніе семей въ общину основывается болѣе на взаимномъ договорѣ, нежели на родствѣ и одинаковомъ происхожденіи. Турки, почитавшіе смертоубійство не столько преступленіемъ, сколько убыткомъ, брали съ села, въ которомъ оно совершалось, плату за кровь,

такъ называемую *крвнину*, въ 1000 піастровъ (*). Какъ скоро плата эта взнесена, убійца могъ спокойно возвратиться домой, и семейство убитаго скоро примирялось съ нимъ, ибо месть и новое убійство вовлекли бы поселянъ въ новые расходы.

Тѣмъ не менѣе жители села соединены были между собою весьма тѣсными узами.

Они имѣли право сами выбирать своихъ старѣйшинъ (кметовъ), своего сельскаго кнеза (сеоски кнез), и сіи послѣдніе пользовались большимъ значеніемъ и довѣренностью. Пореза была общественною, и ея распредѣленіе зависѣло отъ полюбовнаго общаго согласія.

Какъ семья имѣетъ своего домашняго небеснаго покровителя, такъ и у села есть одинъ общій святой. Въ день ,посвященный его памяти, жители собираются на пространномъ мѣстѣ, на какомъ нибудь пригоркѣ , за деревнею. Духовенство освящаетъ воду и масло; въ его предшествіи, со свѣчами и образами народъ обходитъ поля , а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже отдѣльные дворы.

Эти ходы замѣняли церковное богослуженіе, при которомъ не многимъ случалось присутствовать ; ибо по большой части Турки не дозволяли строить христіанскихъ храмовъ.

Можетъ быть именно въ слѣдствіе этого недостатка церквей сербскіе священники, коихъ обязанность единственно состояла въ томъ, чтобы читать молитвы при крещеніи, на свадьбѣ, на похоронахъ, и по календарю

(*) Подобное установленіе находимъ еще въ законѣ Душана, § 32, § 44 (если только Энгель вѣрно передаетъ его). Любопытно было бы изслѣдовать, что̀ именно въ этомъ установленіи искони принадлежитъ Сербамъ, и что̀ прибавлено Турками.

сказывать праздники, не имѣли того значенія, коимъ на западѣ пользуется низшее духовенство.

Священники сербскіе не могли жить тѣми деньгами, которыя они получали за исполненіе вышесказанныхъ требъ; тотъ изъ нихъ почитался богатымъ, кто имѣлъ собственный дворъ и поле; вмѣстѣ съ остальными поселянами они косили сѣно, пахали землю, рубили дрова. «Батюшка — спрашиваетъ мальчикъ у попа — у тебя есть быки?» — Откуда мнѣ ихъ взять! — отвѣчаетъ попъ.

За то монахи и монастыри пользовались всеобщимъ уваженіемъ. По заведенному обычаю, исповѣдываются всегда у монаховъ. Въ извѣстные дни жители собираются на исповѣдь въ монастыри, обыкновенно лежащіе посреди горъ, въ глухихъ лѣсистыхъ мѣстахъ. Тутъ впрочемъ дѣйствуетъ и другое побужденіе: прихожане монастыря, иногда собравшись еще наканунѣ и проведя ночь вокругъ огней, утромъ исповѣдываются и пріобщаются; послѣ обѣда начинаются ярмарка и веселье, и между тѣмъ какъ старшіе толкуютъ о дѣлахъ своихъ, молодежь тѣшится играми и пляскою, а парни выбираютъ себѣ невѣстъ.

Но и монахи также не пользуются ни обиліемъ средствъ къ жизни, ни большимъ вліяніемъ на народъ. Они немногимъ превосходятъ священниковъ въ познаніяхъ, не занимаются науками, не составляютъ органическаго общества, и высшее духовенство мало надзираетъ за ними. Весь доходъ ихъ въ мірскомъ подаяніи. Кнезы наблюдаютъ за благолѣпіемъ церквей, и какъ бы въ награду за то, хотя по происхожденію своему, они собственно не болѣе, какъ самые зажиточные изъ крестьянъ, изстари имѣютъ право вы-

бирать изъ монаховъ игуменовъ или архимандритовъ. Примѣръ можетъ быть единственный въ исторіи!

Мысль о народной церкви, нѣкогда возникшая въ правленіе древнихъ сербскихъ кралей, неужели доселѣ живетъ въ этихъ низшихъ кружкахъ?

Какъ часто западные писатели смѣялись надъ множествомъ сербскихъ монастырей; но государство сербскихъ кралей пало, а монастыри, ими основанные, связуя собою народность съ религіею, наиболѣе содѣйствовали къ сохраненію той и другой. Справедливо объясняютъ переходъ Босняковъ къ исламу тѣмъ, что въ Босніи было менѣе монастырей, нежели въ Сербіи.

Послѣ того, какъ въ Ипекѣ патріаршество было упразднено, монастыри древнихъ кралей, особенно находящіися не подалеку отъ Ипека монастырь Деჩанскій, гдѣ отецъ Стефана Душана выстроилъ вышеупомянутую мраморную церковь, пользовались почитаніемъ всѣхъ сербскихъ племенъ. Турки, въ самой вѣрѣ находящіе для себя источникъ доходовъ, разсчитывали на благочестивую щедрость сербскаго народа, и облагали иногда монастыри тяжелыми податьми.

Народность сербской церкви между прочимъ выражается въ томъ, что Сербы доселѣ сохраняютъ стародавнія имена лицъ, у другихъ славянскихъ народовъ вытѣсненныя именами христіанскаго календаря.

Но за то и церковно-христіанскія понятія не вполнѣ утвердились въ сербскомъ народѣ.

Слѣды древняго почитанія природы, хотя и сохраняются между простолюдинами во всѣхъ европейскихъ земляхъ; но по большой части разбросанные, безъ всякой связи, безсознательные и темные.

Сербы напротивъ круглый годъ проводятъ въ обычаяхъ, указывающихъ на таинственную связь, которая въ простомъ сельскомъ быту соединяетъ человѣка съ природою. Разскажемъ кратко эти обычаи, въ годичномъ порядкѣ.

Зимою, передъ постомъ, совершаются большіе поминки по усопшимъ; каждый чествуетъ память своихъ покойниковъ; но Вербное Воскресенье уже посвящено обновленной жизни. Наканунѣ этого дня дѣвушки собираются на пригорокъ и поютъ стихи о воскресеніи Лазаря; на другой день рано, еще до солнца, онѣ идутъ къ колодцу или рѣкѣ, ведутъ хороводъ и поютъ пѣсню, въ которой говорится, какъ олень мутитъ воду рогами и какъ она прочищается отъ его взора. Это намеки на то, что вода, освобожденная отъ снѣга и льду, есть первый признакъ обновленнаго года.

Въ концѣ апрѣля, наканунѣ Юрьева дня, женщины ищутъ первой травы и первыхъ цвѣтовъ; онѣ кладутъ ихъ на ночь въ воду, зачерпнутую съ мельничнаго колеса, и поутру моются этою водою, какъ бы подчиняясь чрезъ то впечатлѣніямъ воскресшей природы. По ихъ понятіямъ это укрѣпляетъ здоровье.

Скоро за тѣмъ наступаетъ Троица, праздникъ *кралицъ*. Десять или пятнадцать дѣвушекъ, изъ коихъ одна представляетъ знаменоносца *(баряктара)*, другая краля, третья, подъ покрываломъ, королеву или *кралицу*, четвертая ея прислужницу *(дворкиню)*,— съ плясками и пѣснями ходятъ по деревнѣ, останавливаясь передъ каждымъ дворомъ. Въ этихъ пѣсняхъ говорится всего больше о выборѣ невѣсты, о свадьбѣ, о счастливомъ супружествѣ, о родительскомъ счастіи; каждый стихъ сопровождается припѣвомъ: «Лело!»—

слово, которое обыкновенно считаютъ именемъ древне-славянскаго божества любви. Въ хороводной пѣснѣ разсказывается о женскихъ божествахъ, вилахъ, пляшущихъ подъ деревомъ, о томъ, какъ *Радиша* (вѣроятно мужское божество, такъ какъ *Лелё* — женское) собираетъ передъ ними росу съ цвѣтовъ и листьевъ и сватается за одну изъ вилъ, которая «подлѣ своей матери сидитъ въ прохладѣ за золотою прялкою и прядетъ шелкъ.» Все это дышетъ весеннею свѣжестью, во всемъ отзывается скромное и нравственное чувство любви, возбуждаемое пышнымъ разцвѣтаніемъ природы.

Между тѣмъ время идетъ впередъ и наступаетъ солнцестояніе, самый долгій день, который нѣкогда по всей Европѣ праздновался разведеніемъ огня (*). Въ Сербіи говорятъ, что на великій праздникъ святаго Іоанна солнце изъ уваженія къ нему троекратно останавливается. Вечеромъ, наканунѣ этого дня, пастухи съ зажженными пучками берёсты обходятъ овечьи закуты и коровьи загоны и потомъ отправляются въ горы, гдѣ у нихъ начинаются игры вокругъ пылающаго костра.

Въ это время несчастіе двухъ родовъ угрожаетъ поселянамъ: либо засуха, либо сильные грозы. Въ первомъ случаѣ нагую дѣвушку обвязываютъ травою и цвѣтами, такъ чтобы почти не видно было ея лица. Въ этомъ видѣ, какъ бы движущееся растеніе, она обходитъ дворы одинъ за другимъ. Ее зовутъ *додола*. Каждая хозяйка выливаетъ на нее ведро воды, а ея спутницы поютъ пѣсню съ мольбою о дождѣ. Пѣсня выражаетъ

(*) Гриммъ въ своей нѣмецкой миѳологіи (стр. 351) приводитъ эдиктъ нюрнбергскаго совѣта, отъ 20 іюня 1653 года, воспрещающій этотъ старый суевѣрный обычай, какъ злое языческое дѣло.

твердую увѣренность, что гроза немедленно нагонитъ поющихъ и ороситъ дождемъ поля и виноградники.

Великіе святые завѣдываютъ грозою. Вознесшійся на небо Илія называется у Сербовъ *громовникомъ; огняна Марія* посылаетъ молніи; бури во власти Пантелеймона. Дни, посвященные памяти этихъ святыхъ, приходятся между 20 и 28 числами іюля.

Наступаетъ время жатвы и сбора плодовъ. Въ зимнихъ обычаяхъ выражается мысль о слѣдующемъ годѣ; ибо зимою крѣпнутъ тѣ силы, отъ которыхъ зависитъ будущій урожай. Вечеромъ, подъ Варваринъ день, варится въ горшкѣ разная овощь и оставляется всю ночь на огнѣ; утромъ смотрятъ, на какой сторонѣ горшка варево поднялось выше, и впослѣдствіи распахиваютъ ту часть парнаго поля, которая лежитъ на этой сторонѣ.

Во всемъ этомъ выражается чувство зависимости человѣка отъ силъ природы. Даже доселѣ въ Сербіи въ большомъ употребленіи клятва солнцемъ и землею: « Тако ми сунца, тако ми земле ! »

Тѣмъ не менѣе существуетъ твердое убѣжденіе въ томъ, что все зависитъ непосредственно отъ Бога: почти всякое дѣло Сербъ начинаетъ произнесеніемъ имени божія. Грѣшно было бы для Серба обѣщать что нибудь, не прибавивъ: «Если Богу будетъ угодно.» Самый языкъ получилъ отъ того особенный оттѣнокъ, и рѣчь Серба изобилуетъ самыми оригинальными сокращеніями. Путешественнику не говорятъ « Куда ты идешь? » или « Куда ты идешь, если Богу угодно?» а просто: «Если Богу угодно»; самый же вопросъ опускается. Три раза во дню, поутру, передъ ужиномъ и ложась спать, Сербы молятся Богу, но не произносятъ однѣхъ и тѣхъ же заученыхъ молитвъ; за столомъ напримѣръ,

не упоминаютъ объ умноженіи плодовъ земныхъ, а каждый старается собственными словами выразить предъ высшимъ существомъ свое чувствованіе. Передъ питьемъ вина Сербъ всегда скажетъ «Во славу божію!» и за пирушкою не сядетъ на первое мѣсто, если не съумѣетъ сказать хорошую молитву. Но кромѣ того у каждаго есть свой покровитель — святой. Къ празднованію памяти домашняго святаго приглашаютъ обыкновенно такъ: «Вашъ домъ также божій, просимъ васъ придти на вечеръ; угостимъ, чѣмъ святой послалъ.»

Человѣку, живущему въ нуждѣ и находящемуся въ полной зависимости отъ природы, очень естественно вѣрить въ непосредственную помощь высшихъ, незримыхъ силъ; но въ тоже время онъ можетъ возвышаться надъ суевѣріемъ и баснями и сохранять во всей чистотѣ и живости понятіе о высшемъ существѣ, къ Которому всѣ мы обращаемся съ нашими молитвами. Весьма любопытно видѣть, какъ оба эти элемента выражаются у Сербовъ въ ихъ *божитѣ* или рождественскомъ праздникѣ.

Наканунѣ Рождества, по окончаніи работъ, домохозяинъ (доматин) идетъ въ лѣсъ, и срубаетъ молодой и прямой дубъ; этотъ отрубокъ называется баднякомъ. Внося его въ избу, хозяинъ говоритъ: «Добрый вечеръ и счастливый баднiй день!» Ему отвѣчаютъ: «Дай тебѣ Богъ добра, счастливый и почтенный» (Дао ти Бог добро сретньи и честити) и осыпаютъ его хлѣбными зернами. За тѣмъ баднякъ кладется на уголья. На утро, для праздника, стрѣляютъ изъ пистолетовъ. Въ каждый домъ является заранѣе назначенный посѣтитель (полажайник); онъ становится въ дверяхъ, и произнеся: «Христосъ родился!», разсыпаетъ по избѣ изъ своей рукавицы хлѣбныя

зерна, а кто нибудь изъ домашнихъ отвѣчаетъ ему: «Воистину родился!» и также осыпаетъ его житомъ. Потомъ гость входитъ въ избу, ударяетъ кочергою по лежащему на угольяхъ бадняку, такъ что искры сыплятся во всѣ стороны, и говоритъ: «Сколько искръ, столько быковъ, столько коровъ, столько коней, козъ, овецъ, свиней, пчелъ, столько счастья и удачи!» Хозяйка обертываетъ его спальнымъ одѣяломъ; остатки бадняка уносятся въ садъ. Въ церковь не ходятъ; но передъ обѣдомъ всѣ молятся, держа въ рукахъ зажженную восковую свѣчу, цалуютъ другъ друга, и произносятъ слова: «Миръ Божій! Христосъ воистину родился; покланяемся ему!» Хозяинъ, какъ бы въ знакъ тѣснаго семейнаго союза, отбираетъ у всѣхъ свѣчки и взявъ ихъ въ горсть, тушитъ въ хлѣбныхъ зернахъ, лежащихъ вмѣстѣ съ *чесницею* на блюдѣ. Чесница есть прѣсный особой формы хлѣбъ (куличъ); въ него запекаютъ монету, и кому достанется кусокъ съ монетою, тому будетъ счастіе въ слѣдующемъ году. Въ теченіи трехъ дней изба не метется и столъ не убирается: всякій приходящій можетъ ѣсть и пить. До Новаго года продолжаютъ при встрѣчѣ говорить другъ другу: «Христосъ родился» и «Воистину родился.»

Такъ празднуются святки. Можетъ быть, медленно тлѣющійся баднякъ соотвѣтствуетъ костру, пылающему на горѣ въ Ивановъ день, и оба они служатъ символами годоваго круга солнца, которое, по словамъ одной пѣсни, также не держитъ своего слова и зимою свѣтитъ короче, нежели лѣтомъ; можетъ быть также, зерна, съ которыми встрѣчаютъ домохозяина и въ которыхъ тушатся свѣчки, приносимыя первымъ гостемъ или возвѣстителемъ праздника, означаютъ вообще изобиліе и дары Божіи. Не наше дѣло входить

въ эти объясненія; но мы не можемъ не остановить вниманія на томъ, что, соединяя самое великое событіе, въ которомъ высказалось отношеніе божества къ міру, съ своими маловажными нуждами, съ своими чисто земными желаніями, Сербъ нисколько не роняетъ этимъ его важности. Праздникъ отправляется въ этомъ тѣсномъ кружкѣ съ какою-то простотою и величіемъ. Если съ нимъ соединены житейскія желанія, за то тутъ же во всей своей силѣ является гостепріимство Рождество Христово настроиваетъ всѣхъ членовъ семьи къ единодушному и молитвенному согласію.

Рядомъ съ почитаніемъ зиждительныхъ силъ существуютъ повѣрья въ силы враждебныя и разрушительныя.

Замѣчательно, что силы эти почти у всѣхъ народовъ принимаютъ человѣческій образъ, приписываются умершимъ, выходящимъ изъ гробовъ своихъ, и находятся въ связи съ вѣдьмами и привидѣньями.

Въ Сербіи господствуетъ повѣрье въ вампировъ. Но вымыселъ поэта, будто вампиръ есть душа, казнимая за преступленія протекшей жизни, не извѣстенъ Сербамъ. Они говорятъ только о вредѣ, который терпятъ люди отъ вампира. Онъ оставляетъ по ночамъ свою могилу, пробирается къ спящимъ людямъ и высасываетъ изъ нихъ питательную для себя кровь. Неминуемымъ слѣдствіемъ бываетъ скорая смерть, и всякій, умершій такимъ образомъ, самъ становится вампиромъ; ходятъ толки, будто отъ этого вымерли цѣлыя деревни; жители грозятся покинуть свои жилища, если имъ не дозволятъ употребить собственное средство для пресѣченія зла. Средство это состоитъ въ томъ, что старѣйшіе въ деревнѣ раскапываютъ могилы и вколачиваютъ колъ изъ боярышника въ сердце, жажду-

щее крови; за тѣмъ сжигаютъ трупъ до тла и бросаютъ его въ рѣку (*).

Въ безмятежномъ, тѣсно связанномъ съ природою быту, ничто такъ не поражаетъ вниманія, какъ внезапные смертные случаи, особливо когда они одинъ за другимъ слѣдуютъ; воображеніе поселянъ старается объяснить ихъ загробными вліяніями.

О вѣдьмахъ или вѣщицахъ ходятъ толки, будто онѣ могутъ оставлять свое тѣло и подобно вообще всѣмъ духамъ, летаютъ огненныя. Онѣ невидимо прокрадываются къ спящему, обреченному на смерть, вскрываютъ у него чудеснымъ жезломъ лѣвый бокъ, и въ мысляхъ назначивъ день, когда ему умереть, вынимаютъ сердце и съѣдаютъ его. Грудь снова закрывается; человѣкъ можетъ жить сколько захочетъ вѣдьма, съѣвшая его сердце.

Подобно Литовцамъ и новымъ Грекамъ, Сербы олицетворяютъ также и чуму. Женщины въ бѣлыхъ покрывалахъ носятъ болѣзнь изъ деревни въ деревню, изъ двора во дворъ, и многіе чумные клянутся, что они сами ихъ видѣли, даже говорили съ ними: эти женщины чума. Но появленіе ихъ не приписывается ни ихъ злому нраву, ни случаю, ни какому другому

(*) Curieuse und sehr wunderbare Relation von denen sich neuer Dingen in Servien erzeigenden Blut-Saugern oder Vampyrs, 1732: Небольшая книжка, составленная по двумъ офиціальнымъ донесеніямъ, присланнымъ въ Бѣлградъ въ 1725 и 1732 годахъ, во время австрійскаго правленія въ Сербіи. Послѣднее донесеніе, представленное тогдашнему бѣлградскому губернатору, принцу Карлу Александру виртембергскому, написано весьма обстоятельно и скрѣплено подписями подполковника, прапорщика и трехъ фельдшеровъ. Принцъ находился тогда въ Стутгардѣ, и потому донесеніе это сдѣлалось извѣстнымъ въ Германіи; люди суевѣрные стали даже бояться, чтобы вампиры не пробрались въ нѣмецкую землю.

вражескому вліянію; думаютъ, что Богъ за умноженіе грѣховъ посылаетъ ихъ изъ далекой страны.

Но самое оригинальное созданіе сербской фантазіи суть конечно вилы, быстрыя и прекрасныя. Ихъ видали съ летающими по вѣтру волосами; онѣ живутъ въ дремучихъ лѣсахъ, на берегахъ рѣкъ. Никто точно не знаетъ, безсмертны ли онѣ или также могутъ умирать; но онѣ могущественнѣе людей и знаютъ будущее. Иные умѣютъ съ ними водиться, и такіе отмѣчены при самомъ рожденіи и знаютъ больше другихъ людей. Тѣхъ, которые прошли у нихъ двѣнадцать школъ, онѣ посвящаютъ въ *Врсино коло* и научаютъ вызывать грозу и водить облаками. Вилы также посестримы нѣкоторыхъ народныхъ богатырей. Но остальные, обыкновенные люди, чуждаются ихъ. Опасно зайти въ такое мѣсто, гдѣ онѣ пляшутъ свое невидимое коло или ѣдятъ. Даже изъ учениковъ, которыхъ онѣ посвящаютъ, двѣнадцатый не возвращается домой и остается у нихъ.

Суевѣрныя басни, но за то, какое сильное чувство природы, и какая глубокая поэзія!

Переходимъ теперь къ сей послѣдней; она основана на этихъ представленіяхъ и служитъ имъ выраженіемъ.

Поэзія сербская вполнѣ національна, и представляетъ собою, такъ сказать, безсознательное проявленіе общихъ способностей всего народа. Никто не можетъ назвать сочинителя даже новѣйшихъ пѣсенъ; никто не станетъ приписывать ихъ себѣ; объ этомъ не бываетъ даже и рѣчи. И дѣйствительно, кому до того дѣло? Пѣсни, переходя изъ устъ въ уста, безпрестанно видоизмѣняются: одна и таже пѣсня иногда вовсе не нравится въ устахъ плохаго пѣвца, и напротивъ увлекаетъ и трогаетъ, когда примется пѣть

ее болѣе даровитый человѣкъ, живѣе проникнутый народнымъ духомъ (*). Въ сербской Венгріи, говорятъ, даже есть школы, въ которыхъ слѣпые учатся этимъ пѣснямъ: но это уже не настоящая поэзія. Въ горахъ Сербіи и Герцеговины вовсе не зачѣмъ учиться пѣснямъ: всѣ знаютъ ихъ съ малолѣтства.

Почти во всякомъ домѣ есть гусли, инструментъ, съ которымъ поются пѣсни. Зимними вечерами, когда семья собирается вокругъ огня, и женщины прядутъ, тотъ кто лучше поетъ, принимается за гусли. Старикъ, имѣющій взрослыхъ сыновей и потому уже не занимающійся тяжелою работою, учитъ пѣснямъ своихъ внучатъ, которые охотно внимаютъ словамъ его, раскрывающимъ передъ ними первыя понятія о жизни.

Даже игумены монастырей не почитаютъ для себя неприличнымъ играть на гусляхъ. Собственно пѣсня болѣе сказывается, нежели поется; монотонный звукъ однострупнаго инструмента слышится по преимуществу въ концѣ стиха. Въ горахъ, гдѣ жизнь носитъ болѣе простой, величественный и дикій характеръ, поются юнацкія или богатырскія пѣсни, коихъ стихъ неизмѣнно одинъ и тотъ же, въ пять трохеевъ, съ опредѣленною цезурою послѣ второй стопы, заключающій въ себѣ почти всегда одно предложеніе. Чѣмъ дальше къ сѣверу, къ Дунаю и Савѣ, чѣмъ тѣснѣе ставятся дворы въ деревнѣ, чѣмъ мягче, ласковѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ малорослѣе люди, тѣмъ рѣже встрѣтишь

(*) Въ пѣсняхъ гомеровыхъ поэтическая струя иногда бьетъ живѣе, иногда ослабѣваетъ. На основаніи опытовъ, сдѣланныхъ при собираніи сербскихъ пѣсенъ, можно думать, что это произошло отъ большей или меньшей даровитости рапсодовъ, со словъ которыхъ записывались Иліада и Одиссея; ибо пѣвца не слѣдуетъ почитать простымъ декламаторомъ: напротивъ, онъ собственною поэтическою силою воспроизводитъ пѣсню, извѣстную ему по преданію.

гусли и тѣмъ чаще услышишь пѣсни, столь же народныя, какъ и первыя, но съ тою разницею, что въ нихъ уже воспѣвается любовь и онѣ преимущественно поются въ хороводѣ: звуки ихъ болѣе подвижны и текучи, трохей разнообразно перемежается съ дактилемъ.

Юнацкая пѣсня чаще поется въ обществѣ. Ее всегда услышишь на постоялыхъ дворахъ и въ корчмахъ, гдѣ доселѣ еще не знаютъ карточной игры. Кому первому попадутся подъ руку гусли, или кто хорошо умѣетъ пѣть, тотъ и поетъ. На праздникахъ, на сборищахъ въ монастыряхъ, являются пѣвцы, исключительно посвятившіе себя этому искусству, какъ и въ другихъ странахъ по преимуществу слѣпые, которые впрочемъ только распространители, а не изобрѣтатели пѣсней. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ Боснякъ Филипъ Вишничь, одарены истинно поэтическимъ талантомъ.

Даже и тѣ Сербы, которые обратились въ исламъ, не утратили любви къ этой поэзіи. Часто и магометане и христіане поютъ одну и туже юнацкую пѣсню, съ тою разницею, что побѣда всегда приписывается своему единовѣрцу. Богатые господа, хотя сами не поютъ пѣсней, но слушаютъ ихъ охотно; въ Сараевѣ они одинъ разъ упросили кадія отпустить схваченнаго христіанина, потому что его пѣсни имъ нравились. Поэзія помимо религіозныхъ различій связываетъ собою все племя, живетъ въ цѣломъ народѣ. Горы, въ которыхъ мальчикъ пасетъ стадо, равнины, на которыхъ жнутъ хлѣбъ, лѣса, по которымъ ѣдетъ путникъ, оглашаются пѣснею, неразлучною спутницею всѣхъ занятій.

Какое же содержаніе этихъ пѣсней, которыя какъ-

бы сами собою возникаютъ въ устахъ Серба и неразлучно сопутствуютъ ему отъ колыбели до могилы?

Какова жизнь, таково и слово. Тутъ не можетъ быть чуждыхъ образцовъ. Внутренняя духовная сила, руководящая желаніями и поступками, выражается и въ словѣ во всей прямотѣ и чистотѣ своей. Поэзія беретъ и воспроизводитъ внѣшнія явленія точно такъ, какъ понимаетъ ихъ общій народный смыслъ, только въ формахъ болѣе чистыхъ и свѣтлыхъ; она изобразительна, вѣрна природѣ; но въ тоже время допускаетъ изліяніе личнаго чувства и не лишена символовъ.

Прежде всего сербская пѣсня знакомитъ насъ съ семейнымъ бытомъ народа.

Она хвалитъ земледѣльца, у котораго «руки черны, за то хлѣбъ бѣлъ», почтеннаго старца съ долгою бородою: душа его, когда онъ идетъ изъ церкви, такъ свѣтла и чиста, что уподобляется благовонію цвѣтка; но всего чаще пѣсня любитъ выхвалять семейныя добродѣтели. Пѣвецъ любуется цвѣтущею дѣвушкою, слѣдитъ за развитіемъ ея любви, отъ первыхъ полусознательныхъ волненій, когда она повѣряетъ любовь свою только цвѣтку, бросая его въ ручей, до той минуты, когда стройно выпрямившись и глядя милому въ глаза, она высказываетъ ему свое признаніе. Радость свиданія, счастіе быть вмѣстѣ описываются съ неподражаемою прелестью.

Но пѣсня не скрываетъ и того, что̀ слѣдуетъ послѣ: какъ молодая женщина отдаетъ ребенку свои любимые цвѣты, которые прежде она ставила въ воду, а ребенокъ бросаетъ ихъ въ соръ; какъ злы бываютъ мачихи, какъ безпрестанно ссорятся между собою невѣстки: ласточка завидуетъ кукушкѣ, которая не слышитъ ихъ перебранокъ. Всего чаще сравниваются

разныя степени любви. Любовникъ иногда милѣе брата; но братъ милѣе мужа; жены ревнуютъ мужа къ его сестрамъ, и ревность эта переходитъ въ ненависть и доводитъ до убійства. Святость союзовъ изображается яркими чертами: горе тому, кто вздумаетъ соблазнить сестру своего побратима и употребитъ во зло кумовство, союзъ подобный побратимству. Пѣсни рисуютъ передъ нами всѣ событія жизни, свадебный поѣздъ и свадебные подарки, сельскій праздникъ, на которомъ мужчины сидятъ за виномъ, ребятишки играютъ въ бабки, а дѣвушки водятъ коло. Семейныя отношенія переносятся и на небо.

Юнацкія пѣсни, разумѣется, воспѣваютъ разбойниковъ-гайдуковъ, ибо другихъ героевъ нѣтъ у этого народа. Гайдуковъ оправдываетъ ихъ побужденіе: они грабятъ Турокъ, которые не только нехристи, но и обманщики; они сами грабежемъ скопили себѣ богатство, грабежемъ оно должно быть и отнято у нихъ. Гайдукъ живетъ въ пограничныхъ мѣстахъ, какъ соколъ, летающій по воздуху; пѣсня живо изображаетъ безчисленныя опасности, коимъ онъ подвергается; ту скалу, изъ-за которой онъ сторожитъ Турка, ту пещеру, въ которой онъ прячется и въ которой приходится ему умирать съ голоду, наконецъ его быстрое и побѣдоносное нападеніе. Ружье играетъ здѣсь туже роль, какъ у древнихъ поэтовъ лукъ: пѣсня изображаетъ стрѣльбу во всѣхъ подробностяхъ, какъ юнакъ беретъ ружье по серединѣ, какъ припадаетъ на правое колѣно, кладетъ ружье на лѣвое, прицѣливается глазомъ. Рана описывается съ анатомическими подробностями. Вообще пѣсни эти исполнены грубой наглядности. Но это только одна сторона ихъ. Какъ въ пѣсняхъ, содержаніе которыхъ любовь, рядомъ съ

неистощимою нѣжностью къ милому человѣку, выступаетъ столь же неистощимая, не знающая мѣры ненависть къ невѣрному; такъ точно въ пѣсняхъ богатырскихъ или юнацкихъ грубость оттѣняется чертами мягкими. Юнакъ нерѣдко оказываетъ человѣколюбіе побѣжденному врагу. Онъ заботится о своемъ плѣнникѣ, выводитъ его грѣться на солнцѣ и, получа выкупъ, отпускаетъ безъ всякаго ручательства. Молодая жена, которую онъ везетъ домой, не сходитъ съ коня, пока не подадутъ ей ключей отъ темницы, для освобожденія плѣнныхъ. Побратимы поражаютъ кинжаломъ Турчанку, въ которую оба они влюблены, чтобы только не поссориться изъ-за нея; старецъ, которому приносятъ голову убійцы его сына, восклицаетъ: «Благо мнѣ нынѣ и присно!» и умираетъ мирно. Предъ нами раскрывается во всей безъискуственной истинѣ своей народный образъ мыслей, совмѣщающій въ себѣ такія противоположности. Каковъ человѣкъ на этой степени развитія, таковъ и поэтъ, его изображающій. Поэзія сербская не отступаетъ отъ жизни и вѣрно отражаетъ намъ ея явленія, конечно только важнѣйшія, отчего пріобрѣтаетъ бо́льшую явственность.

Историческія событія, перейдя въ область поэтическаго вымысла, тѣмъ самымъ обратились въ истинно народное достояніе и чрезъ живое преданіе спаслись отъ забвенія.

Древнѣйшія времена почти забыты. Ясныя воспоминанія относятся къ тѣмъ самымъ событіямъ, о которыхъ и мы по преимуществу говорили, т. е. ко времени послѣдняго могущества и паденія.

На первомъ планѣ является Стефанъ Душанъ, и именно такой, какимъ изображаетъ его исторія. Онъ окруженъ знатными родами, и обходится съ ними

недовѣрчиво. Они въ самомъ началѣ уже имѣютъ тѣ свойства, которыя обнаружились впослѣдствіи: Юговичи смѣлы и горды, Мерлявчевичи водятся съ вилою и демонами. Они тотчасъ же по смерти Душана захватываютъ въ свои руки верховную власть, что̀ приписывается исторіею неспособности слабаго сына стефанова, Уроша: пѣсня говоритъ, что ему было 40 дней, когда умеръ его отецъ. Но Мерлявчевичи не всѣ одинаковы. Изъ ихъ рода произошелъ герой Сербіи, Марко Кралевичь, которой ни кого не боится кромѣ истиннаго Бога. Онъ не допускаетъ отца своего и дядей завладѣть царствомъ и отдаетъ его законному наслѣднику. Такимъ великодушнымъ поступкомъ начинаются его подвиги. Проклятіе и благословеніе посылаются на него за это, и дѣйствуютъ на судьбу его: оттого она рѣшается не скоро (*).

Ему предсказано, что онъ будетъ служить Туркамъ. О томъ, какъ страна подчинилась симъ послѣднимъ, говорится во второмъ кругѣ пѣсенъ, въ такъ называемой Лазарицѣ. Пѣсня, заодно съ исторіею, приписываетъ это великое несчастіе измѣнѣ и внутреннимъ раздорамъ. Но она проникнута горькимъ чувствомъ неизбѣжности таковой судьбы. Ее возвѣщаетъ безукоризненный, прекраснѣйшій и благороднѣйшій изъ героевъ Лазаря, Милошъ; самому Лазарю она объявлена свыше. Передъ битвою онъ велитъ войску своему причаститься святыхъ таинъ. Тутъ же восхваляется храбрость воиновъ и изрекаются проклятія измѣннику. Трогательно описана смерть героевъ (**),

(*) Къ этому кругу пѣсней можно отнести напечатанныя во 2-й части Вукова собранія, подъ №№ 5, 6, 8—10. (перваго изданія).

(**) Nr. 17—21, 23, 24. Слава Милоша далеко распространилась. О немъ съ похвалою упоминаетъ Дука. По свидѣтельству Герлаха

Марко не былъ въ битвѣ, и по какой причинѣ, не говорится. Ему посвященъ третій кругъ этихъ пѣсенъ. Онъ не походитъ на остальныхъ героевъ; въ его судьбѣ есть что-то сверхъестественное : онъ живетъ 160 лѣтъ, неразлучно съ конемъ своимъ, котораго поитъ виномъ изъ одной съ собою чаши; онъ сидитъ на немъ—драконъ на драконѣ. Его не беретъ ни сабля, ни булава. Сидя на конѣ, Марко пускаетъ на воздухъ множество стрѣлъ, вслѣдъ за вилою, которая поранила до смерти его товарища, и попадаетъ въ нее булавою : вила смирилась передъ нимъ, упросила его быть ей побратимомъ, обѣщалась помогать ему въ нуждѣ и воскресила товарища. Но что же дѣлаетъ этотъ герой, одаренный такими чудесными качествами ?—Онъ служитъ Туркамъ. Сосѣдніе короли приглашаютъ его на церковный праздникъ, но въ это же самое время султанъ зоветъ его на войну, и, помня долгъ свой, онъ идетъ воевать. Однако, въ сношеніяхъ съ Турками, онъ не терпитъ неправды, подобно другимъ богатырямъ: визиря, который переломалъ крылья его соколу, онъ убиваетъ вмѣстѣ съ двѣнадцатью его спутниками ; онъ мститъ убійцѣ за смерть отца своего: въ вывороченной шубѣ и съ булавою входитъ онъ гнѣвный въ шатеръ султана, и султанъ испугался, попятился назадъ, сталъ умилостивлять его ласковыми словами и подарками. Но какъ бы то ни было, онъ служитъ, и объ этомъ нѣсколько разъ упоминается при разныхъ случаяхъ. То Арабъ

(1578) память о немъ свѣжо сохраняется въ Булгаріи. Курепешицъ, проѣзжая въ 1530 г. по Косову полю, такъ много о немъ слышалъ, что посвятилъ ему подробный поэтическій разсказъ (Itinerarium Wegrayss etc. 1531 листъ E), въ которомъ можно видѣть древнѣйшій слѣдъ доселѣ процвѣтающей сербской поэзіи. Къ болѣе отдаленной эпохѣ, вѣроятно, относятся сказанія, приводимыя Діоклейскимъ священникомъ.

требуетъ отъ султана подати и дочерей, то Албанецъ изъ своего замка запираетъ дороги и мѣшаетъ собирать подати: никто не хочетъ воевать съ ними, кромѣ Марка. Онъ сопровождаетъ турецкое войско даже до Аравіи. Такъ точно послѣ Косовой битвы сербское войско почти ежегодно участвовало въ войнахъ Османовъ, но самостоятельно, и возбуждая опасенія Баязида; народъ приписалъ этому герою то, что̀ происходило съ нимъ самимъ. Онъ былъ исполненъ страшной силы, несокрушимаго мужества, и тѣмъ не менѣе несъ службу. Вообще изображеніе Марка Кралевича вполнѣ народное; ему вѣроятно приписаны славные подвиги древнѣйшихъ героевъ, при чемъ опущены и черты варварства, кровожадность и алчность къ золоту. Народъ могъ оставаться вѣренъ исторической истинѣ, изображая событія, коихъ слѣдствіемъ была утрата его независимости; но его нескончаемое рабство изображается баснословно. Одна пѣсня, исполненная простоты и возвышеннаго чувства одиночества, говоритъ, что чудесный Марко наконецъ умерщвленъ былъ Богомъ. Въ другихъ выражается надежда, что онъ еще живъ. Увидавъ огнестрѣльное оружіе и убѣдившись въ его дѣйствіи, онъ ушелъ въ горы; тамъ въ пещерѣ виситъ его сабля, конь его щиплетъ мохъ, и самъ онъ спитъ: когда сабля упадетъ и моху больше нестанетъ, Марко проснется и выдетъ на божій свѣтъ.

Всѣ эти сказанія передаются безъ всякой послѣдовательности, въ отдѣльныхъ пѣсняхъ, изъ которыхъ каждая представляетъ особое цѣлое и которыя не переработаны и не соединены сознательнымъ духомъ одного поэта. Но во всѣхъ нихъ одинъ тонъ, одинъ смыслъ, одно, поэтическое и вмѣстѣ національное,

міровоззрѣніе; во всѣхъ выражается единство общенароднаго вымысла. Ими, въ живомъ и всегда свѣжемъ преданіи, сохраняется для народа память о его величіи и объ утратѣ самостоятельности.

Позднѣйшія событія иногда также описываются въ пѣсняхъ. Такъ, нѣкоторыя пѣсни, исполненныя роскошныхъ вымысловъ, сохраняютъ память о подвигахъ Гуніада, коего Сербы почитаютъ своимъ соплеменникомъ; не забытъ древнѣйшій гайдукъ; нѣкоторыя пѣсни посвящены борьбѣ съ Турками Ускоковъ (о мореплаваніи ихъ ничего не говорится). Пѣсни сопровождаютъ исторію до побѣдъ Черногорцевъ.

И такъ мы видимъ, что даже и въ мирное время народъ постоянно занималъ свое воображеніе войною съ тѣми, которымъ повиновался. Наконецъ для этого воинственнаго духа наступила пора настоящей дѣятельности. Она наступила вслѣдствіе совершенно постороннихъ событій, и главнымъ образомъ вслѣдствіе той перемѣны, которая воспослѣдовала въ отношеніяхъ Турокъ, какъ внутреннихъ, такъ и къ остальному міру.

ГЛАВА V.

Начало новыхъ движеній въ Турціи.

Какъ часто предсказывали распаденіе османскаго царства на отдѣльные пашалыки, какъ давно ожидали онаго!

И въ самомъ дѣлѣ, сильные паши, въ Багдадѣ, въ Акрѣ, въ Видинѣ и Янинѣ не рѣдко отказывались посылать султану подать, или же явно подымали знамя возстанія. Нѣкоторыя земли, какъ Египетъ или Боснія, въ теченіи долгаго времени пользовались до извѣстной степени независимостью. Казалось, что примѣръ, который подали Варварійцы, правда вдали отъ Стамбула и въ особенныхъ обстоятельствахъ, найдетъ себѣ подражателей.

Тѣмъ не менѣе всякій разъ султанъ находилъ средства подавить возмущеніе и возстановить единство своей державы.

Оказывается, что не такъ легко разорвать цѣпи, привязывающія одну область турецкой имперіи къ другой и всѣ ихъ къ общему средоточію. Силу Османовъ составляютъ непрерывное господство одной и той же династіи, ни разу не уступившей ни одному сопернику; соединеніе духовной и свѣтской властей въ одной рукѣ, не допускающее противленія; единство военныхъ учрежденій отъ одного конца государства до другаго; юридическое и духовное устройство, не противорѣчащее разъ образовавшимся понятіямъ, наконецъ вліяніе великихъ улемовъ, наслѣдственно сохраняющееся въ однихъ и тѣхъ же семействахъ.

Возможность рѣшительной перемѣны заключалась въ иныхъ явленіяхъ турецкой жизни.

Примѣръ Сербіи ясно показываетъ несообразность во внутреннемъ устройствѣ Оттоманской Порты: съ одной стороны видимъ народы, исполненные несокрушимаго чувства самобытности съ самостоятельнымъ образомъ мыслей, съ живою памятью о минувшемъ величіи, въ силу основнаго закона исключаемые изъ государ-

ства, осуждаемые на рабство; — съ другой религія, оправдывающая насильственные поступки своихъ последователей, внушающая имъ гордость и побуждающая къ господству.

Но, можетъ быть, угнетенная рая сама и не подумала бы о своемъ освобожденіи: она была слишкомъ слаба для этого, слишкомъ разрознена; ея враги, которые въ тоже время были и господами ея, слишкомъ зорко повсюду наблюдали за нею.

Но могло ли продолжаться такое положеніе дѣлъ, когда христіанскія державы, наперерывъ другъ передъ другомъ развивая свое могущество и мало по малу достигнувъ наконецъ явнаго превосходства надъ Турками, рѣшились протянуть руку помощи собратіямъ своимъ по христовой вѣрѣ?

Оттого-то возвышеніе Россіи было такъ страшно Османамъ. Одно существованіе державы, исповѣдующей греческую вѣру и своимъ величіемъ заслоняющей блескъ Оттоманской Порты, уже содѣлывало сомнительнымъ повиновеніе раи.

Въ 1770 году, когда на Эгейскомъ морѣ появился первый русскій флотъ, Греки поднялись и на островахъ и на твердой землѣ, къ несчастію слишкомъ поспѣшно и слишкомъ смѣло. Имя Аѳинъ, дотолѣ произносимое одними археологами и людьми знакомыми съ древнимъ міромъ, снова получило политическое и современное значеніе.

Еще болѣе надеждъ, и именно между христіанами славянскаго происхожденія, возбудила война 1788 года.

Австрія, принявшая къ себѣ сербскаго патріарха и

въ правленіе вѣротерпимаго Іосифа переставшая переманивать въ унію послѣдователей греческаго ученія, соединилась съ Россіею и начала войну противъ Порты. Обѣ державы не скрывали своего намѣренія, «отмстить этимъ варварамъ за человѣчество», какъ выражался императоръ Іосифъ; и въ самомъ дѣлѣ съ каждымъ новымъ походомъ удары ихъ становились рѣшительнѣе.

Греки и на этотъ разъ не заставили ждать себя: на морѣ, подъ предводительствомъ Ламбро Качони, появился флотъ, почти исключительно вооруженный и экипированный Греками; въ Албаніи и Македоніи вспыхнуло возстаніе; но всѣхъ рѣшительнѣе дѣйствовали Сербы.

Императору Іосифу пришла счастливая мысль набирать въ войска охотниковъ изъ переходившихъ къ нему Сербовъ. Вскорѣ образовались значительные конные и пѣшіе отряды, оказавшіе существенные услуги въ 1789 году при осадѣ Бѣлграда, и особенно послѣ покоренія этого города въ то время, какъ послѣдовало занятіе страны. Предводитель корпуса сербскихъ выселенцевъ, полковникъ Михалевичь, явился подъ Ягодиною и Кюпріею; оттуда, пробираясь дорогами, по которымъ дотолѣ не ходило ни одно войско и которыя не видали никогда ни одной пушки, онъ явился у Карановца и отнялъ его у Турокъ; въ январѣ 1790 года видимъ его передъ Крушевцомъ: подъ звуки турецкой и австрійской музыки поставилъ онъ своихъ воиновъ въ боевой порядокъ и взялъ городъ; старинныя церкви, великолѣпные памятники временъ князя Лазаря, часто жившаго въ Крушевцѣ, превращенныя Турками въ конюшни, были очищены,

освящены, и снова огласились христіанскими молитвами (*)........

Но оставятъ ли Порту въ прежнихъ границахъ, послѣ такихъ побѣдъ? Это еще было подвержено сомнѣнію. По крайней мѣрѣ Пруссія, изъ европейскихъ державъ наиболѣе опасавшаяся односторонняго увеличенія австрійскихъ владѣній, не имѣла въ этомъ отношеніи рѣшительныхъ намѣреній. Тогдашняя прусская политика, сохранявшая еще во время министерства Герцберга то направленіе, которое сообщилъ ей Фридрихъ II, требовала нѣкоторыхъ уступокъ на польской границѣ и другихъ связанныхъ съ ними территоріальныхъ перемѣнъ, и на такомъ условіи соглашалась содѣйствовать расширенію Австріи въ придунайскихъ земляхъ, присоединенію къ ней Молдавіи и Валахіи, и если это не возможно, то по крайней мѣрѣ, возвращенію сербскихъ округовъ, принадлежавшихъ Австріи по миру, заключенному въ Пассаровичахъ (**).

Но Пруссія не встрѣтила никакой поддержки въ союзникахъ своихъ, Голландіи и Англіи. Нѣсколько времени кабинеты занимались вопросомъ, остаться ли при прежнемъ или допустить нѣкоторыя измѣненія. Буря, поднявшаяся во Франціи и грозившая всему зданію европейской политики, заставила дорожить временемъ. Положено было не измѣнять ничего, дабы поскорѣе заключить миръ. Турція получила назадъ всю Сербію.

Занятыя своими взаимными отношеніями, европейскія державы позабыли о христіанскомъ народонаселе-

(*) Ausführliche Geschichte des Krieges zwischen Russland, Oestreich und der Türkei. Wien 1791. 2. BD.V. p. 30, p. 61.

(**) Сравни Précis de la carrière diplomatique du comte de Herzberg, Zeitschrift für Geschichtswissenschaft von Ad. Schmidt I, p. 28.

ніи Турціи, которое показало себя достойнымъ всеобщаго участія. Только тѣмъ, которые переходили на сторону Австріи, выговорено было прощеніе и право безнаказанно возвратиться въ свои мѣста (*). Такимъ образомъ Сербія со всѣми крѣпостями осталась по прежнему за султаномъ.

Но разумѣется прежнее состояніе ея уже не могло болѣе продолжаться.

Турецкіе коммиссары, занимавшіе возвращенную страну, не могли не выразить изумленія своего и не ощутить нѣкотораго боязливаго предчувствія, когда изъ одной крѣпости выѣхалъ сербскій отрядъ, въ полномъ вооруженіи, искусно маневрируя по образцу имперскихъ войскъ. «Сосѣди, воскликнулъ одинъ изъ коммиссаровъ, что вы сдѣлали изъ нашей раи?» Говорятъ, будто Сербы даже намѣревались произвести возстаніе и выпросить себѣ въ князья одного изъ своихъ офицеровъ; молодую Сербянку, его невѣсту, будто бы называли будущею княгинею; — мы не знаемъ, справедливо ли это. Но нѣтъ сомнѣнія, что разъ пробудившійся духъ народной независимости не могъ быть скоро подавленъ. Тѣ, которые счастливо дрались противъ Турокъ, уже самымъ воспоминаніемъ о томъ питали чувство собственнаго достоинства.

Съ своей стороны Россія, которая еще прежде выговорила у Порты нѣкоторыя обезпеченія въ пользу христіанскаго народонаселенія Молдавіи, Валахіи и острововъ Архипелага, еще болѣе упрочила ихъ Ясскимъ миромъ, окончившимъ войну ея съ Портою. Однимъ словомъ, война эта чрезвычайно много способ-

(*) Traité fait à Sistowa 4 Août 1791: Martens V, 244.

ствовала къ пробужденію духа независимости въ христіанскомъ народонаселеніи европейской Турціи.

Но она имѣла еще совершенно другія, даже можно сказать противоположныя первымъ слѣдствія.

Съ нѣкотораго времени турецкое правительство начало сознавать превосходство своихъ сосѣдей и невозможность бороться съ ними. Оно доходило почти до отчаянія, не видя средствъ къ спасенію. «Порта пала — воскликнулъ Мустафа III — намъ болѣе не видать ея возстановленія.» Одинъ визирь Абдулгамида уже говаривалъ, что въ Азіи точно также есть тѣнистыя долины, на которыхъ можно ставить кіоски.

Но цареградскій народъ не такъ скоро отвыкалъ отъ прежняго счастія. Объясняя понесенныя неудачи личною неспособностью своихъ вождей, онъ ждалъ лучшаго отъ наслѣдника абдулгамидова, Селима, которому приписывалъ всѣ доблести, восхваляемыя Кораномъ (*): на площадяхъ и улицахъ громко говорили, что онъ возстановитъ прежнее величіе Порты.

И дѣйствительно, вступивъ на престолъ, Селимъ рѣшился оправдать такія надежды. Именно въ этотъ самый годъ (1789) превосходство христіанъ сдѣлалось очевиднымъ, и заставляло дорожить временемъ. Селимъ принялся за дѣло, но совершенно вопреки ожиданіямъ своего народа.

(*) «Che sia valoroso, attaccatissimo alla sua religione, intraprendente et avido di gloria militare.» (Zulian Relatione di Constantinopoli 1789.) т. е. чтобъ онъ былъ храбръ, наиболѣе привверженъ къ религіи, предпріимчивъ и жаждалъ бы воинской славы.

Народъ воображалъ, что онъ, подобно древнимъ повелителямъ Порты, выступитъ въ походъ во главѣ янычаръ и спахіевъ, сокрушитъ всѣхъ враговъ, и будетъ дѣйствовать по духу священныхъ книгъ и правовѣрнаго музульманства. Напротивъ Селимъ, убѣдившись въ томъ, что враги его обязаны побѣдами превосходству своихъ военныхъ средствъ, рѣшился сперва преобразовать османскія войска, дабы потомъ съ увѣренностью можно было выводить ихъ въ поле.

Необходимость такого преобразованія уже давно понимали европейскія державы, надѣявшіяся имѣть въ султанѣ полезнаго союзника противъ могущества Австріи, и особенно Россіи. Такъ именно думали во Франціи.

Мы не будемъ упоминать здѣсь о попыткахъ Бонневаля или Тотта, прибывшаго въ Константинополь въ свитѣ французскаго посланника: гораздо важнѣе то, что въ 1785 году въ Константинополѣ состояла на султанскомъ жалованьи цѣлое общество французскихъ офицеровъ, ревностно занимавшихся военными преобразованіями (*).

(*) Relatione di Constantinopoli del bailo Agostino Garzoni contenuta in due dispacci del medesimo del 10 Nov. 1785. La Francia, che sempre ha preso cura per la sussistenza di questo impero, si avvidde che tolto il principal baloardo della Crimea dovevasi riconoscer come vacillante il suo destino. Allarmatasi percio spedì a questa corte un copioso numero di officiali tutti pagati dalla corte stessa d'ogni genere e professione per introdur ordine disciplina e scienza tra li Turchi per renderli atti ad resistere alli attacci delli loro nemici. т. е. Донесеніе изъ Константинополя баила Агостина Гарзони, состоящее изъ двухъ депешей его отъ 10 ноября 1785 года. Франція, всегда хлопотавшая о поддержаніи сего государства, убѣдилась, что съ потерею Крыма (этого главнаго оплота) судьба Турціи сдѣлалась ненадежною.

Они лили Туркамъ пушки, учили ихъ прицѣливать и стрѣлять, воздвигали небольшія укрѣпленія для примѣрныхъ нападеній и защиты; строили новые корабли по образцу французскихъ, удерживая впрочемъ все, чтò было годнаго въ турецкой постройкѣ. Вспомнимъ, съ какимъ рвеніемъ капуданъ паша, Гази Гассанъ, въ то время конечно знаменитѣйшій человѣкъ въ Левантѣ, старался объ улучшеніи турецкаго флота. Уже тогда, замышляя запереть для русскихъ кораблей выходъ изъ Чернаго моря, Французы выстроили Туркамъ нѣсколько фортовъ по обѣимъ сторонамъ Босфора, въ Килѣ и Ривѣ (*), — ведетты Константинополя, какъ называли ихъ — и воздвигли баттарею у самаго входа. Они намѣревались преобразовать всю турецкую фортификацію.

На эти-то нововведенія Селимъ, тотчасъ по заключеніи мира, обратилъ все свое вниманіе.

Онъ покупалъ въ Англіи образцовые корабли, нанималъ французскихъ корабельщиковъ; въ короткое время оживились гавани Синопа, Родоса и Константинополя.

Вся артиллерія была преобразована; введены французскіе размѣры, особенно въ полевыхъ орудіяхъ.

Для охраненія границъ произведены улучшенія въ

Взволнованная симъ, она отправила въ Турцію на счетъ тамошняго двора множество офицеровъ всякаго рода и званія, для того, чтобы они ввели между Турками порядокъ, дисциплину и знаніе, и содѣлали бы ихъ способными защищаться отъ непріятелей.

(*) Garzoni: ne'siti ch'erano affatto esposti ed abandonati. т. е. въ мѣстахъ, которыя были совершенно не защищены и оставлены безъ вниманія. Сравни Andreossy: Voyage à l'embouchure de la mer-noire. 115, 319.

крѣпостяхъ, какъ напримѣръ въ Измаилѣ однимъ англійскимъ генераломъ. Самъ султанъ нерѣдко посѣщалъ инженерную школу въ Сулицѣ, разсматривалъ инструменты и планы, и ободрялъ учениковъ. Напечатаны были турецкіе переводы нѣкоторыхъ французскихъ книгъ, напримѣръ одного сочиненія Вобана; кромѣ того нанятъ учитель французскаго языка, и въ библіотекѣ между прочимъ появилася Энциклопедія (*).

Какъ ни противорѣчили всѣ эти нововведенія коренному образу мыслей музульманъ, однако никто не возставалъ противъ нихъ, ибо доселѣ они не касались ни одного основнаго государственнаго учрежденія.

Болѣе толковъ возбудило преобразованіе, начатое султаномъ въ корпусѣ артиллеристовъ или топджіевъ, которые тѣсно связаны были съ янычарами; но скоро оказалось, что султанъ не остановится и на этомъ.

Говорятъ, что одинъ русскій плѣнникъ, по рожденію Турокъ, но въ русской службѣ получившій нѣкоторый навыкъ въ военномъ дѣлѣ, учредилъ на европейскій образецъ отрядъ ренегатовъ, сначала только для потѣхи великаго визиря; что наконецъ султанъ зашелъ посмотрѣть на военныя экзерциціи невѣрныхъ, и съ перваго разу обнаружилъ величайшее любопытство (**).

Имя сего османскаго Лефорта — Омеръ. Подъ его командою состоялъ нѣкоторое время учрежденный имъ отрядъ туфенкжіевъ.

(*) Juchereau de S. Denys: Révolutions de Constantinople en 1807 et 1808. I, p. 78. Сообщаемыя имъ свѣдѣнія, по словамъ Макфарлана, подтверждались въ Турціи.

(**) Survey of the turkish Empire 1798. p. 99. Сравни Ohsson VII, 371.

Успѣхъ Омеръ-аги утвердилъ султана въ намѣренiи ввести европейскiя экзерцицiи въ турецкомъ войскѣ, и прежде всего въ регулярной пѣхотѣ, между янычарами. Одна венецiанская депеша прямо говоритъ, что въ 1793 году въ диванѣ происходили по этому предмету продолжительныя совѣщанiя (*).

Не нужно объяснять, какой важности было это предпрiятiе.

Служба почиталась у янычаръ источникомъ доходовъ; дотолѣ они являлись въ строю только во дни раздачи жалованья и спокойно жили по городамъ, господствуя въ нихъ и занимаясь промыслами. Возвратить ихъ къ первоначальнымъ обязанностямъ и подчинить условiямъ европейской службы было дѣломъ, которое не только представляло безконечныя трудности, но въ то же время имѣло великое политическое значенiе.

И безъ того въ государствѣ, основанномъ на завоеванiи и насильственномъ завладѣнiи, существующемъ только въ слѣдствiи господства военнаго класса, всякая военная перемѣна есть вмѣстѣ и политическая.

Янычары именно составляли одно изъ главныхъ звѣньевъ въ цѣпи древнеосманскихъ военныхъ и гражданскихъ учрежденiй,

Но и во всѣхъ другихъ частяхъ готовились рѣшительныя преобразованiя. Огромныя помѣстья уже болѣе не могли переходить по наслѣдству; предписано было

(*) Niccolo Foscarini: Il divisamento pure di rendere addestrati i Gianizzeri negli esercizi militari occupava i pensieri del consiglio, т. е. Совѣтъ занимался разсужденiемъ о томъ, какъ ввести военныя упражненiя между янычарами.

по смерти владѣтеля отписывать ихъ въ казну, дабы получаемые съ нихъ доходы употреблять на жалованье другимъ войскамъ. Самоуправству пашей положенъ предѣлъ: они опредѣлялись на три года, и только въ такомъ случаѣ могли оставаться долѣе на одномъ и томъ же мѣстѣ, если жители области были ими довольны. Возникла мысль, доженствовавшая преобразовать все областное управленіе, именно о томъ, чтобы отмѣнить систему отдачи на откупъ и поручать сборъ султанскихъ доходовъ назначаемымъ отъ правительства чиновникамъ.

Власть визирата была ограничена; диванъ сдѣлался учрежденіемъ въ родѣ тайнаго государственнаго совѣта (*). Въ немъ засѣдали двѣнадцать высшихъ чиновниковъ, съ коими великій визирь совѣщался обо всѣхъ важныхъ дѣлахъ. Одинъ изъ нихъ завѣдывалъ сборомъ нѣкоторыхъ косвенныхъ налоговъ, шедшихъ на жалованье новоучрежденнымъ войскамъ, которыя мало по малу увеличены были конными отрядами и составляли довольно значительный корпусъ.

(*) Foscarini: La prima ed essentiale (innovazione del Sultano Selim) fu quella di diminuire la somma autorità del visirato con' l'instituzione del nuovo consiglio di stato, in seguito — aumentato dal numero degli individui che lo compongono e che lasciai in uno stato di somma attività, ed abbenchè possa dirsi che l'institutione di esso consiglio abbia prodotto un esenziale cambiamento nella constitutione di quel governo. pareva a tutti probabile che sarebbe per continuarsi, т. е. Первое и главнѣйшее (нововведеніе султана Селима) состояло въ томъ, что онъ ограничилъ верховную власть визирата, учредивъ новый государственный совѣтъ, и впослѣдствіи увеличивъ число членовъ онаго, которые имѣли обширную дѣятельность. Хотя учрежденіе этого совѣта и производило существенный переворотъ во всемъ тамошнемъ правительствѣ, тѣмъ не менѣе будущность его всѣмъ казалась прочною.

Намъ не для чего подробно излагать дальнѣйшій ходъ этихъ преобразованій. Со временемъ въ Германіи конечно появится переводъ сочиненія государственнаго исторіографа Нури, какъ слышно, обстоятельно повѣствующаго о новыхъ учрежденіяхъ султана Селима (низами-джедидъ), о которыхъ теперь мы знаемъ только по донесеніямъ посланниковъ и по извѣстіямъ европейскихъ путешественниковъ.

Для насъ достаточно будетъ замѣтить, что намѣренія Селима III, которыя онъ возымѣлъ въ слѣдствіе послѣдней войны, и которыя началъ исполнять немедленно по вступленіи на престолъ, возбудили наконецъ сильное движеніе въ коренныхъ музульманахъ, въ господствующей военнорелигіозной корпораціи.

Духъ преобразованій, оживлявшій осьмнадцатое столѣтіе, проникъ и въ Турцію.

Въ этомъ отношеніи Селима можно поставить на ряду съ государями, каковы Густавъ III, Климентъ XIV, Іосифъ II, также съ Помбалемъ, Арандою, Струэнзе, которые всѣ почти были его современниками.

Назвавъ эти имена, мы не имѣемъ уже надобности говорить о томъ, какія опасности соединены съ предпріятіями подобнаго рода и для государства и для людей, которые на нихъ отваживаются.

Въ Турціи эти опасности были вдвое страшнѣе. Общее потрясеніе господствующаго класса неминуемо усиливало въ покоренныхъ народахъ стремленіе къ независимости. Отсюда должны были возникнуть совершенно новыя отношенія, и дѣйствительно возникли. Въ этомъ заключается вся новѣйшая исторія Турціи. Сюда же принадлежитъ и возстаніе Сербовъ.

ГЛАВА VI.

Начало волненій въ Сербіи.

Самыми непокорнымн янычарами были янычары бѣлградскіе.

Разнаго рода злоупотребленія въ бѣлградскомъ пашалыкѣ столь же часто случались, какъ и въ другихъ; но кромѣ того тамошніе янычары враждовали съ остальными Турками, съ пашею и спахіями, тѣснили ихъ и домогались полнаго господства надъ страною. Предводители ихъ называли себя *дахіями*, по образцу берберскихъ деевъ (*), которые точно также во главѣ мятежнаго войска боролись съ пашами, какъ напримѣръ, не задолго до того времени, въ Триполѣ. Паша не имѣлъ никакого значенія въ сравненіи съ янычарскими агами, каковъ былъ Ахметъ, за свою отважность прозванный Дели-Ахметомъ и предводительствовавшій отрядомъ въ 1000 человѣкъ: извѣстно, что императоръ Іосифъ почелъ удобнѣйшимъ вести переговоры съ агами, а не съ пашею. Передъ самымъ началомъ войны ахметовы янычары убили Мехмета Али Зеймовича и 14 друхихъ спахіевъ, и никто не осмѣлился позвать ихъ къ отвѣту. Тѣмъ

(*) Валь (энциклопедія I, XXIV, 351) замѣчаетъ, что это слово уже въ древней республикѣ Меккѣ и потомъ у Измаилтянъ, означало начальника.

не менѣе Ахметъ явился въ Кюпрію, къ турецкому войску, долженствовавшему освободить Бѣлградъ.

Но помощь его не принесла пользы, и отрядъ его не спасъ Бѣлграда.

Когда Бѣлградъ, благодаря вмѣшательству европейскихъ державъ, снова отошелъ къ Турціи, султанъ рѣшился немедленно укротить эту безпокойную толпу.

Новый бѣлградскій паша, Эбу Бекиръ, получилъ фирманъ, воспрещавшій янычарамъ дальнѣйшее пребываніе въ городѣ и въ бѣлградскомъ пашалыкѣ. Но они уже снова появились тамъ во множествѣ, такъ что повелѣніе султана надлежало исполнить не иначе, какъ хитростью и силою. Эбу Бекиръ не рѣшился даже и объявить фирманъ, не овладѣвъ напередъ могущественнымъ предводителемъ янычаръ. Когда онъ подъѣзжалъ къ границамъ пашалыка, спахіи поспѣшили собраться въ Нишъ для принесенія ему своего привѣтствія. Другіе прежніе землевладѣльцы также явились къ нему и въ числѣ ихъ Дели-Ахметъ, окруженный многочисленною дружиною. Но Эбу Бекиръ не осмѣлился тотчасъ захватить его. Уже во второе свиданіе, когда съ нимъ было меньше людей, слуга паши подстерегъ его на лѣстницѣ и застрѣлилъ. За тѣмъ немедленно фирманъ объявленъ и приведенъ въ исполненіе. Спахіи снова стали получать десятину и главницу; возвратившіеся Сербы заняли прежнія земли свои и могли надѣяться, что условія, выговоренныя въ ихъ пользу, будутъ исполнены; земли янычаръ отобраны въ казну, и сами они удалились въ сосѣднія области.

И такъ удовлетворить справедливости не возможно было иначе, какъ съ помощью обмана и насилія.

Потерпѣвшіе наказаніе янычары, разумѣется, встрѣтили сочувствіе у своихъ собратій, и не могли оставаться покойны. Особенно помогло имъ возстаніе Пасвана Оглу въ Виддинѣ.

Мы не знаемъ настоящихъ причинъ этого возстанія; но, сколько извѣстно, Османъ Пасванъ Оглу впервыя явился въ 1788 году во главѣ безпокойной вольницы, и по окончаніи войны насильственно завладѣлъ своими наслѣдственными землями, изъ которыхъ былъ выгнанъ отецъ его.

Прежде всего онъ соединился съ такъ называемыми кирджаліями. Это были люди, которыхъ Порта по заключеніи мира уволила изъ своей службы, но которые, не имѣя охоты тотчасъ покинуть военное ремесло, стали грабить и разбойничать въ Македоніи и Булгаріи, повсюду предлагая услуги свои пашамъ, возстававшимъ противъ султана, мѣстнымъ жителямъ, недовольнымъ пашею. Они разорили одинъ изъ значительнѣйшихъ македонскихъ городовъ (Москополисъ или Боскополисъ), и другіе города спѣшили отдѣлаться отъ нихъ откупомъ. Они гордо разъѣзжали на прекрасныхъ коняхъ, одѣтые въ золото и серебро, въ богатомъ вооруженіи. За ними слѣдовали рабыни, гювенди, въ мужскомъ одѣяніи, и не только увеселяли ихъ въ часы досуга играми и пляскою, но ходили съ ними въ сраженіе, гдѣ обязанностью ихъ было держать коней, во время пѣшаго боя. Не зная никакого богослуженія, они охотно принимали къ себѣ всякаго, не обращая вниманія на религію. Точно также какъ и въ другихъ войскахъ, у нихъ были свои бимбаши или тысячники и булюкбаши, предводители меньшихъ отрядовъ. Они были рады всякому, кто хотѣлъ жить вольно и на чужой счетъ.

Они-то составили главную силу Пасвана Оглу. Онъ сказалъ имъ: «Ваша добыча — моя слава», прогналъ пашу и потребовалъ себѣ трехъ лошадиныхъ хвостовъ. Въ Виддинѣ появилось 10.000 кирджаліевъ.

Тутъ онъ вошелъ въ сношенія съ янычарами. Самъ лишенный подобно имъ наслѣдственныхъ помѣстьевъ, онъ объявилъ себя противникомъ нововведеній, началъ принимать въ Виддинъ выгнанныхъ изъ Сербіи янычаръ, сдѣлался ихъ защитникомъ и записался въ ряды ихъ.

Можетъ быть тутъ имѣло значеніе и то, что между всѣми янычарскими сергадъ-агами виддинскій занималъ первое мѣсто, и наслѣдственно назывался турнаджи-башею, въ память того турнаджи-баши, который нѣкогда поставленъ былъ въ Виддинѣ съ 68-ю ортою джематъ Баязидомъ I-мъ (*).

Но кромѣ того честолюбивому пашѣ сообщало большое значеніе самое возстаніе его противъ нововведеній; ибо Османы почитали сіи послѣднія дѣломъ противнымъ исламу, не смотря на то, что издано было особое сочиненіе, въ которомъ доказывалось, что Коранъ отнюдь не воспрещаетъ употребленія штыковъ и легкой кавалеріи.

Оливье, находившійся въ то время въ Константинополѣ, увѣряетъ, что тамошніе янычары рѣшительно отказывались идти противъ Пасвана (**).

Напрасно Порта посылала противъ него въ 1798

(*) Ohsson VII, p. 310.

(**) Voyage dans l'empire Othoman. Les soldats disaient hautement, qu'ils ne feraient jamais la guerre à un Musulman qui n'avait selon eux d'autres torts que celui de vouloir empêcher que l'on ne portât atteinte à leurs droits.

году другое войско, состоявшее изъ азіатскихъ и европейскихъ солдатъ. Говорятъ, онъ сказалъ, что также могъ бы собрать сто тысячъ человѣкъ, но что лучше хочетъ побѣдить съ десятью тысячами. Дѣйствительно ему было выгоднѣе имѣть при себѣ меньше людей. Собравшіеся паши не были единодушны; онъ могъ воспользоваться счастливою минутою. Враги его стояли лагеремъ въ лачугахъ и шатрахъ и терпѣли отъ безпрерывныхъ дождей; между тѣмъ какъ кирджаліи покойно жили въ городѣ, снабженномъ всѣми припасами. Войско султана было уничтожено, и съ тѣхъ поръ имя Пасвана Оглу наводило страхъ на всѣ окрестныя области. Онъ не разъ овладѣвалъ Чернецомъ, Никополемъ, Краёвою и возвращеніе этихъ городовъ стоило великихъ усилій Туркамъ и Валахамъ. Многіе бѣжали изъ Малой Валахіи въ Седмиградію, другіе, за подозрѣніе въ сношеніяхъ съ нимъ, потерпѣли наказаніе (*); смуты и взаимное ожесточеніе волновали Булгарію. Послѣ всего этого Порта рѣшилась наконецъ заключить миръ и послала Пасвану три лошадиные хвоста.

Всѣ эти событія имѣли большое вліяніе на судьбу Сербіи.

Эбу Бекиръ и наслѣдникъ его Хаджи Мустафа, не допускавшіе къ себѣ янычаръ, управляли страною безъ всякаго насилія. Рая наконецъ стала жить спокойно; съ нею обращались кротко и справедливо.

Страна процвѣтала. Скотоводство и именно та отрасль его, которая такъ сильно была развита въ Ан-

(*) Энгель, Исторія Валахіи II, 67. За свѣдѣніями о Пасванѣ Оглу онъ отсылаетъ читателя къ сочиненію Зеецена, помѣщенному въ Ежемѣсячной корреспонденціи Цаха (1803, Августъ); но свѣдѣнія эти весьма скудны.

гліи и Германіи, пока существовали большіе лѣса и не ввелась болѣе правильная обработка земли — разведеніе свиней, приносило большіе доходы. Изъ одной Австріи Сербія получала болѣе 1.300.000 гульденовъ. Хаджи Мустафа такъ заботливо пекся о Сербахъ, что они прозвали его сербскою матерью *(србска майка)*. Онъ никого не тѣснилъ изъ служившихъ императору Іосифу. Такъ Алекса Ненадовичь былъ офицеромъ въ корпусѣ сербскихъ волонтеровъ, и это не помѣшало ему сдѣлаться главнымъ кнезомъ. Когда Пасванъ-Оглу, можетъ быть побуждаемый янычарами, началъ тѣснить и Сербію, занялъ Кладово, пытался овладѣть островомъ Поречемъ, Хаджи Мустафа не усумнился призвать къ оружію самихъ Сербовъ. Онъ представилъ имъ, что имъ выгоднѣе продать нѣкоторыя стада свои и купить оружіе, нежели уступить все врагу. Много оружія сохранилось еще отъ послѣдней войны, и Сербы съ радостью взялись за него. Военный духъ, пробудившійся въ службѣ австрійской, теперь снова воскресъ подъ предводительствомъ турецкаго паши. Кнезы сами снарядили войско, и бимбаша Станко Арамбашичь, сынъ гайдука, пріобрѣлъ себѣ славу. Сербы снова одолѣвали Турокъ, сражаясь рядомъ съ другими Турками и не почитаясь совершенно подданными сихъ послѣднихъ. Станко не уступалъ ни въ чемъ турецкимъ предводителямъ; разъ одинъ изъ нихъ убилъ его плѣнника: Станко отплатилъ ему тѣмъ же. Паша и жители ввѣренной его управленію области за одно отбивались отъ Пасвана Оглу и отъ его союзниковъ, янычаръ, ибо дѣло было общее.

Но скоро все пошло иначе. Порта не только принуждена была помириться съ Пасваномъ Оглу, но даже согласилась на нѣкоторыя условія въ пользу

выгнанныхъ изъ Бѣлграда янычаръ. Гордость османовъ не могла не оскорбляться мыслію, что правовѣрные древніе музульмане изгнаны изъ пашалыка, и что тамъ возстаютъ христіане, ихъ подданные. Муфти издалъ объявленіе, гласившее такъ: «Законъ запрещаетъ изгонять послѣдователей Ислама изъ ихъ владѣній въ пользу раи.» Вслѣдъ за тѣмъ диванъ повелѣлъ пашѣ снова допустить въ свою область янычаръ, не смотря на прежній фирманъ и на ихъ участіе въ явномъ бунтѣ. Отказаться Хаджи Мустафа не могъ; онъ поступилъ бы противузаконно и подвергъ бы себя тяжкому наказанію. Янычары возвратились.

Слѣдствія не трудно угадать. Положено было начало великому злу.

На первыхъ порахъ янычары не очень настаивали на возвращеніи своихъ помѣстьевъ и жили спокойно, довольствуясь должностями въ таможнѣ и при дворѣ паши. Но скоро старая привычка взяла свое, и прежде всѣхъ, разумѣется, пострадала рая.

Въ Свилеувѣ, въ шабецкомъ округѣ, жилъ нѣкто Ранко, человѣкъ добрыхъ нравовъ, главный кнезъ своей кнежины. Однажды, когда распредѣлялась пореза, шабецкій янычаръ Бего Нóвлянинъ сталъ требовать отъ него, чтобы онъ ему особенно заплатилъ нѣсколько сотъ піастровъ. Уже самое требованіе указываетъ на положеніе дѣлъ. Ранко имѣлъ твердость отказать. Янычаръ рѣшился отомстить; но, не смѣя напасть на кнеза въ деревнѣ, онъ воспользовался тѣмъ временемъ, когда Ранко былъ въ Шабцѣ, и взявъ съ собою нѣсколько человѣкъ, пошелъ за нимъ въ корчму и тамъ застрѣлилъ его. Оставить безъ наказанія такой поступокъ, значило допустить старые безпорядки, тѣмъ болѣе, что Бего Нóвлянинъ ежедневно набиралъ

себѣ сообщниковъ и овладѣлъ шабецкою крѣпостью. Паша выслалъ отрядъ въ 600 человѣкъ и велѣлъ держать его въ осадѣ. Бего спасся бѣгствомъ въ Боснію. Но мѣры, принятыя противъ него Хаджи Мустафою, озлобили всѣхъ янычаръ.

Вѣроятно по ихъ наущенію, Пасванъ Оглу началъ снова тревожить бѣлградскій пашалыкъ. Паша принужденъ былъ послать на защиту границъ собственнаго сына Дервишъ бега, давъ ему лучшихъ людей изъ Турокъ и Сербовъ. Янычарамъ только того и хотѣлось. Они воспользовались благопріятною минутою, овладѣли Бѣлградомъ и заперли пашу въ верхней крѣпости. Онъ могъ бы еще держаться до возвращенія сына, котораго тотчасъ же увѣдомилъ о случившемся; но одинъ подкупленный булюкбаша изъ его кирджаліевъ (ибо и онъ держалъ ихъ), провелъ ихъ въ крѣпость водосточнымъ рвомъ. Въ тотъ самый день, когда Дервишъ бегъ съ войскомъ уже находился въ Гроцкѣ, неподалеку отъ Бѣлграда, отецъ его былъ захваченъ. Прежде всего его принудили послать войску приказъ удалиться отъ Бѣлграда; Сербы разошлись по своимъ мѣстамъ, Турки ушли въ Нишъ, и немедленно вслѣдъ за этимъ Хаджи Мустафа былъ умерщвленъ. Янычары послали сказать Портѣ, что Хаджи Мустафа измѣнилъ Исламу, водился съ раею и за то теперь получилъ награду. Они просили себѣ новаго пашу.

Конечно не за тѣмъ, чтобы повиноваться ему: они совершили убійство, желая жить самоуправно. Четверо янычаръ Фочичь Мехметъ Ага, Аганліа, Мула Юсуфъ и Кучукъ Али раздѣлили между собою верховную власть и снова назвались дахіями. Каждый взялъ себѣ часть пашалыка; но всѣ жили вмѣстѣ въ Бѣл-

градѣ, и правили сообща. Они не рѣдко ссорились между собою, но старый Фочо, отецъ Мехметъ Аги, умѣлъ мирить ихъ. Новоприбывшій паша, Ага Гассанъ, почти не имѣлъ никакого значенія. Они назначали и собирали порезу и другія подати, и вводили новое управленіе.

Недовольствуясь своими янычарами, они набрали себѣ новую многочисленную и вооруженную толпу, изъ Босняковъ и Албанцевъ, привлеченныхъ вѣстью объ ихъ возстаніи. Это были полунагіе бродяги, досѣлѣ работавшіе на галерахъ. Теперь они ѣздили на арабскихъ жеребцахъ, носили бархатныя одежды, золотыя и серебряныя украшенія, нагло обращались со всѣми, кромѣ своихъ повелителей, которые держали ихъ въ безусловномъ подчиненіи, нуждаясь въ нихъ для утвержденія своего господства, но вовсе не для какого нибудь военнаго дѣла.

Дахіи разослали знатнѣйшихъ единомышленниковъ своихъ, по преимуществу янычаръ, въ областные города, и они подъ именемъ кабадахіевъ захватили всю власть въ свои руки, не обращая ни малѣйшаго вниманія на кадіевъ. Въ деревняхъ появились субаши, представители судебной и правительственной власти — многіе изъ упомянутыхъ выше Албанцевъ и Босняковъ. Они распоряжались жизнью и смертью поселянъ, грабили ихъ, обогащались, и по первому знаку готовы были исполнять повелѣнія дахіевъ: правленіе подобное тому, которое было въ Египтѣ, гдѣ мамелюки, живя въ Каирѣ и раздѣливъ между собою страну, правили ею чрезъ своихъ кіашефовъ, и ставили ни во что̀ присылаемаго изъ Константинополя пашу.

Но зло пошло еще далѣе. Янычары захотѣли сдѣлаться постоянными землевладѣльцами въ Сербіи. Подъ

именемъ читлуксахибіевъ они брали поля въ собственность, и строили въ нѣкоторыхъ деревняхъ большіе дома. Кромѣ прежнихъ податей взималась еще девятая доля урожая и введена барщина. Не покорявшіеся спахіи подвергались изгнанію.

Такимъ образомъ нарушалось одно изъ древнихъ государственныхъ учрежденій: земля и люди переходили въ частную собственность. Казалось, что во всѣхъ этихъ областяхъ введена будетъ система хищничества. Такъ утвердилъ свою власть Пасванъ Оглу, коему принадлежитъ учрежденіе субашей. Въ Босніи подобно ему началъ дѣйствовать Алибегъ Видаичь, жившій въ Зворникѣ. Онъ проходилъ села, вязалъ жителей, заставлялъ ихъ расписываться, будто они продали ему землю, и въ качествѣ читлуксахибія, оставлялъ имъ субашей. Тотъ и другой, и Пасванъ Оглу и Алибегъ Видаичь, находились въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ сербскими дахіями. Какъ сіи послѣдніе прежде служили Пасвану Оглу, такъ и Алибегъ, прибывъ въ Бѣлградъ, изъявилъ желаніе быть принятымъ въ ихъ сообщество.

Казалось, что рядомъ съ нововведеніями султана, предпринимаемыми въ духѣ единодержавія, вырабатывалась другая, совершенно противоположная система, основанная именно на тѣхъ началахъ, которыя султанъ желалъ подавить, на злоупотребленіяхъ и личной силѣ. И горе тому, кто изъ собственной среды этихъ людей осмѣлился бы имъ противодѣйствовать.

Алибегъ Видаичь возбудилъ зависть въ своихъ родственникахъ, и они возмутили противъ него спречскій округъ. Но, благодаря дахіямъ, онъ удержался, и подавилъ возмущеніе. Вслѣдъ за тѣмъ и тамъ начались повсюду грабежи, насиліе и убійства.

Въ бѣлградскомъ пашалыкѣ одинъ изъ прежнихъ чиновниковъ Хаджи Мустафы, Азамъ бегъ, бывшій прежде дефтеркяею, чиновникомъ въ казначействѣ, рѣшился съ друзьями своими и спахіями, не безъ помощи раи, возстать противъ дахіевъ: онъ уже добылъ оружіе и роздалъ его народу; но одинъ изъ его приближенныхъ, родной братъ, поторопился и испортилъ все дѣло. За тѣмъ послѣдовало то, что̀ обыкновенно бываетъ послѣ неудавшихся возмущеній: давленіе усилилось. Всѣ спахіи должны были удалиться изъ области, и только изрѣдка осмѣливались пріѣзжать въ пограничныя деревни. Субаши позволяли себѣ всѣ возможныя насилія. Не рѣдко они отнимали у крестьянина праздничную одежду на попоны лошадямъ своимъ, мѣшали совершать богослуженіе, принуждали женщинъ плясать коло передъ своими домами и брали къ себѣ лучшихъ красавицъ.

Природную грубость янычаръ усиливало чувство мести. Ихъ выгнали, теперь они опять водворились, хотѣли дать знать себя, и, какъ бываетъ въ междоусобныхъ войнахъ, не признавали болѣе никакой высшей власти.

Бѣжавшіе спахіи искали помощи въ Константинополѣ. Кнезы также осмѣлились собраться въ одномъ монастырѣ и отправить къ султану жалобу. «Дахіи обобрали насъ совершенно — писали они — намъ приходится подпоясываться лыкомъ; но имъ и того мало: не оставляютъ въ покоѣ нашу душу, оскорбляютъ честь и вѣру; у мужа отнимаютъ жену, у отца дочерей, у брата сестеръ; монастыри, церкви, монахи и попы, все предано поруганію. Если ты еще нашъ царь, то приди и освободи насъ отъ злодѣевъ; если же не хочешь спасти насъ, то по крайней мѣрѣ скажи о

томъ; тогда намъ останется бѣжать въ горы и лѣса или топиться въ рѣкахъ.» Султанъ не былъ равнодушенъ къ этимъ воплямъ, особенно когда Видаичь Ибрагимъ Ага, получившій рану отъ своего племянника Алибега, и тотъ Азамъ бегъ, коему не удалось возстаніе, оба бѣжали въ Константинополь и стали дѣйствовать въ пользу народа. Но зло не только не ослабѣло, а даже усилилось. Султанъ какъ бы не имѣлъ кромѣ угрозъ никакихъ другихъ средствъ для блага своихъ подданныхъ. Онъ объявилъ дахіямъ, что если они не уймутся, то онъ поступитъ съ ними какъ не поступалъ ни съ однимъ Туркомъ; что онъ пошлетъ противъ нихъ войско, но не турецкое — ибо *вѣрному* тяжело сражаться съ *вѣрнымъ*, — а изъ другаго народа и другой вѣры. Послѣ этого, какъ извѣстно, дахіи начали спрашивать другъ друга: «Какое это войско на умѣ у султана: Австрійцы или Русскіе? Не можетъ быть, чтобъ онъ пустилъ къ себѣ иноземцевъ! Ей Богу! у него на умѣ рая!» Они думали, что онъ велитъ Дервишъ бегу, сыну Мустафы или Азамъ бегу вооружить и повести противъ нихъ сербскихъ кнезовъ. Рѣшено было предупредить грозу, пойти въ нахіи и предать смерти всякаго, кто могъ быть опасенъ.

Въ февралѣ 1804 года приступили они къ этому кровавому дѣлу, каждый въ своемъ участкѣ. Сначала не встрѣчалось затрудненій. Какъ скоро они сами или сообщники ихъ пріѣзжали въ деревню, жители по обыкновенію встрѣчали ихъ съ ѣдою и питьемъ, и принимали лошадей. Тутъ представлялся удобный случай хватать кого угодно. Не довольствуясь кнезами и кметами, они брали всякаго, чѣмъ нибудь отличавшагося, храбростью, умѣньемъ красно говорить

или богатствомъ. Перваго умертвили они кнеза Станоя изъ Бегалицы; за тѣмъ кнезовъ Марка Чарапича, Стефана изъ Зеока, Тешу (Өеофана) изъ Орашя, (не подалеку отъ Смедерева), бывшихъ булюкбашей Янка Гагича изъ Болеча, Матвѣя изъ Крагуевца; игумена монастыря Моравци, Хаджи Геро: духовный санъ не спасъ его. Алексу Ненадовича заподозрѣли по поводу одного письма, которое онъ послалъ въ Австрію и въ которомъ говорилось о невыносимомъ положеніи страны; Алекса назвалъ сочинителемъ перехваченнаго письма архимандрита Рувима, который еще прежде бѣжалъ изъ монастыря Боговадьи. По несчастію архимандритъ возвратился въ Сербію, и Алекса увѣдомилъ его о грозившей ему бѣдѣ. Рувимъ отвѣчалъ: «Алекса не бывалъ на чужой сторонѣ и не знаетъ, что̀ такое чужой домъ; теперь его очередь». Они оба надѣялись уйти: Алексу увѣряли, что его болѣе не считаютъ сочинителемъ письма; у Рувима былъ племянникъ живописецъ, работавшій въ домѣ одного изъ дахіевъ. Но оба они имѣли большое значеніе въ народѣ: Алексу умертвилъ Фочичь, Рувимъ испустилъ духъ въ ужасныхъ пыткахъ подъ рукою Аганліи. За ними послѣдовали Илья Бирчанинъ, Петръ изъ Ресавы, Райца изъ Забрдья и множество другихъ, имена коихъ нѣтъ возможности исчислить. Ужасъ распространился въ Сербіи. Никто не зналъ, кому именно грозила смерть; но разнеслась молва, что искоренено будетъ все народонаселеніе, и потому самый послѣдній дрожалъ за жизнь. По селамъ, Турки встрѣчали однихъ стариковъ, да дѣтей: всѣ, кто были въ силахъ, бѣжали въ горы, въ потаенныя убѣжища гайдуковъ.

ГЛАВА VII.

Возстаніе противъ дахіевъ.

Мы видѣли, какъ со смерти Стефана Душана положеніе Сербовъ становилось все хуже и хуже, какъ они сначала потеряли политическую самостоятельность, какъ потомъ лишены были всякаго значенія въ общественной, гражданской и церковной жизни. Вся послѣдующая исторія ихъ состояла въ постепенной утратѣ свободы; и какъ бы служа примѣромъ человѣческаго долготерпѣнія, они стенали подъ игомъ, которое становилось все тяжеле и тяжеле. Отдохнувъ нѣсколько подъ австрійскимъ правительствемъ и въ послѣдующіе за тѣмъ немногіе годы, они снова очутились въ положеніи отчаянномъ: имъ всѣмъ надлежало либо погибнуть насильственною смертью, либо сдѣлаться совершенными рабами злобныхъ хищниковъ. Между тѣмъ, мы знаемъ, этотъ народъ жилъ нѣкогда самостоятельною жизнью, хранилъ въ себѣ самосознаніе, ожившее въ послѣднія войны, и именно въ удачныхъ предпріятіяхъ противъ тѣхъ самыхъ янычаръ, которые теперь обрекли ихъ на гибель. Въ ту минуту, когда имъ предстояло быть или не быть, самосознаніе это, если только дѣйствительно они имѣли его, должно было пробудиться.

Впослѣдствіи мы увидимъ, что тутъ началась для нихъ новая жизнь.

Крестьяне и пастухи, бѣжавшіе въ горы, сначала желали единственно возвратиться въ свои домы и продолжать безопасно прежнюю жизнь. Но для этого необходимо было поднять общее земское ополченіе и собственными средствами положить конецъ наглому насилію.

Они рѣшились на это единодушно.

Спускаясь по направленію къ Дунаю и Савѣ, земля сербская раздѣляется на три большія части. Главная изъ нихъ въ серединѣ, такъ называемая Шумадія, почти сплошь покрытая лѣсомъ. Отъ нея отдѣляются двѣ остальныя части, съ одной стороны подверженною частымъ наводненіямъ долиною Моравы, съ другой Колубарою, быстрою въ своихъ верховьяхъ, и текущею далѣе по болотистымъ мѣстамъ. Движеніе началось въ каждой изъ этихъ частей особо.

Прежде всего въ Шумадіи явились народными вождями Георгій Петровичь, или Кара Георгій, какъ называютъ его Турки; Янко Катичь и Васо Чарапичь. Первый спасся бѣгствомъ въ ту самую минуту, когда Турки готовы были схватить его. Онъ велъ торговлю свиньями — самую прибыльную и наиболѣе распространенную въ Сербіи — и гналъ стада на продажу въ Австрію, когда узналъ, что его ищутъ Турки. Онъ бросилъ свиней и вмѣстѣ съ своими наемными пастухами убѣжалъ въ лѣса. Прежде онъ служилъ въ корпусѣ волонтеровъ, потомъ былъ гайдукомъ и пользовался извѣстностью, какъ одинъ изъ самыхъ предпріимчивыхъ и въ тоже время самыхъ богатыхъ людей въ Сербіи. Впослѣдствіи мы познакомимся съ нимъ короче. Второй, Катичь, узналъ военное дѣло и способныхъ къ нему соотечественниковъ своихъ,

сражаясь противъ Пасвана Оглу, въ качествѣ булюк-баши; онъ былъ храбръ, уменъ и умѣлъ красно говорить. Васо пылалъ желаніемъ отмстить за смерть своего брата Марка Чарапича. Всѣ трое согласились не дожидаться смерти отъ руки палача или конюха дахіевъ, а лучше самимъ, какъ свободнымъ людямъ, идти ей на встрѣчу. Вскорѣ у нихъ оказалось множество сообщниковъ. Все это были люди, почитавшіе за грѣхъ сложить даромъ свои головы и рѣшившіеся умирать не иначе, какъ нанеся смерть хотя одному врагу. Къ нимъ не замедлили пристать и гайдуки, изъ коихъ больше всѣхъ славились Главашъ и Велько. Сей послѣдній въ теченіи зимы пасъ овецъ и женился. Теперь онъ снова досталъ свое оружіе и надѣлъ гайдуцкое платье: «Горе мнѣ, закричала жена, увидавъ его въ такомъ одѣяніи, мужъ мой разбойникъ!» Онъ утѣшилъ ее, сказавши, что теперь всѣ сдѣлались разбойниками и пошелъ отыскивать своихъ товарищей. Прежде всего гайдуки и бѣглецы, собравшись въ немаломъ числѣ, пошли на село Шибеникъ въ бѣлградскомъ округѣ, откуда были родомъ Катичь и Чарапичь. Они обратили въ пепелъ жилище субаши; всѣхъ встрѣчныхъ Турокъ грабили и убивали, а Сербовъ, способныхъ носить оружіе, уводили съ собою. Во всѣ стороны поскакали гонцы съ повѣсткою, чтобы всякій, кто можетъ владѣть ружьемъ, шелъ на войну, разорялъ жилища субашей и отсылалъ женъ и дѣтей въ горы. Кто не слушался, того заставляли силою.

Вѣсть объ этомъ взволновала села по ту сторону Колубары. Тамъ всѣхъ славнѣе былъ Яковъ Ненадовичь, про котораго пѣсня разсказываетъ, что братъ его, Алекса, умирая завѣщалъ ему отмстить за себя.

Лука Лазаревичь, братъ Ранка, не смотря на то, что былъ священникомъ и носилъ бороду, взялся за оружіе. Изъ тамошнихъ гайдуковъ особенно славился Тюрчія (Ћурчия). Однажды Турки стрѣляли въ цѣль и не могли попасть въ нее; Тюрчія, до того времени никогда во всю жизнь не бравшій ружья въ руки, выстрѣлилъ и не далъ промаху. Съ тѣхъ поръ Турки возненавидѣли его, и онъ принужденъ былъ бѣжать отъ нихъ въ горы. Теперь онъ сталъ знаменоносцемъ у Якова.

Тогда же началось движеніе и по ту сторону Моравы. Тамъ дѣйствовалъ Миленко изъ Кличевца, вмѣстѣ съ Катичемъ сражавшійся противъ Пасвана Оглу, человѣкъ богатый, пользовавшійся значеніемъ въ народѣ, и по природѣ своей болѣе наклонный къ спокойной жизни. Его сообщникомъ былъ Петръ Тодоровичь Добриняцъ, долгое время связанный съ нимъ общими интересами.

Повсюду Турки были немедленно выгнаны изъ деревень. За тѣмъ побѣдители тотчасъ же бросились на небольшіе города или такъ называемыя паланки. Сопротивленія и тутъ не было; сначала они взяли Рудникъ и сожгли его; потомъ другія паланки одну вслѣдъ за другою. Турецкое народонаселеніе спасалось бѣгствомъ въ укрѣпленныя мѣста.

Такъ началось возстаніе Сербовъ. Мгновенно вся страна, всѣ двѣнадцать нахій, села и паланки, очутились въ рукахъ тѣхъ, кои недавно обречены были на конечное истребленіе.

«Каждый домъ — разсуждали между собою Сербы — имѣетъ своего старѣйшину; народъ также долженъ имѣть главу, дабы знать, кто имъ предводитель-

ствуетъ.» На сборѣ старѣйшинъ шумадійскихъ сначала думали выбрать Главаша, который отличился въ преслѣдованіи Турокъ; но онъ отказался, говоря что у него нѣтъ ни двора, ни поля, никакой другой собственности и что народъ не можетъ имѣть довѣрія къ бездомному гайдуку. За тѣмъ обратились къ кнезу Теодосію изъ села Орашя въ крагуевецкомъ округѣ. «Богъ съ вами! сказалъ онъ, что вы вздумали? кнезы еще какъ нибудь спасутъ гайдука, если воротятся Турки, а кто вступится за кнезовъ?» И такъ съ одной стороны гайдуки не пользовались народнымъ довѣріемъ, съ другой кнезы не рѣшались лишиться всего въ случаѣ неудачи, и глава народа не могъ быть избранъ изъ среды ихъ. Нуженъ былъ человѣкъ, который бы былъ гайдукомъ, и въ то же время занимался мирнымъ промысломъ, ибо и самое войско состояло изъ этихъ двухъ элементовъ. Эти условія соединялъ въ себѣ Кара Георгій, коего предложилъ Теодосій. Сначала онъ было началъ говорить, что не умѣетъ править, но кнезы обѣщались помогать ему совѣтами. «Но вѣдь я жестокъ — продолжалъ Георгій — и у меня крутой нравъ; я не стану долго толковать, и на кого разсержусь, убью на мѣстѣ.» — Теперь намъ такой и нуженъ, отвѣчали кнезы. — Такимъ образомъ Кара Георгій сдѣлался комендантомъ Сербовъ (*). Онъ не былъ облеченъ ни княжескою властью надъ страною, ни военною надъ войскомъ, ибо многіе имѣли одинакія съ нимъ права; въ одной Шумадіи народъ призналъ его своимъ главой, но такъ

(*) На его печати были вырѣзаны слова: *Командант Србие*. Позднѣе онъ сталъ называться верховнымъ вождемъ.

какъ эта область больше всѣхъ, то и въ другихъ областяхъ онъ пользовался особымъ почтеніемъ.

Доселѣ Сербы болѣе оскорбили и встревожили дахіевъ, нежели сокрушили ихъ могущество. Засѣвъ въ крѣпостяхъ, сіи послѣдніе могли оставаться совершенно безопасными, и снова господствовать надъ страною. Они конечно думали, что рая удовольствуется обѣщаніями и положитъ оружіе. Но было уже поздно: недавнія злодѣйства были слишкомъ ужасны, и народъ уже почувствовалъ свою силу.

Переговоры начались въ Дрлупѣ, но въ то самое время, какъ представители обѣихъ сторонъ совѣщались, между спутниками ихъ завязалась драка, и не безъ крови. Потомъ вступился было Фочичь, искусный примиритель, однако на этотъ разъ старанія его оказались безплодны. Когда наконецъ митрополитъ Леонтій, Грекъ почти столь же ненавистный Сербамъ, какъ и Туркамъ, прибылъ изъ Бѣлграда съ новыми предложеніями, Сербы объявили рѣшительно, что не станутъ и говорить о мирѣ, пока не выдадутъ имъ дахіевъ.

Между тѣмъ, по первому слуху о начавшихся смутахъ, на границахъ Сербіи появилось около тысячи кирджаліевъ, съ предводителемъ своимъ Гушанцъ Аліемъ. Они готовы были пристать и къ Сербамъ, но сіи послѣдніе не хотѣли видѣть въ рядахъ своихъ Турокъ: съ этимъ именемъ для нихъ неразлучно было понятіе о насиліи. Дахіи не могли быть такъ разборчивы, и какъ ни опасались впустить въ главную крѣпость этихъ наѣздниковъ, коихъ привычки были слишкомъ извѣстны, но нужда заставила рѣшиться: имъ отвели помѣщеніе, однако не въ самомъ Бѣлградѣ, а въ предмѣстьи его Врачарѣ.

Но у нихъ уже были болѣе надежные помощники въ открытомъ полѣ. Другъ ихъ Алибегъ Видаичь захотѣлъ отблагодарить за услугу, которую нѣкогда они ему оказали. Ни онъ, ни его янычары ни мало не сомнѣвались въ скоромъ и совершенномъ подавленіи возстанія. Проходя Лозницу, нѣкоторые изъ нихъ говорили: «Неужели это тѣ самые Сербы, которые, бывало, человѣкъ съ пятьдесятъ, везутъ невѣсту на свадьбу и завидя кого нибудь изъ насъ, прячутъ пистолеты подъ платья или слѣзаютъ съ коней? да и теперь пятьдесятъ Сербовъ не совладѣютъ съ однимъ Туркомъ!» Самъ Алибегъ даже не захотѣлъ идти на бой съ такимъ презрѣннымъ врагомъ; по обычаю визирей, онъ остался въ Шабцѣ и предоставилъ субашамъ вести войско и наказать возмутившихся. Но Сербы уже не въ первый разъ выступали въ поле. Они въ это время строили укрѣпленіе въ Свилеувѣ и узнавъ о приближеніи непріятеля, съ умысломъ бросили не совсѣмъ оконченную работу; Турки вѣроятно подумали, что они ихъ испугались и немедленно заняли укрѣпленіе; тогда Сербы, возвратясь назадъ, окружили ихъ, и тѣмъ самымъ взяли перевѣсъ. Новыя толпы безпрестанно прибывали къ нимъ и безъ устали стрѣляли въ Турокъ. Осажденные Турки, безъ припасокъ, угрожаемые явною гибелью, наконецъ объявили, что они не имѣли намѣренія сражаться, и шли только развѣдать о случившемся. За тѣмъ Сербы дозволили выѣхать, но однимъ Боснякамъ, а не пришедшимъ съ ними бѣлградскимъ янычарамъ. Сіи послѣдніе попытались силою выбраться вмѣстѣ съ первыми; завязался бой; изъ тѣхъ и изъ другтхъ спасся едва десятый человѣкъ. На этомъ обратномъ пути они проходили Лозницу, уже совсѣмъ въ другомъ

расположеніи духа. Они разсказывали, что у каждаго Серба есть широкая, на подобіе щита доска, завостренная къ низу, которую онъ носитъ съ собою, двигаясь впередъ, втыкаетъ въ землю и стрѣляетъ изъ-за нея, какъ изъ-за стѣны; что ихъ пули летали ежеминутно, какъ будто они брали ихъ изъ мѣшка и бросали руками. Тамошніе музульмане поспѣшили услать женъ и дѣтей за Дрину.

Успѣхъ ободрилъ Сербовъ, и они рѣшились идти къ крѣпостямъ. Воины Шумадіи напали на Бѣлградъ; по ту сторону Колубары, Яковъ Ненадовичь явился передъ Шабцемъ; за Моравою Миленко осадилъ Пожаревацъ, наскоро укрѣпленный дахіями.

Передъ Шабцемъ Сербамъ пришлось во второй разъ отбиваться отъ Босняковъ.

Одинъ кабадахія, по имени Нóжина, еще до возстанія отправился въ Боснію къ семьѣ своей. Съ нимъ было восемьдесятъ отлично вооруженныхъ кирджаліевъ; на возвратномъ пути, онъ набралъ еще съ тысячу человѣкъ, надѣясь съ ихъ помощью безпрепятственно пройти, и можетъ быть даже разсѣять толпу, облегавшую Шабацъ. Но напередъ ему надо было взять монастырь Чокешину, гдѣ стоялъ Тюрчія. У сего послѣдняго было около 200 гайдуковъ, и не смотря на то, что Яковъ привелъ къ нему небольшое подкрѣпленіе, онъ отчаявался удержать за собою Чокешину. «Монастырь можно опять выстроить, сказалъ онъ, а человѣка убитаго не воскресишь.» Яковъ напротивъ, будучи смѣтливѣе, понималъ, что дѣло было не въ монастырскихъ стѣнахъ, а въ томъ, чтобы врагъ не проникъ къ Шабцу и не принудилъ снять осаду этой важной крѣпости. «Развѣ ты думаешь, возразилъ онъ гайдуку, что человѣческое сѣмя въ

7

Bayerische
Staatsbibliothek
München

тебѣ изсякло?» Тюрчія разсердился и ушелъ въ горы. Другіе также не послушались Якова и, привыкнувъ сражаться въ лѣсахъ и горахъ, не хотѣли защищать монастырскихъ стѣнъ. «Что мы за бабы, говорили они, чтобы намъ запираться и ждать смерти?» Они рѣшились выдти на ближайшій холмъ — Ѳермопилы сербскихъ гайдуковъ — и тамъ дожидались врага, у котораго было въ пять разъ больше силы. Правда, они не совсѣмъ оставались безнадежны: Яковъ пошелъ за подкрѣпленіемъ; но прежде чѣмъ успѣлъ онъ придти на помощь, все было кончено. Окруженные со всѣхъ сторонъ, Сербы дрались отчаянно съ утра до вечера; пороху не доставало, ружья отъ частой стрѣльбы перепортились; многіе пали; остальные, перераненые, все еще хоть изрѣдка продолжали стрѣлять, изъ-за дерева, уже сидя. Смеркалось, когда къ Туркамъ пришелъ новый отрядъ: они бросились на приступъ и перебили всѣхъ гайдуковъ. Но славная смерть ихъ не была безплодна: Ножина потерялъ столько людей, что уже не могъ оказать никакой помощи Шабцу.

Тамъ въ это самое время рѣшалось дѣло. Яковъ Ненадовичь досталъ пушку, которая, хотя и дорого стоила, но не мало помогла ему. Шабацъ первый изъ крѣпостей вступилъ въ переговоры, и прежде чѣмъ Яковъ пришелъ назадъ изъ Чокешины, сдался его племяннику Протѣ (т. е. протопопу), сыну Алексы, на томъ условіи, чтобы всѣ сообщники дахіевъ вышли изъ Сербіи; остальнымъ дозволено было остаться, но не ходить болѣе въ нахіи.

За тѣмъ, взявъ съ собою упомянутую пушку и усиливъ войско небольшимъ отрядомъ изъ-подъ Бѣлграда, Яковъ и Кара Георгій пошли къ Пожаревцу,

Bayerische Staatsbibliothek München

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА

на помощь къ Миленку. Немедленно по приходѣ ихъ, гарнизонъ вступилъ въ переговоры и вышелъ изъ крѣпости, выдавъ Кара Георгію лучшихъ арабскихъ коней и отличное оружіе въ серебряныхъ оправахъ. Побѣдоносное войско двинулось къ Смедереву; тамошніе Турки также обязались не ходить въ нахіи, и ждали, чтò будетъ съ Бѣлградомъ. Туда направились теперь всѣ силы Сербовъ. Ихъ войско занимало все поле между Савою и Дунаемъ. На берегу Савы расположился Яковъ, на Дунаѣ Чарапичь; въ срединѣ Георгій и Катичь, каждый въ своихъ окопахъ. Тутъ же стоялъ въ особыхъ окопахъ и распустилъ собственное знамя и Тюрчія, снова поссорившійся съ Яковомъ за раздѣлъ Пожаревацкой добычи. Впрочемъ онъ оставался не долго; обидѣвшись тѣмъ, что Кара Георгій наказалъ одного изъ его товарищей, онъ собралъ свою дружину и ушелъ изъ-подъ Бѣлграда.

Вскорѣ на мѣсто его явился къ Сербамъ совершенно другаго рода помощникъ. Гайдукъ отъ нихъ ушелъ: къ нимъ прибылъ паша боснійскій.

Его прибытіе не удивило Сербовъ; ибо какъ ни мало знали они общественныя отношенія, однако понимали, что притѣснители ихъ вовсе не были друзьями султана. Напротивъ, изгнанные спахіи безпрестанно извѣщали ихъ, что султанъ доволенъ ихъ возстаніемъ. Они уже приняли въ ряды свои нѣсколько Турокъ; бывшій бимбаша Хаджи Мустафы завѣдывалъ у нихъ аммуниціею, и училъ прицѣливать такъ, чтобы ни однимъ выстрѣломъ не давать промаху. Въ ихъ станѣ появился даже одинъ старикъ изъ турецкаго духовенства, и ему приписываютъ сочиненіе распространившагося между Сербами подложнаго фирмана, въ которомъ одобрялось ихъ возстаніе.

Хотя диванъ еще не рѣшился на такое прямое объявленіе, но разумѣется онъ ясно постигалъ всю важность этой борьбы для османской державы, и видѣлъ, что она представляла возможность сокрушить могущество янычаръ, столь противное намѣреніямъ султана. Великій визирь возымѣлъ весьма благоразумную мысль придать видъ законности народному возстанію, подчинивъ его высшей власти, и за тѣмъ покончить дѣло. Дозволивъ Азамъ бегу, все еще жившему въ Константинополѣ и хлопотавшему за изгнанныхъ спахіевъ, собрать сихъ послѣднихъ, назначивъ кнеза Ивана Рашковича, который также жилъ въ столицѣ, начальникомъ бѣлградской таможни (базержанбаши) и поручивъ ему закупать провіантъ для сербскаго войска, визирь въ тоже время послалъ приказъ боснійскому пашѣ Бекиру принять главное начальство надъ всѣмъ краемъ, выгнать дахіевъ и возстановить спокойствіе.

Мы не будемъ распространяться о дѣйствіяхъ Азамъ бега и Рашковича. Всего важнѣе было то, что Бекиръ двинулся изъ Босніи съ 3.000 воиновъ. Сербы приняли его со всевозможными почестьми; выслали къ нему на границу кнезовъ, приготовляли ему ночлеги, въ станѣ своемъ привѣтствовали его выстрѣлами. Онъ расположился подлѣ нихъ, недалеко отъ Врачара, у Бѣлаго Колодца.

Но онъ обманулся въ своихъ предположеніяхъ. Когда въ Шабцѣ ему повстрѣчался Тюрчія съ своею дружиною, одинъ старый Турокъ, услышавъ имя извѣстнаго гайдука, несшаго знамя, воскликнулъ: «Неужели для того я дожилъ до сѣдыхъ волосъ, чтобы видѣть, какъ развѣвается знамя разбойника?» Другіе Турки также не могли скрыть непріятнаго изумленія. Вмѣсто

покорной раи Бекиръ нашелъ подъ Бѣлградомъ сильное войско, коего предводители красовались въ богатыхъ одеждахъ и оружіи, отнятыхъ у Турокъ.

Но какъ бы то ни было, союзъ паши съ раею встревожилъ дахіевъ; они увидѣли теперь, что султанъ не напрасно грозилъ имъ, что противъ нихъ дѣйствительно выведено войско другой вѣры. Но всего болѣе страшились они собственнаго наемника, Гушанца Али, который явно велъ переговоры съ обѣими сторонами. Одинъ изъ довѣренныхъ слугъ его, какъ будто измѣняя своему господину, но конечно по его же приказанію, донесъ имъ, что Гушанцъ Али хочетъ отворить ворота Бѣлграда. Медлить было нечего; захвативъ съ собою нѣкоторыя дорогія вещи, дахіи сѣли въ лодку и внизъ по Дунаю отплыли въ Новую Оршову. Тотчасъ по удаленіи ихъ, Гушанцъ занялъ настоящую крѣпость, и не преминулъ ограбить знатнѣйшихъ жителей, поставивъ имъ въ вину дружбу ихъ съ дахіями. Однако противиться волѣ султана онъ не посмѣлъ, и впустилъ въ городъ боснійскаго пашу.

Бѣгство не спасло малодушныхъ тирановъ. Сербы настоятельно потребовали ихъ казни, и паша приказалъ оршовскому коменданту выдать имъ враговъ султана. Ночью Миленко и нѣсколько другихъ Сербовъ прибыли въ Оршову. Комендантъ указалъ имъ ярко освѣщенный домъ; обмѣнялись немногими выстрѣлами, и вслѣдъ за тѣмъ Миленко повезъ въ сербскій лагерь головы четырехъ дахіевъ.

За тѣмъ Бекиръ объявилъ, что теперь все, чего желали Сербы, исполнено, что они могутъ идти домой къ полямъ и стадамъ своимъ.

ГЛАВА VIII.

Разрывъ съ султаномъ.

Не жажда новизны, не какія либо политическія теоріи, но тяжкая необходимость и опасеніе за жизнь побудили Сербовъ взяться за оружіе: они возставали противъ явныхъ враговъ своего государя.

И не смотря на все это, отъ нихъ требовали; чтобы, одержавъ побѣду, они жили по прежнему.

Впрочемъ война еще не кончилась.

Дахіевъ уже не было, но заведенная ими система не прекращалась. Ихъ субаши и кабадахіи продолжали властвовать въ южныхъ крѣпостяхъ пашалыка. Въ Ужицѣ нѣкто Омеръ ага, служившій прежде въ Видинѣ у Пасвана Оглу, и извѣстный намъ Бего Новлянинъ, пришедшій изъ Босніи, распоряжались самоуправно и насильственно; въ Пожежскомъ округѣ, въ Карановцѣ, нашли себѣ убѣжище субаши, совершившіе можетъ быть наиболѣе злодѣяній.

Даже въ Бѣлградѣ Бекиръ не встрѣчалъ безусловнаго повиновенія.

Гушанцъ Али, отворившій ему городскія ворота, не выдалъ ключей отъ верхней крѣпости, и забывъ всѣ прежніе свои поступки, настоятельно требовалъ жалованья, которое будто не выплатили ему дахіи.

Бекиръ не рѣшался выѣхать изъ Бѣлграда до тѣхъ поръ, пока Сербы, по просьбѣ визиря, не обязались взнести часть этого жалованья, которое Гушанцъ заслужилъ въ войнѣ противъ нихъ же самихъ (*).

Но и послѣ того кирджаліи не оставили крѣпости. Они раздѣлились на партіи, ссорились между собою, и никто не смѣлъ мѣшать имъ; племянникъ новооршовскаго коменданта Реджепъ и Гушанцъ Али наперерывъ добивались завладѣть пашалыкомъ; и Гушанцъ наконецъ прогналъ своего предполагаемаго совмѣстника. Такимъ образомъ смуты все еще продолжались, и порядокъ далеко не былъ возстановленъ.

Но во всякомъ случаѣ Сербы не могли возвратиться къ прежнему своему состоянію. Уже въ третій разъ они одержали побѣду, сражаясь съ Турками, и неужели по прежнему должны были прятать оружіе и слѣзать съ коней передъ тѣми, коихъ предки нѣсколько столѣтій тому назадъ утвердились на ихъ землѣ? Неужели снова надлежало имъ терпѣть униженія, приходя въ города, которые теперь они сами

(*) Извѣстія объ этомъ дѣлѣ спутаны. Обыкновенно разсказываютъ, что между Бекиромъ и Сербами заключенъ былъ особый договоръ, и что напослѣдокъ Бекиръ совершенно перешелъ на сторону Сербовъ (Брелова, Хроника 19 столѣтія, 1804, стр. 347). Почти столь же заслуживаетъ вѣроятія разсказъ о томъ, будто Бекиръ нанялъ одного Турка убить предводителя Сербовъ, и будто Турокъ проникъ къ Георгію подъ предлогомъ сообщенія ему какихъ-то важныхъ тайнъ, но выстрѣлилъ неудачно и только оцарапалъ ему щеку. Дѣйствительно у Кара Георгія былъ рубецъ на щекѣ, но онъ получилъ его совсѣмъ иначе: момки (дружина) Кара Георгія просили одного игумена, по имени Жаркова, уступить имъ буздованъ, отнятый у Турокъ; игуменъ не согласился. Тогда момки обратились къ своему начальнику и тотъ приказалъ взять буздованъ силою. Но игуменъ отвѣчалъ: «Жарковъ и Туркамъ ничего не уступалъ безъ бою», выхватилъ мечъ и ударилъ Кара Георгія по щекѣ. За тѣмъ момки убили его до смерти.

завоевали? Съ побѣдою неразлучна власть. Сія послѣдняя принадлежала теперь уже не столько пашамъ и спахіямъ, сколько людямъ, которые предводительствовали народомъ въ сраженіяхъ. Самостоятельные, окруженные многочисленною дружиною товарищей-момковъ, готовыхъ исполнять ихъ повелѣнія, эти люди естественно не могли возвратиться къ прежнему образу жизни. Конечно сначала они не имѣли въ виду измѣнить общественное положеніе свое; но самый ходъ обстоятельствъ привелъ ихъ къ тому.

Обѣ стороны чувствовали это, и оттого возникли вражда и недовѣріе даже къ такимъ лицамъ, съ коими обыкновенно стараются жить въ ладу, какъ напримѣръ къ оставшемуся въ Бѣлградѣ пашѣ Сулейману. Сербскіе вожди стали опасаться его и ходили въ Бѣлградъ по одиначкѣ. Однажды, случайно собравшись въ Бѣлградѣ, они сочли нужнымъ притвориться, будто пришли въ городъ за тескерами для сбора харача, и замѣтили, или имъ показалось, что паша замышлялъ удержать ихъ всѣхъ вмѣстѣ и посягнуть на жизнь ихъ. Впослѣдствіи они говорили, что только съ помощью этого обмана имъ удалось счастливо выдти изъ Бѣлграда.

Въ это самое время, по сосѣдству, поданъ былъ примѣръ соглашенія враждующихъ сторонъ.

Какъ прежде хищничество, такъ теперь возстаніе распространилось въ боснійскихъ округахъ, лежащихъ по сю сторону Дрины. Виновникомъ былъ Тюрчія. Мы оставили его въ шабацкой нахіи. Злобясь на Якова Ненадовича, онъ смѣнилъ всѣхъ поставленныхъ имъ чиновниковъ; и послѣ того отправился за границу. Ему стоило только сжечь замокъ Алибега Видаича и распустить своихъ момковъ въ окрестные

округи Ядаръ и Радевину, какъ вспыхнуло общее возстаніе, и народъ повсюду началъ выгонять Турокъ.

Но бѣда ожидала самого Тюрчію. Онъ не могъ удержаться противъ возвратившихся Турокъ, которые не только опустошали Ядаръ, но проникли даже къ Шабцу; сверхъ того его люди иногда позволяли себѣ грабить. То и другое поставили ему въ преступленіе, и по настоянію Якова онъ былъ приговоренъ къ смерти. Дабы исполнить этотъ приговоръ, Яковъ пригласилъ его въ Новое Село, какъ будто на совѣщаніе о защитѣ границъ. Ничего не подозрѣвая и почти забывъ старую вражду, гайдукъ взялъ съ собою четырехъ момковъ и явился къ Якову, у котораго было слишкомъ тысяча человѣкъ. Вечеръ прошелъ въ ѣдѣ и толкахъ; на другой день схватили одного момка. Тюрчія въ это время спалъ. Проснувшись и увидавъ свою лошадь въ чужихъ рукахъ, онъ тотчасъ взялъ ружье и бросился сквозь ряды враговъ къ ближайшему дому, дабы имѣть къ чему прислониться. Раны уже покрывали его, когда онъ добрался до дому, однако онъ разогналъ всѣхъ тамъ бывшихъ, опустился на землю, и, не переставая отбиваться, истекъ кровью. Первая жертва междоусобія, герой, о которомъ соотечественники отзываются съ удивленіемъ.

То самое предпріятіе, которое погубило Тюрчію, даровало возставшимъ округамъ законный порядокъ вещей. Въ Зворникѣ жилъ нѣкто Мехметъ Капетанъ, человѣкъ знатный, уже семидесяти лѣтъ, но еще бодрый и храбрый. Онъ постоянно противился нововведеніямъ Алибега и теперь объявилъ, что съ пятью сыновьями своими онъ готовъ идти противъ Турокъ. Хотя и ему не оказывали совершеннаго повиновенія, однако, благодаря стараніямъ его и двухъ

туземныхъ старшинъ Антонія Богитевича и Ефты Савича, эти округи прежде другихъ успокоились. Субаши и читлуксахибіи были отставлены; паша обѣщалъ, что землевладѣльцы будутъ только разъ въ году приходить для сбора доходовъ, и что во все остальное время ни одинъ Турокъ не появится въ ихъ предѣлахъ; даже отправляясь въ походъ противъ Сербіи, будутъ выбирать другую дорогу. Съ обѣихъ сторонъ выданы были заложники. Жители обязались платить порезу и харачь; за то имъ дозволено было во всѣхъ дѣлахъ, большихъ и малыхъ, имѣть свой судъ и свою управу. Такимъ образомъ въ Ядрѣ и Радевинѣ водворился порядокъ.

Но могли ли Сербы бѣлградскаго пашалыка согласиться на подобныя же условія?

Они желали лучшаго, и никто конечно не удивится этому.

Въ самомъ дѣлѣ положеніе ихъ далеко не походило на положеніе жителей Ядра и Радевины. Они подвергались несравненно бо́льшимъ опасностямъ, принесли гораздо больше жертвъ. Кромѣ того имъ необходимо надлежало обезпечить себя. Уже разъ они узнали ненадежность высшей власти, которая ввергла ихъ въ самое тяжкое несчастіе, дозволивъ изгнаннымъ янычарамъ снова поселиться въ землѣ ихъ. Кто могъ поручиться, что при такомъ неопредѣленномъ положеніи враги ихъ опять не усилятся, и всѣ труды и пожертвованія ихъ не пропадутъ даромъ?

Они были вправѣ заботиться о болѣе надежномъ обезпеченіи своей будущности.

Тогда-то возымѣли они намѣреніе, чрезвычайно важное, какъ само по себѣ, такъ и по способу его

исполненія, намѣреніе обратиться къ посредничеству какой нибудь христіанской державы.

Нѣсколько времени продолжалось колебаніе, къ кому обратиться, къ Австріи или къ Россіи.

Въ Австріи жило столько ихъ соплеменниковъ; она не разъ подавала поводъ къ народнымъ возстаніямъ, уже однажды правила Сербами, и въ послѣднюю войну помогла имъ получить навыкъ въ военномъ дѣлѣ. Многіе изъ нихъ присягали Іосифу II или служили въ его войскахъ.

Но помнили также, что Австрія никогда не удерживала за собою пріобрѣтенныхъ отъ Турокъ земель и снова выдавала ихъ Туркамъ. Кромѣ того, въ то время все вниманіе австрійскаго правительства было устремлено на западъ; оно напрягало всѣ свои силы, готовясь къ предстоявшей рѣшительной борьбѣ съ Французскою имперіею въ Италіи и Германіи.

Съ другой стороны Россія въ послѣднее столѣтіе получила великое значеніе у всѣхъ христіанъ греческой церкви, и Сербы желали стать къ ней въ тѣже самыя отношенія, въ какихъ находились Молдавія и Валахія. Обоимъ этимъ княжествамъ въ нѣсколькихъ трактатахъ Россія выговорила у Порты свободу вѣроисповѣданія съ обязательствомъ платить умѣренную подать. Еще въ свѣжей памяти былъ хаттишерифъ 23 октября 1802 года (*), коимъ Порта дала бо́льшую самостоятельность тамошнему правительству, обѣщала не смѣнять князей безъ вѣдома Россіи и не допускать въ княжества Турокъ, кромѣ людей торговыхъ. Недавно новый князь, сославшись на опустошенія, произведенныя Пасваномъ Оглу, съ помощью Россіи вы-

(*) Въ извлеченіи у Энгеля, въ Исторіи Валахіи, стр. 73.

хлопоталъ себѣ освобожденіе отъ подати. Такія существенныя услуги, оказанныя сосѣдямъ, побудили Сербовъ, послѣ нѣкотораго размышленія, обратиться къ Россіи. Въ августѣ 1804 года въ Петербургъ поѣхали трое уполномоченныхъ, Прота Ненадовичь, Иванъ Протичь и Петръ Чардаклія. Они возвратились въ февралѣ 1805 года и привезли весьма благопріятный отвѣтъ. Русскій дворъ предложилъ имъ отнестись напередъ съ своими требованіями въ Константинополь, и тамъ обѣщалъ употребить свое заступничество.

Чувство увѣренности въ своемъ дѣлѣ оживило Сербовъ: теперь они имѣли опору въ великой христіанской державѣ, и понятно, что требованія ихъ не могли быть малы.

Въ апрѣлѣ 1805 года они собрались на совѣщаніе въ Остружницѣ. Туда же прибыли Турки изъ Бѣлграда и отъ имени Порты уполномоченные молдавскаго и валахскаго господарей, коимъ будто поручено было отъ султана обѣщать сербскимъ вождямъ бераты на должности главныхъ кнезовъ (*). Но ни тѣ, ни другіе, конечно не имѣли права дозволить Сербамъ то, чего имъ хотѣлось. Поставленные въ необходимость вести войну съ Гушанцемъ Али, сидѣвшимъ въ Бѣлградѣ, и съ приверженцами дахіевъ, которые владѣли южными крѣпостями, Сербы требовали, чтобы впредь всѣ крѣпости были заняты сербскими войсками. Съ ихъ стороны это требованіе было весьма справедливо, ибо крѣпости служили пріютомъ хищничества и насилія; тѣмъ не менѣе оно поставило диванъ въ

(*) Въ Константинополѣ думали, что оба господаря, или по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ Ипсиланти, другъ Кара Георгія, убѣдилъ сего послѣдняго не быть уступчивымъ въ переговорахъ. (Жюшеро II, стр. 36).

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА

положеніе весьма затруднительное: могъ ли онъ довѣрить раѣ столь важныя пограничныя мѣста? Въ подтвержденіе своего требованія Сербы вручили уполномоченнымъ странный документъ: счетъ всѣхъ издержекъ, сдѣланныхъ ими на службѣ султана въ прошедшую войну: тутъ показано было все, что̀ они выдали въ три раза Гушанцу Али, Бекиру и Сулейману и что̀ истратили на нихъ, чего стоило имъ пребываніе трехъ пашей въ Бѣлградѣ, наконецъ издержки для собственнаго вооруженія, всего слишкомъ на два милліона піастровъ, т. е. на сумму, которая во всякомъ случаѣ равнялась причитающимся на нихъ податямъ.

Дабы сообщить этому требованію бо̀льшій вѣсъ, Сербы тутъ же, въ Остружницѣ, положили немедленно напасть на южныя крѣпости, въ которыхъ укрывались остальные враги ихъ.

Прежде всего Кара Георгій явился подъ Карановцемъ, гдѣ засѣли субаши. Но не они одни отстаивали эту крѣпость; къ нимъ прибыли вспомогательныя войска изъ Новаго Пазара и изъ другихъ мѣстъ. Натискъ Сербовъ былъ отраженъ, и во время отступленія Кара Георгій потерялъ даже собственное огромное ружье, которое возилъ съ собою. На этотъ разъ ему помогли переговоры. Онъ велѣлъ сказать ново-пазарскому пашѣ, что будетъ переговариваться только съ Турками бѣлградскаго пашалыка; вскорѣ паша прислалъ своего силихдара въ сербскій лагерь съ предложеніемъ, чтобы дозволено было выдти изъ крѣпости всѣмъ Туркамъ. Сербы разумѣется охотно согласились, радуясь тому, что враги не замѣтили ихъ малочисленности. Турки очистили крѣпость; Кара Георгій не только получилъ назадъ свое ружье, но ему еще подарили

прекраснаго арабскаго жеребца съ богатою алою попоною.

За тѣмъ Яковъ Ненадовичь отправился къ Ужицѣ. Въ сокольскомъ округѣ къ нему присоединился архимандритъ монастыря Рачи, Мелетій. Самой крѣпости Сокола они не рѣшались брать приступомъ — она стояла на недоступной высотѣ и, оправдывая свое названіе, какъ бы парила надъ скалами; но за то подняли весь округъ. Соединившись съ Мелетіемъ и съ Миланомъ Обреновичемъ изъ Рудника, Яковъ двинулся впередъ. Съ нимъ было теперь до 3.000 человѣкъ и двѣ пушки: сила уже не малая для тѣхъ странъ; Омеръ Ага не могъ не бояться ея. Двадцать старыхъ Турокъ, не принимавшихъ участія въ прежнихъ ужасахъ, вышли умилостивлять Якова: они встрѣтили его у горы Црнокосы. Сначала они не хотѣли вѣрить, чтобъ у него въ самомъ дѣлѣ были пушки, и даже увидавъ ихъ, думали, что онѣ деревянныя; когда же подошли ближе и ощупали пушки, слезы полились изъ гласъ ихъ. «Куда ты идешь? сказали они Якову, зачѣмъ рабы султана хотятъ стрѣлять въ его крѣпость?» Яковъ возразилъ имъ, что онъ идетъ не на крѣпость царскую, но противъ царскихъ недруговъ, Омера Аги и Бего Новлянина, что самъ царь далъ ему пушки, и что онъ никого не тронетъ, если ему выдадутъ злодѣевъ или возьмутъ ихъ на поруки. Они отвѣчали, что законъ не дозволяетъ имъ выдавать единовѣрцевъ иновѣрцамъ.

За тѣмъ Яковъ осадилъ Ужицу. Стояло сухое время, и какъ скоро удалось бросить огонь въ городъ, деревянныя зданія быстро загорѣлись. Омеръ и Бего Новлянинъ бѣжали; остальные сдались (20 іюля 1805 года), обязавшись не ходить въ нахію, которая полу-

чила особаго воеводу. За дозволеніе остаться въ городѣ побѣдитель получилъ отъ Турокъ 50.000 піасеровъ и 80 арабскихъ лошадей.

Такимъ образомъ очищена была и южная часть пашалыка. Сами Турки, преданные султану и старому порядку вещей, наровнѣ съ Сербами радовались истребленію дахіевъ. Но тѣ и другіе тревожно спрашивали себя, что̀ будетъ далѣе. Турки, выгнанные изъ нахій, не хотѣли однако отказаться отъ владѣльческихъ правъ своихъ: въ свою очередь Сербы требовали, чтобъ имъ дозволено было занять самыя крѣпости.

Султану предстояло теперь разрѣшить это противорѣчіе: сербское посольство уже прибыло въ Константинополь и представило свои требованія.

Мысленно обозрѣвъ всю исторію Турціи, мы можемъ сказать, что во внутренней жизни ея настоящая эпоха была одною изъ самыхъ рѣшительныхъ.

Та преобразующая сила, о первыхъ дѣйствіяхъ которой мы говорили выше, именно въ это же самое время достигла своей зрѣлости.

Въ 1804 году топджіи были совершенно отдѣлены отъ янычаръ; два эскадрона низами-джедидъ маневрировали подъ бѣлымъ и краснымъ знаменами; пѣшія войска носили ружья съ штыками, по французскому образцу; если не всѣ паши, то по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ, Абдурхаманъ, паша караманскій, ревностно слѣдовалъ примѣру султана.

Новыя войска недавно отличились въ Румеліи, преслѣдуя разбойническія шайки, и это самое побудило Селима III въ мартѣ 1805 года къ рѣшительному шагу: онъ отдалъ приказъ набрать изъ янычаръ и вообще со

всего государства самыхъ красивыхъ и крѣпкихъ юношей и опредѣлить ихъ въ низами-джедидъ (*).

Въ то самое время, какъ сила янычаръ сокрушалась въ той странѣ, гдѣ они надѣялись всего крѣпче утвердиться, и возмутившаяся рая изгоняла дахіевъ и кабадахіевъ, сверху, изъ Стамбула, послѣдовалъ другой ударъ, долженствовавшій совершенно уничтожить ихъ.

Тѣ шайки разбойниковъ, въ преслѣдованіи которыхъ отличились отряды низамъ-джедидъ, тѣ кирджаліи, противъ которыхъ воевали Сербы, были скорѣе союзниками, нежели врагами янычаръ.

Но сіи послѣдніе еще имѣли за собою права давности и народную привычку.

Одинъ кади началъ было исполнять повелѣніе султана: его немедленно удавили. Адріанополь возмутился; около десяти тысячъ янычаръ выступило противъ новыхъ войскъ султана.

Безъ всякаго сомнѣнія теперь султанъ почелъ бы себя счастливымъ, еслибы и въ остальныхъ областяхъ у него были такіе же помощники, какихъ онъ имѣлъ въ храброй сербской раѣ, и конечно ему слѣдовало расположить и привлечь къ себѣ сію послѣднюю.

Но къ несчастію своего государства и своему собственному Селимъ не могъ этого сдѣлать.

Его подданные не были всѣ для него равны: прежде всего онъ былъ главою правовѣрныхъ.

Мы уже сказали, что государство это не представляетъ органическаго соединенія разныхъ находящихся въ немъ элементовъ; вся его сущность заклю-

(*) Juchereau de S. Denys II, 26.

чается въ сопоставленіи двухъ народонаселеній, изъ коихъ одно господствуетъ, а другое служитъ.

Всякій музульманинъ, кто бы онъ ни былъ, поклонникъ ли старины или приверженецъ преобразованій, не могъ безъ негодованія слышать о томъ, что рая, вопреки всѣмъ основнымъ законамъ, вопреки самому понятію о калифатѣ и верховной власти, вооружается и какъ бы хочетъ сравняться съ послѣдователями господствующей религіи.

Мы видѣли, что Хаджи Мустафа объявленъ былъ преступникомъ за то, что водилъ Сербовъ противъ Пасвана Оглу. Опредѣленіе муфтія, дозволившее янычарамъ возратиться въ Бѣлградъ, ссылалось прямо на различіе между правовѣрными и невѣрными. Самыхъ миролюбивыхъ Турокъ ничто такъ не смущало, какъ знамя гайдука, какъ пушка въ рукахъ раи.

Нельзя было и требовать отъ султана, чтобы онъ согласился на все, чего желали Сербы въ Остружницѣ: онъ конечно не могъ допустить ихъ въ пограничныя крѣпости. Но безъ сомнѣнія его обязанностью было дать имъ какое нибудь другое обезпеченіе, не столь для себя опасное. Неужели онъ осудитъ ихъ за дѣло, которое совершено было для его же пользы и которое сокрушило силу, явно ему враждебную?

Не смотря на всю несообразность такой мѣры, Селимъ III рѣшился на нее.

Какъ будто Сербы были злодѣями и преступниками противъ величества, онъ вмѣсто всякаго отвѣта приказалъ взять подъ стражу ихъ уполномоченныхъ и повелѣлъ нишскому пашѣ Афизу обезоружить раю.

Разсказываютъ, что одинъ изъ уполномоченныхъ, Стефанъ Живковичь, богатый торговецъ, хорошо говорившій по турецки и по гречески, и еще прежде

оказавшій своимъ соотечественникамъ важныя услуги доставленіемъ боевыхъ снарядовъ, существенно помогъ имъ и въ настоящемъ случаѣ, давъ возможность приготовиться къ борьбѣ. Онъ представилъ турецкому правительству, что для избѣжанія кровопролитія необходимо о новомъ распоряженіи султана напередъ извѣстить Сербовъ, которые иначе не повѣрятъ Афизу. Выхлопотавъ себѣ это порученіе и прибывъ въ Сербію, онъ открылъ истину только вождямъ; всѣмъ же остальнымъ Сербамъ было объявлено, что Афизъ получилъ приказаніе взять съ собою только триста человѣкъ, и что въ случаѣ, если онъ приведетъ съ собою больше войска, то никто не обязанъ повиноваться ему. Наконецъ Гушанца Али онъ увѣрилъ, что не смотря на все ходатайство, употребленное въ его пользу, Афизъ купилъ себѣ бѣлградскій пашалыкъ. «Ну такъ не пускайтеже его къ себѣ!» сказалъ Гушанцъ, и спокойно продолжалъ жить въ Бѣлградѣ съ своими кирджаліями, надѣясь отсидѣться отъ новой осады.

Между тѣмъ Сербы воспользовались временемъ и приготовились къ отраженію. На самыхъ границахъ пашалыка, между Тюпріею и Паратиномъ, Миленко и Петръ Добриняцъ съ 2500 человѣкъ и одною желѣзною пушкою, устроили два укрѣпленія, одно большое и другое меньшее. Позади ихъ, на ягодинскихъ горахъ, на лѣвомъ берегу Моравы, расположился Кара Георгій съ Шумадійцами.

Сначала пошли переговоры. Узнавъ о приближеніи Афиза, Сербы послали сказать ему, чтобы онъ шелъ на Ягодину, какъ ходили всѣ прежніе паши, и что иначе они ему не будутъ доставлять продовольствія. Афизъ не хотѣлъ и слышать о томъ, вѣроятно зная, что на ягодинской дорогѣ ждетъ его другое сербское войско, и

двинулся по правому берегу Моравы. Сербы представляли ему, что тамошнія мѣста совершенно опустошены и что войску его нечего будетъ ѣсть. «Стану я спрашивать разбойниковъ, по какой дорогѣ идти въ Бѣлградъ!» отвѣчалъ Аѳизъ. Говорятъ, съ нимъ были веревки для того, чтобы вязать сербскихъ вождей, а для остальныхъ Сербовъ столовые ножи и крестьянскія шапки, которыя онъ хотѣлъ роздать имъ, отобравъ красивыя сабли и тюрбаны. Сначала онъ осадилъ малое укрѣпленіе и взялъ его, не смотря на выстрѣлы желѣзной пушки. Но второе укрѣпленіе не переставало отбиваться въ теченіи цѣлаго дня; Аѳизъ съ ужасомъ увидалъ, что войско его начало рѣдѣть, и когда ему сказали, что Кара Георгій спустился съ горъ въ долину и ведетъ съ собою 10.000 человѣкъ (на самомъ дѣлѣ у него было около 5.000), Аѳизъ рѣшился отступить. Ночью онъ велѣлъ снять знамена, которыя были разставлены вокругъ осажденной крѣпости, и на мѣсто ихъ воткнуть деревья съ обрубленными сучьями, дабы непріятель не замѣтилъ его отступленія; и за тѣмъ отошелъ къ Паратину.

На утро явился Кара Георгій. Увидавъ брошенный станъ, онъ повелъ свое войско на пригорокъ, возвышавшійся передъ Паратиномъ и сдѣлалъ по непріятелю нѣсколько выстрѣловъ. Онъ велѣлъ сказать Аѳизу: «Если ты юнакъ, то сойди въ долину и сразимся; за что̀ жечь дома бѣдныхъ жителей, которые ничѣмъ не виноваты?»

Кара Георгій не нападалъ на Паратинъ между прочимъ потому, что мѣстечко это принадлежало лесковацкому пашѣ, съ которымъ, по нѣкоторымъ причинамъ онъ не хотѣлъ ссориться.

Но Афизъ уже не надѣялся и на стѣны Паратина; отчаявшись исполнить повелѣніе султана, онъ ушелъ въ Нишъ, глубоко огорченный необходимостью отступать передъ раею. Онъ вскорѣ умеръ, и говорятъ оттого, что не могъ перенести этого несчастія.

Чего доселѣ избѣгали, теперь настало. Уже болѣе нельзя было сказать, что султанъ покровительствуетъ раѣ; высланное имъ войско потерпѣло пораженіе на границахъ Сербіи.

Начатая противъ дахіевъ война, приняла другой оборотъ, и событія, по видимому случайныя, вызвали наружу древнюю національную вражду.

ГЛАВА IX.

Война за независимость въ 1806 и 1807 годахъ.

Уже въ концѣ 1805 года, между Сербами, которые теперь владѣли страною и Турками, которымъ они дозволили остаться въ крѣпостяхъ, повсюду началась открытая борьба. Одинъ окружный воевода Гюша Вуличевичь пріѣхалъ въ Смедерево въ нарядной одежде и оружіи и въ своемъ обращеніи выказывалъ нѣкоторую гордость; Турки не могли того вытерпѣть и умертвили Гюшу. Сербы запылали мщеніемъ, и рѣшились наказать не убійцъ только, а цѣлый городъ. Они взяли Смедерево приступомъ, и на что не отважились году тому назадъ, теперь сдѣлали, т. е. по-

селились въ городѣ. Гнѣвъ и страхъ обуялъ остальныхъ Турокъ; они дрожали за безопасность свою и въ тоже время не могли удержаться отъ мести; въ предмѣстьяхъ Шабца отъ руки ихъ погибло множество Сербовъ. Тамошніе Турки призвали къ себѣ на помощь боснійскія войска и укрѣпились; въ Ужицѣ сдѣлано было тоже. Въ Бѣлградѣ Гушанцъ Али, доселѣ жившій съ Сербами въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ, получая отъ нихъ все нужное и за то оставляя ихъ въ покоѣ, теперь началъ нападать то съ Дуная на укрѣпленія Сербовъ въ Остружницѣ, то съ сухаго пути на ихъ деревни Жарково и Желѣзникъ.

Однимъ словомъ около новаго 1806 года война загорѣлась во всей своей силѣ.

Между тѣмъ вдали скоплялась другая военная гроза. По видимому султанъ рѣшился окончательно обуздать Сербовъ. Зная, что они намѣревались искать помощи у другихъ народовъ, онъ хотѣлъ подавить ихъ разомъ, прежде чѣмъ эти опасные замыслы осуществятся. Дѣло, которое не могъ исполнить паша нишскій, перешло въ другія болѣе крѣпкія руки; обезоружить и наказать непокорную сербскую раю поручено было боснійскому визирю Бекиру и скутарійскому пашѣ Ибрагиму. Они двинулись съ разныхъ сторонъ, ведя съ собою храбрѣйшія войска Порты, одинъ Босняковъ и Герцеговинцевъ, другой Албанцевъ и Румеліотовъ.

Сербы не замедлили изготовиться, какъ слѣдуетъ.

Вообще весь бытъ ихъ принялъ воинственный характеръ. Они не знали, что̀ такое солдатъ, но всякій былъ воиномъ. Въ случаяхъ крайности семья высылала всѣхъ своихъ членовъ, способныхъ носить оружіе; во всякомъ случаѣ изъ двухъ и изъ трехъ человѣкъ только одинъ оставался дома для присмотра за

хозяйствомъ. Если въ семьѣ былъ только одинъ мужчина, то онъ несъ военную службу, чередуясь по-недѣльно съ сосѣдомъ. О жалованіи не было и рѣчи: всякій отправлялся на войну съ собственнымъ оружіемъ и въ лучшей одеждѣ. Все остальное присылали жены. Въ каждой деревнѣ было нѣсколько человѣкъ, освобожденныхъ отъ службы и обязанныхъ по два раза въ недѣлю привозить на выочныхъ лошадяхъ жизненные припасы для войска, гдѣ бы оно ни стояло.

Дабы предупредить непріятеля, въ южныя горы пошелъ Радичь Петровичь, старый сослуживецъ Кара Георгія, оставившій въ Сремѣ свою пенсію, которую получалъ по званію капитана и явившійся на помощь къ другу. Онъ распространилъ возстаніе по всѣмъ южнымъ горамъ, такъ что для защищенія узкихъ горныхъ проходовъ не нужно было посылать много войска. На сѣверѣ Миленко заперъ плаваніе по Дунаю, овладѣвъ островомъ Поречемъ, лежащимъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Дунай стремительно пробивается сквозь желѣзныя ворота. Наиболѣе открыта для непріятельскихъ вторженій была равнина въ окрестностяхъ города Ниша при стеченіи двухъ Моравъ, большой и булгарской: туда, по взятіи Паратина, отправился Петръ Добриняцъ, и на самой дорогѣ, на правомъ берегу булгарской Моравы, заложилъ укрѣпленіе Делиградъ. Позади его Младенъ покорилъ и занялъ Крушевацъ. Хотя по договору боснійскіе Турки не могли ходить въ Ядаръ и Радевину, но Мачва оставалась для нихъ открытою, и потому Яковъ Ненадовичь поставилъ тамъ нѣсколько укрѣпленій, между прочимъ въ Црнабарѣ.

Таковы были приготовленія къ бою; но Сербы и не подозрѣвали всей опасности и жестокости его.

Первыя нападенія Босняковъ, появившихся весною на Дринѣ, были еще сносны. Османъ-Джгора переправился черезъ Дрину выше Ядра и Радевины, двинулся къ Соколу и сжегъ нѣсколько деревень; но вскорѣ Сербы напали на него внезапно и разбили на голову. Опаснѣе былъ старый Мехметъ Капетанъ, уже давно помирившійся съ своими прежними врагами; онъ вторгся въ Мачву. По счастію Мачва имѣла весьма надежнаго защитника въ лицѣ Стояна Чупича. Чупичь, старый товарищъ Тюрчіи, пользовался неограниченною властью надъ своими момками. Онъ обходился съ ними просто, иногда курилъ съ ними изъ одной трубки, но по собственному его выраженію, жизнь каждаго висѣла у него на языкѣ: онъ съ усмѣшкою и неумолимо произносилъ самые жестокіе приговоры. Сухой и тощій изъ себя, онъ былъ необыкновенно отваженъ и гордился своею многочисленною дружиною и славою своихъ подвиговъ. На Салашскомъ полѣ, не подалеку отъ мѣста своего рожденія, Ночая, встрѣтился онъ съ Мехметъ Капетаномъ, у котораго было несравненно больше войска. Чупичь самъ разсказывалъ послѣ, что погнавшись за Мехметомъ, онъ совсѣмъ было настигъ его, какъ вдругъ старикъ обернулся, съ ловкостью выхватилъ у него копье, и ускакалъ въ сторону. Разъ, выслушавъ пѣсню, въ которой воспѣвалась эта побѣда, Чупичь сдѣлалъ нѣкоторыя поправки въ разсказѣ и подарилъ пѣвцу турецкую лошадь.

Но все это было только начало; лѣтомъ Турки двинули огромныя силы и возобновили свои нападенія. Близь Сокола переправился Хаджи бегъ сребрницкій; главное войско, въ числѣ 30.000, явилось въ Мачвѣ. Самъ визирь не принималъ команды надъ войскомъ,

а поручилъ ее двоимъ надежнымъ военачальникамъ, молодому сераскиру Кулинъ Капетану, равно отличавшемуся храбростью и жестокостью, и старику Мехмету.

Войско это распространило ужасъ въ самыхъ жителяхъ Ядра, коихъ не спасъ заключенный недавно договоръ. Кулинъ Капетанъ грабилъ мирныя села, доставлявшія ему продовольствіе, умерщвлялъ старшинъ, уводилъ въ плѣнъ женъ и дѣтей. Тутъ увѣковѣчилъ память свою кнезъ Иванъ, пожертвовавшій всѣмъ имуществомъ для выкупа собратій своихъ и за тѣмъ бѣжавшій отъ преслѣдованія Турокъ въ другой округъ, гдѣ принужденъ былъ пойти въ поденщики.

Какой послѣ этого участи должны были ожидать себѣ жители другихъ округовъ, бывшіе въ глазахъ Турокъ явными врагами! Яковъ Ненадовичь, имѣя слишкомъ мало войска для открытаго боя, рѣшился прибѣгнуть къ переговорамъ и послалъ въ непріятельскій станъ племянника своего Проту и Стояна Чупича. Но онъ ошибся въ разсчетѣ. Кулинъ не хотѣлъ и слышать ни о какихъ условіяхъ. «Видишь это безчисленное войско? — сказалъ онъ Протѣ — ни одинъ изъ нихъ не побоится голою рукою на всемъ размахѣ схватить мечь за лезвее.» Вмѣсто переговоровъ онъ требовалъ, чтобъ Сербы срыли укрѣпленія въ Црнабарѣ, и задержалъ пословъ, не соглашавшихся на такое требованіе. Уже въ этомъ была для него большая выгода: имѣя въ рукахъ двухъ сербскихъ вождей, онъ могъ смѣлѣе продолжать путь. Въ Сербахъ напротивъ эти переговоры поселили недовѣріе къ предводителямъ; начались толки, будто воеводы замышляютъ передаться Туркамъ. Когда сіи послѣдніе распространились по Шабацкому и Валевскому

округамъ, тамошніе уроженцы начали оставлять службу: каждый захотѣлъ повидаться съ женой и дѣтьми, и всѣ разбрелись въ разныя стороны. Сава покрылась лодками, въ которыхъ Сербы переправлялись на австрійскій берегъ, межъ тѣмъ какъ на противоположномъ берегу ея происходили убійства и грабежи. Многія села покорились и приняли поставленныхъ Турками кнезовъ. Народъ громко жаловался на вождей своихъ: «За чѣмъ начали войну, когда были увѣрены, что она не поведетъ къ добру? Выдумали, будто султанъ за насъ, а вотъ онъ теперь посылаетъ страшную силу.» Такіе толки слышались повсюду. Вожди опасались за самую жизнь и принуждены были съ своими момками прятаться въ лѣсахъ отъ раздраженнаго народа. Кулинъ на пути къ Бѣлграду уже приближался къ Колубарѣ и дошелъ до Устья. Ободренный такими успѣхами, Хаджи Бегъ двинулся изъ Сокола и рѣшился проложить себѣ дорогу чрезъ горы.

Какъ нарочно въ это самое время на другой границѣ, близь Ниша, появился скутарскій паша Ибрагимъ, и съ нимъ до 40.000 войска.

И такія огромныя силы думала преодолѣть едва вооруженная рая! Не безумное ли это было предпріятіе?

Тутъ-то показалъ Кара Георгій, что имя верховнаго вождя принадлежало ему по всей справедливости.

Противъ многочисленнаго боснійскаго войска онъ отрядилъ около полуторы тысячи человѣкъ подъ предводительствомъ храбраго Катича (который, не смотря на невыгодную позицію, успѣлъ удержать напоръ враговъ, хотя и заплатилъ за то собственною жизнью), а самъ, взявъ почти такой же отрядъ, устре-

мился на шедшаго изъ Сокола Хаджи Бега, настигъ его близь Пецки, разбилъ на голову, и перейдя горы, явился въ покоренныхъ Босняками округахъ. Тутъ онъ перебилъ новопоставленныхъ кнезовъ, не пощадилъ и тѣхъ, которые склоняли народъ къ подчиненію врагамъ, созвалъ и присоединилъ къ своему отряду бѣжавшихъ и вообще всѣхъ, способныхъ носить оружіе, наградилъ и возвысилъ сохранявшихъ присутствіе духа во время непріятельскаго погрома. Къ симъ послѣднимъ принадлежалъ Милошъ Стоичевичь изъ Поцерья, не задолго предъ тѣмъ занимавшій должность писаря при поцеринскомъ булюкбашѣ Ильѣ Марковичѣ, молодой человѣкъ, бывшій въ ученикахъ у одного священника, небольшаго роста, бѣлокурый и миловидный, но не робкаго духа. Его начальникъ передался Туркамъ, мать была отведена въ плѣнъ, самъ онъ съ немногими момками убѣжалъ въ горы. Съ ними явился онъ теперь къ Кара Георгію. «Ты мой сынъ — сказалъ ему Георгій -- и будешь у меня поцеринскимъ воеводою.» Имя его напоминало Милоша изъ Поцерья, который былъ товарищемъ Марка Кралевича; молодаго воеводу часто сравнивали съ древнимъ героемъ. Съ нимъ Кара Георгій пошелъ далѣе, распространяя повсюду возстаніе. Вскорѣ Турки, угрожаемые со всѣхъ сторонъ, сочли нужнымъ стянуть свои силы въ Шабцѣ; Кара Георгій съ 7.000 пѣхотинцевъ и 2.000 всадниковъ настигъ ихъ у Мишара, въ двухъ часахъ пути отъ Шабца и, по сербскому военному обычаю, немедленно окопался. У него было три пушки и одна бомба

Тутъ предстоялъ рѣшительный бой. Турки гордо требовали покорности и выдачи оружія; Сербы отвѣчали: «Придите и возьмите.»

Два дни сряду по утрамъ Турки выходили изъ своего стана, расположеннаго подъ Шабцемъ, нападали на окопы, бились безъ устали и къ вечеру безъ малѣйшаго успѣха отступали. Они не могли надивиться твердости Сербовъ, однако нисколько не сомнѣвались въ побѣдѣ, и послали сказать имъ: «Двое сутокъ вы держались крѣпко; но мы нападемъ на васъ еще разъ со всѣми силами; и либо очистимъ вамъ всю землю по самую Дрину, либо прогонимъ къ Смедереву. Вы вызвали бѣглецовъ изъ-за Савы, и они теперь съ горъ, сидя на деревьяхъ, смотрятъ на битву; но мы покажемъ имъ, какъ поступаютъ съ гайдуками.»

Это было въ послѣднихъ числахъ іюля 1806 года. Въ ночь передъ битвою Кара Георгій послалъ свою конницу въ ближайшій лѣсъ: по первому его выстрѣлу она должна была ударить непріятелю въ тылъ. Въ самыхъ окопахъ онъ запретилъ стрѣлять до тѣхъ поръ, пока Турки не подойдутъ ближе, такъ чтобы ни одинъ выстрѣлъ непропалъ даромъ. На разсвѣтѣ сераскиръ со всею силою двинулся изъ лагеря; храбрѣйшіе боснійскіе беги шли впереди, неся знамена: спокойно, съ заряженнымъ оружіемъ, дожидались ихъ Сербы. Какъ скоро Турки подошли къ окопамъ на довольно близкое разстояніе, Кара Георгій подалъ знакъ: всѣ стоявшіе впереди подняли ружья и всѣ до одного угодили, какъ говорится у стрѣлковъ, прямо въ мясо: знамена попадали; раздавшіеся за тѣмъ пушечные выстрѣлы всколебали толпы Турокъ. Въ это самое время сзади стремительно ударила сербская конница, а самъ Кара Георгій во главѣ пѣхоты вышелъ изъ окоповъ и ворвался въ непріятельскіе ряды:

въ одно мгновеніе Турки смѣшались и потерпѣли рѣшительное пораженіе.

Главнѣйшіе вожди, Зинанъ паша горажденскій, Капетанъ дервентскій, самъ сераксиръ Кулинъ были убиты; тутъ же окончилъ дни свои и Мехметъ Капетанъ съ двумя сыновьями; цвѣтъ боснійскихъ знаменоносцевъ палъ въ битвѣ. Потеря Сербовъ была ничтожная; только храбрый священникъ Лука Лазаревичь, увлекшійся преслѣдованіемъ непріятеля, получилъ тяжкую рану. Напротивъ положеніе Турокъ сдѣлалось весьма опасно, и оставшіеся въ живыхъ вожди ихъ въ слѣдующую же ночь рѣшились отрядить часть войска въ Шабацъ, а другую поскорѣе переправить за Дрину; но отступленіе это стоило имъ вѣроятно не менѣе самой битвы: они шли отдѣльными толпами по Китогскому лѣсу, и со всѣхъ сторонъ были преслѣдуемы: Сербы отняли у нихъ богатую добычу и всѣхъ еще остававшихся по сю сторону Дрины плѣнныхъ. Милошу поцеринскому достался драгоцѣнный трофей, кулинова сабля; онъ освободилъ также мать свою и перевезъ ее домой.

Въ это самое время другіе Сербы, и особенно Петръ Добриняцъ, оказывали отечеству не менѣе существенные услуги. Сила, которую велъ съ собою скутарійскій паша Ибрагимъ, была еще страшнѣе боснійской: она встрѣтила, если не столь же блистательное, то столь же упорное сопротивленіе. Не смотря на всѣ свои усилія, Ибрагимъ не могъ взять вышеупомянутаго делиградскаго укрѣпленія, шестинедѣльною обороною котораго стяжалъ себѣ славу Добриняцъ. Между тѣмъ какъ Ибрагимъ осаждалъ Делиградъ, сербскіе отряды подъ предводительствомъ

Младена и Главаша безпрестанно тревожили его и не давали сдѣлать шагу впередъ (*).

Такимъ образомъ сверхъ всякаго чаянія борьба между Сербами и Турками рѣшилась въ пользу первыхъ. Правда, имъ помогали внутренніе безпорядки, не прекращавшіеся въ Турціи; но это не уменьшаетъ славы ихъ подвиговъ, ибо силы ихъ были ничтожны въ сравненіи съ непріятельскими.

По видимому вслѣдъ за тѣмъ они должны были получить и награду,

Позднимъ лѣтомъ 1806 года, когда Кара Георгій съ частью своего войска шелъ отъ береговъ Савы къ восточной границѣ, Ибрагимъ первый заговорилъ о мирѣ, имѣя на то полномочіе отъ дивана.

Онъ поступилъ благоразумно: предстоявшій разрывъ съ Россіею понуждалъ Турокъ скорѣе мириться съ Сербами. Если теперь, не смотря на такія усилія, они не могли одолѣть ихъ, то чего было ожидать впередъ, когда Русскіе могли протянуть имъ руку помощи.

На совѣщаніяхъ въ Смедеревѣ, Сербовъ убѣдили снова предъявить свои желанія. Два кнеза и одинъ опытный въ политическихъ дѣлахъ Булгаринъ Петръ Ичко отправился въ Царьградъ.

(*) За неимѣніемъ обстоятельныхъ извѣстій, мы не сообщаемъ подробностей о совершившихся на этихъ границахъ событіяхъ. Хроника 19 столѣтія (1806, стр. 429) разсказываетъ, что Турками предводительствовали 3 паши Бимъ, Деліе и Зачси, а Сербами Яковъ Левичъ и Станойла Аласъ. Подъ сими послѣдними конечно слѣдуетъ разумѣть Станое Главаша и левачскаго воеводу Яковлевича, а подъ пашами бимбашей или тысячниковъ и делибашей или предводителей деліевъ. Мы пишемъ баша, а не баши, хотя второе конечно правильнѣе. Турки обыкновенно говорятъ бимбаши, булюкбаши, а Сербы: бимбаша, булюкбаша; но смѣшно было бы соблюдать это мелочное различіе. Мы вообще слѣдуемъ сербскому выговору.

Конечно, одержавъ столь блистательныя побѣды, Сербы не могли уменьшить своихъ прежнихъ требованій, и Порта почти было согласилась на нихъ, благодаря искусству сербскихъ уполномоченныхъ. Петръ Ичко нѣкогда служилъ толмачемъ при турецкомъ посланникѣ въ Берлинѣ, и тамъ успѣлъ усвоить себѣ главнѣйшіе языки европейскихъ народовъ и познакомиться съ взаимными отношеніями государствъ; потомъ онъ жилъ въ Бѣлградѣ, занимаясь дѣлами европейскихъ купцовъ, и пользовался всеобщимъ уваженіемъ и довѣренностью: Хаджи Мустафа правилъ пашалыкомъ не безъ его вліянія и совѣтовъ; когда Сербы вмѣстѣ съ турецкимъ пашею осаждали дахіевъ, его палатка стояла подъ Бѣлградомъ рядомъ съ палаткою Кара Георгія. Но никогда еще не приходилось ему пользоваться такимъ значеніемъ и дѣйствовать съ такимъ успѣхомъ, какъ теперь. Онъ умѣлъ такъ разительно представить опасность союза Сербовъ съ Русскими, въ то время уже занимавшими Молдавію и Валахію, что Порта дѣйствительно склонилась на уступки, необычайныя для нея, и противорѣчившія основнымъ началамъ ея правленія. Уже въ концѣ октября Ичко возвратился въ Смедерево и объявилъ Сербамъ, что Порта дозволитъ имъ исключительно владѣть страною, имѣть собственное правительство, и даже занять крѣпости, предоставляя себѣ въ знакъ продолжающагося господства держать въ Бѣлградѣ мухазила съ 150 Турками; что вмѣсто всѣхъ прежнихъ сборовъ она требуетъ только 900.000 піастровъ (около 600.000 гульденовъ) ежегодной подати, дабы этими деньгами удовлетворить прежнихъ землевладѣльцевъ, спахіевъ. Больше этого Сербы и не могли желать. Они освобождались отъ притѣсненій турецкихъ

чиновниковъ, собиравшихъ подати, становились владѣльцами земли, которую прежде воздѣлывали для другихъ; получали право носить оружіе и подъ турецкимъ начальствомъ охранять крѣпости. Минута была важная для обѣихъ сторонъ. Только такое примиреніе устраняло возможность непосредственнаго союза Сербовъ съ Россіею; и вмѣстѣ съ уполномоченными уже прибылъ въ Смедерево самъ мухазилъ, который по договору долженъ былъ жить въ Бѣлградѣ. Сербы ни мало не колеблясь приняли всѣ условія, и вслѣдъ за тѣмъ Ичко съ двумя кнезами поѣхалъ назадъ въ Константинополь за подтвержденіемъ дивана. Всѣ были увѣрены, что подтвержденіе это немедленно воспослѣдуетъ.

Вышло иначе, и Порта измѣнила свои намѣренія. Весьма вѣроятно, что тогдашнія европейскія событія, о вліяніи которыхъ на Турцію мы будемъ говорить далѣе, блистательныя побѣды, одержанныя осенью 1806 года союзникомъ ея Наполеономъ въ Пруссіи, уменьшили ея опасенія относительно Россіи и воскресили довѣріе къ собственнымъ силамъ. Но кромѣ того, когда настала минута окончательнаго рѣшенія, всѣ противники предстоявшаго соглашенія еще разъ и самымъ рѣшительнымъ голосомъ предъявили свои доводы. Показалось вопіющею неправдою лишить ничѣмъ не провинившихся спахіевъ вѣрной собственности и обѣщать имъ за то вознагражденіе деньгами, уплата коихъ была весьма сомнительна въ слѣдствіе плохаго состоянія турецкихъ финансовъ. Изреченіе муфтія, возвратившее янычаръ, прямо противилось тому. Надо также думать, что и улемовъ не весьма легко было склонить на одобреніе подобной мѣры. Кто могъ поручиться за вѣрность Сербовъ, если имъ

уступить крѣпости? Предстоявшая опасность не была ли даже страшнѣе той, отъ которой думали избавиться?

Однимъ словомъ, диванъ воспользовался возобновленіемъ совѣщаній и отказалъ сербскимъ уполномоченнымъ въ подтвержденіи договора.

Но труды Петра Ичко не пропали даромъ: миръ, котораго онъ добивался, на долго остался идеаломъ соглашенія между Сербами и Турками.

Между тѣмъ, пока соглашеніе это не воспослѣдовало, событія продолжали развиваться сами собою ни кѣмъ не руководимыя.

Переговоры только усилили въ Сербахъ желаніе овладѣть крѣпостями, передъ которыми началась война этого года; а побѣда, какъ всякая возникшая мысль, неудержимо стремится къ довершенію. Сначала Сербы явились съ своимъ мухазиломъ передъ Бѣлградомъ и Шабцемъ, и, ссылаясь на заключенный миръ, требовали сдачи ихъ. Но Турки ни тамъ, ни тутъ не внимали ихъ представленіямъ; равнымъ образомъ и Бекиръ паша не хотѣлъ отозвать изъ Шабца своихъ Босняковъ. Такимъ образомъ вождямъ сербскимъ пришлось вновь завоевать крѣпости, тѣмъ болѣе, что народъ нетерпѣливо требовалъ занятія ихъ, не желая долѣе зимовать въ осадныхъ окопахъ.

Кара Георгій положилъ сначала овладѣть Бѣлградомъ, и вмѣстѣ съ друзьями своими Чарапичемъ, Главашемъ и Милоемъ, окружилъ его отъ Дуная до Савы.

Одинъ Албанецъ, греческаго исповѣданія, по имени Конда, служившій кирджаліемъ у Гушанца Али и сначала много помогавшій Туркамъ въ оборонѣ Бѣлграда противъ Сербовъ, перешелъ къ симъ послѣд-

нимъ, какъ скоро увидалъ, что война приняла значеніе религіозное. Многіе другіе сдѣлали тоже; но Конда былъ всѣхъ полезнѣе для Сербовъ; маленькаго роста, проворный, онъ отличался необыкновенною сметливостью и рѣшительностью, и уже былъ въ то время бимбашею. Дабы овладѣть Бѣлградомъ, онъ рѣшился на отважное и опасное дѣло. Взявъ съ собою рослаго и сильнаго Серба Узунъ Мирка и еще пятерыхъ товарищей, не уступавшихъ имъ въ храбрости и отвагѣ, ночью, передъ разсвѣтомъ 12 Декабря 1806 года, онъ отправился на крѣпостной валъ, составлявшій единственную защиту переловаго города. Мѣстность была ему хорошо знакома и, ни кѣмъ не замѣченный, онъ благополучно провелъ своихъ спутниковъ мимо разставленныхъ повсюду карауловъ. Для большей безопасности онъ не тотчасъ пошелъ къ воротамъ, а немного взялъ въ сторону и, походивъ по городу, повернулъ прямо къ Христіанскимъ воротамъ. Повстрѣчавшійся часовой окликнулъ ихъ, но Конда, зная по-турецки, отвѣчалъ: «Это момки Юзюрбега» (одного изъ кирджаліевъ). Такимъ образомъ, не возбудивъ ни малѣйшаго подозрѣнія, онъ зашелъ въ тылъ стражѣ, охранявшей ворота, и немедленно напалъ на нее. Дѣло разумѣется дошло до оружія, но такъ какъ въ этотъ день начинался байрамъ, то выстрѣлы никого не встревожили; ибо въ честь праздника Турки обыкновенно стрѣляютъ. Не смотря на потерю четверыхъ спутниковъ своихъ, которые пали въ жестокой схваткѣ, не смотря на то, что самъ онъ и Мирко были ранены, и только одинъ изъ пятерыхъ Сербовъ оставался цѣлъ, Конда успѣлъ одолѣть храбрую стражу, и вломился въ ворота. Въ это самое время нагрянулъ Милое; Турки проснулись, бро-

сились къ оружію, и Кара Георгій, пользуясь ихъ замѣшательствомъ, перешелъ крѣпостный валъ, и явился на помощь къ своимъ. Начался ожесточенный бой. Видя, что изъ всѣхъ домовъ стрѣляютъ, Сербы зажгли городъ, и жители принуждены были выбѣгать на улицу, гдѣ ожидали ихъ непріятельскія сабли. Тутъ палъ Чарапичь, ворвавшійся въ Стамбульскія ворота; въ 10 часовъ городъ былъ покоренъ; главный Турецкій отрядъ спасся бѣгствомъ во внутреннюю крѣпость.

Труднѣе было взять сію послѣднюю. Тамошніе Турки получали съѣстные припасы черезъ тотъ самый дунайскій островъ, съ котораго нѣкогда впервыя покоренъ былъ Бѣлградъ султаномъ Солиманомъ; Сербы не долго колебались и заняли этотъ островъ, не смотря на то, что онъ былъ нейтральнымъ владѣніемъ, и даже находившіеся въ Сербскомъ лагерѣ Австрійцы не могли сказать на вѣрное, принадлежитъ ли онъ дѣйствительно Туркамъ. Угрожаемый голодомъ, Гушанцъ Али еще въ Декабрѣ вступилъ въ переговоры, сдалъ крѣпость, а самъ съ своими кирджаліями поплылъ на восьми большихъ судахъ въ Видинъ.

Ближайшимъ слѣдствіемъ таковой сдачи было то, что Солиманъ паша сталъ въ самомъ дѣлѣ начальникомъ крѣпости; Сербы охотно впустили его туда.

Вообще на первыхъ порахъ побѣдители показали необыкновенную мягкость въ обращеніи. Кара Георгій строго воспретилъ своимъ людямъ грабить жителей; двухъ грабителей предалъ казни, и тѣла ихъ велѣлъ повѣсить на городскихъ воротахъ. Всякій, приходившій къ нему изъ крѣпости, встрѣчалъ ласковый пріемъ.

Но уже въ то время всѣ Турки были обречены на смерть. Батарея, поставленная Миленкомъ на островѣ

Поречѣ, преслѣдовала выстрѣлами суда Гушанца Али; только необыкновенная быстрота рѣки спасла ихъ; но раздраженные Сербы гнались за ними на лодкахъ, и даже нарочно выходили на австрійскій берегъ, дабы ловить спасавшихся Турокъ. Къ стыду ихъ Гушанцъ дѣйствовалъ лучше. Онъ невредимо отослалъ въ Бѣлградъ данныхъ ему заложниковъ, не смотря на то, что Сербы ограбили и перебили его момковъ, которые сухимъ путемъ вели къ нему въ Видинъ лошадей.

Озлобленные Сербы не хотѣли, чтобы Турки оставались въ крѣпостяхъ, и не хотѣли также, чтобы они спасались бѣгствомъ. «Развѣ это не тѣ же дахіи—говорили они — развѣ мало мы отъ нихъ вытерпѣли? Чѣмъ они обогатились, откуда достали себѣ дорогое убранство? Все это съ насъ взято!»

Они объявили Солиману пашѣ, что не могутъ болѣе доставлять ему продовольствія. Солиманъ сталъ просить о свободномъ пропускѣ; ему дозволили оный, и даже дали провожатыхъ. Онъ вышелъ изъ Бѣлграда съ двумя стами янычаръ и съ нѣкоторыми турецкими семействами, но не успѣлъ пройди нѣсколькихъ часовъ пути, какъ изъ засады бросились на него Сербы; провожатые не только не защитили его, но даже пристали къ нападающимъ, и ни одному Турку не удалось спастись. Въ то же время началась рѣзня въ самомъ Бѣлградѣ. Въ теченіи двухъ дней Сербы отыскивали прятавшихся Турокъ и убивали ихъ. На третій день оставшіеся въ живыхъ, по большей части нищіе и убогіе, были отправлены въ Видинъ. Нѣкоторые приняли крещеніе. Младенъ, Милое, кнезъ Сима Марковичь, Вуле Иличь и другіе обогатились въ эти кровавые дни. Ненависть къ Туркамъ, долго сдержива-

емая, усиленная взаимными оскорбленіями и войною, наконецъ вспыхнула и разразилась страшнымъ кровопролитіемъ.

Объ этомъ событіи нѣтъ пѣсни. «Не доброе сдѣлано дѣло и поплатимся мы за него,» говорили, качая головою, старые кнезы, впрочемъ въ тихомолку, чтобы не нажить самимъ бѣды и чтобы ихъ не сочли приверженцами Турокъ.

Но молодые Сербы не предавались такимъ размышленіямъ, и обрадованные успѣхомъ, спѣшили довершать свое дѣло, какъ будто ничего необыкновеннаго не случилось.

Еще въ Февралѣ сдался Шабацъ; его постигла та же участь, что̀ и Бѣлградъ.

Теперь Кара Георгій съ своими Шумадійцами двинулся къ Ужицѣ. Тамошніе Турки, нарушившіе заключенный съ Сербами договоръ, воздвигли окопы кругомъ города. При взятіи этихъ передовыхъ укрѣпленій впервыя отличился Милошъ Обреновичь, получившій опасную рану въ грудь. Ужица послѣ Бѣлграда самый населенный городъ въ пашалыкѣ, и овладѣвъ имъ въ Іюнѣ 1807 года, Сербы сдѣлали немалое пріобрѣтеніе. Разумѣется, теперь Турокъ въ немъ не оставили.

Но побѣдители уже не довольствовались древнимъ сербскимъ достояніемъ.

Занявъ безъ труда округи Ядаръ и Радевину, которые теперь какъ бы составляли принадлежность Сербіи, Яковъ не оставлялъ попытокъ возмутить боснійскія земли по ту сторону Дрины. Сначала онъ послалъ туда двухъ своихъ уполномоченныхъ съ возмутительными листами, но ошибся въ выборѣ этихъ людей: одинъ изъ нихъ былъ пьяный разбойникъ и

хмѣльной попался въ руки непріятелямъ; другой, монахъ, не посмѣлъ дѣйствовать рѣшительно. За тѣмъ Яковъ отправилъ за Дрину нѣсколько человѣкъ вооруженныхъ, которые, убивъ сборщика харача, успѣли возмутить нѣкоторыя села; но при первомъ появленіи Турокъ все снова затихло. Наконецъ Яковъ снарядилъ судно для постояннаго сообщенія съ другимъ берегомъ Дрины, перевезъ туда около тысячи человѣкъ, и на самомъ берегу воздвигъ укрѣпленіе, поставилъ пушки, и началъ снова возмущать боснійскихъ христіанъ. Но Турки поспѣшили къ нему на встрѣчу, и не только осадили укрѣпленіе, но и сами переправились на сербскій берегъ, такъ что обманутый въ своихъ надеждахъ, Яковъ уже думалъ только, какъ бы защитить себя и прикрыть Лозницу.

Георгій поспѣшилъ выручить его изъ бѣды. Онъ послалъ къ нему изъ Ужицы часть своего отряда, свою отличную конницу, давъ ей въ предводители храбраго Милое, который заранѣе хвастался, что Турки ему ни почемъ и что онъ будетъ хватать ихъ цѣлыми кучами. Но похвальба была напрасная, и вмѣсто славы Милое нажилъ себѣ стыдъ: славянскіе и албанскіе магометане отличаются необыкновенною храбростію: при первой стычкѣ съ ними Милое лишился головнаго убора и спасся бѣгствомъ на рысистомъ арабскомъ конѣ своемъ. Все остальное лѣто происходили битвы, то въ открытомъ полѣ, то на укрѣпленіи, воздвигнутомъ Турками; рѣшительнаго успѣха не было ни на той, ни на другой сторонѣ. Однако къ осени Турки переправились за Дрину.

Въ это самое время Миленко дѣйствовалъ въ Краинѣ. Тамъ также загорѣлась внутренняя борьба, и Карапанджичи бѣжали. Но Миленко встрѣтилъ сильнаго врага въ преемникѣ Пасвана Оглу, Моллѣ пашѣ, не

могъ сдѣлать ничего важнаго, не смотря на приходъ Кара Георгія и на помощь Русскихъ, коихъ отрядъ впервыя появился здѣсь подъ начальствомъ Исаева, и овладѣлъ только горою Мирочемъ между Поречемъ и Краиною.

Гораздо успѣшнѣе дѣйствовалъ въ этихъ мѣстахъ человѣкъ, сначала внушавшій къ себѣ весьма мало довѣрія, имено гайдукъ Велько. Онъ просилъ только знамени и открытаго дозволенія собирать вольницу, говоря, что ему ничего больше не нужно для освобожденія своей родины, Црнарѣки. Зная, какъ мудрено съ нимъ ладить, сербскіе вожди дали ему то и другое. Вскорѣ имя его прославилось. Не смотря на малочисленность своего отряда, онъ не усумнился осадить бега въ Подгорцѣ; высоко нагромоздивъ множество бочекъ съ соломою, и зажегши ихъ, онъ распространилъ пожаръ въ крѣпости, принудилъ тѣмъ бега сдаться и отослалъ его въ Видинъ, но напередъ помѣнялся съ нимъ платьемъ и лошадьми, и отнялъ у него всѣ деньги. Потомъ онъ собралъ себѣ болѣе многочисленную дружину и, хотя самъ былъ не болѣе какъ гайдукъ, однако учредилъ у себя знаменоносцевъ, булюкбашей и даже одного бимбашу. Часть добычи онъ роздалъ своимъ людямъ, остальное послалъ въ Бѣлградъ, и тамошнія власти не мѣшали ему дѣйствовать, ибо онъ не только не требовалъ денегъ, подобно другимъ, а самъ присылалъ ихъ. Когда Турки выступили противъ него изъ Видина съ силами, далеко превосходившими его собственныя, онъ ни за что не хотѣлъ уклониться отъ боя, и съумѣлъ даже одолѣть ихъ. Ночью, взявъ съ собою нѣсколько момковъ, онъ пробрался тайкомъ въ самую середину ихъ стана, и крикнувъ по-турецки: «Бѣгите! разбилъ насъ гайдукъ

Велько!» мгновенно напалъ на замѣшавшихся и полусонныхъ Турокъ и нанесъ имъ совершенное пораженіе. Такіе подвиги сообщили ему значеніе: онъ назвался господаремъ и сталъ править Црнарѣкою.

Такимъ образомъ предпріятіе Сербовъ вообще увѣнчалось неожиданнымъ успѣхомъ, хотя въ частныхъ случаяхъ они и терпѣли неудачи.

Турки были изгнаны изъ Бѣлградскаго пашалыка; освободившаяся, вооруженная рая владѣла не только древнею сербскою землею и крѣпостями, но даже двумя боснійскими округами, Ядромъ и Радевиною, горою Мирочемъ и Црнарѣкою.

Теперь уже на самомъ дѣлѣ прекратилось турецкое владычество. Какъ бы нарочно въ тѣ самые дни, когда въ Бѣлградѣ происходило избіеніе, привезены были тескеры, по которымъ султанъ еще думалъ получить харачъ: ихъ привезъ изъ Царьграда Петръ Ичко вмѣсто подтвержденія договора. Но Сербы уже не хотѣли болѣе платить Туркамъ подати.

Естественное стремленіе христіанскаго народа освободиться отъ Османовъ обнаружилось въ Сербахъ во всей своей силѣ.

Посмотримъ теперь, какія учрежденія завели они у себя, по сверженіи Турецкаго господства.

ГЛАВА X.

Учрежденіе Сербскаго правительства.

Мы видѣли, какъ Сербы, одолѣвъ хищниковъ и возмутителей, предъявили свои требованія передъ верховною властію; какъ требованія сіи, нарушавшія

стародавнія отношенія между магометанскимъ и христіанскимъ населеніемъ Турціи, не только не были удовлетворены, но даже побудили правительство къ мѣрамъ наказанія: какъ потомъ открылось вооруженное возстаніе противъ султана и наконецъ послѣдовало изгнаніе Турокъ. Теперь Сербы снова были независимы и владѣли страною своею.

Можно было думать, что мирное устройство селъ и кнежинъ, коими управляли сельскіе и главные кнезы, перенесено будетъ на отдѣльные округи и на всю землю, и что Сербы устроятъ у себя простое и естественное правленіе старѣйшинъ, представителей народа и судей, то правленіе, подъ которымъ они вѣроятно жили въ древнѣйшую пору, когда впервыя поселились на Балканскомъ полуостровѣ.

Такое правленіе можно было бы учредить, если бы они избавились отъ турецкаго господства однимъ разомъ, если бы, на примѣръ, ихъ освободила отъ Турокъ какая нибудь европейская держава, и потомъ совершенно предоставила бы ихъ самимъ себѣ.

Но быстрымъ и внезапнымъ возстаніемъ ихъ начальствовали воинственные и смѣлые вожди, которые, одержавъ побѣду, тѣмъ самымъ получили власть надъ народомъ; и потому естественно вмѣсто мирнаго возникло военное устройство.

Мы уже выше замѣтили,что самый бытъ поселянъ принялъ военный характеръ; они сами вооружались, высылали продовольствіе и, какъ свободные люди, выходили въ поле сражаться съ врагами.

На войнѣ они уже не имѣли своихъ кнезовъ и не выбирали себѣ предводителей, но поступали подъ начальство булюкбашей, назначаемыхъ воеводами, главными вождями возстанія.

Могущественные военачальники или воеводы не только властвовали надъ округами, но имѣли при себѣ особенныя дружины, такъ называемыхъ момковъ, которые одни составляли конное войско Сербіи. Это не были бездомные гайдуки; напротивъ они принадлежали къ хорошимъ семействамъ, жили при своемъ воеводѣ, который кормилъ ихъ, снабжалъ лошадьми и красивымъ одѣяніемъ, и хотя не платилъ жалованья, но дарилъ ихъ и раздѣлялъ съ ними добычу, за что они обязывались служить ему, никогда не оставлять его и защищать какъ отъ Турокъ, такъ и отъ другихъ враговъ. У иныхъ воеводъ было до пятидесяти такихъ момковъ.

Понятно послѣ этого, что воеводы были скорѣе господами, нежели представителями народа, и кнезы въ сравненіи съ ними не имѣли никакого значенія. Нѣкоторые изъ нихъ самовластно собирали въ своемъ округѣ пограничную пошлину; другіе завладѣли недвижимымъ имуществомъ, прежнею собственностью Турокъ; распредѣляя порезу, которая еще иногда собиралась, назначали часть ея въ свою пользу; взимали десятину и даже принуждали крестьянъ ходить на барщину. Должность воеводы уже нѣкоторымъ образомъ становилась достояніемъ личнымъ; ибо въ случаѣ смерти воеводы ему наслѣдовалъ сынъ или братъ, иногда вовсе не отличавшійся доблестными качествами своего предшественника.

Но и воеводы не были вполнѣ независимы. Обыкновенно, когда разрушается какой нибудь порядокъ вещей и возникаетъ новый, власть достается тому, кто всѣхъ больше и замѣтнѣе дѣйствуетъ. Полною властью пользовались собственно весьма не многіе, именно только тѣ, которые въ самомъ началѣ возста-

нія явились вождями народа и водили его къ побѣдамъ.

Яковъ Ненадовичь возмутилъ Валевскій округъ и покорилъ Шабацъ: тамошній воевода Лука Лазаревичъ долженъ былъ иногда подчиняться ему и съ трудомъ отстаивалъ свою независимость. Овладѣвъ въ первый разъ Ужицею, Яковъ немедленно назначилъ ей воеводу; въ 1807 году онъ безпрепятственно занялъ оба боснійскіе, округа Ядаръ и Радевину, и распоряжался въ нихъ точно такъ же, какъ и въ другихъ покоренныхъ имъ мѣстахъ.

Миленко и Петръ Добриняцъ произвели возстаніе въ Пожаревцѣ, оба вмѣстѣ, но послѣдній впрочемъ сначала въ нѣкоторой зависимости отъ перваго. За тѣмъ Миленко овладѣлъ округомъ Порецкимъ и островомъ Поречемъ, а Петръ окрестностями Паратина. Ресава дѣйствовалъ также за одно съ ними. Они трое по ту сторону Моравы пользовались совершенною независимостью и, подобно Якову Ненадовичу, считались господарями,

Въ Шумадіи такимъ господаремъ былъ Кара Георгій. По смерти Катича и Чарапича, которые первоначально раздѣляли съ нимъ власть, имя его сдѣлалось страшнымъ въ Гроцкѣ и Бѣлградѣ точно такъ же, какъ и въ Крагуевцѣ. Пожега была имъ завоевана. Только въ Рудникѣ Миланъ, и въ Смедеревѣ Вуица, братъ и наслѣдникъ убитаго Гюши, пользовались независимостью и могли еще отказывать ему въ покорности.

Казалось, что вся страна распадается на господарства, подобныя капитанствамъ Клефтовъ и, раздираемая личною враждою отдѣльныхъ властителей, вскорѣ утратитъ снова свою независимость.

По счастію Кара Георгій, завладѣвшій самымъ обширнымъ округомъ, Шумадіею, уже по тому самому сталъ выше всѣхъ остальныхъ вождей, и мало по малу распространилъ свое вліяніе на всю землю.

Сначала разумѣется ему нерѣдко приходилось встрѣчать явное сопротивленіе; такъ, на примѣръ, въ лагерѣ подъ Бѣлградомъ, Яковъ Ненадовичь прямо объявилъ ему, чтобы онъ не распоряжался на берегахъ Колубары; но съ теченіемъ времени отношенія измѣнились. Событія 1806 года дали верховному вождю рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми остальными. Онъ овладѣлъ во второй разъ Поцериною, лежащею далеко за Колубарой, и поставилъ тамъ воеводу; за тѣмъ онъ пріобрѣлъ вліяніе за Моравою, оказавъ помощь тамошнимъ вождямъ; наконецъ покореніе Бѣлграда доставило ему всеобщее уваженіе. Друзья его правили Бѣлградомъ, и всѣ тамошнія наемныя войска, такъ называемые бекяры, которые по большей части состояли изъ кирджаліевъ, оставившихъ Гушанца, нѣкоторымъ образомъ находились въ непосредственной отъ него зависимости. Кромѣ того онъ завѣдывалъ пушками, которыя частью были пріобрѣтены покупкою, частью изготовлялись нѣкіимъ Милосавомъ Петровичемъ (*) (найденныя въ

(*) Этотъ Милосавъ былъ человѣкъ необыкновенный; на немъ видно, какъ исторія изобрѣтеній иногда повторяется въ отдѣльныхъ лицахъ. Онъ учился башмачному ремеслу въ Банатѣ, гдѣ жилъ на квартирѣ у одного часовщика, и до того наглядѣлся на его работу, что переѣхавъ въ другой городъ, началъ самъ дѣлать часы. Потомъ онъ отправился въ Сербію и вызвался дѣлать пушки, если только ему будутъ плавить желѣзо. Сначала судьба его преслѣдовала. Въ первый разъ металлъ плохо расплавился и не полился, какъ слѣдуетъ; во второй разъ недостало металлу; уже начинали считать его обманщикомъ, и жизнь его была въ опасности. Наконецъ въ третій разъ опытъ удался, и съ тѣхъ поръ работа его не останавливалась. Въ его домѣ одна

крѣпостяхъ надо было чинить). У Кара Георгія было всѣхъ больше момковъ, привлеченныхъ далеко распространившеюся славою его воинскихъ подвиговъ. Хотя остальные вожди не совсѣмъ подчинялись ему, но въ 1807 году его превосходство надъ ними уже явно оказывалось.

Впрочемъ важнѣйшія дѣла рѣшались не иначе, какъ въ общемъ собраніи. Воеводы съ дружинами своими около каждаго новаго года сходились на сеймъ, или такъ называемую *скупштину* (отъ *скупити*, собирать). На этихъ собраніяхъ происходили совѣщанія о предпріятіяхъ будущей весны; опредѣлялась новая пореза, кромѣ того каждый представлялъ отчетъ въ томъ, что̀ издержано было на военные снаряды, на наемъ лазутчиковъ, на уходъ за ранеными. Тутъ же были разбираемы жалобы, опредѣлялись наказанія, и не одинъ разъ случалось, что какого нибудь воеводу отводили въ заточеніе. Самыя необходимыя военныя, денежныя и судебныя распоряженія исполнялись немедленно, на самой скупштинѣ.

Это было нѣчто въ родѣ Майскаго поля франкскихъ маіордомовъ, если только можно сравнивать столь отдаленныя и по значенію своему различныя учрежденія: какъ тамъ, такъ и тутъ предводители войска во главѣ дружинъ своихъ сходились рѣшать военныя и гражданскія дѣла.

Скупштина давала возможность воеводамъ сообщаться между собою и не допускала ихъ заботиться исклю-

комната была съ ямою для плавки, другая съ дровами и инструментами, въ третьей помѣщалась огромная наковальня, на которой онъ самъ изготовлялъ инструменты. Вообще всѣ работы, отъ большихъ до малыхъ, онъ исполнялъ самъ; но кромѣ того спальня его была загромождена множествомъ часовъ, съ которыми онъ не могъ разстаться.

чительно о собственныхъ выгодахъ. Разумѣется единства въ ней не могло быть: но хотя воля верховнаго вождя безпрерывно расходилась съ волею остальныхъ господарей, однако могущество перваго тотчасъ же оказывалось, и на совѣщаніяхъ онъ обыкновенно рѣшалъ дѣло.

Правительства въ собственномъ смыслѣ еще не было. Воеводы, проводя большую часть года въ полѣ, на войнѣ съ непріятелемъ, и не хотѣли и не могли заниматься текущими и ежедневно возникающими дѣлами.

Но не все же война. Мирныя общины, жившія въ селахъ, кнежинахъ и нахіяхъ, и составлявшія основу народа, не могли ли также предъявить права свои на участіе въ общественныхъ дѣлахъ?

Однимъ словомъ надлежало сообщить дѣламъ правильное теченіе, и образовать благоустроенное правительство. Въ самомъ началѣ на это обращено было вниманіе. Уполномоченные, ѣздившіе въ Петербургъ, познакомились на дорогѣ въ Харьковѣ съ однимъ полуземлякомъ своимъ, венгерскимъ Сербомъ, докторомъ правъ, Филиповичемъ, который, по слабости здоровья и по непривычкѣ къ климату, желалъ поселиться снова на берегахъ Дуная; Сербы взяли его съ собою на возвратномъ пути. Онъ первый убѣдилъ ихъ въ необходимости учредить постоянное присутственное мѣсто для судебныхъ и полицейскихъ дѣлъ, и, благодаря Протѣ Ненадовичу, успѣлъ склонить къ тому Якова. Со стороны Кара Георгія, который въ австрійской службѣ получилъ нѣкоторую привычку къ правильности и порядку, также не оказалось препятствія, и вскорѣ на скупштинѣ въ Боракѣ рѣшено было основать учрежденіе, предложенное Филиповичемъ.

Этотъ синодъ или совѣтъ, высшее гражданское учрежденіе сербскаго народа, открытъ былъ въ концѣ 1805 года, въ монастырѣ Благовѣщеніи; потомъ онъ собирался въ монастырѣ Боговади и въ Смедеревѣ, по завоеваніи этой крѣпости; наконецъ перенесенъ былъ въ главный городъ сербской земли, въ Бѣлградъ.

Въ немъ засѣдали двѣнадцатъ членовъ по числу округовъ. Каждый округъ выбиралъ своего члена или совѣтника, который служилъ представителемъ онаго, и обязывался вообще завѣдывать тамошними дѣлами, на сколько позволяли то важнѣйшія его занятія по общему управленію. Кромѣ небольшаго жалованія изъ общественной казны, совѣтникъ или сенаторъ получалъ еще отъ своего округа нѣкоторые доходы натурою, которые доставлялись ему весьма патріархальнымъ образомъ: такъ, на примѣръ, если въ округѣ были виноградники, то ему привозили вино; но за то каждый округъ вмѣнялъ себѣ въ обязанность передъ Рождествомъ выслать своему представителю нѣсколько коровъ; пріѣзжавшіе изъ округа въ городъ имѣли право остановиться въ домѣ, въ которомъ жилъ ихъ сенаторъ, и который почитался собственностью цѣлаго округа.

Филиповичь, коему принадлежала первая мысль объ учрежденіи сената, былъ первымъ его секретаремъ и устроителемъ. Онъ дѣйствовалъ добросовѣстно и оставилъ по себѣ честную память.

Подъ его руководствомъ сенатъ сдѣлалъ нѣсколько важныхъ распоряженій; такъ, на примѣръ, недвижимыя имущества, оставленныя Турками въ городахъ, поступили въ продажу; учрежденъ былъ сборъ десятины на содержаніе войска. Мы имѣемъ бумагу, въ

которой Филиповичь предписываетъ Петру Добриницу отступиться отъ Пожаревацкаго перевоза, представляя ему на видъ, что сенатъ намѣренъ послать туда особаго чиновника, и что онъ, какъ военачальникъ, имѣетъ обязанностью предводительствовать своими людьми на войнѣ, а на заниматься сборомъ перевозной пошлины. Установлены были и другія финансовыя мѣры, назначены подати и опредѣлена плата за церковныя требы. Но всего важнѣе были распоряженія сената по части заведенія училищъ и устроенія судебныхъ мѣстъ.

До того времени школы въ Сербіи были только при монастыряхъ и у священниковъ, которые брали къ себѣ мальчиковъ на обученіе, и приготовляли ихъ къ духовному сану. Но вся наука заключалась въ умѣньи читать. Ученики или дьяки работали на своего учителя, точно такъ, какъ бываетъ у ремесленниковъ; они чаще ходили въ поле и пасли стада, нежели учились. Теперь заведены были въ каждомъ окружномъ городѣ небольшія школы, обучавшія самымъ первымъ основаніямъ наукъ; а въ Бѣлградѣ, по настоянію Юговича, основана, такъ называемая, великая школа съ тремя учителями, которые преподавали исторію, математику и начатки правовѣдѣнія. Самъ Юговичь, прежде бывшій профессоромъ въ Карловцѣ, нѣкоторое время училъ въ этой школѣ; два другіе учителя также были изъ австрійскихъ Сербовъ. Какъ ни плохо было это учебное заведеніе, но впослѣдствіи благотворное его дѣйствіе обнаружилось (*).

Важнѣе было для настоящей минуты учрежденіе

(*) Въ немъ учились Протичь, Максимъ Ранковичь (сенаторъ,) Лазарь Арсеневичь, Божко Тадичь.

судебныхъ мѣстъ. Сельскимъ кметамъ, которые имѣли судебную власть, мало осталось дѣла; въ каждомъ округѣ, гдѣ прежде жилъ кади, открытъ былъ магистратъ, состоявшій изъ судьи, засѣдателя и писца. Сенатъ посылалъ въ магистраты инструкціи и принималъ аппелляціи на ихъ рѣшенія.

Такимъ образомъ, немедленно по освобожденіи отъ Турокъ, положены были начатки образованности и, какъ мы видимъ, по образцу, взятому въ сосѣдней Австріи, но вслѣдствіе національной потребности и съ сохраненіемъ своенародныхъ формъ. Это дѣло принялъ на себя сенатъ, осуществлявшій въ себѣ единство власти, и сдѣлавшійся представителемъ страны, точно такъ, какъ сенаторы были представителями своихъ нахій.

Тотъ же самый сенатъ могъ, повидимому, ограничивать самовласіе военачальниковъ.

Казалось бы такъ; однако на дѣлѣ было иначе. Хотя положено было, чтобы каждый округъ свободно выбиралъ себѣ представителя; но на этихъ выборахъ никто не смѣлъ противорѣчить голосу господаря, который назначалъ сенаторомъ, кого ему было угодно. Сенаторъ вполнѣ зависѣлъ отъ господаря, который могъ по произволу увеличивать и уменьшать посылаемое ему отъ округа содержаніе. Такимъ образомъ и назначеніе и благоденствіе его находились во власти господаря. Какъ же было возставать сенатору противъ избирателя и покровителя? Прота, занимавщій мѣсто предсѣдателя въ сенатѣ, разумѣется, не могъ дѣйствовать вопреки выгодамъ своего дяди, Якова Ненадовича. Правда, самыя дѣла, подлежавшія вѣдѣнію сената, какъ главнаго правительственнаго учрежденія, уже давали ему извѣстныя права и расширяли власть его; но признанія этихъ правъ и повиновенія этой

власти не такъ легко было добиться. Не взирая на сенатское опредѣленіе, нѣкоторые воеводы продолжали собирать пограничныя пошлины и не уступали захваченныхъ у Турокъ земель. Сенатъ не въ силахъ былъ оградить магистраты отъ вліянія мѣстныхъ военачальниковъ. Побѣда естественно рождаетъ чувство собственнаго достоинства. Могъ ли воевода исполнять приказанія людей не носившихъ оружія? Извѣстно, какъ на первыхъ же порахъ поступилъ Кара Георгій, когда сенатъ сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія вопреки ему: онъ вышелъ изъ сената, и собравъ своихъ момковъ, велѣлъ имъ навести ружья на окна тоѣ комнаты, въ которой происходили совѣщанія. «Въ теплыхъ покояхъ, воскликнулъ онъ, легко издавать законы; а какъ воротятся Турки, тогда кто выдетъ въ поле?»

Военные люди охотно признавали свою зависимость отъ сената только въ такомъ случаѣ, когда онъ могъ содѣйствовать имъ: такъ Велько принялъ отъ сената знамя, и покорилъ Црнареку.

Но еще другое зло заключалось въ самомъ устройствѣ сената.

Въ немъ отозвалось несогласіе военачальниковъ. Учреждая его, господари думали тѣмъ самымъ ограничить власть верховнаго вождя; Кара Георгій, напротивъ, надѣялся съ помощью сенаторовъ обуздать своихъ совмѣстниковъ. Отсюда возникли разнаго рода безпорядки, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь приступимъ.

Въ сенатѣ у Кара Георгія было два главныхъ приверженца: одинъ, Иванъ Юговичь, занявшій должность секретаря послѣ ранней смерти Филиповича, (можетъ быть столь же, какъ и Филиповичь, свѣдущій и ловкій въ дѣлахъ, но конечно уступавшій ему въ чест-

ности) и другой, Младенъ Миловановичь, представитель Крагуевца. Младенъ, землякъ Кара Георгія, былъ связанъ съ нимъ одинаковою судьбою — онъ также служилъ въ австрійскую войну и потомъ былъ гайдукомъ, — однимъ и тѣмъ же промысломъ и наконецъ родственными узами: его племянникъ былъ женатъ на дочери Георгія. Иногда ему поручали начальство надъ младшими воеводами, но война была не его дѣло. Толстый и неповоротливый, онъ могъ только мѣшать въ сраженіи. За то въ совѣтѣ своимъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ онъ постоянно побѣждалъ всѣхъ соперниковъ. Въ 1807 году онъ былъ душею сената и заправлялъ всѣми дѣлами. Но нельзя было сказать, чтобы честность всегда руководила его поступками.

Младенъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ другимъ старымъ товарищемъ по ремеслу, Милое; оба они занимали одну квартиру и съ помощью бекяровъ и момковъ господствовали въ Бѣлградѣ. Во время грабежа имъ досталась лучшая часть добычи; и потомъ они продолжали забирать въ свои руки лучшіе городскіе дома и строенія, самые доходные магазины и усадьбы въ селахъ. Къ нимъ перешла почти вся внѣшняя торговля; ибо таможни бѣлградская и стружницкая по прежнему находились въ ихъ вѣдѣніи. Правда, они брали эти таможни на откупъ, покупали дома и помѣстья, но это было только для виду; ибо они платили, сколько хотѣли. Часто поселяне ходили у нихъ на барщину. Ни одно сколько нибудь значительное торговое предпріятіе не обходилось безъ ихъ участія.

По всему было видно, что страна недавно избавилась отъ насильственнаго правленія, и что жители еще не успѣли отвыкнуть отъ него. По счастію была

другая сторона, которая для собственной выгоды должна была возстать противъ такого порядка вещей.

Главными членами этой стороны были: другъ Милана, Абрамъ Лукичь, представитель рудниковскаго и пожежскаго округовъ и Иванъ Протичь изъ нахiи пожаревацкой, въ которой господаремъ былъ Миленко. Они долго хлопотали и наконецъ добились того, что сенатъ опредѣлилъ Младену удалиться изъ Бѣлграда. Всѣ сенаторы скрѣпили это опредѣленiе своею подписью или печатью. Кара Георгiй также не противился, и Младенъ получилъ приказанiе отвести бекяровъ въ Делиградъ. Сенаторы удалили также ненавистнаго имъ Юговича.

Но вскорѣ возникли другiя, еще болѣе важныя отношенiя, заставившiя Кара Георгiя слѣдить за остальными членами сената и не давать имъ полной воли...

Опасаясь, между прочимъ, влiянiя митрополита Леонтiя, про котораго говорили, будто онъ замышляетъ ввести въ Сербiи такое же греческое управленiе, какому подчинены Молдавiя и Валахiя, Кара Георгiй рѣшился утвердить свою власть и считалъ это обязанностью, которую налагала на него самая любовь къ отечеству; ибо дѣйствительно правленiе хищныхъ фанарiотовъ было бы величайшимъ несчастiемъ для Сербiи. Онъ немедленно выпроводилъ изъ Бѣлграда митрополитова клеврета Николая, далъ почувствовать гнѣвъ свой самому Леонтiю, и дабы оградить сенатъ отъ столь опаснаго влiянiя, помогъ обоимъ друзьямъ своимъ занять въ немъ прежнiя должности. Никто не смѣлъ ему противиться. Младенъ, хотя являлся только изрѣдка въ сенатскихъ засѣданiяхъ, но его боялись еще больше прежняго.

Такимъ образомъ съ одной стороны внутреннiя рас-

при между гражданскою и военною властями, между господарями и верховнымъ вождемъ, съ другой неопредѣленность во внѣшнихъ отношеніяхъ, колебали эту державу при самомъ ея возникновеніи. Но единство ея уже не могло быть разрушено. Оно основывалось на власти верховнаго вождя, которая, правда, была еще умѣренна, но уже простиралась на всю землю, первенствовала въ скупштинѣ, рѣшала споры въ сенатѣ. Она была пріобрѣтена оружіемъ и военнымъ счастіемъ; надлежало имѣть ловкость и природный умъ, дабы удержать ее за собою. Имя Кара Георгія пребудетъ незабвеннымъ; онъ по истинѣ былъ главою народа; ибо не только защищалъ его отъ Турокъ, но и положилъ основаніе народному правительству. По этому мы считаемъ обязанностью нѣсколько ближе познакомить съ нимъ читателя.

Георгій Петровичь, Кара или Черный, родился между 1760 и 1770 годами, въ крагуевацкомъ округѣ въ селѣ Вышевцахъ, отъ одного поселянина по имени Петронія и въ ранней молодости вмѣстѣ съ родителями жилъ въ Тополѣ, мѣстечкѣ, лежащемъ въ горахъ. Онъ участвовалъ въ первомъ возстаніи Сербовъ, когда они, не дождавшись появленія Австрійцевъ, еще въ 1787 году поднялись противъ Турокъ. Это самое рѣшило его участь. Поставленный въ необходимость спасаться бѣгствомъ, онъ собралъ все свое движимое имущество, состоявшее по преимуществу въ скотинѣ, и вмѣстѣ съ отцомъ (*), котораго не хотѣлъ оставить между Турками, отправился на рѣку Саву. Старикъ,

(*) Одинъ изъ ближайшихъ знакомыхъ Кара Георгія сообщалъ намъ, что это былъ дѣйствительно отецъ его, а не вотчимъ, какъ говорили прежде, напрасно думая тѣмъ смягчить поступокъ Георгія.

подобно многимъ другимъ Сербамъ, лучше желалъ покориться Туркамъ, и дорогою не разъ уговаривалъ сына воротиться домой. Уже Сава была не далеко, когда онъ снова началъ убѣждать Георгія. «Лучше пойдемъ назадъ, говорилъ онъ, Турки простятъ насъ». Георгій не хотѣлъ и слышать о томъ; отецъ рѣшился также поставить на своемъ. «Ну такъ иди же ты одинъ, сказалъ онъ, а я отправлюсь домой! — Нѣтъ, воскликнулъ Георгій, я не потерплю, чтобы Турки уморили тебя медленною смертью; лучше умри теперь отъ моей руки!» Онъ схватилъ пистолетъ, выстрѣлилъ въ отца, и не желая видѣть его предсмертныхъ содроганій, велѣлъ одному изъ товарищей добить его. Въ ближайшей деревнѣ онъ подарилъ поселянамъ свое стадо, сказавъ имъ: «Похороните моего старика, да выпейте за упокой его души!» и за тѣмъ переправился на другой берегъ Савы.

Этотъ поступокъ, совершенный имъ въ первыхъ лѣтахъ мужества, выдвинулъ его изъ обыкновенной колеи. Онъ воротился въ Сербію фельдфебелемъ въ отрядѣ волонтеровъ; но, разсердившись на начальство, которое обошло его при раздачѣ медалей, ушелъ въ горы и сдѣлался гайдукомъ. Потомъ онъ помирился съ корпуснымъ полковникомъ Михалевичемъ, по заключеніи мира поселился въ Австріи въ крушедольскомъ монастырѣ и сторожилъ монастырскій лѣсъ. Но и въ Австріи ему не пожилось; услыхавъ о кроткомъ правленіи Хаджи Мустафы, онъ возвратился на родину, и началъ заниматься свиною торговлею. Дахіи вызвали его на то поприще, на которомъ суждено было ему играть столь важную роль.

Онъ былъ человѣкъ необыкновенный. Часто, бывало, онъ просиживалъ цѣлые дни, не говоря ни слова

и кусая себѣ ногти. Иногда онъ ничего не отвѣчалъ на вопросы и только покачивалъ головою.

За виномъ онъ становился словоохотливъ и, развеселившись, даже пускался плясать коло.

Роскошь и внѣшній блескъ нисколько не привлекали его; на верху своего могущества онъ продолжалъ носить свои старые голубые штаны, короткую истасканную шубу и всѣмъ извѣстную черную шапку. Дочери его также не отличались отъ деревенскихъ дѣвушекъ и ходили съ ведрами за водою, въ то самое время, какъ отецъ ихъ занимался правительственными дѣлами. Но странно, при всемъ этомъ, онъ былъ не равнодушенъ къ золоту.

Въ Тополѣ всякій счелъ бы его за обыкновеннаго поселянина. Онъ работалъ съ своими момками въ лѣсу, спускалъ воду на мельницѣ, или ловилъ съ ними рыбу въ ручьѣ Ясеницѣ. Онъ пахалъ и косилъ; и разъ изломалъ свой русскій орденъ, набивая обручь на бочку. За то въ битвѣ онъ былъ истиннымъ воиномъ. Сербы воодушевлялись, завидя его въ толпѣ момковъ; узнать его было легко по высокому росту, сухощавому стану, широкимъ плечамъ, большому рубцу на лицѣ, маленькимъ, впалымъ, сверкающимъ глазамъ. Обыкновенно онъ слѣзалъ съ коня, любя ходить пѣшкомъ. Еще когда онъ былъ гайдукомъ, пуля исковеркала ему правую руку; но это не мѣшало ему отлично владѣть ружьемъ. Появленіе его пугало Турокъ, ибо побѣда почиталась его спутницею.

Въ гражданскихъ дѣлахъ, какъ уже сказано, онъ обнаруживалъ нѣкоторую любовь къ порядку и къ письмоводству, хотя самъ не умѣлъ писать; хотѣлъ, чтобы дѣла шли своимъ чередомъ, но когда они слиш-

комъ его тревожили, то даже въ справедливыхъ рѣшеніяхъ своихъ былъ скоръ и жестокъ. Единственный его братъ, надѣясь на него, много позволялъ себѣ лишняго; онъ все терпѣлъ; но когда тотъ обезчестилъ одну дѣвушку, и родственники ея начали громко жаловаться, говоря, что и Турокъ прогнали за такія дѣла, Кара Георгій разсвирѣпѣлъ, и какъ ни любилъ брата, но велѣлъ повѣсить его на воротахъ, и запретилъ матери плакать по немъ.

Не смотря на свое добродушіе, онъ вѣрилъ, когда о комъ нибудь говорили ему дурное, хотя бы не задолго предъ тѣмъ и убѣжденъ былъ въ противномъ. Стоило только раздражить его, и тогда его гнѣвъ не зналъ предѣловъ. Въ такихъ случаяхъ онъ не щадилъ никого, и даже не призывалъ момковъ, а самъ убивалъ на мѣстѣ своего противника. Такъ погибъ кнезъ Теодосій, коему онъ былъ обязанъ своимъ саномъ. Но опомнившись, онъ даже плакалъ и обыкновенно говаривалъ: «Суди тому Богъ, кто затѣялъ ссору». Чувство мести было ему вовсе незнакомо, и, простивъ своего врага, онъ уже никогда больше не вспоминалъ о полученномъ оскорбленіи.

Таковъ былъ Кара Гергій — могучая и полудикая натура, которая до извѣстной поры смутно сознаетъ свои силы, но воспрянувъ предается самой энергической дѣятельности, какъ въ добрѣ, такъ и во злѣ.

Въ немъ есть чтó-то сходное съ народными героями сербскихъ пѣсень.

При всей своей дикости онъ получилъ теперь политическое значеніе, какъ представитель идеи объ освобожденіи христіанскихъ народовъ отъ власти Турокъ. Имя его сдѣлалось извѣстнымъ повсюду.

Еще ничто не утвердилось и не было признано.

Еще продолжалась война, съ большею или меньшею силою, смотря по ходу европейскихъ событій. Мало по малу сіи послѣднія приняли такое направленіе, отъ котораго Сербы могли ожидать себѣ всего лучшаго.

ГЛАВА XI.

Отношенія Сербіи къ другимъ державамъ.

Великая борьба, выдержанная Европою по низверженіи древней французской монархіи, не касалась Оттоманской Порты, которая не могла имѣть сочувствія ни къ одному изъ враждовавшихъ началъ этой борьбы, ибо всѣ они были чужды ей. Но возникавшія вслѣдствіе оной политическія и военныя перемѣны могущественно дѣйствовали какъ на внѣшнія отношенія, такъ и на внутреннее состояніе ея.

Диванъ радовался государственному перевороту, произшедшему во Франціи; онъ надѣялся, что новое французское правительство будетъ смѣлѣе прежняго дѣйствовать противъ Австріи, въ которой Османы продолжали видѣть враждебную для себя державу.

Но, увлеченная духомъ завоеваній, революціонная нація не оставила въ покоѣ и востока. Великій генералъ ея, Наполеонъ Бонапарте, задумавъ основать восточное государство, овладѣлъ Египтомъ и вторгся въ Сирію. Вслѣдствіе того, разумѣется, и Порта должна была дѣйствовать противъ Франціи и пристать ко второй коалиціи. У итальянскихъ береговъ появи-

лась соединенная русско-турецкая эскадра, и калифъ города Рума, какъ называлъ себя султанъ, домогался возстановленія папы въ городѣ Римѣ.

Но Бонапарте наконецъ убѣдился, что гораздо благоразумнѣе господствовать во Франціи, нежели одному въ отдаленныхъ странахъ бороться со всѣми силами міра. Онъ оставилъ Египетъ и Сирію и вмѣсто восточнаго замыслилъ воздвигнуть западное государство.

Вслѣдъ за тѣмъ наступили лучшія отношенія между нимъ и Портою. Наполеонъ призналъ неприкосновенность ея владѣній; она въ свою очередь немедленно возобновила старинныя преимущества, предоставленныя Французамъ при ихъ короляхъ и даже дозволила имъ свободное плаваніе по Черному морю. Никто не мѣшалъ Портѣ такъ дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока на европейскомъ материкѣ былъ миръ. Но въ 1805 году снова запылала война между Наполеономъ и великими континентальными державами, и Портѣ задали вопросъ, къ какой сторонѣ она намѣрена пристать?

Нѣсколько времени она колебалась. То русскій посланникъ бралъ рѣшительный перевѣсъ, то опять начинались проволочки, какъ скоро надлежало дѣйствовать вопреки выгодамъ Франціи.

Въ это самое время произошла Аустерлицкая битва. Вѣсть о ней несказанно обрадовала цареградскихъ жителей. Съ этихъ поръ и Турція начала вѣрить въ счастливую звѣзду Наполеона и признала его наконецъ падишахомъ Французовъ. Наполеонъ объявилъ отправленному къ нему посланнику, что султанъ его давнишній и самый надежный союзникъ, что у нихъ

одни и тѣже враги и что они будутъ вѣрны другъ другу въ счастіи и несчастіи (*).

Обыкновенно забываютъ, что война 1806 года была произведена почти столько же турецкими, какъ и нѣмецкими вопросами.

Англія и Россія рѣшились отнять у Французовъ Далмацію, дабы тѣмъ воспрепятствовать вліянію ихъ на сосѣднія турецкія области и на самый диванъ, и потомъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ произвести нападеніе на сѣверную Италію, которая тоже принадлежала тогда Франціи. Занявъ островъ Корфу, Русскіе намѣрены были овладѣть Которскимъ заливомъ и для того соединились съ Черногорцами, которые возстали поголовно и хотя не нанесли Французамъ существеннаго вреда, однако тревожили ихъ. Англія въ то время не помѣшала бы Россіи овладѣть даже и Бѣлградомъ.

Все это какъ нельзя лучше помогло генералу Себастіани, котораго Наполеонъ послалъ въ Константинополь, совершенно преклонить диванъ на свою сторону. Онъ безпрестанно твердилъ Портѣ о союзѣ Россіи съ христіанскими ея подданными и наконецъ добился того, что, вопреки договорамъ, диванъ самовластно смѣнилъ господарей молдавскаго и валашскаго, поставивъ имъ между прочимъ въ вину тайное соглашеніе съ Сербами, и тѣмъ самымъ вызывалъ Россію на войну. Война эта представляла неисчислимыя выгоды. Съ одной стороны она заставляла Россію отрядить многочисленное войско въ Молдавію и тѣмъ лишила ее возможности дѣйствовать всѣми силами въ пользу

(*) Réponse de l'empereur à un discours de l'ambassadeur de la Porte Ottomane, 5 juin 1806.

Пруссіи; съ другой производила остуду въ отношеніяхъ Россіи къ Австріи, которая не могла равнодушно видѣть, что теперь Русскіе одни распоряжались въ низовьяхъ Дуная. Обнародованные документы не оставляютъ никакого сомнѣнія, что это самое главнѣйшимъ образомъ помѣшало Австріи пристать къ союзу Россіи съ Пруссіею (*). На предложеніе соединиться съ Франціею и Турціею она, разумѣется, еще менѣе могла согласиться. Между тѣмъ дружба Французовъ съ Турками становилась все тѣснѣе. Извѣстія объ успѣхахъ Наполеона въ Пруссіи, о вторженіи его въ Польшу, производили сильное впечатлѣніе на Порту; не внимая угрозамъ Англичанъ, въ Декабрѣ 1806 года, она торжественно, съ соблюденіемъ религіозныхъ обрядовъ, объявила Россіи войну. Турки ласкали себя надеждою на берегахъ Днѣстра или даже Дуная встрѣтить вспомогательныя французскія войска, и снова завладѣть Крымомъ. Когда Англія, въ подтвержденіе угрозъ своихъ, послала подъ Константинополь довольно значительную эскадру, диванъ, благодаря внушеніямъ Себастіани и помощи находившихся въ его свитѣ инженеровъ и артиллеристовъ (**), съ твердостью отвергъ ея требованія: англійскіе корабли, повсюду побѣдоносные, не рѣшились бомбардировать цареградскія укрѣпленія. За тѣмъ бюллетени Наполе-

(*) Мы разумѣемъ несомнѣнное свидѣтельство, находящееся въ Historical memoir of a mission to the court of Vienna in 1806 by S. Robert Adair. p. 104. p. 108.

(**) Bignon T. VI, p. 193: L'ambassadeur de France est en même tems le premier ministre et le connetable du Grand Seigneur. Adair 4 April 1807: General Sebastiani is completely master at Constantinople, presides over the deliberation of the divan, and directs all their mesures.

она стали обнародовать успѣхи турецкаго оружія, какъ бы его собственные. Когда зашла рѣчь о мирѣ, Наполеонъ потребовалъ, чтобы на конгрессъ были допущены османскіе уполномоченные. 28 мая 1807 года въ замкѣ Финкенштейнѣ онъ далъ аудіенцію турецкому послу и сказалъ, что теперь онъ и султанъ нераздѣльны, какъ правая и лѣвая рука (*).

Не трудно послѣ этого понять, въ какихъ отношеніяхъ находились европейскія державы къ событіямъ, совершавшимся внутри Оттоманской Порты.

Россія, какъ уже замѣчено, все болѣе сближалась съ Сербами, такъ, что наконецъ въ Краинѣ къ нимъ явился на помощь отрядъ русскаго войска. Мы имѣемъ относящееся къ тому времени письмо Кара Георгія. Не находя словъ для описанія храбрости Русскихъ, онъ съ восторгомъ разсказываетъ «какъ они вмѣстѣ съ Сербами положили на мѣстѣ полторы тысячи Турокъ, овладѣли осьмью окопами, взяли въ добычу всѣ пушки и бомбы и множество денегъ, арабскихъ жеребцовъ и богатой конской сбруи; какъ Турки бѣжали, побросавъ все, и самъ паша ускакалъ на валашской кобылѣ.» Сербы познакомились съ Русскими и такъ сказать побратались оружіемъ.

Весною 1807 года Русскіе помогали также Черногорцамъ въ нападеніи на турецкія крѣпости Никшичи и Клобукъ. Вообще Черногорцы оказывали Русскому Императору особенную преданность: въ одномъ прошеніи своемъ они называютъ себя его подданными (**).

(*) 77-me bulletin de la grande armée, Finckenstein le 28 mai 1807. Правда тамъ сказано только: on assure; но уже и этого довольно. Сравни Thibaudeau, Empire.

(**) Sujets fidèles de V-re M-é. Rapport de Stroganoff à l'empereur Alexandre. Lebensbilder II, p. 194.

Равнымъ образомъ были преданы Россіи и греческіе арматоры, которые съ каждымъ годомъ получали бо̀льшое значеніе и изъ которыхъ Энтиміосъ Влаховасъ уже тогда замышлялъ общее освобожденіе Греціи (*). Въ это самое время Русскіе вторично спасли Паргу отъ Али паши.

Напротивъ Наполеонъ находился въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Али пашею, который принадлежалъ къ господствовавшей тогда въ Константинополѣ партіи. Наполеонъ даже хвалился тѣмъ, что доставлялъ ему пушки (**) и, какъ видно, они намѣревались овладѣть сообща семью Іоническими островами. Черногорцы увѣряютъ, что въ то время, какъ они осаждали Клобукъ, французскія войска приходили на помощь къ Туркамъ изъ Рагузы (Дубровника). Въ 1806 году, въ войнѣ съ Босняками, Сербы замѣтили, что артиллерія сихъ послѣднихъ стала дѣйствовать гораздо лучше прежняго и приписывали это французскимъ офицерамъ, что̀ очень вѣроятно, хотя мы не знаемъ навѣрное, такъ ли это было (***).

Получивъ во время египетскаго похода высокое понятіе о турецкихъ солдатахъ, Наполеонъ внушалъ султану оставить сераль, стать во главѣ своихъ войскъ и возвратить Портѣ древній блескъ ея. Онъ полагалъ, что достигнуть этого можно не иначе, какъ путемъ

(*) Emerson History of modern Greece II, 500.

(**) Въ одномъ письмѣ Наполеона, сообщенномъ Сегюромъ, Osterode le 7 avril 1807, сказано: Déjà des canons ont été mis à la disposition du Pacha de Janina.

(***) По крайней мѣрѣ въ главной квартирѣ Якова Ненадовича никогда не видали плѣнныхъ французскихъ артиллеристовъ, о которыхъ такъ много говорится въ одномъ несомнѣнно подложномъ донесеніи (см. östreichische militärische Zeitschrift 1821).

начатыхъ уже военныхъ преобразованій, и потому всячески содѣйствовалъ Селиму въ продолженіи оныхъ. Нѣкогда въ молодые годы свои, не придвидя для себя счастія во Франціи, онъ самъ, какъ извѣстно, думалъ принять участіе въ воинскомъ возрожденіи Порты. Уцѣлѣла составленная имъ въ то время записка, въ которой онъ доказываетъ, что французской политикѣ необходимо поддержать Турцію, дабы она была по прежнему страшна сосѣдямъ своимъ: ту же самую мысль онъ выражалъ и теперь.

Но мы знаемъ уже, что кромѣ того въ Турціи были люди, которые противодѣйствовали обоимъ упомянутымъ стремленіямъ и желали безъ всякой перемѣны сохранить древнія учрежденія Ислама, съ безусловнымъ господствомъ надъ раею. Теперь эти люди еще разъ предъявили свои требованія.

Мы видѣли, что намѣреніе султана ввести европейское устройство въ янычарскихъ войскахъ встрѣтило неодолимыя препятствія. Ему надлежало сокрушить непокорныхъ предводителей янычаръ и начать открытую войну съ тѣми областями, въ которыхъ они утвердились. Но онъ не могъ этого сдѣлать, будучи лишенъ самаго необходимаго средства, коимъ пользуются всѣ преобразователи, сочувствія низшихъ классовъ своего государства. Угнетеніе сихъ послѣднихъ предписывала ему сама религія, а между тѣмъ не возможно было достигнуть цѣли съ помощью однихъ уже нѣсколько преобразованныхъ музульманъ. Готовясь къ войнѣ съ Россіею, передъ самымъ началомъ ея, онъ приказалъ караманскимъ войскамъ идти на Дунай: но въ Бабаески, при Энѣ, ихъ встрѣтили соединенныя толпы кирджаліевъ и янычаръ, и, пользуясь выгодною позиціею, нанесли имъ рѣшительное

пораженіе, отъ коего они уже никогда не могли оправиться (*). За тѣмъ султанъ съ помощью Французовъ отстоялъ столицу отъ покушеній Англичанъ: строгіе музульмане ничего не могли возразить противъ этого, но гордость ихъ была оскорблена, и они тревожились мыслью, что пристрастіе султана къ иностранцамъ и учрежденіямъ ихъ все болѣе и болѣе будетъ усиливаться. И дѣйствительно, по удаленіи англійскихъ и русскихъ кораблей, Селимъ, подстрекаемый Французами, которые обнадеживали его своею помощью, еще разъ рѣшился приступить къ преобразованію янычаръ. Но духъ древняго Ислама воспрянулъ во всей своей упорной и несокрушимой дикости; первая попытка султана надъ Лазами и арнаутскими ямаками, жившими въ замкахъ на берегу Босфора, произвела въ столицѣ открытое возстаніе: янычары опрокинули походные котлы свои, въ знакъ того, что не хотятъ болѣе принимать отъ такого султана пищи. Для обузданія ихъ не было сдѣлано никакихъ приготовленій; и топджіи, о которыхъ такъ заботился Селимъ, и поставленный имъ муфти, отказали ему въ повиновеніи. Прежде всего погибли члены дивана, приверженцы нововведеній; потомъ и самъ султанъ былъ сверженъ съ престола за то, что предался европейскимъ порокамъ и нарушилъ священныя постановленія Корана. Ему пришлось испытать участь, коей обыкновенно подвергаются преобразователи, не имѣющіе возможности употребить чрезвычайныя средства для сокрушенія препятствій. Болѣе года смуты волновали Константинополь. Одинъ приверженецъ Селима, Мустафа Бай-

(*) 10 Августа 1806. Juchereau de St. Denys, Révolutions de Constantinople II, 30.

рактаръ, самъ провозгласившій себя визиремъ, на нѣкоторое время возобновилъ преобразованія, сдѣлавъ значительныя уступки враждебной партіи; но янычары возмутились и противъ него; улемы поставили ему въ вину то, что онъ будто бы замышлялъ подчинить правовѣрныхъ невѣрнымъ. Послѣ долгой и упорной борьбы, онъ погибъ со всѣми своими друзьями. Древняя религіозно-военная система съ наслѣдственными привиллегіями и злоупотребленіями, одержавъ троекратную побѣду, надъ султаномъ и надъ визиремъ, была возстановлена во всей прежней силѣ своей, и если послѣдній представитель османской династіи, молодой Махмудъ, успѣлъ уже усвоить себѣ идеи своего дяди, Селима, то принужденъ былъ тщательно скрывать ихъ. Надлежало надолго забыть о преобразованіяхъ (*).

Между тѣмъ произошли перемѣны и въ европейской политикѣ.

Въ Тильзитѣ Наполеонъ разорвалъ союзъ свой съ Турками, объявивъ, въ одномъ бюллетенѣ, что они низвергнули Селима вопреки христіанству. Но такого побужденія не приписываютъ ему даже самые ревностные его поклонники. Онъ оставилъ Турокъ, потому что для борьбы съ Англіею ему было выгоднѣе привлечь на свою сторону Россію (**).

(*) Juchereau de St. Denys II, 238: On renonça à jamais aux institutions militaires des Francs, — on prononça anathème contre ceux qui en parleraient, — l'ancien ordre des choses fut rétabli: les janissaires et les oulémas reprirent leurs droits et leur influence politique.

(**) Говоря о тильзитскомъ мирѣ, Биньонъ спрашиваетъ, справедливо ли обвиняютъ Наполеона въ томъ, что онъ пожертвовалъ Турціею, и отвѣчаетъ: Tout se réduit à savoir, quel était en 1807 le parti le plus utile à la France, ou de procurer à la Turquie une complète satisfaction ou de faire entrer la Russie dans le système continental. Le choix alors ne pouvait pas être douteux.

Но здѣсь не мѣсто даже и по отношенію къ Турціи слѣдить за направленіемъ и перемѣнами тогдашней европейской политики, тѣмъ болѣе что никакихъ особенныхъ послѣдствій отъ того не произошло. Намъ хотѣлось только обозначить тѣ политическія отношенія, подъ вліяніемъ которыхъ Сербы продолжали дѣло своего освобожденія.

Положеніе Сербовъ значительно измѣнилось противъ прежняго.

Смуты и безпорядки Турціи, которые доселѣ такъ помогали имъ, прекратились; сила Османовъ болѣе не раздвоялась между султаномъ-реформаторомъ и непокорною военною кастою; Порта хотѣла теперь вполнѣ возстановить прежнее господство свое надъ Сербами, и въ 1809 году война запылала снова....

Но во всякомъ случаѣ союзъ Наполеона съ императоромъ Александромъ обезпечивалъ ихъ со стороны далматскаго побережья. Теперь, нападая на Босняковъ, они уже не боялись французскихъ артиллеристовъ.

ГЛАВА XII.

Война 1809 и 1810 годовъ. Распространеніе границъ.

Былина, воспѣвающая начало возстанія, уже грозитъ Боснякамъ, говоря, что придетъ день, когда Сербы переправятся за Дрину и овладѣютъ Босніею.

Въ 1807 году переходъ за Дрину, какъ извѣстно, не удался. Черезъ два года, пользуясь благопріятными обстоятельствами, о которыхъ сказано выше, Сербы возобновили свою попытку, съ большею увѣренностью въ удачѣ и на первыхъ порахъ съ блестящимъ успѣхомъ. У нихъ уже было нѣсколько отрядовъ, учрежденныхъ по правиламъ европейскаго военнаго искусства.

Кнезъ Сима, котораго Кара Георгій опредѣлилъ на мѣсто страдавшаго отъ раны Якова Ненадовича, въ трехъ мѣстахъ переправилъ свои войска за Дрину и повелѣлъ имъ осаждать ближайшія укрѣпленія Бѣлину, Янину, Сребрницу и Вышеградъ, а самъ съ главнымъ отрядомъ поднялся на боснійскія горы. Тутъ палъ прославленный въ пѣсняхъ Боснякъ Меіо Оружичь, коего сабля, съ надписью: *Карлъ VI*, досталась Лукѣ Лазаревичу. Вообще Турки защищались храбро, но безуспѣшно. Боснійская рая, подъ предводительствомъ людей, подобныхъ кнезу Ивану, выкупившему плѣнныхъ у Кулина, повсюду возставала и присоединялась къ Сербамъ.

У Кара Георгія въ это время были еще болѣе смѣлые замыслы.

Тогдашній владыка черногорскій, въ одномъ превосходномъ поэтическомъ произведеніи своемъ, воспѣваетъ единодушіе и храбрость Сербовъ, предъ коими падаютъ турецкія мечети и бѣгутъ хаджи. Кара Георгій— говоритъ пѣсня — развернулъ знамя Неманичей и великими дѣлами добываетъ себѣ не корысти, а славы. Вила увѣнчала его лаврами, но герой не довольствуется совершенными подвигами; онъ замыслилъ выгнать Турокъ изъ Босніи и Герцеговины и соединиться съ Черногорцами, которые, хотя и живутъ между Тур-

камп и католиками, но кровію купили себѣ свободу и съ давнихъ поръ никому не подвластны.

Пѣсня говорила правду. Весною 1809 гола Кара Георгій дѣйствительно перешелъ горы близь Сеницы, намѣреваясь на верховьяхъ впадающаго въ Дрину Лима содиниться съ дальними единовѣрцами, жившими въ древнѣйшемъ достояніи сербскаго царства, въ Рашкѣ.

Паша встрѣтилъ его съ многочисленнымъ войскомъ у Суводола, на широкой горной равнинѣ, представлявшей турецкимъ всадникамъ всѣ удобства для разъѣздовъ. Кара Георгій, имѣя мало конницы, всегда избѣгалъ сраженія въ открытомъ мѣстѣ, и съ ужасомъ увидалъ теперь, что враги окружили его со всѣхъ сторонъ. Онъ собралъ свое войско вокругъ пушекъ; но конечно это не спасло бы его. По счастію у него было нѣсколько всадниковъ, и отчаянпая хитрость одного изъ нихъ, Вула Илича изъ Смедерева, рѣшила дѣло. Въ сопровожденіи момковъ и бекяровъ, Иличь на отличномъ арабскомъ конѣ своемъ ринулся въ непріятельскія толпы, крича по-турецки «Турки бѣгутъ!» Немедленно Турки замѣшались, и вслѣдъ за тѣмъ паша потерпѣлъ совершенное пораженіе.

Такимъ образомъ Кара Георгій получилъ возможность продолжать путь свой. Онъ взялъ приступомъ Сеницу, коей развалины послѣ показывались путешественникамъ, и вступилъ въ земли, принадлежащія Васоевичамъ и Дробнякамъ. Жители христіанскаго исповѣданія повсюду присоединялись къ нему; скоро появились и первые Черногорцы, вышедшіе на встрѣчу къ побѣдоноснымъ соплеменникамъ своимъ. Нѣкоторые изъ нихъ въ первый разъ въ жизни видѣли пушки и не могли надивиться на нихъ. Имъ данъ былъ

сербскій воевода. Такимъ образомъ произошло сообщеніе между Сербіею и Черногоріею. Герцеговина также поднялась. Въ Босніи всѣ жители сербскаго племени и христіанской вѣры замышляли возстать поголовно и сообща напасть на магометанъ. Тутъ Кара Георгій прежде всего двинулся къ Новому Пазару, который лежитъ въ центрѣ тамошнихъ большихъ дорогъ, и черезъ который почти исключительно идетъ торговля и сообщеніе между Босніею и Румеліею. Онъ занялъ внѣшній городъ и принудилъ гарнизонъ запереться въ верхней крѣпости, которая также не могла долго устоять.

Въ это самое время дошли до него недобрыя вѣсти съ Моравы.

Наводненія нѣкоторое время препятствовали рускимъ войскамъ переправиться за Дунай; Турки воспользовались этимъ, и двинувшись со всѣми силами изъ Ниша, вступили въ Сербію близь Алексинца.

Петръ Добриняцъ, не разъ счастливо и славно оборонявшій тамошнія границы, теперь снова изготовился къ бою съ большею частью своихъ людей. Но на этотъ разъ Кара Георгій, по внушенію Младена, ввѣрилъ главное начальство въ тѣхъ мѣстахъ Милое; Добриняцъ не хотѣлъ повиноваться ему, и самъ Милое не скрывалъ своей ненависти къ Добринцу и ко всѣмъ его приверженцамъ. Такимъ образомъ раздоръ изъ сената перешелъ въ ряды войска, которому надлежало защищать границы, наиболѣе подверженныя непріятельскому вторженію.

Сначала, въ іюнѣ 1809 года, Турки напали на укрѣпленіе близь Каменицы, защищаемое другомъ Добринца, Ресавскимъ кнезомъ, Стефаномъ Сингеличемъ, съ которымъ было 3000 человѣкъ. Какъ геройски ни отбивался онъ, но ему нужна была помощь;

Милое, въ непонятномъ ослѣпленіи вражды, отказалъ ему въ оной. Уже Турки, ступая по трупамъ своихъ собратій, взошли на валъ, полѣзли на укрѣпленіе и, начавъ рукопашный бой, одерживали побѣду; въ отчаяніи, рѣшившись не доставаться врагамъ ни живой, ни мертвый, Сингеличь зажегъ пороховые ящики и вмѣстѣ со всѣмъ укрѣпленіемъ, съ своими и съ врагами, взлетѣлъ на воздухъ.

Турки вставили въ камни черепа падшихъ Сербовъ и сложили изъ нихъ башню на дорогѣ.

За тѣмъ они уже не встрѣчали сопротивленія. Хвастливый Милое, обѣщавшійся завоевать Нишъ и поселиться въ немъ, самъ принужденъ былъ теперь выводить свое войско изъ крѣпостей, побросалъ орудія и обозы и бѣжалъ въ Делиградъ. Въ это самое время воротился Добриняцъ, находившійся до того въ отлучкѣ; но ему, разумѣется, не было охоты сражаться за Милое; онъ распустилъ людей своихъ, сказавъ имъ: «Спасайте, что̀ можно!»

Эти-то вѣсти дошли до Кара Георгія, когда онъ стоялъ подъ стѣнами Новаго Пазара. Опасность своей земли заставила прекратить дальнѣйшее вторженіе въ непріятельскіе предѣлы. Тотчасъ же Кара Георгій велѣлъ кнезу Симу изъ Босніи и Миленку, осаждавшему съ русскимъ вспомогательнымъ отрядомъ Кладово, идти къ Моравѣ; а самъ снялъ осаду Новаго Пазара, вывелъ гарнизонъ свой изъ Сеницы, и оставивъ на произволъ судьбы посланнаго въ Черногорію воеводу, немедленно пошелъ въ обратный путь. Онъ успѣлъ еще придти во время и отрядилъ нѣсколько войска для занятія Тюпріи, такъ чтобы правый берегъ Моравы не остался совсѣмъ безъ защиты. За тѣмъ

онъ пошелъ въ Делиградъ, куда прибылъ также и Миленко. Во всѣхъ встрѣчахъ съ Турками Сербы терпѣли пораженія и наконецъ принуждены были двинуться назадъ къ Тюпріи. Но тамъ разнесся слухъ, будто они разбиты на голову и по другой дорогѣ идутъ въ Шумадію. Тамошніе воеводы, Іокичь и Радичь, въ отчаяніи рѣшились срыть крѣпость. Радичь уже переправилъ боевые запасы и пушки за Мораву, и велѣлъ бросить въ рѣку, чего нельзя было спасти; Іокичь срывалъ укрѣпленія, и когда прибылъ Кара Георгій, крѣпость, съ помощью которой онъ надѣялся защитить правый берегъ Моравы, уже объята была пламенемъ. Въ ярости онъ выстрѣлилъ въ Іокича; но дѣлать было нечего: ночью, укрываясь отъ враговъ, онъ принужденъ былъ уйти въ Ягодину.

Тогда не могъ болѣе держаться и Велько, находившійся въ Банѣ, неподалеку отъ Алексинца. Однажды, завидя развѣвающіяся знамена шедшихъ къ нему на помощь Сербовъ, онъ вышелъ изъ крѣпости и съ свойственною ему отвагою пробился сквозь ряды Турокъ, дабы соединиться съ подходившимъ отрядомъ и вмѣстѣ напасть на непріятеля. Но ему пришлось идти назадъ: вспомогательный отрядъ былъ слишкомъ малъ для нападенія, и Велько удовольствовался тѣмъ, что взялъ изъ него съ собою нѣсколькихъ храбрецовъ. Съ ними онъ снова пробился сквозь турецкій лагерь.

За тѣмъ Турки овладѣли всею равниною на правомъ берегу Моравы до Пожаревца, гнали, убивали жителей и распространяли повсюду ужасъ. Кто не могъ пробраться въ Шумадію, бѣжалъ въ горы Омолье и Пекеръ (гдѣ рѣка Млава). — Турки уже намѣревались перейти на лѣвый берегъ Моравы, и Гушанцъ Али,

обѣщавшійся посѣтить Кара Георгія въ Тополѣ, хотѣлъ непремѣнно сдержать свое слово.

Сербы съ своей стороны изо всѣхъ силъ готовились къ защитѣ. Противъ Пожаревца, на Великой Моравѣ, стояли Младенъ, кнезъ Сима, Вуица; Кара Георгій укрѣплялъ гору Липаръ близь Ягодины. Но успѣхъ былъ сомнителенъ, и безъ помощи Русскихъ едва ли бы удержались они противъ Турокъ.

Въ Августѣ 1809 года Русскіе перешли нижній Дунай; крѣпости одна вслѣдъ за другой сдавались имъ, и Портэ принуждена была отозвать отъ сербскихъ границъ часть своего войска. Тутъ Сербы вздохнули свободнѣе. Нападенія Гушанца Али были отбиты; мало того, онъ самъ принужденъ былъ покидать занятыя имъ мѣста. Равнымъ образомъ удалось отразить и Босняковъ, которые нападали на Лозницу. Ущербъ въ людяхъ восполнился жителями Босніи, которые еще прежде возстали противъ магометанъ, покинули свои земли и присоединились къ Сербамъ. Ихъ поселили въ Китогѣ.

Такимъ образомъ опасность миновалась; распространены были даже границы. Но положеніе вообще было не слишкомъ надежно.

Доселѣ Сербы дрались только съ дахіями и съ такими войсками, которыхъ высылалъ противъ нихъ султанъ; теперь своими нападеніями на сосѣдніе пашалыки они озлобили противъ себя мѣстныхъ жителей, и паши уже изъ личныхъ выгодъ должны были воевать съ ними.

Но между самими Сербами не было единодушія; распри только усплись отъ послѣднихъ неудачъ....

Между тѣмъ Русскіе успѣли устранить всѣ недоразумѣнія. Новый главнокомандующій ихъ, графъ Каменскій,

при самомъ началѣ войны 1810 года, издалъ объявленіе, въ которомъ, обѣщая помощь Сербамъ, какъ братьямъ Русскихъ, единоплеменнымъ и единовѣрнымъ, называлъ Кара Георгія *верховнымъ вождемъ*, и совершенно успокоилъ его. Теперь даже и тѣ, которые выдавали себя за ревностныхъ приверженцевъ Россіи, уже не могли отказывать ему въ повиновеніи. Вообще же съ наступленіемъ весны всѣ Сербы забыли свои раздоры и захотѣли снова драться съ Турками.

Такимъ образомъ въ 1810 году война возобновилась уже въ непосредственномъ союзѣ съ Русскими. Для свободнаго сообщенія съ ними Сербы прежде всего намѣревались завоевать Краину.

Не желая уронить себя въ глазахъ союзниковъ, они послали туда для соединенія съ ними лучшее, отборное войско свое, 4500 человѣкъ пѣхоты и 1500 всадниковъ. Начальство надъ ними выхлопоталъ себѣ Петръ Добриняцъ. Соединившись съ русскимъ отрядомъ, коимъ предводительствовалъ графъ Цукато, они начали успѣшно дѣйствовать, заняли Неготинъ и Брзу Паланку и осадили Кладово.

Между тѣмъ Турки также приготовились къ войнѣ, и съ двухъ сторонъ напали на сербскія границы, не смотря на то, что принуждены были употребить значительныя силы для отпора Русскимъ на Дунаѣ.

Новый паша Нишскій, Хуршидъ, шелъ къ Моравѣ, имѣя при себѣ около тридцати тысячъ войска. Его вторженіе было тѣмъ опаснѣе, что онъ не захотѣлъ слѣдовать примѣру своихъ предшественниковъ и не остановился подъ Делиградомъ, но отрядилъ для осады его только часть войска, а самъ, завладѣвъ Крушевцемъ и укрѣпленіемъ близь Ясики, началъ вдоль и поперекъ опустошать страну, и тѣмъ конечно наиболѣе

повредилъ Сербамъ. Видя, что укрѣпленія не приносятъ никакой пользы, мѣстные жители не думали болѣе о защитѣ ихъ, и расходились по домамъ спасать женъ и дѣтей своихъ. Въ округахъ Крушевацкомъ и Левацкомъ не оставалось болѣе войска; Крагуевацъ былъ въ опасности; тамошніе Сербы, защищавшіе Делиградъ, также готовились идти по домамъ. Однимъ словомъ, положеніе было не легче прошлогодняго. Мы имѣемъ письмо Кара Георгія, въ которомъ онъ настоятельно требуетъ, чтобы Добриняцъ либо самъ шелъ къ нему со всѣмъ своимъ войскомъ, либо убѣдилъ Русскихъ послать вспомогательный отрядъ. «Либо то, либо другое — пишетъ онъ — но непремѣнно что̀ нибудь одно. Если мы здѣсь не устоимъ, тогда на что̀ намъ Кладово и Краина? Нечего дожидаться другаго письма, надо идти сейчасъ же, и не мѣшкать ни днемъ, ни ночью. Теперь все отъ этого зависитъ.»

Цукато немедленно послалъ къ нимъ отрядъ въ 3000 человѣкъ, подъ начальствомъ полковника графа Орурка. Велько служилъ провожатымъ. Русскіе соединились съ Сербами не подалеку отъ Ясики. Такая помощь ободрила Сербовъ, и они рѣшились спуститься въ долину Варваринъ.

Хурщидъ паша только того и ждалъ. «Вы жаловались, сказалъ онъ своимъ Туркамъ, что Сербы никогда не дерутся съ вами на ровномъ мѣстѣ. Вотъ вамъ и равнина и Сербы! Увидимъ теперь, стоитъ ли кормить васъ царскимъ хлѣбомъ.» За тѣмъ онъ напалъ на Русскихъ и на Сербовъ. Но Русскіе сомкнулись четыреугольникомъ и стояли непоколебимо, а Сербы, прислонившись къ нимъ, какъ къ горѣ, и тѣмъ обезопасивъ тылъ свой,

сами устремились на Турокъ и отняли 7 знаменъ. Къ вечеру Хуршидъ принужденъ былъ окопаться.

Между тѣмъ страшная опасность грозила съ другой стороны. Боснійскій паша переправилъ черезъ Дрину 40,000; разоривъ нѣсколько селъ, онъ бросился на Лозницу и въ теченіи 12 дней обстрѣливалъ ее бомбами и ядрами. Какъ ни былъ храбръ тамошній воевода Антоній Богитевичь, но конечно не могъ бы долго сопротивляться.

Никогда еще Сербы не были въ такихъ тяжкихъ обстоятельствахъ; Кара Георгій самъ признавался въ томъ. Требуя новой помощи отъ Добринца, который продолжалъ дѣйствовать въ Краинѣ, онъ писалъ: «Не медли ни минуты, чтобы мнѣ хоть минутою раньше послать войско на Дрину.»

Но счастіе снова помогло Сербамъ. Хуршидъ паша какъ бы утомился отъ безпрестанныхъ неудачъ и повелъ назадъ свое войско, желая вѣроятно въ тоже время обезопасить тылъ свой отъ Русскихъ, которые въ Сентябрѣ 1810 года, послѣ долгой осады, наконецъ овладѣли Рущукомъ.

Сербы теперь могли направить всѣ свои силы противъ Босняковъ.

Немедленно, собравъ ратниковъ крагуевацкихъ, смедеревскихъ, гроцкихъ и бѣлградскихъ, и взявъ съ собою нѣсколько козаковъ, Кара Георгій почти со всею своею силою отправился спасать Лозницу. Изъ Шабца шелъ Лука Лазаревичъ, изъ Валева Яковъ Ненадовичь. Всѣ они ночью 5 октября стали на полчаса пути отъ боснійскаго лагеря и возвели окопы. На утро Турки сами рѣшились произвести нападеніе; но Сербы скоро оттѣснили ихъ къ Дринѣ и, принудивъ войти въ малые окопы, сами въ тотъ же вечеръ подошли къ нимъ.

На другой день произошла рѣшительная битва. Сначала дѣйствовали пушки и малый ружейный огонь; потомъ завязался рукопашный бой. «Мы смѣшались другъ съ другомъ, говоритъ Кара Георгій, и цѣлые два часа дрались на сабляхъ; много побито Турокъ и отсѣчено турецкихъ головъ; у нихъ пало втрое больше нашего; никогда еще не было такого жаркаго боя; поле осталось за нами.» Въ самомъ дѣлѣ Турки понесли такое пораженіе, что не могли болѣе продолжать войну въ этомъ году и ушли за Дрину. Кара Георгій также переправился черезъ нее и быстро нагонялъ ихъ. Но на другой день паша выслалъ переговорщиковъ съ предложеніемъ, чтобы ни Турки, ни Сербы ни переходили Дрину. Предложеніе было принято.

Такимъ образомъ война кончилась счастливо для Сербовъ. Графъ Оруркъ, отправляясь къ нимъ на помощь, взялъ Баню, въ которой съ прошлаго года сидѣли Турки, а на возвратномъ пути овладѣлъ Гургусовцемъ. Кладово также пало. Всѣ эти крѣпости Русскіе передали Сербамъ.

Хотя далеко не исполнились отважныя намѣренія, съ которыми начата была эта война, Боснія не была покорена, соединенія съ Черногорцами не послѣдовало; напротивъ сами Сербы подверглись великимъ опасностямъ и цѣлые два года отстаивали собственную независимость: но за то теперь они были гораздо сильнѣе прежняго. Кромѣ Бѣлградскаго пашалыка, они имѣли въ рукахъ своихъ многіе округи, отнятые отъ сосѣднихъ пашалыковъ и санджаковъ: отъ Видинскаго паши имъ достались Краина, Ключь и Црнарѣка; отъ Нишскаго Алексинацъ и Банѧ со всѣми селами; отъ Лесковацкаго Паратинъ и Крушевацъ; отъ Новопазарскаго древній знаменитый монастырь Студеница,

по имени котораго они назвали нахію; наконецъ въ Босніи принадлежали имъ округи по сю сторону Дрины, Ядаръ и Радевина.

Богатая, плодоносная и по пространству довольно значительная страна была такимъ образомъ отнята у ислама и возвращена древнимъ владѣльцамъ ея.

Но внутренніе раздоры сихъ послѣднихъ, какъ мы видѣли, не прекращались даже и на полѣ брани.

ГЛАВА XIII.

Внутренніе раздоры. Единодержавіе Кара Георгія.

Мы видѣли, что походъ 1809 года усилилъ вражду между верховнымъ вождемъ и господарями; сіи послѣдніе поставляли ему въ вину его недовѣріе къ Русскимъ.

Ссоры начались тогда же, въ Лозницкомъ лагерѣ, немедленно по удаленіи Турокъ. Яковъ Ненадовичъ, который завѣдывалъ обороною тамошнихъ мѣстъ, спрашивалъ: Кто же будетъ защищать эти границы?—Тотъ, кто и прежде, отвѣчалъ Кара Георгій. Ну нѣтъ, воскликнулъ Яковъ, пусть попробуютъ тѣ, которые думаютъ обойтись безъ иноземной помощи и только что накликаютъ намъ враговъ. Онъ велѣлъ собраться своимъ войскамъ, и указывая имъ на племянника своего Проту, сказалъ: «Я посылалъ его къ Русскимъ, и онъ привезъ намъ милостивое слово царское. Но Младену и Милое ни почемъ царская милость; они сами хотятъ быть царями и королями.»

На скупштинѣ новаго 1810 года дружина Якова была всѣхъ многочисленнѣе. Его окружало до 600 момковъ и другихъ приверженцевъ, которые, расхаживая по улицамъ, кричали: «Хотимъ царя!» Въ засѣданіяхъ Яковъ не давалъ покоя Младену. «Если Младенъ сдѣлалъ что̀ не такъ—сказалъ Кара Георгій—садись ты на его мѣсто и поправляй. Вы хотите царя; ну хорошо, и я хочу его.»

Яковъ добился по крайней мѣрѣ удаленія Младена и Милое, которые почитались главными виновниками зла. Самъ онъ занялъ мѣсто предсѣдателя въ сенатѣ. Казалось, что отнынѣ Кара Георгій раздѣлитъ съ нимъ верховную власть. Онъ отмѣнилъ нѣкоторыхъ сенаторовъ, подъ предлогомъ сокращенія расходовъ на жалованіе, и уговорилъ сенатъ отправить въ русскій лагерь посольство съ просьбою о помощи.

Но эта перемѣна еще не всѣхъ удовлетворила. Миленко, которому опредѣлено было участвовать въ посольствѣ, прибывъ въ Поречь, отправилъ въ русскій лагерь своего секретаря, объявивъ, что болѣе не хочетъ повиноваться Кара Георгію, и вслѣдъ за тѣмъ возмутилъ свои округи.

За то другой господарь, Петръ Добриняцъ самъ захотѣлъ быть посломъ. Онъ прибылъ въ русскій лагерь подъ предлогомъ, будто имѣетъ порученіе отъ сербскаго народа просить о присылкѣ вспомогательнаго войска. Вооружая Русскихъ противъ Кара Георгія, онъ въ тоже время писалъ въ Бѣлградъ, что Русскіе не пришлютъ вспоможенія, пока Сербы не смѣнятъ верховнаго вождя и не преобразуютъ весь сенатъ. Пріѣздъ настоящаго посольства не заставилъ его отступиться отъ своего намѣренія. Онъ сочинилъ сооб-

ща съ друзьями своими подложную полномочную грамоту, и увѣривъ главнаго посла, Милана изъ Рудника, будто Кара Георгій добивается неограниченной власти, тѣмъ самымъ убѣдилъ его не открывать подлога Удивительно, на что пускались эти люди!

Но мы уже знаемъ, что всѣ эти происки не удались. Кара Георгій, черезъ одного изъ друзей своихъ, архимандрита Филиповича, успѣлъ обо всемъ увѣдомить графа Каменскаго, и тотъ издалъ упомянутое объявленіе, послѣ котораго въ походѣ 1810 года Сербы дѣйствовали единодушно.

Но и въ военномъ лагерѣ господари не забывали о своихъ распряхъ.

Въ главной квартирѣ Цукато сошлись Добриняцъ, Миленко и Миланъ; Яковъ Ненадовичь въ Лозницкомъ лагерѣ имѣлъ случай увидаться и уговориться съ своими приверженцами. Конечно, они не могли еще думать о немедленномъ удаленіи Кара Георгія; ибо въ военное время онъ былъ слишкомъ силенъ и необходимъ для народа. Имъ хотѣлось на первый разъ только ограничить власть его, дабы впослѣдствіи можно было совершенно отъ него отдѣлаться. Они разсчитывали на свое давнее значеніе, на момковъ, на свои связи въ Бѣлградѣ, имѣли даже въ виду возстаніе народа, который былъ недоволенъ Младеномъ, и будучи твердо увѣрены, что одно появленіе русскаго полка, о которомъ поѣхалъ просить Миланъ, дастъ имъ явный перевѣсъ, положили на предстоявшей скупштинѣ дѣйствовать рѣшительно.

Мы знаемъ уже, что эта вражда господарей съ верховнымъ вождемъ не была явленіемъ случайнымъ и произвольнымъ.

Но напрасно воображаютъ видѣть въ господаряхъ

угнетателей народа, а въ Кара Георгіи его защитника. Такія понятія, составленныя по явленіямъ западной жизни, и даже въ примѣненіи къ ней не всегда вѣрныя, вовсе не примѣнимы къ востоку.

Мы скорѣе можемъ понять значеніе этой вражды, вспомнивъ, что позднѣйшія событія въ Греціи приняли бы совершенно другой ходъ, если бы одинъ изъ капитановъ, подобно Кара Георгію, взялъ перевѣсъ надъ всѣми остальными. Единство народа, необходимость въ главномъ военачальникѣ, требовали единства власти.

Этимъ мы не хотимъ сказать, что подчиненіе господарей было нужно для блага страны. Напротивъ положеніе, до нѣкоторой степени независимое, принадлежало имъ по всей справедливости: въ своихъ округахъ они дѣйствовали хорошо, и лично пользовались любовью мѣстныхъ жителей. Единодушіе конечно было бы всего лучше. Но такъ какъ безпрестанно возникали новыя распри, то изъ двухъ началъ одному надлежало пересилить другое.

У Кара Георгія была та выгода, что онъ заранѣе узнавалъ замыслы враговъ своихъ.

Однажды, посѣтивъ Луку Лазаревича, который незадолго получилъ рану въ жаркой схваткѣ передъ турецкими окопами и страдалъ отъ нея, Кара Георгій сказалъ полушутя: «Вотъ наказаніе за неправду!» Лука смутился. Ему представилось, что Георгій все знаетъ. Можетъ быть вспомнивъ свою прежнюю привязанность къ нему, или изъ честолюбія, чтобы не потерпѣть позора въ случаѣ открытія заговора, или наконецъ по чему нибудь другому, только онъ разсказалъ ему все, что̀ зналъ. Вскорѣ послѣ того пріѣхалъ въ лагерь Лазарь Воиновичь, секретарь Милана. Кара

Георгій переманилъ его на свою сторону и успѣлъ вывѣдать отъ него всѣ подробности.

Тогда онъ рѣшился не только сохранить свою власть, но и отнять у враговъ средства, съ помощью которыхъ они могли вредить ему. Тутъ тоже они сами помогли ему, опоздавши на новую скупштину 1811 года (Миленко и Добриняцъ дожидались русскаго полка, а Яковъ не хотѣлъ явиться безъ нихъ) и тѣмъ самымъ давъ ему возможность воспользоваться явнымъ перевѣсомъ своимъ надъ остальными воеводами, которые уже потому не противорѣчили ему, что онъ умѣлъ соединить ихъ выгоды съ своими собственными.

По его настоянію скупштина издала два опредѣленія, долженствовавшія измѣнить весь порядокъ вещей. Вопервыхъ воеводы поставлены были въ непосредственную зависимость отъ верховнаго вождя и отъ сената. Такимъ образомъ господари лишались мѣстнаго вліянія и какъ бы вводилось новое раздѣленіе страны. Округи, которыми доселѣ управлялъ Миленко черезъ своихъ булюкбашей, отданы были осьми воеводамъ. Милошъ именемъ Милана доселѣ завѣдывалъ двумя округами Рудницкимъ и Пожежскимъ: теперь цѣлый округъ отошелъ отъ него, а отъ втораго оставлена ему только третья часть. За то получили бо̀льшую самостоятельность другіе воеводы, какъ на примѣръ, Антоній Богитевичь, Милошъ Поцерацъ, Стоянъ Чупичь, которые прежде находились въ зависимости отъ Якова или отъ Луки. Понятно, что всѣ второстепенные военачальники весьма были довольны такимъ опредѣленіемъ и радовались усиленію верховнаго вождя, которое явно благопріятствовало имъ. Съ этимъ постановленіемъ скупштины непосредственно связано

было другое, въ силу коего сенатъ получилъ совершенно новое устройство. Въ немъ отдѣлили судебную часть отъ правительственной. Первая перешла въ вѣдѣніе Верховнаго суда, въ который назначены были сенаторы, не имѣвшіе большаго вліянія. Вторая напротивъ распредѣлилась между важнѣйшими лицами въ видѣ министерствъ. Назначено было шестеро министровъ или, какъ называли ихъ, попечителей: военный, иностранный, правосудія, духовныхъ, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Въ попечители были нарочно опредѣлены трое искреннихъ приверженцевъ Кара Георгія: Младенъ, кнезъ Сима Марковичь и Досиѳей Обрадовичь, и рядомъ съ ними Яковъ, Миленко и Добриняцъ, которые тѣмъ самымъ какъ бы получали вознаграждение за потерю своей власти въ округахъ; но тутъ они уже не могли быть опасны, потому что важнѣйшими дѣлами, т. е., военнымъ министерствомъ, завѣдывалъ Младенъ. На случай сопротивленія скупштина издала законъ, осуждавшій на изгнаніе всякаго, кто не захочетъ повиноваться этимъ новымъ постановленіямъ. Въ заключеніе Кара Георгій взялъ съ воеводъ присягу въ томъ, что они будутъ слушаться только одного его, и за тѣмъ распустилъ ихъ по округамъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда наконецъ пришелъ въ Бѣлградъ русскій Нейшлотскій полкъ, и вмѣстѣ съ нимъ прибыли Миленко и Добриняцъ. Конечно, они могли еще оказать сопротивленіе, и даже успѣли бы въ немъ, дѣйствуя единодушно. На сторонѣ ихъ былъ гайдукъ Велько, врагъ всякаго порядка, еще съ прошлаго года не хотѣвшій никого слушаться. Въ прошлогоднюю скупштину на него поступило множество жалобъ и обвиненій, такъ что хотѣли запереть его въ башню. Онъ собралъ тогда сво-

ихъ момковъ и сказалъ имъ: «Я шелъ сюда, думая, что меня спросятъ, сколько я получилъ ранъ, сколько потерялъ храбрыхъ товарищей, сколько пало подо мною коней; вмѣсто того спрашиваютъ, сколько я перецаловалъ дѣвокъ. Что же намъ здѣсь дѣлать; пойдемте назадъ.» Теперь онъ снова явился въ Бѣлградъ и привелъ съ собою 70 человѣкъ удалыхъ товарищей, момковъ и бекяръ; первые служили ему изъ личной привязанности; вторые получали жалованіе; тѣ и другіе были готовы на всякое предпріятіе. Кромѣ того въ самомъ Бѣлградѣ господари имѣли сильную партію. Вообще они еще пользовались большимъ значеніемъ, и могли бы сдѣлать многое; но, лишившись нѣкоторыхъ сообщниковъ, уже не имѣли единства и обезсилѣли. Миланъ, самый надежный пособникъ ихъ, заболѣлъ въ Букарештѣ, вскорѣ послѣ того, какъ возвратился къ нему Лазарь Войновичь, и умеръ въ послѣднихъ числахъ 1810 года, по увѣренію нѣкоторыхъ, отъ яду. Но еще важнѣе было то, что Яковъ Ненадовичь отсталъ отъ нихъ. Рѣшившись принять должность попечителя, и женивъ своего сына, Ефрема, на дочери Младена, онъ перешелъ совершенно на сторону Кара Георгія, и вмѣсто того, чтобы привести съ собой многочисленную дружину, пріѣхалъ въ Бѣлградъ въ саняхъ, съ двумя момками. Такимъ образомъ Добриняцъ и Миленко остались съ однимъ Велькомъ.

Но вскорѣ и онъ покинулъ ихъ. Кара Георгій щедро одарилъ его деньгами, возвратилъ ему воеводство въ Банѣ, которое по настоящему не принадлежало ему болѣе, ибо онъ бѣжалъ оттуда прошлаго года, обходился съ нимъ чрезвычайно ласково, часто называя сыномъ и говоря, что любитъ его также, какъ своего первенца, Алексу; однимъ словомъ, совершенно скло-

пилъ его на свою сторону. Однако на всякій случай положено было удалить его изъ Бѣлграда. Гонецъ, весь запыленный и въ поту, привезъ письмо, съ вымышленнымъ извѣстіемъ, будто Турки выступили изъ Ниша и двинулись къ Банѣ. Этого было достаточно: гайдукъ, нимало не медля, собралъ дружину и ушелъ спасать свое воеводство.

Съ удаленіемъ его Миленко и Добриняцъ потеряли надежду чтò нибудь сдѣлать. Но партія недовольныхъ все еще видѣла въ нихъ своихъ предводителей. Старый врагъ Младена, Стефанъ Живковичь, по богатству первый человѣкъ въ Бѣлградѣ, не переставалъ твердить имъ, чтобы они еще разъ попытали счастія, и совѣтовалъ прежде всего напасть на домъ Младена. Добриняцъ и Миленко говорили ему, что у нихъ нѣтъ людей. «Но вѣдь насъ трое, отвѣчалъ Живковичь, и у каждаго есть свои момки. Младенъ опротивѣлъ народу, и толпа поднимется по первымъ выстрѣламъ, а потомъ придутъ на помощь и поселяне, которые всегда рады поживиться на чужой счетъ.» Когда Добриняцъ и Миленко стали возражать, что и для перваго нападенія у нихъ не достанетъ оружія, Живковичь успѣлъ собрать его и доставилъ къ нимъ въ нѣсколькихъ мѣшкахъ. Не смотря на то оба они не рѣшались дѣйствовать; предшествовавшія неудачи напугали ихъ. Какъ ни убѣждалъ ихъ Живковичь, они ничего не отвѣчали ему, и, сидя передъ каминомъ, разгребали щипцами уголья.

Теперь Кара Георгію оставалось узнать навѣрное, чтò объ немъ думаетъ начальникъ Нейшлотскаго полка, полковникъ Бала, и вообще опредѣлить свои отношенія къ Русскимъ. Прежде онъ чуждался ихъ, но единственно потому, что сами враги его увѣряли,

будто Русскіе на ихъ сторонѣ и помогаютъ имъ. Онъ рѣшился наконецъ добиться истины. Однажды онъ, Добриняцъ и Миленко вмѣстѣ съ Балою обѣдали у Младена. Послѣ обѣда для почета всѣ они пошли провожать полковника до дому. Дорогою Георгій, вѣроятно не безъ умыслу, заспорилъ съ Миленкомъ, и, разгорячившись, велѣлъ своимъ момкамъ отнять у него саблю. Бала сталъ просить за Миленка, который жилъ съ нимъ на одной квартирѣ. Георгій того и ждалъ. Онъ снялъ шапку и сказалъ Балѣ: «Заклинаю тебя хлѣбомъ царя твоего, скажи мнѣ, правда ли, что ты пришелъ сюда держать сторону враговъ моихъ?» Бала отвѣчалъ, что онъ присланъ помогать сербскому народу, состоящему подъ предводительствомъ Кара Георгія. «Ну такъ дай же мнѣ руку—воскликнулъ Георгій—я поцѣлую ее вмѣсто руки императора!» Онъ не слушалъ болѣе никакихъ увѣреній, и, совершенно удовлетворенный, уже не вспоминалъ о своемъ спорѣ съ Миленкомъ.

Однако радость не помѣшала ему на другой же день повершить свое дѣло. Онъ послалъ Миленку и Добринцу опредѣленія сената, повелѣвавшія имъ сложить съ себя званіе военачальниковъ и занять въ сенатѣ должности попечителей. Что было имъ дѣлать? повиноваться? Но ясно было, что и въ сенатѣ, не имѣя на своей сторонѣ Якова, они не будутъ имѣть никакого значенія. Ослушаться? Въ такомъ случаѣ имъ грозило изгнаніе. Они рѣшились на послѣднее, надѣясь, что уважатъ ихъ просьбу и дозволятъ жить въ округахъ частными людьми. Но дозволенія этого не послѣдовало; ибо опасались ихъ личнаго значенія въ народѣ. На другой день, на улицахъ прибиты были къ домамъ листы съ опредѣленіемъ сената объ

ихъ изгнанiи. Тутъ были исчислены всѣ мнимые и настоящiе проступки ихъ. Добринцу поставлено въ вину его бѣгство изъ Делиграда; самовольное занятiе посольской должности и недочеты по таможеннымъ сборамъ; Миленку возмущенiе въ Поречѣ, незаконное употребленiе денегъ, которыми онъ платилъ жалованiе своимъ бекярамъ и другiе самовольные поступки. Имъ предложили на выборъ: Австрiю, Турцiю, Валахiю и Россiю. Они выбрали послѣднюю. За тѣмъ Кара Георгiй повелѣлъ отряду изъ казаковъ и Сербовъ проводить ихъ чрезъ Пожаревацкiй округъ до Дуная, но предварительно поставилъ надежныя войска въ Поречѣ и Кладовѣ.

Только что они уѣхали, какъ пришло въ Бѣлградъ письмо Милоша, въ которомъ онъ обѣщался помочь имъ; они уже были за Дунаемъ, когда вспыхнуло возмущенiе въ состоявшихъ подъ ихъ вѣдѣнiемъ округахъ. Но Кара Георгiй и тутъ нашелся. Неувѣренный въ обыкновенныхъ ратникахъ, которые могли не пойти противъ людей, равныхъ имъ по общественному положенiю, онъ послалъ въ округи однихъ бекяровъ и воеводъ съ ихъ момками; возстанiе тотчасъ же было подавлено. Между тѣмъ вмѣстѣ съ другими воеводами прибылъ въ Бѣлградъ и Милошъ, заступившiй мѣсто брата своего, Милана, и дѣйствовавшiй въ его духѣ. Письмо его попало въ руки Младену; но Кара Георгiй не хотѣлъ заводить съ нимъ ссоры. Ему выдумывали разныя оправданiя, хотя онъ самъ не отказывался отъ письма; и когда стали говорить, что можетъ быть онъ написалъ его по внушенiю друга своего, Дмитрiя, Милошъ открыто объявлялъ, что оно написано имъ по собственному побужденiю. Не смотря на то, его оставили въ покоѣ,

вѣроятно потому, что онъ еще не пользовался большимъ значеніемъ; съ него взято было обѣщаніе впредь повиноваться верховному вождю и сенату.

Леонтій, по прежнему не внушавшій къ себѣ довѣрія, былъ переведенъ въ Крагуевацъ.

Такимъ образомъ господари, какъ ни сильно было значеніе ихъ въ народѣ, пали: Кара Георгій остался господиномъ и повелителемъ Сербской земли. Воеводы, правившіе ею, правда, по прежнему весьма произвольно, почти всѣ безъ исключенія были опредѣляемы имъ, зависѣли отъ него и не имѣли возможности сопротивляться; сенатъ же, въ которомъ мѣста Добринца и Миленка заняли преданные ему люди, нисколько не ограничивалъ его. Возникшая общественная власть была совершенно сосредоточена въ рукахъ Кара Георгія. Онъ былъ главою всѣхъ Сербовъ. Преданные ему люди пользовались наибольшимъ значеніемъ.

ГЛАВА XIII.

Букарештскій миръ.

Послѣ всѣхъ совершенныхъ Сербами подвиговъ, необходимо было, чтобы другія государства признали ихъ независимымъ и самостоятельнымъ народомъ, безъ чего не возможно политическое существованіе въ новой Европѣ.

Но для этого мало было простаго объявленія или согласія султана, если бы даже Сербы и добились того. При шаткости общественной власти въ Турціи

такое согласіе тотчасъ же могло быть взято назадъ; въ мнѣніи Турокъ князь сербскій стоялъ нисколько не выше пашей, управлявшихъ сосѣдними областями. Вообще уже таковъ характеръ османскаго правительства, что ему невозможно довѣриться безъ поручительства какой нибудь другой державы.

Отдѣльныя государства также подавали мало надежды.

Австрія, угрожаемая со всѣхъ сторонъ и принужденная безпрерывно бороться за свое существованіе, конечно не могла принять на себя поручительства, не совмѣстнаго съ выгодами турецкаго султана, который былъ единственнымъ мирнымъ сосѣдомъ ея.

Одно время зашла было рѣчь о Наполеонѣ. Въ 1811 году Турки почти соглашались признать, съ нѣкоторыми ограниченіями, независимость юнаго сербскаго государства; Хуршидъ паша предлагалъ Кара Георгію права, предоставленныя господарямъ Молдавіи и Валахіи, и говорятъ, совѣтовалъ обратиться за ручательствомъ къ Наполеону, который уже явно готовился тогда къ разрыву съ Россіею. Неизвѣстно, входилъ ли Кара Георгій дѣйствительно въ сношенія съ Наполеономъ; по крайней мѣрѣ не видимъ слѣдствій. Но ясно, что Сербія не могла отдаться въ покровительство державѣ, которая, послѣ краткаго промежутка, снова начала преслѣдовать прямую и естественную цѣль свою, т. е., вооружать Турцію противъ Россіи.

Оставалась Россія, помогавшая Сербамъ съ самаго начала, и до сихъ поръ еще находившаяся въ войнѣ съ султаномъ.

Вышеупомянутое предложеніе Хуршида основано было на военныхъ расчетахъ: онъ требовалъ отъ Сер-

бовъ, чтобы они дозволили Боснякамъ свободный пропускъ чрезъ свою землю. Дивану хотѣлось, обезопасивъ себя со стороны Сербіи, двинуть боснійское войско прямо на Дунай, и съ помощью его отнять у Русскихъ оба княжества, откуда они въ то время вывели часть своей арміи къ польскимъ границамъ.

Разумѣется Кара Георгій не согласился на предложеніе подобнаго рода.

Онъ рѣшительно не могъ допустить, чтобы Босняки свободно проходили черезъ Сербію. Ни паши, ни самъ султанъ, не могли ему ручаться за этихъ людей, которыхъ долгая коварная борьба до того озлобила противъ христіанскаго народонаселенія Сербіи, что при первой же встрѣчѣ неминуемо начался бы открытый бой.

Съ другой стороны ему не слѣдовало отставать отъ Русскихъ.

Въ 1811 году Русскіе сначала испытали нѣсколько неудачъ, но вскорѣ оружіе ихъ ознаменовалось новыми, блистательнѣйшими успѣхами. Въ то самое время, какъ великій визирь преслѣдовалъ русскую армію на лѣвомъ берегу Дуная, Русскіе успѣли овладѣть укрѣпленнымъ турецкимъ лагеремъ, который оставленъ былъ на правомъ берегу для сообщенія съ внутренними областями. Очутившись въ самомъ затруднительномъ положеніи, великій визирь думалъ только о томъ, какъ бы спасти остальное войско и уже искренно желалъ мира.

Пользуясь этимъ, Кара Георгій сообщилъ о предложеніяхъ, сдѣланныхъ ему Хуршидомъ, въ главную русскую квартиру, и, получивъ оттуда отвѣтъ, объявилъ Туркамъ, что онъ не намѣренъ самъ вступать

въ переговоры, но впрочемъ согласится на все, что̀ императоръ и султанъ положатъ между собою....

Сербы не могли не желать, чтобъ отношенія ихъ опредѣлены были въ мирномъ трактатѣ между двумя государствами. Это было для нихъ самое лучшее ручательство.

Но самой Россіи предстояла теперь тяжкая борьба, какую едва ли когда она испытывала. Ея союзъ съ Франціею, заключенный въ Тильзитѣ, подтвержденный въ Эрфуртѣ, въ исходѣ 1810 года, началъ мало по малу расторгаться, на глазахъ всей Европы. Въ началѣ 1812 года уже никто не сомнѣвался въ томъ, что рѣшительный разрывъ скоро послѣдуетъ, и что оба государства будутъ бороться между собою изо всѣхъ силъ. Вскорѣ на Россію двинулось войско, какого еще не видала Европа; его велъ одинъ изъ величайшихъ военныхъ геніевъ всѣхъ вѣковъ. Россіи надлежало выдержать борьбу, которую уже испытали другія государства, борьбу не за потерю какихъ нибудь владѣній, но за политическое существованіе, за самую жизнь.

Увлекая съ собою нѣмецкія государства въ войну противъ Россіи, Наполеонъ хотѣлъ, чтобы и Турки приняли въ ней участіе. Казалось все благопріятствовало его намѣреніямъ: они и безъ того были въ войнѣ съ Русскими. Въ договорѣ съ Австріею Наполеонъ снова подтверждалъ неприкосновенность турецкаго царства; и въ одной тайной статьѣ говорилось о томъ, чтобы пригласить Турцію къ союзу противъ Россіи. Онъ воображалъ, что ему стоитъ посулить Туркамъ возвращеніе Крыма, какъ они немедленно двинутъ всѣ свои силы, и, въ числѣ ста тысячъ, ворвутся во внутреннія области Россіи.

По мнѣнію Французовъ Наполеонъ слишкомъ долго откладывалъ рѣшительные переговоры съ диваномъ. Его министръ иностранныхъ дѣлъ даже въ февралѣ 1812 года говорилъ правду, увѣряя, что со стороны Франціи въ Константинополѣ ничего не дѣлается вреднаго интересамъ Россіи: по свидѣтельству историка, имѣвшаго въ рукахъ много тайныхъ бумагъ, тамошній французскій посолъ продолжалъ дѣйствовать съ большою осторожностью (*).

Вѣроятно Наполеонъ думалъ, что Турція не замедлитъ воспользоваться его нашествіемъ на Россію для возстановленія своего могущества, и во всякое время приметъ его предложенія. Онъ обратился къ ней съ своими настоятельными требованіями и блестящими обѣщаніями, уже въ 1812 году, при самомъ началѣ похода.

Но онъ ошибся съ разсчетѣ. Турки захотѣли мира. Обыкновенно приписываютъ это вліянію англійскихъ денегъ и проискамъ обоихъ Морузи, изъ коихъ одинъ дѣйствовалъ въ самомъ Царьградѣ, а другой, Дмитрій, сопровождалъ рейсеффендія въ качествѣ драгомана; все это такъ; но тутъ были и другія, болѣе важныя, причины.

Если бы даже война приняла для нихъ благопріятный оборотъ, кто ручался, что впослѣдствіи Наполеонъ не оставитъ ихъ, точно также, какъ въ Тильзитѣ или въ Эрфуртѣ?...

(*) Bignon Histoire de France après la paix de Tilsit IV, 390. Napoléon n'a en effet auprès du grand Seigneur qu'un simple chargé d'affaires, auquel une grande réserve est prescrite.

Однимъ словомъ, въ то самое время, какъ Наполеонъ расчитывалъ на помощь Турокъ, они заключили миръ съ его врагами.

Этимъ миромъ опредѣлялась и судьба Сербовъ.

Они по прежнему оставались народомъ подчиненнымъ, обязаннымъ платить подать султану, но во всякомъ случаѣ уже одно то, что они получали извѣстныя права по договору съ Россіею, имѣло чрезвычайно важное значеніе. Условія заключены были торжественно, и Россія всегда могла требовать соблюденія ихъ.

Конечно эти условія далеко не соотвѣтствовали всѣмъ желаніямъ и требованіямъ Сербовъ, но все таки даровали имъ довольно важныя права.

Пользуясь перемѣнившимися обстоятельствами и затруднительнымъ положеніемъ Россіи, Турки ни за что не хотѣли согласиться на уступку Сербамъ крѣпостей. Въ мирномъ трактатѣ имъ предоставлялось занять сербскія крѣпости своими гарнизонами.

За то Сербамъ не только было выговорено полное прощеніе (что само собою разумѣется), и вообще тѣже самыя права, какими пользовались жители нѣкоторыхъ архипелажскихъ острововъ, но и опредѣлены отношенія ихъ къ турецкому правительству, которое должно было не вмѣшиваться болѣе во внутреннія дѣла ихъ, брать съ нихъ умѣренную подать, не посылая своихъ чиновниковъ для сбора ея, и не дѣлать никакихъ распоряженій по этому предмету безъ предварительнаго соглашенія съ самимъ народомъ (*).

(*) «Взирая на участіе, какое Сербы принимали въ дѣйствіяхъ сей войны, признано за приличное постановить нарочныя условія о ихъ безопасности. Они ни коимъ образомъ не могутъ быть обезпокоиваемы. Блистательная Порта даруетъ Сербамъ по ихъ просьбамъ тѣ же

Сими немногими, но чрезвычайно важными, словами по видимому обезпечивалась полная внутренняя независимость Сербскаго народа.

Но для Сербовъ было бы счастіемъ, если бы слова эти исполнялись хотя въ простомъ буквальномъ смыслѣ своемъ.

Сначала они еще могли надѣяться. Положено было напасть на Французовъ въ Далмаціи, двинувъ флотъ изъ Чернаго моря и пославъ сухопутное войско черезъ Сербію и Румелію. Для этого назначался корпусъ въ 20 слишкомъ тысячъ, съ артиллеріею, казаками и легкою конницею. 27 Іюня отправилися въ Боснію передовые отряды, подъ начальствомъ графа Орурка. Уже сдѣланы были распоряженія, для постройки магазиновъ на דринѣ; пріискивались надежные проводники и поставщики провіанта.

Но вскорѣ планъ этотъ былъ оставленъ. Сколько мы знаемъ, Англія не согласилась дѣйствовать на морѣ. Императору Александру представили, что гораздо полезнѣе будетъ употребить дунайскую армію на защиту собственныхъ границъ, нежели подвергать ее опасностямъ невѣрнаго предпріятія. Указомъ, даннымъ въ Смоленскѣ отъ 15 Іюля, ей повелѣно было присоединиться къ третьей западной арміи, которая стояла

самыя выгоды, коими пользуются подданные острововъ Архипелажскихъ и другихъ мѣстъ, и дастъ имъ возчувствовать дѣйствіе великодушія ея, предоставивъ имъ самимъ управленіе внутреннихъ дѣлъ ихъ, опредѣливъ мѣру ихъ податей, получая оныя изъ собственныхъ ихъ рукъ, и она распорядитъ наконецъ всѣми сими предметами обще съ народомъ Сербскимъ (статья 8)». — Въ Хіосѣ жилъ одинъ кади и одинъ муселимъ; но оба не имѣли значенія, находясь въ зависимости отъ мѣстныхъ знатныхъ людей; вообще всѣ эти острова относительно внутренняго управленія походили на республики.

въ Волынской губерніи и охраняла границы противъ Австрійцевъ и противъ Саксонцевъ, находившихся подъ командою французскаго генерала.

Безъ всякаго сомнѣнія Россія должна была собирать всѣ свои силы для борьбы, долженствовавшей рѣшить ея судьбу. Войска, оставившія Дунай, послѣ участвовали въ битвѣ при Березинѣ.

Но для Сербовъ удаленіе русскаго войска было великимъ несчастіемъ. Можно себѣ представить, какъ тяжело было имъ прощаться съ Русскимъ полкомъ, доселѣ находившимся въ Бѣлградѣ. Теперь Туркамъ уже некого было бояться; они весьма естественно захотѣли возобновить прежній порядокъ вещей.

Вообще вся ихъ политика перемѣнилась. Съ тѣхъ поръ, какъ прибылъ въ Царьградъ французскій посолъ Андреосси, поступки Порты приводили Европу въ недоумѣніе относительно Букарештскаго мира. Забывъ о всѣхъ пріобрѣтенныхъ выгодахъ, только и толковали о томъ, что упущенъ былъ благопріятный случай и потеряна часть древняго достоянія. Дмитрій Морузи заплатилъ жизнью за участіе, которое онъ принималъ въ заключеніи мира (*).

Его казнили въ то самое время, когда въ турецкій лагерь прибыли сербскіе уполномоченные для подробнѣйшаго опредѣленія статей Букарештскаго трактата. Они особенно расчитывали на помощь Морузи. Понятно, какъ должна была подѣйствовать на нихъ казнь его.

Держась обыкновенныхъ понятій, полагали возможнымъ, что занявъ крѣпости, Турки предоставятъ на-

(*) Сравни Walsh, Narrative of a journey from Constantinople to England p. 277.

роду свободу и управленіе собственными законами. Но на дѣлѣ это было не такъ легко. Военные люди, жившіе въ крѣпостяхъ, въ прежнее время господствовали надъ страною. Еще были живы спахіи, продолжавшіе почитать себя владѣльцами сербскихъ селъ. Дозволить ли имъ возвращеніе въ эти села? Въ такомъ случаѣ легко могло статься, что они предъявятъ прежнія права свои, и тогда кто защититъ Сербовъ? Допустить ли, чтобы сіи послѣдніе продолжали носить оружіе, ознаменованное столь славными подвигами?

Сербское правительство, отрядивъ своихъ уполномоченныхъ, разумѣется, поручило имъ истолковать мирныя условія самымъ выгоднѣйшимъ для себя образомъ.

Оно изъявило готовность платить Портѣ дань, принять въ Бѣлградъ пашу съ опредѣленнымъ числомъ войска, также допускать турецкіе гарнизоны и въ остальныя крѣпости, но только на случай войны; въ обыкновенное же время желало охранять ихъ собственными средствами; и во внутреннее управленіе Турки не должны были вовсе вмѣшиваться.

Но теперь въ Константинополѣ не хотѣли и слышать о томъ. Сербскимъ уполномоченнымъ велѣно было ѣхать къ Хуршидъ пашѣ, тому самому, который былъ такъ опасенъ для Сербовъ въ третьемъ году, и который, въ воздаяніе за то, возведенъ былъ въ званіе великаго визиря. Когда они на пути въ Константинополь проѣзжали Нишъ, онъ принялъ ихъ довольно ласково; теперь же совершенно перемѣнилъ обращеніе и не далъ имъ никакого удовлетворительнаго отвѣта.

Уполномоченные ни съ чѣмъ возвратились домой, въ послѣднихъ числахъ Декабря 1812 года. Положено

было возобновить переговоры въ Январѣ 1813 года въ Нишѣ.

Тутъ комиссаръ Порты, Челеби Эффенди, предложилъ Сербамъ свое истолкованіе Букарештскаго мира.

Онъ требовалъ сдачи не только всѣхъ крѣпостей, но и всего оружія и боевыхъ запасовъ, также возвращенія изгнанныхъ Турокъ въ города и паланки. Такъ именно сказано въ трактатѣ, говорилъ онъ, и пусть Кара Георгій припомнитъ, что онъ обѣщалъ вполнѣ подчиниться тому, на чемъ порѣшатъ оба царя. Если же кто недоволенъ, тотъ можетъ выселиться, куда ему угодно.

Но легко было предвидѣть, что съ выдачею оружія и съ возвращеніемъ Турокъ непремѣнно все пойдетъ по старому. Сербскіе уполномоченные не хотѣли и не могли согласиться на это.

Вслѣдъ за тѣмъ, передъ весною, толпы турецкаго войска появились близъ границъ Сербіи. У нихъ было тамъ еще другое дѣло. Султанъ поручилъ имъ наказать Моллу, который самовольно принялъ на себя должность Видинскаго паши и сдѣлался преемникомъ Пасванъ Оглу. Для избѣжанія тяжкой участи, Молла однажды предлагалъ Сербамъ занять Видинъ; но потомъ, какъ бы вспомнивъ, что онъ Турокъ, не рѣшился на такое сближеніе съ христіанами. Впрочемъ, едва ли бы сами Сербы приняли отъ него эту услугу. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что русское правительство совѣтовало имъ не раздражать Турокъ. Молла паша, угрожаемый личными своими врагами въ самомъ Видинѣ, принужденъ былъ сдать крѣпость Туркамъ (*).

(*) Андреосси увѣряетъ, что Молла паша, принявшій на себя это названіе потому только, что нѣкогда служилъ писцемъ у Пасванъ Ог-

Понятно, что положеніе Сербовъ сдѣлалось отъ того еще опаснѣе. Въ Маѣ 1813 года, при самыхъ не благопріятныхъ предзнаменованіяхъ, они возобновили переговоры.

На этотъ разъ Кара Георгій рѣшился сдѣлать нѣсколько уступокъ. Онъ соглашался отдать всѣ крѣпости, просилъ, чтобы Сербамъ дозволили имѣть мелкое оружіе, которое они и прежде носили, и требовалъ только не допускать въ Сербію тѣхъ Турокъ, которые были изгнаны, что̀ было необходимо для сохраненія внутренняго спокойствія. Казалось, соглашеніе непремѣнно воспослѣдуетъ. Старикъ Челеби Эффенди, хваставшійся тѣмъ, что ему удавалось рѣшать много трудныхъ дѣлъ, увѣрялъ, что уладитъ и это. Онъ послалъ предложенія Сербовъ въ Царьградъ и обѣщалъ имъ скорое рѣшеніе.

Мы не будемъ разыскивать, дѣйствительно ли онъ такъ думалъ: ибо во всякомъ случаѣ миръ уже былъ невозможенъ.

Въ самомъ дѣлѣ, могли ли спахіи, изъ коихъ состояла большая часть войска, уже находившагося на границахъ Сербіи, согласиться на утрату наслѣдственныхъ владѣній своихъ, и при томъ въ самую благопріятную для себя минуту?

Теперь Турки возвратили себѣ Молдавію и Валахію, снова владѣли Видиномъ и господствовали въ Болгаріи. Въ эту самую весну священные города Аравіи были отняты у Вехабитовъ, и въ Константинополь привезены ключи отъ нихъ. Это обстоятельсто особенно содѣйствовало къ оживленію военнаго духа Турокъ.

лу не былъ ни обезглавленъ, ни изрубленъ, какъ обыкновенно утверждаютъ, но просто умеръ въ Скутари, отъ язвы. Мнѣ и другіе подтверждали это.

Послѣ такихъ успѣховъ, войска султана хотѣли непремѣнно наказать мятежную сербскую раю.

Турки почитали себя въ совершенной безопасности со стороны Россіи: тогда именно пришло извѣстіе, будто Русскіе потерпѣли пораженіе въ битвѣ при Люценѣ. Но кромѣ того, по мнѣнію Турокъ, трактатъ не могъ быть нарушенъ тѣмъ, что Сербы не соглашаются съ ними въ истолкованіи его. Рѣшившись безъ малѣйшаго ущерба возстановить въ предѣлахъ своего государства древнія преимущества ислама, Турки двинулись къ границамъ Сербіи и возобновили войну.

ГЛАВА XV.

1813 годъ.

Въ то самое время, когда образованная Европа напрягала всѣ свои силы въ великой борьбѣ, долженствовавшей рѣшить вѣковые вопросы бытія ея, на границахъ европейскаго міра, между двумя народами, которыхъ обыкновенно называютъ варварами, совершались событія особаго рода, правда, меньшей важности въ политическомъ отношеніи, но имѣвшія великое значеніе въ борьбѣ христіанства съ исламомъ.

Нельзя сказать, чтобы между обоими этими яленіями не было никакой связи. Тогдашній Французскій посланникъ въ Константинополѣ, какъ ни скупъ онъ на слова, доноситъ однако же, что Порта, не смотря на всѣ неудачи Французовъ, не поддается вліянію

союзныхъ державъ, и что напротивъ дѣла его идутъ успѣшнѣе.

Общее мнѣніе народа шло еще далѣе. Турки, отправившіеся въ походъ противъ Сербовъ, открыто говорили, что Франція помогаетъ ихъ предпріятію, что султанъ нарочно хочетъ держать войско на сербскихъ границахъ, чтобы пугать Австрію и препятствовать ея союзу съ враждебными Франціи державами. Отъ этого-то — толковали они — теперь посланъ самъ великій визирь Хуршидъ, тогда какъ прежде боснійскій паша считалъ для себя унизительнымъ драться съ Сербами.

Андреосси увѣряетъ, что Англія старалась чѣмъ нибудь занять Турокъ и помѣшать возобновленію войны на Дунаѣ; что для этого она поддерживала смуты въ Багдадѣ и тѣмъ поджигала Персовъ противъ османскаго царства (*).

Конечно, для Европы было бы несчастіемъ, если бы въ это рѣшительное время Австрія или Россія отвлекли свои силы отъ общаго дѣла для войны съ Турціею. Какъ часто упрекали Россію въ томъ, что она не употребила всѣхъ своихъ войскъ въ началѣ послѣдней прусской войны 1806 года и отрядила часть ихъ на Дунай!

Но и въ этихъ обстоятельствахъ нельзя ли было что нибудь сдѣлать въ пользу Сербіи? Не знаемъ. Умы были въ такомъ напряженіи, что не представлялось возможности заботиться объ этихъ турецкихъ дѣлахъ. Однимъ словомъ, Сербы остались на этотъ разъ безъ помощи.

(*) Andreossy 209: L'Angleterre favorise et sème des mésintelligences du côté de Bagdad pour préoccuper les Turcs et les empêcher de rétablir l'état de guerre sur le Danube. — Le général Andreossy entretient une correspondance avec Mirza Chefi, premier ministre de Perse.

Но они вполнѣ постигали всю важность и значеніе предстоявшей борьбы.

Извѣстясь о приближеніи непріятеля, Кара Георгій велѣлъ молиться. За недѣлю до Петрова дня, во всѣхъ кнежинахъ, послѣ всенощной и молебствія о дарованіи побѣды надъ врагами, читалось воззваніе Кара Георгія, которое онъ разослалъ ко всѣмъ воеводамъ. Онъ припоминалъ народу о причинахъ, заставившихъ взяться за оружіе противъ Турокъ, о девятилѣтней счастливой борьбѣ съ ними, о томъ, что всякій дрался не только за самого себя, но и за вѣру, и за жизнь дѣтей своихъ. «Мы нашли себѣ покровителя—говорилъ онъ—который заключилъ миръ съ Турками и взялъ съ нихъ обѣщаніе не возвращаться въ наши города и паланки. Царь турецкій не хочетъ нарушать своего слова; но его не слушаются спахіи и янычары, изгнанные горожане и прежніе жители нашей земли. Они хотятъ снова завладѣть нашимъ достояніемъ и положили избить всѣхъ мужчинъ до семи лѣтняго возраста, отвести въ плѣнъ и отуречить женъ и дѣтей, и поселить въ здѣшнихъ мѣстахъ другой народъ. Но намъ ли бояться ихъ? Развѣ это не тѣ же самые враги, которыхъ мы побѣждали въ самомъ началѣ, когда у насъ ничего не было, кромѣ голой души? Теперь у насъ 150 полевыхъ пушекъ, 7 каменныхъ отличныхъ крѣпостей, 40 окоповъ, на которыхъ Турки столько разъ напрасно проливали кровь свою; да самаго народа стало вдвое больше, съ тѣхъ поръ, какъ пришли къ намъ наши единоплеменные братья. Нѣтъ! мы можемъ воевать цѣлыя десять лѣтъ безъ чужой помощи; но увидите, что не пройдетъ и полгода, какъ союзники придутъ пособлять намъ. Надо только всѣмъ единодушно взяться за оружіе и не щадить своей крови!» Въ заключеніе, призывая помощь

божію, Кара Георгій восклицаетъ: «Богъ да прольетъ мужество въ сердца сыновъ Сербіи, и да сокрушитъ силу враговъ, идущихъ уничтожить истинную вѣру!» Вслѣдъ за этимъ воззваніемъ Сербы начали снаряжаться на войну; каждый запасался одеждою и ѣдою, бралъ съ собою пару новыхъ опанокъ (*) и шелъ на указанное мѣсто защищать родину.

Увидимъ теперь, сможетъ ли Сербія удержаться одна, безъ посторонней помощи, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока западная Европа окончитъ великую борьбу свою и снова въ состояніи будетъ обратить вниманіе на дѣла Востока.

Единовластіе, котораго добился въ это время Кара Георгій, казалось, весьма благопріятствовало успѣху. Всѣ силы Сербіи, уже довольно значительныя, находились, по видимому, въ его рукахъ, и онъ могъ располагать ими по своему усмотрѣнію.

Но на самомъ дѣлѣ было не совсѣмъ такъ.

Усиливая власть свою, Кара Георгій тѣмъ самымъ разрушалъ прежнее управленіе, которое образовалось вслѣдствіе физическаго положенія страны. Тѣсная связь, соединявшая господарей съ булюкбашами и подчиненными воеводами, была расторгнута; и назначеніе новыхъ воеводъ, поставленныхъ въ зависимость отъ верховнаго вождя, хотя и скрѣпляло единство страны, но въ тоже время затрудняло обращеніе жизненныхъ силъ въ отдѣльныхъ частяхъ ея.

Жители округовъ теперь уже не могли такъ охотно, какъ прежде, выходить на войну; ибо надъ ними поставленъ былъ неизвѣстный имъ воевода. Вообще, защита какой нибудь мѣстности зависѣла отъ содѣй-

(*) Родъ онучь.

ствія тамошнихъ жителей, и такъ какъ нельзя было болѣе разсчитывать на оное вполнѣ, то слѣдовало отмѣнить вовсе такой способъ войны и ввести новый.

Сначала Кара Георгій думалъ срыть пограничные окопы и, собравъ всѣ свои войска, дожидаться непріятеля въ горахъ Шумадіи, что̀ и было бы весьма благоразумно: ибо онъ могъ воспользоваться всѣми выгодами мѣстности, и быть увѣренъ, что всѣ распоряженія его будутъ исполняемы. Но онъ оставилъ это намѣреніе, какъ говорятъ, по совѣту Младена, который боялся за нѣкоторыя пограничныя помѣстья свои. Дружба съ Младеномъ не разъ служила помѣхою Кара Георгію.

Положено было опять раздѣлить войска и дожидаться врага, какъ и прежде, на трехъ окраинахъ страны, на берегахъ Дрины, Моравы и Дуная. Въ Ягодинѣ Кара Георгій хотѣлъ набрать запасное войско, которое, въ случаѣ крайней опасности, должно было явиться на помощь.

Такимъ образомъ мы замѣчаемъ уже болѣе обдуманныя дѣйствія, нежели какъ было прежде, когда Ка̀ра Георгій самъ нападалъ на врага, и въ разгарѣ войны бросался отъ одной границы къ другой. Но главная разница противъ прежняго состояла въ томъ, что теперь на Дринѣ уже не было Ненадовича, и въ Делиградѣ Добринца: мѣсто перваго занялъ князь Сима, а защищать Делиградъ досталось врагу Добринца, Младену. Дунайскія укрѣпленія, которыя прежде оборонялъ Миленко, поручены были гайдуку Велько.

Турки напали прежде всего на Велька. Они теперь могли свободнѣе дѣйствовать на Дунаѣ, имѣя въ рукахъ своихъ Видинскую крѣпость, на которую въ прежнія времена не могли разсчитывать, такъ какъ

она постоянно находилась во власти какого нибудь непокорнаго паши. Имъ особенно хотѣлось одержать побѣду надъ гайдукомъ, въ которомъ Сербы видѣли своего героя. Дѣйствительно, онъ былъ герой, но именно такой, какого могла имѣть Сербія въ то время и въ тѣхъ обстоятельствахъ. Русскіе, которыхъ онъ такъ любилъ, что никакъ не хотѣлъ вѣрить занятію Москвы Наполеономъ, говорили ему, чтобы онъ не назывался гайдукомъ, потому что слово это значитъ разбойникъ. «А я напротивъ, отвѣчалъ онъ, горжусь тѣмъ, что нѣтъ гайдука славнѣе меня». Въ самомъ дѣлѣ, онъ постоянно только и думалъ о добычѣ: изъ-за нѣсколькихъ піастровъ онъ подвергалъ жизнь свою опасности; но добывши денегъ, тотчасъ же раздавалъ ихъ. «Коли у меня есть что̀, приходи всякій, я никому не откажу; а коли все выдетъ, такъ пойду отымать у богатыхъ». Это была прямая, открытая душа, исполненная жизни и отваги. Ему можно было вполнѣ довѣрить судьбу свою, но ни коимъ образомъ свою тайну. Онъ любилъ войну просто какъ занятіе и часто говаривалъ: «Дай Богъ, чтобы Сербы не мирились съ Турками, покамѣстъ я живъ; а когда умру, дай Богъ имъ жить спокойно!» Онъ не любилъ ратниковъ, приходившихъ отъ сохи; ему нужны были отважные товарищи, момки и бекяры. Считая ихъ братьями, онъ бросилъ жену свою за то, что она не равняла ихъ съ нимъ и не хотѣла служить имъ. Не было человѣка, который бы превзошелъ его въ отвагѣ. Особенно любилъ онъ драться въ горахъ: защитить какой-нибудь горный проходъ никто не умѣлъ лучше его. Но на этотъ разъ онъ долженъ былъ показать себя на другомъ поприщѣ; ему поручили охранять пограничные окопы и крѣпости.

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА

Прежде всѣхъ встрѣтился съ Турками братъ Велька, Милутинъ. Они появились у Кладова и напали на поселянъ, уносившихъ въ горы свое достояніе. Милутинъ разбилъ ихъ, но не успѣлъ отнять всѣхъ плѣнныхъ и всю добычу, ибо Турки разбѣжались по горамъ, гдѣ ихъ не могла преслѣдовать милутинова конница.

Вслѣдъ за тѣмъ Велько, въ ожиданіи непріятеля, пустился въ разъѣзды по полямъ и пригналъ нѣсколько тысячъ головъ скота въ свою крѣпость Неготинъ. Онъ пробирался до самаго Видина и даже гарцовалъ на арабскомъ конѣ передъ крѣпостными воротами. На берегу Тимока, близъ Буковчи, онъ повстрѣчалъ первые отряды Турокъ и обратилъ ихъ въ бѣгство.

Но вскорѣ Турки появились въ числѣ 18,000 и принудили его запереться въ Неготинѣ. Осажденный ими, онъ началъ дѣлать вылазки каждый день и каждую ночь, не давая такимъ образомъ непріятелю ни минуты покоя, и производя страшныя опустошенія въ рядахъ его. Собственныя его потери были сравнительно ничтожны; но за то онъ лишался лучшихъ людей своихъ, и ущербъ въ людяхъ былъ для него чувствительнѣе. Вообще дѣло дошло до того, что Турки принуждены были просить помощи у визиря, а Велико у Кара Георгія и сената.

Турки не долго ждали. Реджепъ Ага, валашскій князь Караджя, самъ великій визирь, шли къ нимъ на подмогу. За тѣмъ они начали работать подъ землею, по ночамъ, и все ближе и ближе подкапывались къ крѣпости. Неготинскія башни падали одна за другой; наконецъ взорвана была самая высокая, въ которой

жилъ Велько. Онъ не унывалъ и перебрался въ погребъ. Всѣ оловянныя и свинцовыя вещи, какія нашлись въ крѣпости, даже ложки и подсвѣчники, были перелиты въ пули. Когда и этого не достало, онъ заряжалъ пушки вмѣсто картечей деньгами, и продолжалъ счастливо отбиваться, ожидая каждый день помощи. Кара Георгій, не успѣвшій самъ набрать запаснаго войска, велѣлъ Младену идти къ нему на выручку. Но Младенъ сказалъ: «Пусть самъ справляется! У него на пиру по десяти гусляровъ воспѣваютъ его подвиги; онъ самъ себѣ поможетъ, на то онъ и герой!» Наконецъ сенатъ, которому Велько велѣлъ сказать, что онъ придетъ въ Бѣлградъ зимою и потребуетъ отчета въ управленіи, отправилъ къ нему судно съ боевыми запасами. Но было уже поздно.

Обыкновенно Велько каждое утро обходилъ крѣпость, отдавалъ приказанія, осматривалъ поврежденныя мѣста и дѣлалъ распоряженія о починкѣ. Въ одинъ изъ такихъ обходовъ его узналъ турецкій пушкарь (познакомиться было время), навелъ на него пушку и не далъ промаху. Велько успѣлъ только промолвить: «Держитеся!» Тѣло его было разорвано на двѣ части. Момки прикрыли трупъ сѣномъ и въ вечеру похоронили его близъ церкви.

Тутъ только узнали, что̀ это былъ за человѣкъ. Доживи онъ до того времени, какъ подвезены были припасы и боевые снаряды, конечно и Неготинъ и вся тамошняя граница еще долго могли бы защищаться. Во всякомъ случаѣ, будь только онъ живъ, сопротивленіе еще было бы возможно. Напрасно момки старались скрыть его смерть; слишкомъ явно было его отсутствіе. Не прошло и пяти дней, какъ неготинскій гарнизонъ, въ которомъ прежде никто несмѣлъ и го-

ворить о бѣгствѣ или сдачѣ, отчаялся въ спасеніи и убѣжалъ черезъ болото по направленію къ Поречю. Примѣръ былъ поданъ, и вскорѣ ему послѣдовали защитники Брзы Паланки и Большой Ршавы. Живко Константиновичь, благодаря Младену получившій воеводство въ Кладовѣ, забылъ о томъ, чего стоило завоеваніе этого мѣста; онъ сговорился съ предсѣдателемъ магистрата Іоцомъ, который, подобно ему, былъ горожаниномъ, и оба они бѣжали подъ прикрытіемъ момковъ и бекяръ. Кладово оставлено было въ жертву Туркамъ, которые излили на тамошнихъ жителей всю свою ярость: мужчинъ сажали на колъ, дѣтей, въ насмѣшку надъ таинствомъ крещенія, окунали въ кипятокъ.

Завладѣвъ Кладовомъ, Турки распространились по окрестнымъ нахіямъ, коихъ жители почти всѣ безъ исключенія бѣжали на островъ Поречь. Тамошній воевода, поставленный Младеномъ, былъ человѣкъ ничтожный, и потому въ крайности главное начальство принялъ подчиненный его, Хаджи Никола. Однако и онъ ничего не могъ сдѣлать. Онъ построилъ укрѣпленіе на нижней оконечности острова; но непріятель высадился между городомъ и укрѣпленіемъ, и съ появленіемъ его, Сербы, уже привыкшіе къ бѣгству, бѣжали снова. На корабляхъ и лодкахъ, даже на доскахъ и просто вплавь, переправлялись они на австрійскій берегъ, спасаясь отъ мести Турокъ. Хаджи Никола былъ взятъ въ плѣнъ и обезглавленъ. Турки не встрѣтили сопротивленія до самаго Смедерева.

За этими успѣхами на Дунаѣ, слѣдовали другіе, на берегахъ Моравы. Великій визирь Хуршидъ паша, точно также какъ и въ 1810 году, не думалъ останавливаться у Делиграда, защищаемаго храбрымъ Вуи-

цею. Онъ снова отрядилъ для осады этого укрѣпленія часть своего войска, а самъ съ бóльшею половиною пошелъ внизъ по правому берегу Моравы. Младенъ даже и не пытался оказать ему сопротивленія: силы его были слишкомъ ничтожны въ сравненіи съ непріятельскими, и, какъ уже замѣчено, самъ онъ никуда не годился на войнѣ. Великій визирь безпрепятственно спускался вдоль по рѣкѣ. Въ Петкѣ къ нему присоединились отряды Капетана паши; не подалеку отъ впаденія Моравы они расположились въ виду Сербовъ, стоявшихъ на другомъ берегу рѣки. Они имѣли себѣ подкрѣпленіе въ военныхъ судахъ, самыхъ большихъ, какія когда либо плавали по Моравѣ. Всѣ земли по ту сторону Моравы были отняты у Сербовъ, которые такимъ образомъ потеряли третью часть своихъ владѣній.

Такая же участь грозила имъ и на берегахъ Колубары. Кнезъ Сима допустилъ Турокъ переправиться черезъ Дрину, вопреки совѣтамъ воеводъ, которые всѣ желали битвы. Когда Турки расположились подъ Лѣшницею, онъ также ничего не сдѣлалъ для удержанія этой крѣпости. По несчастію Милошъ Поцерацъ два года тому назадъ былъ убитъ однимъ разбойникомъ, коего онъ преслѣдовалъ; мѣсто его занялъ братъ его, далеко уступавшій ему въ способностяхъ. Ему поручена была теперь защита Лѣшницы. Зворницкій епископъ, сопровождавшій турецкое войско, успѣлъ увѣрить его, что ему и его людямъ ничего не будетъ дурнаго и тѣмъ убѣдилъ сдаться. Тутъ Турки снова завладѣли кулиновою саблею. Гарнизонъ былъ отведенъ въ плѣнъ, подъ прикрытіемъ войска черезъ Боснію, и потомъ препровожденъ въ Царьградъ, откуда никто не возвратился домой. Прежняго

оборонителя Лозницы, Антонія Богитевича, также не было въ живыхъ. Мѣсто его заступилъ Петръ Молеръ; онъ хотя и не повѣрилъ обѣщаніямъ епископа, но тоже не рѣшился отстаивать крѣпость, и думалъ только, какъ бы спастись самому.

Самъ кнезъ Сима не оказалъ Туркамъ почти никакого сопротивленія. Даже когда они напали на укрѣпленіе Равань, гдѣ находились храбрые воеводы, Стоянъ Чупичь, Милошъ Обреновичь, Прота Ненадовичь, онъ, по какому-то непонятному ослѣпленію, спокойно оставался въ своемъ лагерѣ, не посылая имъ ни боевыхъ запасовъ, ни вспомогательнаго отряда, между тѣмъ какъ они изнемогали отъ безсонницы, ежеминутно обороняясь. Въ теченіи 17 дней Равань держалась; воеводы, испытавъ всѣ возможныя бѣдствія, наконецъ рѣшились сдать укрѣпленіе. За тѣмъ Турки двинулись къ Шабцу, гдѣ находился лагерь кнеза Симы.

Никогда Сербы не были въ такомъ тяжкомъ положеніи. Въ 1806 году имъ приходилось плохо, когда Турки, перейдя Дрину, проникли до Шабца, но за то другіе округи были тогда безопасны. Въ 1809 году враги тоже грозили имъ гибелью, занявъ правый берегъ Моравы. Но теперь турецкое войско тѣснило ихъ съ обѣихъ сторонъ, такъ что имъ оставалась только Шумадія. Въ первый разъ Кара Георгій спасъ ихъ побѣдою при Мишарѣ; въ другой разъ онъ умѣлъ такъ хорошо распорядиться, что Турки не перешли на лѣвый берегъ Моравы, и что послѣ легко было отнять у нихъ и правый берегъ. Можно было думать, что теперь онъ болѣе чѣмъ когда нибудь покажетъ свою дѣятельность и распорядительность. Ему надлежало оправдать довѣренность народа, который дозволилъ ему стать во главѣ управленія; онъ могъ теперь

свободно распоряжаться, какъ единовластный повелитель. Но къ удивленію нашему, не видимъ его ни на Дринѣ, ни на Дунаѣ, ни на Моравѣ: съ нѣсколькими момками онъ живетъ безъ всякаго дѣла то въ Тополѣ, то въ окрестностяхъ Бѣлграда. Многіе даже думали, что онъ умеръ, ибо его нигдѣ не встрѣчали.

Предводительствуя отрядомъ войска, защищая какую нибудь крѣпость, онъ, по всему вѣроятію, оказалъ бы прежнюю храбрость. Но не участвуя лично въ бою, и слыша только о безпрестанныхъ неудачахъ, самъ онъ поддался вліянію робкихъ и малодушныхъ совѣтниковъ. Отчаяніе, овладѣвшее всѣми его друзьями, поколебало и его. Вообще онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которымъ легче добыть что нибудь, нежели сберечь. Надежда на будущіе успѣхи безпрестанно побуждаетъ ихъ къ дальнѣйшей дѣятельности, страхъ потери лишаетъ спокойнаго расположенія духа. Если мы не ошибаемся, Кара Георгій въ эти дни общей гибели думалъ о собственномъ спасеніи, о сбереженіи своихъ сокровищъ (какъ извѣстно, онъ зарылъ въ землю свои деньги), дабы потомъ, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, вернуться назадъ, и съ помощью союзниковъ, о которыхъ онъ упоминалъ въ своемъ воззваніи, вновь пріобрѣсти потерянное. Но конечно этимъ нельзя оправдать его. Онъ обязанъ былъ пожертвовать жизнью за народъ, который ввѣрилъ ему все свое счастіе. Еще не все погибло. Можно было удержать крѣпости по крайней мѣрѣ до зимы; можно было уйти въ горы. Непогоды и голодъ заставили бы Турокъ удалиться. Если бы даже ничто не удалось, слѣдовало погибнуть со славою! Но для того, чтобы спокойно выносить неудачи и сознательно жертвовать своею жизнью, хотя бы только

для чести, необходима особая нравственная сила, которой не имѣли Сербы, въ числѣ ихъ и Кара Георгій. 1-го октября онъ появился въ лагерѣ на Моравѣ. Неизвѣстно, что̀ онъ тамъ дѣлалъ, и на сколько горестное положеніе, въ которомъ онъ засталъ дѣла, увеличило его отчаяніе. 2 числа, на его глазахъ, Турки безпрепятственно переправились черезъ рѣку. 3 октября Кара Георгій, вмѣстѣ съ Леонтіемъ, Филиповичемъ и секретаремъ своимъ Янкіемъ, бѣжалъ за Дунай въ Австрію.

Его бѣгство, послѣ смерти Велька, было вторымъ великимъ ударомъ для Сербіи, и рѣшительнымъ. Турки легко овладѣли Смедеревомъ и Бѣлградомъ, куда въ общей сумятицѣ Сербы позабыли послать съѣстныхъ припасовъ. Послѣ того сопротивленія уже нигдѣ не было.

ГЛАВА XVI.

Новое владычество Турокъ.

Многіе утверждаютъ, многіе на противъ оспариваютъ то, въ судьбѣ человѣческой существуетъ законъ воздаянія. Не дерзая слѣдить за непосредственнымъ и сверхъестественнымъ вмѣшательствомъ небеснаго Судіи, мы не можемъ однако не замѣтить, что тѣ самыя склонности и страсти, которыя производятъ злое дѣло, по естественному порядку вещей продолжаютъ, можетъ быть даже съ бо̀льшею силою, дѣи-

ствовать по совершеніи онаго и наконецъ разрушаютъ бытіе виновнаго. Подобный же законъ господствуетъ и въ общественной жизни; по крайней мѣрѣ въ судьбѣ Сербовъ онъ оказывается явно: теперешнимъ несчастіемъ своимъ они поплатились за насилія, нѣкогда совершенныя въ Бѣлградѣ, за грабежъ и безчестное избіеніе Турокъ.

Всѣхъ виновнѣе безъ сомнѣнія были тогдашнія бѣлградскія власти: Младенъ, начальствовавшій гарнизономъ, Милое, въ вѣденіи котораго состояли бекяры и Сима Марковичь, кнезъ бѣлградской нахіи. Они обогатились грабежемъ, войдя въ тѣсныя сношенія съ Кара Георгіемъ, который ни въ чемъ не мѣшалъ имъ.

Они присоединились къ верховному вождю изъ собственныхъ выгодъ, и хотя дѣйствовали въ его пользу, но въ тоже время своими насильственными поступками вызывали негодованіе, которое простиралось и на него. Мы видѣли, какъ господари не разъ возставали противъ Младена и Милое, которые дѣйствительно оба, особенно первый, властвовали въ Бѣлградѣ ничѣмъ не лучше Турокъ. Господари пали; отважнѣйшіе изъ нихъ принуждены были удалиться, но вмѣстѣ съ тѣмъ изчезла сила, которая въ минуту опасности могла бы принести великую пользу. Въ странѣ, гдѣ еще не развилось чувство гражданственности и не утвердился военный порядокъ, защита отъ непріятеля естественно лежала на частныхъ лицахъ, издавна пользовавшихся мѣстнымъ вліяніемъ и значеніемъ.

Люди, державшіе сторону Кара Георгія, не способны были замѣнить собою изгнанныхъ господарей, хотя они, какъ наиболѣе помогавшіе утвержденію власти верховнаго вождя, приняли главное участіе въ

правленіи: Младенъ завѣдывалъ и военными и гражданскими дѣлами, кнезъ Сима постоянно предводительствовалъ войсками. Когда наступило рѣшительное время, распоряженія ихъ оказались никуда не годными. Младенъ не подалъ помощи гайдуку и не съумѣлъ охранить Моравы; Сима безъ битвы допустилъ Босняковъ проникнуть до Шабца. Слѣдствіемъ была общая гибель.

Такимъ образомъ оправдалось предвѣщаніе старыхъ кметовъ, говорившихъ, что бѣлградское дѣло не останется безъ наказанія.

Вслѣдъ за Кара Георгіемъ убѣжали въ Австрію сенаторы. Въ лагерѣ передъ Шабцемъ положено было послать въ Бѣлградъ 2000 человѣкъ подъ предводительствомъ Милоша Обреновича; но вѣсть о занятіи Бѣлграда Турками положила конецъ всѣмъ предпріятіямъ. Предводители войска, знатнѣйшіе воеводы, переправлялись на другой берегъ Дуная. Тогда и Вуица вывелъ изъ Делиграда трехтысячный отрядъ свой, и подобно другимъ, ища спасенія за Дунаемъ, поселился въ Панчовѣ. Войско разбѣжалось въ разныя стороны.

Внезапно все перемѣнилось. Люди, бывшіе доселѣ главными вождями сербскаго народа, очутились въ австрійскихъ крѣпостяхъ: Кара Георгій въ Грецѣ, Младенъ въ Брукѣ, что̀ на Мурѣ; Яковъ, Вуица, Сима, Леонтій также находились въ Австріи (въ послѣдствіи по ходатайству Россіи всѣхъ ихъ отпустили въ Бессарабію). Другіе Сербы, не пользовавшіеся большимъ значеніемъ, жили въ австрійскихъ земляхъ свободно, не смѣя однако возвратиться на родину. Въ самой Сербіи еще были нѣкоторые воеводы; но они

бѣжали въ потаенныя горныя ущелія, гдѣ имъ надлежало укрываться отъ озлобленныхъ поселянъ. Турки не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, снова овладѣли страною Они безъ всякой помѣхи поселились по прежнему въ крѣпостяхъ, коихъ завоеваніе стоило Сербамъ столь продолжительныхъ усилій. Такъ сербскій гарнизонъ оставилъ Шабацъ при одной вѣсти о приближеніи ихъ. Мгновенно Османы сдѣлались снова господами въ городахъ, паланкахъ и селахъ.

Но неужели въ самомъ дѣлѣ прежній порядокъ вещей возстановится на долго и безпрепятственно?

Не ужели сила народа, которая въ сіе послѣднее нашествіе не потерпѣла значительнаго пораженія и только оставлена была своими предводителями, уже не внушала болѣе врагу никакого опасенія? Народъ сербскій въ теченіи девяти лѣтъ выдерживалъ самую тяжкую борьбу: можно ли было разомъ сокрушить его?

Въ тогдашнихъ обстоятельствахъ чрезвычайно важно было то, что не всѣ воеводы покинули землю, и что изъ числа самостоятельныхъ военачальниковъ или господарей оставался на лицо хотя одинъ, именно Милошъ Обреновичь.

Когда войско, стоявшее въ Шабцѣ, разсѣялось и всѣ воеводы бѣжали за Саву, на сербскомъ берегу ея остался одинъ Милошъ. Погруженный въ печальныя размышленія о случившемся и обдумывая будущее, ѣхалъ онъ внизъ по теченію рѣки. Яковъ Ненадовичь нарочно возвращался назадъ на сербскій берегъ съ тѣмъ, чтобы склонить его къ бѣгству. Онъ нагналъ его въ Забрежьѣ, гдѣ Милошъ кормилъ лошадей. «Что я стану дѣлать въ Австріи?—возразилъ онъ Якову

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА

—покамѣстъ я буду тамъ, врагъ возметъ мою жену, мое дитя, старуху мать и продастъ ихъ въ рабство; нечего бѣжать отъ общаго горя!» Онъ чувствовалъ, что во времена великихъ бѣдствій не слѣдуетъ отдѣляться отъ своего народа. Не внимая увѣщаніямъ Якова, Милошъ немедленно поѣхалъ къ себѣ домой, въ Брусницу. Тамъ, въ южныхъ округахъ, еще не было врага, и Милошъ могъ питать надежду, что ему удастся сохранить свою независимость. Онъ занялъ Ужицу, роздалъ оружіе и платье бекярамъ, которые, по удаленіи остальныхъ военачальниковъ, собирались къ нему, и думалъ, что народъ не откажетъ ему въ повиновеніи. Но чѣмъ ближе подходили Турки, тѣмъ не возможнѣе оказывалось сопротивленіе. Всѣ думали, что единственное средство сколько нибудь обезопасить свое достояніе, жену и дѣтей состоитъ въ покорности. Не было возможности сдержать войско: даже ужицкій гарнизонъ обратился въ бѣгство при вѣсти о приближеніи непріятеля.

Но если Милошъ не могъ открыто сопротивляться, все таки поступокъ его произвелъ на Турокъ немалое впечатлѣніе. Сами они для управленія страною должны были призвать къ содѣйствію кого нибудь изъ предводителей народа. Однимъ словомъ они вступили въ переговоры съ Милошемъ и обѣщали, если онъ покорится имъ и пособитъ унять волненіе народа оставить его кнезомъ и господиномъ такъ, какъ онъ былъ при Кара Георгіи.

Предложеніе для Сербіи чрезвычайно важное.

Османы нашли нужнымъ обратиться къ помощи еще непобѣжденныхъ ими начальниковъ страны; изъ этого можно было видѣть, что въ своемъ управленіи Сербіею

они хотя сколько нибудь уважатъ народныя учрежденія Сербовъ.

Милошъ рѣшился принять предложеніе. Въ селѣ Таковѣ онъ положилъ оружіе къ ногамъ аги Али Серчесмы, который былъ делибашею великаго визиря. Серчесма взялъ впрочемъ только саблю: пистолеты, ружье и ханджаръ онъ возвратилъ Милошу и немедленно призналъ его, согласно съ обѣщаніемъ, главнымъ кнезомъ Рудника. За тѣмъ Милошъ не только потушилъ волненіе въ своемъ округѣ, но и склонилъ другихъ веєводъ послѣдовать своему примѣру и покориться. Серчесма представилъ его въ Бѣлградѣ великому визирю, который принялъ его съ почетомъ и утвердилъ въ званіи рудницкаго главнаго кнеза.

Бѣлградскимъ пашею назначенъ былъ Солиманъ, до того времени находившійся въ Скоплѣ, что въ Герцеговинѣ. Онъ конечно не былъ другомъ Сербовъ, ибо дрался съ ними цѣлыя девять лѣтъ. Впрочемъ съ Милошемъ онъ обошелся хорошо. «Вотъ избранный сынъ и любезный башъ-кнезъ мой, сказалъ онъ, представляя Милоша своему двору; посмотрите, какъ онъ тихъ и смиренъ, а бывало не разъ я давалъ отъ него тягу; еще недавно подъ Раванью онъ разрубилъ мнѣ руку». «Взгляни, любезный сынъ, сказалъ онъ, протягивая раненую руку, каково ты меня укусилъ.» Теперь я позолочу эту руку, отвѣчалъ Милошъ.

Вскорѣ за тѣмъ Солиманъ издалъ бурунтіе, по которому Милошъ получилъ должность главнаго кнеза рудницкаго, пожежскаго и крагуевацкаго. Паша подарилъ ему пару прекрасныхъ пистолетовъ и арабскаго жеребца.

Кромѣ Милоша и другіе воеводы также помирились

съ Турками, именно: Абрамъ Лукичь, бывшій прежде совѣтникомъ, человѣкъ уважаемый и краснорѣчивый, уже пожилыхъ лѣтъ, и воевода Аксентій, занявшій теперь должность бѣлградскаго кнеза. Имъ дозволено было носить оружіе, и паша иногда слушался ихъ. Станое Главашъ также оставался въ Сербіи; но какъ онъ былъ гайдукомъ, то и не могъ занять должность кнеза. Вмѣстѣ съ правомъ носить оружіе, ему дали мѣсто сердаря въ смедеревскомъ округѣ.

Но принявъ въ службу свою нѣкоторыхъ вождей сербскаго народа, Турки отнюдь не думали оставлять притязанія на исключительное и полное господство.

Они правили страною, какъ имъ было угодно, объявивъ, что условія мира не были исполнены полюбовно, что для исполненія ихъ надлежало прибѣгнуть къ оружію, и что послѣ этаго и толковать о нихъ нечего.

Паша держалъ въ своемъ распоряженіи сильное войско, которое разставилъ по всей странѣ. Даже въ незначительныхъ мѣстечкахъ, напр: въ Баточинѣ и Гассанъ-Пашина-Паланкѣ, стояло отъ двухъ до трехъ сотъ наемныхъ Албанцевъ и Босняковъ. Окрестные округи должны были содержать ихъ и платить имъ жалованіе. Это было нѣчто въ родѣ экзекуціонной арміи.

Пользуясь этимъ, въ Сербію возвратились не только изгнанные спахіи, но всѣ вообще прежніе турецкіе жители, кто изъ нихъ еще оставался въ живыхъ. Жилища ихъ въ городахъ и паланкахъ были разорены но они вступили во владѣніе землями и помышляли, какъ бы отмстить разорителямъ.

Они теперь убѣдились въ своей безопасности; каждый началъ отыскивать своихъ ближайшихъ враговъ и находилъ средства къ полному отмщенію.

О предоставленіи Сербамъ имѣть свой судъ и собственную расправу не было и помину.

Напротивъ, прежде въ каждомъ округѣ жило только по одному музеллиму: теперь Солиманъ разослалъ ихъ повсюду, даже по самымъ незначительнымъ мѣстечкамъ. Музеллимы распоряжались одни, безъ кадіевъ, у которыхъ все таки можно было болѣе искать правды.

Паша наложилъ большую порезу и посылалъ Турокъ собирать ее съ жителей.

Кромѣ того Солиманъ разсудилъ за благо снова пріучить крестьянъ къ общественнымъ работамъ и сгонялъ ихъ строить крѣпость. Тамъ они работали по цѣлымъ недѣлямъ безсмѣнно, вслѣдствіе чего развились болѣзни, и многіе между ними умирали. Турки не обращали на то ни малѣйшаго вниманія: подозрѣваютъ даже, что пользуясь этимъ случаемъ, они сами убивали нѣкоторыхъ Сербовъ.

Главная забота новаго правительства состояла въ томъ, чтобы отобрать у Сербовъ оружіе, большое и мелкое; для этой цѣли разосланы были по Сербіи сердари.

Не рѣдко сербскія женщины утирали слезы, видя боевые доспѣхи своихъ родственниковъ и друзей въ рукахъ турецкихъ. Но и сами онѣ должны были наблюдать осторожность. Даже жена Милоша одѣвалась въ крестьянское платье, ожидая къ себѣ въ домъ музеллима.

Казалось, не будетъ конца этому угнѣтенію, которое жестоко оскорбляло народное самолюбіе, и послѣ недавнихъ побѣдъ было въ полномъ смыслѣ невыносимо.

А межу тѣмъ въ остальной Европѣ великій вопросъ

разрѣшился; друзья угнетенныхъ народовъ одержали побѣду надъ мнимымъ союзникомъ Турокъ. Вѣсть о томъ по всему вѣроятію подѣйствовала на расположеніе умовъ въ Сербіи.

По самому ничтожному поводу начались безпокойства, и вслѣдъ за ними всеобщее волненіе.

Позднею осенью 1814 года пожежскій муселлимъ и бывшій воевода Хаджи Проданъ изъ Сѣницы сошлись въ трнавскомъ монастырѣ, гдѣ думали укрыться отъ мороваго повѣтрія, которое не задолго передъ тѣмъ начало свирѣпствовать въ Сербіи. Съ каждымъ изъ нихъ были люди, и однажды, когда Хаджи Проданъ и муселлимъ поѣхали въ поле, между людьми ихъ завязалась драка. Сербы взяли верхъ, ибо игуменъ монастыря стоялъ за нихъ, какъ за своихъ соотечественниковъ; Турки были связаны и ограблены. Случай конечно маловажный, но при вѣсти о немъ взволновались Пожега, Крагуевацъ и всѣ окрестности до Ягодины. Хаджи Проданъ, поспѣшившій какъ можно скорѣе разстаться съ своимъ спутникомъ, муселлимомъ, употребилъ всѣ средства для распространенія мятежа; онъ уговаривалъ Милоша подобно Кара Георгію стать во главѣ возставшаго народа.

Но на этотъ разъ нечего было и думать, чтобы Милошъ согласился на что нибудь подобное. Соединенный съ Турками недавними обязательствами, и при томъ будучи убѣжденъ, что такое несвоевременное, вовсе неприготовленное, возстаніе не удастся и повлечетъ за собою окончательное разореніе страны, Милошъ рѣшился дѣйствовать совершенно иначе. Онъ отправился въ Пожегу укрощать народное волненіе, и для этого взялъ съ собою тогдашняго рудницкаго муселлима, Ашинъ-бега, съ которымъ у него былъ

заключенъ братскій союзъ. По прибытіи ихъ въ Пожегу, Хаджи Проданъ бѣжалъ оттуда. Милошъ поѣхалъ въ Крагуевацъ, гдѣ успѣлъ склонить къ покорности нѣсколько человѣкъ изъ главныхъ предводителей, Симона Пастревца, Благое Книтьскаго, Вучича и не усумнился прибѣгнуть къ оружію для укрощенія остальныхъ, не внимавшихъ увѣщаніямъ. Въ этомъ небольшомъ сраженіи мятежники одержали верхъ; но убѣдившись, что Милошъ намѣренъ съ ними драться не на шутку, они воспользовались ночнымъ временемъ и разошлись по сторонамъ. Когда вѣсть о томъ пришла въ Ягодину, предводители тамошняго возстанія убѣжали въ горы и послали просить о прощеніи; толпы народа разсѣялись сами собою.

Но укрощая волненіе, Милошъ тѣмъ не менѣе заботился о своихъ соотечественникахъ; нѣкоторыя отдѣльныя лица были обязаны ему своимъ спасеніемъ; такъ напримѣръ, когда Турки захватили женщинъ изъ семьи Хаджи Продана, младшая изъ нихъ, именно невѣстка, съ помощію его успѣла бѣжать, переодѣвшись въ мужское платье. Онъ первый извѣстилъ пашу о возстаніи, и объявилъ ему, что употребитъ всѣ мѣры для подавленія его, но въ тоже время взялъ съ Солимана обѣщаніе не дѣлать никакого вреда тѣмъ, кто добровольно покорится. Солиманъ предоставилъ себѣ наказать только Хаджи Продана.

Но это были одни обѣщанія. Солимановъ кіая прибылъ въ Чачакъ, когда тамъ уже все стихло. Тѣмъ не менѣе онъ принудилъ жителей указать ему зачинщиковъ возстанія, заковалъ сихъ послѣднихъ и увелъ съ собою. Въ Крагуевцѣ и Ягодинѣ Милошъ, по счастію, уговорилъ его не разорять селъ и не уводить жителей въ рабство, но и этаго онъ успѣлъ добиться

лишь угрозою, сказавъ, что иначе оставитъ его одного и не будетъ помогать возстановленію спокойствія. Однако кіая и оттуда повелъ въ цѣпяхъ мнимыхъ зачинщиковъ мятежа. Правда, онъ еще разъ обѣщался, что взятые имъ люди не будутъ казнены и даже не потерпятъ наказанія; но только что приведены они были въ Бѣлградъ, какъ, вопреки всѣмъ обѣщаніямъ, менѣе знатные изъ нихъ, въ числѣ полутораста человѣкъ, были обезглавлены передъ четырьмя городскими воротами, а игуменъ трнавскій и съ нимъ 36 человѣкъ посажены на колъ (*). Все это были молодые, храбрые люди изъ хорошихъ семействъ. Турки казнили ихъ, потому что они первые возмутились, либо потому, что вообще они внушали къ себѣ опасеніе.

За этимъ безчеловѣчнымъ наказаніемъ слѣдовали не менѣе ужасныя мѣры, коими Турки хотѣли обезопасить себя отъ будущихъ волненій. Снова начался обыскъ оружія (возстаніе показало, что его еще много оставалось въ рукахъ Сербовъ), и тутъ-то не было конца всякаго рода насиліямъ. Магометанскіе цыгане заставляли встрѣчавшихся на дорогѣ Сербовъ скидать одежду, и на мѣсто ея давали имъ свои лохмотья. По домамъ отбиралось всякое купленное платье: Сербы не должны были носить другой ткани, кромѣ сотканной ихъ женами. При этомъ обыскѣ Турки не рѣдко привязывали женщинамъ къ подбородку мѣшки, изъ которыхъ кормятъ лошадей, клали туда золы и потомъ, поднявши мѣшокъ къ верху, засыпали ею носъ и ротъ. Иныхъ связывали по рукамъ и ногамъ, вѣшали на перекладину и нарочно клали на тѣ-

(*) 5 Декабря 1814 года.

ло тяжелые камни; иныхъ засѣкали до смерти, сажали на колъ и живыхъ поджаривали. Много совершено было разныхъ другихъ злодѣйствъ; но кому пріятно изчислять ихъ?

Не были пощажены и главные представители народа. Въ числѣ казненныхъ передъ бѣлградскими воротами были прежніе сенаторы, напримѣръ Милія Здравковичь, старые и знатные воеводы, каковымъ былъ Стефанъ Яковлевичь. Званіе сердаря не спасло Станое Главаша: его умертвили, хотя онъ оставался совершенно покоренъ Солиману.

Не рѣдко говорили пашѣ, что султанъ не будетъ благодаренъ ему за такое управленіе страною; даже Бего Новлянинъ, нѣкогда знаменитый своею жестокостью, осуждалъ распоряженія его. Но сей послѣдній выслушивалъ спокойно подобные толки и отвѣчалъ, что онъ еще щадитъ Сербовъ и далеко не исполняетъ во всей точности повелѣній, данныхъ ему въ Константинополѣ.

Что же оставалось дѣлать? И особенно Милошъ, послѣ стольких услугъ, оказанныхъ Туркамъ, могъ ли равнодушно видѣть, какъ вѣроломно нарушаются данныя ему обѣщанія? Онъ находился въ Бѣлградѣ въ то самое время, когда привезли голову Главаша. «Кнезъ, видѣлъ ты голову?» сказалъ ему одинъ изъ прислужниковъ Солимана. «Теперь твоя очередь!»— «Вала!, отвѣчалъ Милошъ, голову, которая у меня на плечахъ, я не считаю уже своею.»

И дѣйствительно, когда онъ собирался ѣхать изъ Бѣлграда, Турки старались задержать его; но Милошъ былъ дагаливъ. Онъ нарочно купилъ у паши 60 рабовъ и одну прекрасную рабыню, задолжалъ ему болѣе 100 мѣшковъ піастровъ, и увѣривъ пашу, что, для

выручки этой суммы, ему необходимо продать цѣлое стадо быковъ, и при продажѣ находиться самому вмѣстѣ съ Дмитріемъ, успѣлъ выхлопотать себѣ и Дмитрію дозволеніе на отъѣздъ изъ Бѣлграда. На другое утро еще до свѣта они уже были въ дорогѣ. Милошъ принялъ рѣшительное намѣреніе: ему не льзя было долѣе колебаться. Въ Црнучѣ, посреди рудницкихъ горъ, гдѣ Милошъ по возвращеніи Турокъ построилъ себѣ на высокой крутизнѣ домъ и усадьбу, собрались къ нему не только всѣ его момки, но и много другихъ приверженцевъ. Это были люди, покинувшіе свои семьи, гдѣ имъ не было болѣе защиты, и бѣжавшіе къ Милошу, у котораго они искали себѣ спасенія. Днемъ они работали, вырывали пни и сажали сливовыя деревья, а по ночамъ расходились въ сосѣдніе округи набирать себѣ сообщниковъ и совѣщаться о дѣлахъ своихъ. По всему вѣроятію они не имѣли надежды на освобожденіе; имъ просто лучше хотѣлось драться въ полѣ, чѣмъ сидѣть спокойно дома и ожидать турецкихъ палачей. Они разсудили за благо не отдавать даромъ своей жизни.

Расположеніе умовъ было одинаковое съ тѣмъ, какое господствовало передъ первымъ возстаніемъ. Милошъ, послѣ долгаго колебанія, наконецъ согласился пристать къ другимъ.

ГЛАВА XVII.

Возстаніе Милоша.

Еще разъ Сербы взялись за оружіе. Непомѣрныя злодѣйства и собственная опасность заставили Милоша стать во главѣ сего новаго движенія.

Собственно Милошъ принадлежалъ къ числу первоначальныхъ и самостоятельныхъ вождей сербскаго народа. Вмѣстѣ съ сводпымъ братомъ своимъ Миланомъ онъ съ самаго начала пользовался властію. Мать его Вишня жила въ Брусницѣ и отъ перваго брака съ крестьяниномъ Обреномъ имѣла сына Милана. Потомъ она вышла въ другой разъ за мужъ за крестьянина по имени Тешо (Теодоръ, Ѳедоръ), переселилась съ нимъ въ Добриню, въ ужицкій округъ, и родила ему много дѣтей, въ томъ числѣ въ 1780 году Милоша. Съ обоими мужьями она жила въ бѣдности; сыновья ея нанимались въ работники. Но Миланъ успѣлъ завестись въ Брусницѣ собственнымъ хозяйствомъ и мало по малу увеличилъ свое благосостояніе. Тогда поступилъ къ нему въ работу братъ его Милошъ, до того времени бывшій пастухомъ и гонявшій чужихъ быковъ на базары въ Далмацію. Они были такъ дружны, что Милошъ сталъ называться Обреновичемъ по имени отца Миланова, хотя собственно онъ былъ Тешичь или Ѳедоровичь. Братья все болѣе обогащались своимъ промысломъ, и въ 1804 году, при началѣ возстанія, уже принадлежали къ числу знатнѣйшихъ людей. Тогда они приняли участіе въ возстаніи противъ дахіевъ, и Миланъ, благодаря собственному своему значенію, сдѣлался начальникомъ въ Рудникѣ, Пожегѣ и Ужицѣ. Впрочемъ онъ любилъ больше спокойную жизнь и предоставлялъ военныя дѣла Милошу. Мы видѣли, что онъ замѣшанъ былъ въ заговорѣ господарей противъ Кара Георгія и что въ то самое время, когда онъ умеръ, братъ и наслѣдникъ его потерпѣлъ ограниченіе своей власти. Сей послѣдній, можетъ быть, потому и не хотѣлъ бѣжать въ Австрію въ 1813 году, что не былъ друженъ съ тогдашними

первенствовавшими властями. Но по удаленіи всѣхъ другихъ вождей, значеніе его естественно усилилось не только въ трехъ его округахъ, гдѣ онъ былъ главнымъ кнезомъ, но и по всей Сербіи. На него обратилось вниманіе всего народа. Турки по неволѣ боялись и уважали его Онъ помогалъ имъ до тѣхъ поръ, пока власть ихъ была сносна; когда же она сдѣлалась невыносимою, и грозила самому ему, онъ рѣшился прервать съ ними сношенія. Съ побратимомъ своимъ, музеллимомъ Ашинъ Бегомъ, онъ уговорился, что въ случаѣ опасности, они предостерегутъ другъ друга отъ враговъ: Милошъ Ашинъ бега отъ Сербовъ, Ашинъ бегъ Милоша отъ Турокъ. Въ 1815 году, въ пятницу, передъ вербнымъ воскресеніемъ, Милошъ выпроводилъ музеллима изъ своихъ округовъ. Рѣшительная минута наступила.

На той же недѣлѣ, приверженцы Милоша начали нападать сперва на частныхъ людей, сборщиковъ порезы, пріемщиковъ харача. Всего замѣтнѣе было дѣло въ Рудникѣ съ предмѣстникомъ Ашинъ-бега, Токаличемъ, который былъ отставленъ по прозьбѣ Милоша, но жилъ по прежнему въ Рудникѣ и держалъ при себѣ нѣсколько момковъ. Арсеній Ломо, одинъ изъ бывшихъ воеводъ, поставленныхъ Кара Георгіемъ, нынѣ приверженецъ Милоша, осадилъ Токалича въ укрѣпленномъ его домѣ. Токаличь, разумѣется, не могъ бороться съ численнымъ превосходствомъ непріятеля и вступилъ въ переговоры. Онъ посыпалъ соли на кусокъ хлѣба, поцѣловалъ его и послалъ къ непріятелю съ прозьбою, чтобы дозволили ему безопасно выдти изъ Рудника. Ломо по видимому согласился: онъ также поцѣловалъ соль, поклялся исполнить прозьбу и даже далъ ему провожатыхъ. Но едва

успѣлъ Токаличь съ сими послѣдними выдти изъ Рудника и подняться на небольшое возвышеніе, какъ изъ засады нагрянули Сербы, убили Токалича и всѣхъ его момковъ, за исключеніемъ одного. Такимъ образомъ предпріятіе, имѣвшее цѣлію возстановить законный порядокъ, началось злодѣйскимъ поступкомъ. Воздаяніе и месть не замедлили послѣдовать. Тотъ Турокъ изъ дружины Токалича, который одинъ остался пощаженнымъ, ѣдучи верхомъ рядомъ съ Арсеніемъ, упрекалъ его въ вѣроломствѣ; Арсеній напротивъ увѣрялъ, что убійство произошло безъ его вѣдома. Турокъ вынулъ изъ-за пояса большой, прекрасный серебряный ножъ и, подавая его Арсенію, сказалъ: « Если меня убьютъ твои соотечественники, я хочу, чтобы этотъ ножъ остался въ рукахъ храбраго человѣка; но все равно, останусь ли я или нѣтъ въ живыхъ, возьми его отъ меня на память. » Арсеній, только что совершившій вѣроломный поступокъ, теперь самъ поддался обману и взялъ ножъ; но когда онъ нагнулся, чтобы засунуть его за поясъ, Турокъ раздробилъ ему пистолетомъ черепъ и поспѣшно ускакалъ. Арсеній Ломо потерпѣлъ наказаніе за свое вѣроломство. По счастію другаго подобнаго примѣра мы не встрѣчаемъ въ возстаніи Милоша.

Въ вербное воскресенье 1815 года началъ дѣйствовать самъ Милошъ. Въ этотъ день, рано утромъ, онъ прибылъ въ Таково и явился въ церкви предъ многочисленнымъ народомъ; даже старики, обыкновенно робкіе и миролюбивые, готовились теперь къ возстанію. Всѣ присутствовавшіе поклялись предать забвенію свои ссоры и единодушно повиноваться Милошу. Между тѣмъ въ Црнучѣ собирались момки. Милошъ явился посреди ихъ въ блестящихъ военныхъ

доспѣхахъ, держа въ рукахъ воеводское знамя. «Я здѣсь, сказалъ онъ; теперь вы можете воевать съ Турками.» Въ день свѣтлаго воскресенія Милошъ еще разъ говорилъ съ народомъ въ монастырѣ Моравцахъ, который лежитъ на границѣ валевскаго и бѣлградскаго округовъ и въ который къ тому времени собралось множество окрестныхъ жителей. Расположеніе умовъ было самое благопріятное. Каждый твердо вѣрилъ, что лучше начать войну, нежели сохранять спокойствіе при такомъ порядкѣ вещей. По всему пашалыку, ко всѣмъ знатнѣйшимъ людямъ, разосланы были гонцы съ письмами и объявленіями, что война началась, что надобно драться вездѣ, гдѣ покажется зеленая одежда (примѣта Турокъ) и дѣйствовать безъ отлагательства. Снова заблистало въ рукахъ сербскихъ оружіе, дотолѣ спрятанное въ лѣсахъ и потаенныхъ пещерахъ: у кого не было оружія, тому давалъ сосѣдъ. На границахъ милошевыхъ округовъ, въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ, воздвиглись укрѣпленія.

Предпріятіе это требовало, можетъ быть, больше отважности, нежели возстаніе противъ дахіевъ. Правда, народъ на первыхъ порахъ обнаружилъ самую твердую рѣшимость; но онъ не успѣлъ еще оправиться отъ тяжкихъ ударовъ, недавно понесенныхъ. Находившіеся въ Сербіи Турки были страшны и числомъ своимъ и оружіемъ. Кіая Паши Солимана въ нѣсколько дней собралъ болѣе 10-ти тысячъ человѣкъ, къ которымъ присоединилось нѣсколько сотъ Сербовъ, подъ предводительствомъ кнеза Аксентія. Такому войску конечно не могли сопротивляться наскоро возведенныя укрѣпленія; оно двинулось на Майданъ, по направленію къ Руднику, и казалось,

что новому возстанію грозила таже судьба, какую потерпѣлъ Хаджи Проданъ. Кіая, неумолимо казнившій сопротивлявшихся, въ тоже время милостиво принималъ всякаго, кто являлся съ повинною головою, въ слѣдствіе чего къ нему переходили даже люди, принадлежавшіе къ числу зачинщиковъ возмущенія. Между возставшими Сербами господствовали два почти равно рѣшительныя мнѣнія: одни готовы были помириться съ Турками и даже за одно съ ними дѣйствовать противъ Милоша, другіе напротивъ говорили: «Перебьемъ другъ у друга женъ и дѣтей, а сами уйдемъ въ горы и до послѣдняго издыханія будемъ драться съ Турками».

Но тутъ, въ минуту величайшей опасности, явились помощники: пять сотъ Гружанъ, двѣсти Черногорцевъ съ вершинъ рудницкихъ и изъ дальней Ягодины, нѣсколько человѣкъ Левачей, все люди надежные, полные отваги. Ими предводительствовалъ Іованъ Добрача, доселѣ спокойно занимавшійся своимъ промысломъ и подъ скромною наружностію носившій въ груди неробкое сердце. Ихъ прибытіе, при всей численной ничтожности, имѣло на Сербовъ рѣшительное вліяніе; оно воскресило надежду и бодрость духа. Рѣшено было продолжать начатое, не взирая на несоразмѣрность силъ. Вмѣсто того, чтобы оставаться въ Рудникѣ и удерживая въ повиновеніи передавшихся Сербовъ, употреблять всѣ мѣры для обузданія непокорныхъ, кіая спустился съ суровыхъ горныхъ вершинъ въ долину рѣки Моравы и разбилъ свой станъ на противоположномъ берегу ея, въ Чачкѣ: онъ былъ увѣренъ, что и оттуда можетъ дѣйствовать противъ Сербовъ съ одинаковымъ успѣхомъ. Милошъ воспользовался ошибкою непріятеля. Онъ воздвигъ

свои окопы прямо противъ непріятельскаго стана на лѣвомъ берегу Моравы, на горѣ Любичѣ. Такимъ образомъ Туркамъ, для удержанія округовъ, изъ которыхъ только что они вышли, надлежало занять гору и перейти рѣку. Мы не будемъ описывать войны, которая шла по верховьямъ Моравы; она походила болѣе на войну разбойническую. Албанцы ѣздили по долинѣ и по горамъ, грабя и охотясь за людьми; Сербы прятались отъ нихъ въ пещерахъ; но иногда ихъ монахи, съ вооруженными монастырскими служителями, выбравъ удобное мѣсто, подстерегали разбойниковъ; бывало и такъ, что тѣ и другіе, и преслѣдуемые и преслѣдователи, Албанцы, жены и дѣти, падали въ рѣку и неслись по стремительному теченію ея до тѣхъ поръ, пока какой нибудь рыбакъ вытаскивалъ трупы и хоронилъ ихъ вмѣстѣ въ одной могилѣ. Власть Турокъ не простиралась болѣе на тотъ берегъ, гдѣ находились милошевы окопы. Если кто появлялся съ буруntіе, обѣщавшимъ отъ имени паши прощеніе, того безъ пощады убивали, кто бы онъ ни былъ, Сербъ или Турокъ. Главная выгода заключалась въ томъ, что пока войско каіи оставалось въ бездѣйствіи, выиграно было время, и въ сосѣднихъ округахъ вспыхнуло также возстаніе.

Нахіи бѣлградская и валевская прежде другихъ подали собою примѣръ.

Разумѣется, спахіи не замедлили прибѣгнуть къ надлежащимъ мѣрамъ. На берегу Колубары, въ Палежѣ, они строили укрѣпленіе, куда намѣревались поставить нѣсколько сотъ человѣкъ. Но Милошъ, въ это время уже довольно усилившійся, безопасно вышелъ изъ своего стана и явился на помощь къ

утѣсненнымъ собратіямъ. Онъ привелъ съ собою съ Любича нѣсколько отрядовъ, другіе присоединились къ нему на мѣстѣ и въ короткое время онъ въ состояніи былъ напасть на недоконченное турецкое укрѣпленіе. Прежде еще въ этихъ войнахъ употреблялись такъ называемыя *Домусъ-Арабы*, двухколесныя телѣжки, съ дощатымъ заборомъ на оси: укрываясь за такимъ движущимся щитомъ, Сербы ходили на приступъ. Вечеромъ Милошъ велѣлъ привезти эти тележки въ достаточномъ числѣ и послалъ сказать спахіямъ, что на утро, за два часа до свѣта, онъ покажетъ имъ, какъ дерутся въ Сербіи. Но Турки и безъ того знали это; будучи плохо укрѣплены, они разсудили за благо не дожидаться непріятеля, который былъ сильнѣе ихъ даже и числомъ, и въ туже ночь бѣжали. Всѣхъ ихъ было около трехъ сотъ; лишь немногимъ удалось спастись бѣгствомъ.

Особенная выгода этого дѣла состояла въ томъ, что оно снова доставило Сербамъ полевое оружіе. На одномъ суднѣ, которое плыло къ укрѣпленіямъ, они нашли пушку; и въ короткое время съумѣли починить ее, при чемъ работали люди, никогда не бравшіе въ руки даже топора. Кромѣ того отыскана была другая спрятанная Турками пушка. Вообще эта побѣда имѣла самое благотворное дѣйствіе. Одержанная не подалеку отъ границъ, она тотчасъ же произвела движеніе между сербскими бѣглецами, коихъ такъ много жило въ Cремѣ и Банатѣ. Стоянъ Чупичь, бывшій воевода Мачвы, Петаръ Молеръ, племянникъ архимандрита Рувима, Симо Ненадовичь, младшій братъ Проты, сынъ Алексы, Боіо Богичевичь, котораго отецъ Антоній такъ храбро защищалъ Лозницу, Павелъ Цукичь, славный гайдукъ и воевода во время

Кара Георгія, кнезы Милое Теодоровичь, Максимъ Рашковичь и многіе другіе знатные люди возвратились въ отечество, съ момками, оружіемъ и аммуниціею, и немедленно распространили возстаніе въ своихъ селахъ и между своими приверженцами.

Послѣ этого Милошъ безъ труда очистилъ отъ Турокъ весь валевскій округъ. Турки укрѣпились было на берегу Колубары, невдали отъ горы Кличевца; но, завидя милошевы пушки, убѣжали. Милошъ не хотѣлъ ихъ преслѣдовать. «Дай Богъ, сказалъ онъ, чтобъ они всѣ такъ разбѣжались.»

Съ свѣжими силами, умноживъ свое войско новыми мужественными отрядами, добывъ себѣ пушки и такимъ образомъ болѣе прежняго страшный врагу, Милошъ возвратился къ горѣ Любичу. Вслѣдъ за тѣмъ онъ съ блестящимъ успѣхомъ отбилъ нападеніе Турокъ, и, не довольствуясь болѣе прежнею позиціею, двинулся впередъ и заложилъ новые окопы у самой рѣки. Непріятель, безпрестанно тревожимый, рѣшился наконецъ произвести нападеніе всѣми своими силами, чтó и рѣшило дѣло, но вовсе не такъ, какъ можно было ожидать.

Сербы не могли похвалиться побѣдою, хотя дрались превосходно. Старый знаменоносецъ Кара Георгія, по имени Раичь, которому ввѣрена была оборона одного изъ новыхъ окоповъ, не сходилъ съ мѣста и во время общаго отступленія желалъ умереть при своихъ пушкахъ, радуясь тому, что не дешево продастъ жизнь свою. Турки заняли нѣсколько окоповъ; на Любичѣ не доставало людей; нарочно разставляли кругомъ окопа возлѣ каждой лошади колья съ повѣшеннымъ на нихъ платьемъ, дабы непріятель не замѣтилъ недостатка въ людяхъ. Прошло нѣсколько

времени, пока наконецъ подоспѣли новые отряды.

Между тѣмъ все это производило на Турокъ болѣе сильное впечатлѣніе, нежели думали сами Сербы. Мы не знаемъ навѣрное, что такое дѣлалось въ турецкомъ лагерѣ. Смерть кіаи безъ сомнѣнія увеличила безпорядки, обыкновенно господствующіе въ войскѣ, составленномъ изъ людей разныхъ мѣстъ и разныхъ племенъ. Въ одинъ вечеръ къ Сербамъ перебѣжала изъ турецкаго лагеря рабыня и принесла извѣстіе, что Турки куда-то сбираются. Сербы молили Бога объ отступленіи непріятеля, и въ тоже время готовились къ бою, ибо еще неизвѣстно было, куда сбираются Турки, отступать ли, или снова произвести нападеніе. На другое утро лагерь ихъ опустѣлъ совершенно: они двинулись къ южнымъ горамъ и пошли вверхъ къ Сѣницѣ. Быстрое отступленіе показывало, что они думаютъ только о томъ, какъ бы спасти свою добычу. Но Сербы не замедлили преслѣдовать ихъ. При селѣ Ертари Милошъ настигъ бѣглецовъ, разбилъ ихъ на голову и отнялъ не только добычу, но и собственное достояніе ихъ—полевыя орудія. Плѣнные Турки были пощажены; Милошъ велѣлъ перевезти ихъ въ Ужицу и обходиться съ ними какъ можно лучше: раненыхъ перевязали и несли на носилкахъ, здоровые ѣхали верхами, жены и дѣти въ повозкахъ. Турчанки не могли нахвалиться снисхожденіемъ непріятеля, говоря, что съ ними обходятся какъ съ матерьми и сестрами, и что религія, предписывающая такіе поступки, должна быть истинная.

При вѣсти объ этомъ пораженіи, Турки, стоявшіе въ окопахъ въ Крагуевцѣ, бѣжали, и такимъ образомъ значительная часть страны стала опять свободна. Но Турки еще не почитали своего дѣла проиграннымъ,

имѣя въ рукахъ нѣсколько другихъ укрѣпленій, изъ коихъ самымъ важнымъ было пожаревацкое. Сербамъ надлежало овладѣть имъ во что бы то ни стало, и Милошъ немедленно повелъ туда свое войско.

Непріятели повстрѣчались съ нимъ уже подъ самымъ Пожаревцемъ. «Делибаша, вскричалъ Милошъ, обратившись къ ихъ предводителю, можетъ быть ты идешь куда нибудь въ другую сторону, но я пришелъ драться съ тобою до послѣдней капли крови: мнѣ нѣтъ другой дороги.» Тутъ же онъ вогналъ его назадъ въ крѣпость и вечеромъ воздвигъ кругомъ окопы. Начался бой, одинъ изъ самыхъ упорнѣйшихъ.

Милошъ дѣйствовалъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что ему должно либо овладѣть укрѣпленіемъ, либо самому погибнуть, и это убѣжденіе придавало ему особенную силу.

Собравъ начальниковъ своего войска, онъ еще разъ сказалъ имъ, чтобы, кто хочетъ, шелъ домой; но что кто останется, тотъ долженъ идти впереди своего отряда: всякаго бѣглеца, будь то начальникъ или простой ратникъ, онъ обѣщался казнить собственноручно. Напрягая всѣ свои силы, въ три вечера взялъ онъ одинъ за другимъ первый, вторый и третій окопы. Турки дрались даже ножами; не разъ дѣло доходило до рукопашнаго боя. Сербамъ досталось въ добычу много прекрасныхъ лошадей, дорогой упряжи, богатыхъ одеждъ. Но всѣхъ неприступнѣе былъ четвертый окопъ, прислоненный къ церкви и къ мечети. Сербы на четвертый вечеръ взошли на него, но не могли выгнать оттуда непріятеля; они переночевали подъ ружьемъ и на другое утро снова полѣзли на приступъ. Всего труднѣе было взять церковь; Турки пробили отверстія въ стѣнахъ церковныхъ и стрѣляли оттуда.

Сербы также проломили стѣну и проникли къ олтарю: отчаянный бой продолжался въ самомъ святилищѣ; нѣсколько разъ Турки выгоняли оттуда Сербовъ, но наконецъ принуждены были уступить.

Это поколебало Турокъ. Они потребовали, чтобы Дмитрій, котораго они хорошо знали, пришелъ къ нимъ и увѣрилъ, что на нихъ нападаетъ Милошъ, царскій кнезъ: ему они обѣщались уступить. Милошъ позволилъ имъ отойти подъ наблюденіемъ сербскаго отряда къ Кюпріи, взявъ съ тобою аммуниціи, сколько можно снести па плечахъ, и все оружіе, за исключеніемъ пушекъ.

За тѣмъ оставалось еще одно важное укрѣпленіе, близъ Карановца; но оно потерпѣло значительное повреждепіе еще до прихода Милошева, и по прибытіи его скоро сдалось

Побѣдитель не хотѣлъ напрасно раздражать враговъ; онъ безпрепятственно дозволилъ имъ отступить съ оружіемъ и всѣмъ имуществомъ къ Новому Пазару. Тамъ находился паша Адемъ и съ нимъ множество бѣжавшихъ Турокъ. Милошъ старался вразумить его и объяснялъ причины своего возстанія; онъ послалъ ему нѣсколько подарковъ. Адемъ остался доволенъ и въ заключеніи своего дружелюбнаго отвѣта употребилъ слѣдующее поэтическое выраженіе: «Банъ, подымись на еловыя вѣтви! коси, банъ, такъ какъ ты началъ; но смотри, чтобы сѣно не испортилось отъ дождя.»

Вообще Милошъ воспользовался своею побѣдою съ великою умѣренностію.

Одинъ изъ боснійскихъ пашей Али Никшичь, шедшій впереди большаго войска, предводительствуемаго визиремъ, переправился черезъ Дрину и, вступивъ въ Мачву, укрѣпился близъ Дупли. Немедля ни минуты,

Милошъ пошелъ и напалъ на него. На этотъ разъ Сербы полѣзли на приступъ днемъ (что показываетъ уже большую увѣренность, ибо до сихъ поръ они дрались по вечерамъ) и обратили Турокъ въ бѣгство. Самъ паша былъ пойманъ подъ кустомъ, безъ тульбенда и шали. Милошъ возвратилъ ему его нарядъ, угостилъ въ палаткѣ кофеемъ и трубкою и отпустилъ къ визирю, давъ на дорогу лошадь, шубу и пятьсотъ піастровъ.

Такимъ образомъ Сербія снова могла считаться освобожденною, по крайней мѣрѣ до извѣстной поры. Военныя дѣйствія Милоша ничѣмъ не уступаютъ подвигамъ, коими ознаменовано было первое освобожденіе. Быстрое движеніе къ Палежу, искусно выбранная позиція на горѣ Любичѣ, гдѣ онъ тягался съ непріятелемъ, далеко превосходившимъ его численными силами, мужественное нападеніе на пожаревацкіе окопы, заслуживаютъ всякаго уваженія.

Но еще не все было сдѣлано. Побѣда, и то еще не полная, была одержана надъ непріятелемъ, находившимся въ самой странѣ. Турки еще имѣли въ рукахъ своихъ крѣпости, обладаніе коими нѣкогда внушало Сербамъ чувство независимости. Можно ли было думать, чтобы могущественный султанъ, будучи въ то время въ мирѣ съ сосѣдями, не употребитъ всѣхъ средствъ для возстановленія своей власти въ Сербіи? Онъ уже двинулъ туда два сильныхъ войска: одно, подъ начальствомъ Марашли Али, появилось близъ Кюпріи; другимъ, расположившимся на берегу Дрины, начальствовалъ тотъ самый Хуршидъ, который побѣдилъ Сербовъ въ 1813 году, и теперь былъ боснійскимъ визиремъ.

Дѣятельное и единодушное нападеніе этихъ войскъ

снова могло повергнуть Сербію въ тяжкія бѣдствія.

По счастію султанъ имѣлъ причины, заставившія его воздержаться отъ насильственныхъ мѣръ и приступить къ переговорамъ.

ГЛАВА XVIII.

Предварительное соглашеніе.

Прежде всего отношенія къ Россіи заставляли султана дѣйствовать осмотрительнѣе.

Уполномоченные сербскаго народа явились на вѣнскій конгрессъ. Однако они не встрѣтили тамъ большаго сочувствія; нѣкоторыя европейскія посольства, какъ на примѣръ, англійское, не захотѣли даже выслушать ихъ и съ жестокимъ высокомѣріемъ отсылали къ русскимъ дипломатамъ. Такимъ образомъ Россія опять была единственною державою, отъ которой Сербы могли ожидать себѣ помощи. Она дѣйствительно въ скоромъ времени вспомнила о букарештскомъ мирѣ и, сколько мы знаемъ, русскій посланникъ въ Константинополѣ спрашивалъ у султана, что такое за война идетъ въ Сербіи, вопреки мирному трактату?

Но кромѣ того всѣ христіанскіе подданные султана волновались, радуясь побѣдамъ союзниковъ надъ Наполеономъ, какъ бы своимъ собственнымъ. Европейскія державы, увлеченныя борьбою, не обращали никакого вниманія на это обстоятельство; но за Ду-

лаемъ оно имѣло большое значеніе. Когда Наполеонъ возвратился съ Эльбы, въ нѣкоторыхъ городахъ турецкаго царства, христіане, занимавшіеся мирными промыслами, собирали между собою деньги по подпискѣ, желая хотя сколько нибудь содѣйствовать тому, чтобы Наполеонъ не возстановилъ своей власти (*).

Вскорѣ и эта послѣдняя борьба пришла къ концу. Турція конечно очутилась бы въ весьма опасномъ положеніи, еслибы войска ея встрѣтили въ Сербіи упорное сопротивленіе (чего и ожидать слѣдовало) и еслибы Россія вступилась за угнѣтенныхъ единовѣрцевъ своихъ, на что имѣла она полное право. Турецкому правительству въ такомъ случаѣ грозило общее возстаніе его подданныхъ.

Поэтому оба войска, появившіяся на границахъ Сербіи, какъ ни были они сильны и многочисленны, воздержались отъ нападенія. Предводители ихъ вступили съ Сербами въ переговоры.

Сіи послѣдніе точно также, какъ и въ 1813 году передъ началомъ войны, состояли въ истолкованіи букарештскаго трактата, хотя имени его и не упоминалось.

По прежнему главнымъ предметомъ всѣхъ совѣщаній былъ вопросъ о томъ, можно ли Сербамъ предоставить оружіе, которымъ они теперь снова владѣли.

Милошъ не побоялся отправиться въ станъ Хуршида, нѣкогда утвердившаго его въ званіи главнаго кнеза. Делибаша визиря, Али Ага Серчесма, къ ногамъ котораго онъ сложилъ оружіе въ Таковѣ, увѣрилъ его чест-

(*) Cet emprunt spontané fut ouvert à Janina, à Castoria, à Seres, à Andrinople et à Constantinople. Pouqueville, Regénération de la Grèce 1, 487.

нымъ словомъ, что онъ будетъ безопасенъ въ турецкомъ станѣ, и далъ ему провожатыхъ. Когда начались совѣщанія, Хуршидъ охотно соглашался на нѣкоторые пункты, но о важнѣйшемъ изъ нихъ, о дозволеніи Сербамъ носить оружіе, не хотѣлъ и слышать. Онъ напротивъ говорилъ, что никакого соглашенія не воспослѣдуетъ прежде выдачи оружія, которое необходимо будто бы отвезти въ Константинополь, дабы султанъ видѣлъ, что въ Сербіи по прежнему есть рая. Не имѣя возможности согласиться на это, Милошъ уже начиналъ опасаться, что его не выпустятъ изъ стана, ибо дѣйствительно визирю было бы весьма выгодно захватить человѣка, который доселѣ предводительствовалъ возстаніемъ Сербовъ и вообще былъ главою ихъ. По счастію делибаша не захотѣлъ измѣнить своей чести и своему слову. «Пока я живъ и живы тысяча человѣкъ моихъ деліевъ, до тѣхъ поръ тебѣ нечего бояться», сказалъ онъ Милошу. Онъ дѣйствительно успѣлъ добиться того, что Милоша передали въ его вѣдѣніе, и немедленно отвезъ его въ Лѣшницу. «Здѣсь, сказалъ онъ ему, я принялъ тебя на честное слово; сюда же привожу тебя назадъ». «Но смотри, прибавилъ онъ, впередъ не довѣряйся никому, даже и мнѣ самому. Мы были друзьями: теперь мы разстаемся навсегда.» Делибаша боснійскаго визиря и христіанскій кнезъ имѣли слишкомъ противоположные интересы, чтобы между ними могла образоваться личная дружба.

Всего менѣе можно было ожидать уступокъ отъ Хуршида: два года тому назадъ, будучи великимъ визиремъ, онъ самъ началъ войну изъ того самаго, чего отъ него теперь требовали.

Сговорчивѣе былъ Румели Валесси, Марашли Али,

стоявшій на другой границѣ Сербіи и также получившій приказаніе вести переговоры. Онъ вовсе не настаивалъ на выдачѣ оружія. «Будьте только покорны султану, говорилъ онъ, а то носите себѣ оружіе, сколько угодно. Съ божіею помощію, я самъ посажу васъ на арабскихъ коней и одѣну соболями.» Какъ будто онъ хотѣлъ этимъ сказать, что дастъ Сербамъ три вещи, которыя законъ воспрещаетъ имѣть раѣ, т. е. лошадей, хорошую одежду и оружіе. Сербы довѣрились этому пашѣ.

Разумѣется, они не могли, положившись на одно его слово, пустить его въ свою землю. Они дозволили только его кіаѣ съ небольшимъ отрядомъ пройти въ Бѣлградъ, желая тѣмъ угодить султану, который, какъ имъ говорили, сочтетъ это знакомъ повиновенія. Между тѣмъ какъ сербскіе уполномоченные вмѣстѣ съ посланцами Румели Валесси хлопотали въ Константинополѣ объ успѣшнѣйшемъ окончаніи дѣла, оба войска стояли на границахъ другъ противъ друга. Въ знакъ дружбы Марашли Али послалъ Милошу четки, по которымъ самъ молился. Въ тоже время онъ далъ знать турецкому войску, стоявшему на границахъ Босніи, чтобы оно не переправлялось за Дрину, ибо этимъ только можно помѣшать заключенію мира. Уполномоченные возвратились изъ Царьграда довольно скоро, съ небольшимъ чрезъ мѣсяцъ, и привезли благопріятный отвѣтъ. Въ мирномъ фирманѣ, полученномъ Али пашею, было сказано: «Какъ Богъ поручилъ султану подданныхъ, такъ онъ, султанъ, отдаетъ ихъ на попеченіе пашѣ; обходясь съ ними кротко, сей послѣдній исполнитъ свою обязанность.» Опредѣлить мѣру кротости предоставлялось самому пашѣ.

Слѣдовательно Сербы узнали только то, что Порта вообще не противится обѣщаніямъ паши.

Послѣ этого они пропустили его съ войскомъ къ Бѣлграду, куда, черезъ нѣсколько времени, явились представители сербскаго народа. Милошъ и его спутники были приведены въ собраніе бимбашей, аяновъ и беговъ, которые, въ числѣ болѣе пятидесяти человѣкъ, сидѣли на коврахъ и молча курили трубки. Паша привсталъ и спросилъ: Сербы, покорны ли вы султану? Милошъ отвѣчалъ: Да, мы ему покорны. Вопросъ и отвѣтъ были повторены трижды. За тѣмъ Сербовъ угостили трубками и кофеемъ. Все это было только начало, за которымъ должно было слѣдовать дѣйствительное исполненіе мирныхъ условій.

Турки, теперь уже съ согласія самихъ Сербовъ, оставались жить въ крѣпостяхъ; Сербы по прежнему считались подданными султана; но напередъ было постановлено, чтобы подчиненіе это не переходило въ угнѣтеніе и, главное, чтобы Турки не думали болѣе о правахъ на полное господство и о преимуществахъ ислама.

Новыя права, которыя Марашли Али предоставлялъ Сербамъ, были по преимуществу двухъ родовъ.

Онъ дозволилъ имъ, во первыхъ, самимъ собирать подати, впрочемъ нисколько не уменьшивъ этихъ податей, и не посылать для сбора ихъ турецкихъ чиновниковъ; и во вторыхъ, имѣть нѣкоторое участіе въ судѣ: музеллимы въ окружныхъ городахъ должны были разбирать тяжебныя дѣла, между самими Сербами, равно между Сербами и Турками, не иначе, какъ по соглашенію съ кнезами.

Паша учредилъ при себѣ въ Бѣлградѣ народную

канцелярію, по образцу прежняго сената, которая принимала отъ кнезовъ подати для передачи ихъ пашѣ и въ тоже время была верховнымъ судилищемъ. Паша обѣщался исполнять ея рѣшенія.

Конечно, учрежденіе такой канцеляріи на первый разъ было чрезвычайно выгодно для Сербовъ, тѣмъ болѣе, что она служила какъ бы представительницею народа; но при этомъ многіе важные вопросы оставались не рѣшенными: такъ напримѣръ вовсе не было опредѣлено право личной собственности. Впрочемъ Сербы не замедлили отправить ко двору султана новое посольство, для испрошенія болѣе опредѣленныхъ льготъ. Они вспомнили о томъ соглашеніи, которое нѣкогда придумалъ Петръ Ичко, и надѣялись, что теперь Порта приметъ оное.

Они ошиблись въ разсчетѣ. Диванъ не захотѣлъ даже дать положительнаго отвѣта и отсылалъ уполномоченныхъ къ пашѣ, говоря, что ему извѣстна воля султана; паша напротивъ выразилъ свое изумленіе и отвѣчалъ, что ничего ни знаетъ.

Итакъ уполномоченные не только не получили никакихъ новыхъ правъ, но даже не успѣли добиться, чтобы султанъ подтвердилъ тѣ права, которыя уже были даны. Пользованіе сими послѣдними нѣкоторымъ образомъ зависѣло отъ личнаго присутствія паши. Поэтому, когда однажды онъ собирался ѣхать изъ Бѣлграда, сербскіе вожди объявили ему, что въ такомъ случаѣ сами они выѣдутъ изъ Сербіи, и добились того, что паша остался.

Но вскорѣ они начали опасаться, чтобы и онъ не нарушилъ своего слова.

Марашли Али служилъ делибашею, въ послѣднюю войну съ Россіею; потомъ онъ былъ пашею въ азіат-

ской области Боли, жители коей, подъ начальствомъ Чапанъ Оглу, пользовались передъ тѣмъ нѣкоторою независимостію; употребивъ сначала кроткія мѣры, онъ успѣлъ, безъ большаго шума, привести страну къ полному повиновенію. По видимому тоже самое онъ намѣревался сдѣлать и въ Сербіи: говорятъ, будто бы онъ самъ не скрывалъ того.

Обѣщанія, которыя онъ далъ Сербамъ, были исполняемы не совсѣмъ добросовѣстно. Такъ турецкіе музеллимы очень часто прибѣгали къ тѣлеснымъ наказаніямъ, не спрашиваясь кнезовъ; самъ паша казнилъ одного Серба смертью безъ судейскаго приговора.

Турки продолжали самымъ грубымъ образомъ показывать свое высокомѣріе. Одинъ дели разъѣзжалъ по бѣлградскимъ улицамъ съ собаками, которымъ далъ имена сербскихъ воеводъ, и при всѣхъ кликалъ ихъ, произнося: Вуица, Милошъ и пр.

Вообще нѣтъ никакого сомнѣнія, что Турки не позволяли себѣ насильственныхъ поступковъ единственно потому, что Сербы были еще вооружены; Марашли Али дозволилъ имъ носить оружіе, въ надеждѣ со временемъ отобрать его. Напослѣдокъ, онъ прямо потребовалъ отъ Милоша, который часто обѣдывалъ у него въ Бѣлградѣ и ѣзжалъ съ нимъ верхомъ гулять, чтобы Сербы не носили болѣе оружія. Милошъ отвѣчалъ, что онъ, равно какъ и друзья его, даже и кнезы, готовы исполнять его повелѣнія, но обезоружить народъ они не могутъ.

При такихъ обстоятельствахъ нельзя было ожидать, чтобы турецкое правительство, какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Бѣлградѣ, по собственному побужденію, занялось приведеніемъ въ порядокъ сербскихъ дѣлъ.

Но уже въ самой Сербіи образовалась крѣпкая и самобытная власть, хотя по прежнему запечатлѣнная печатью варварства, но за то основанная на народныхъ началахъ. Власть эта, пришедшая мало по малу въ столкновеніе съ турецкимъ правительствомъ, принадлежала Милошу.

Правда, Милошъ былъ турецкимъ чиновникомъ, котораго визирь поставилъ главнымъ кнезомъ нѣкоторыхъ округовъ и котораго потомъ подтвердилъ въ этомъ званіи; но въ тоже время онъ былъ главнымъ зачинщикомъ и предводителемъ возстанія; если теперь Сербы пользовались безопасностію, то они этимъ обязаны были ему: его значеніе усилилось въ продолженіи войны во всѣхъ округахъ, по всему пашалыку.

Нѣкоторые воеводы въ военное время еще держали себя независимо отъ него. Такъ Іованъ Добрача, въ рѣшительную минуту явившійся къ нему на помощь, будучи самъ такимъ же кнезомъ, не хотѣлъ принимать отъ него приказаній; но Милошъ смѣнилъ его и посадилъ на его мѣсто другаго. Округъ охотно принялъ назначеннаго Милошемъ кнеза; тѣмъ и кончилось все дѣло.

Мы видѣли, какъ Кара Георгій боролся съ самостоятельными вождями, сильными въ своихъ округахъ и имѣвшими нѣкоторое право на соучастіе въ верховной власти. Милошъ не зналъ такихъ совмѣстниковъ. Развѣ одинъ Вуица могъ предъявить подобныя притязанія, ибо онъ дѣйствительно носилъ имя господаря и нѣкоторое время упоминался въ церковныхъ молитвахъ; но Вуица спокойно жилъ въ своемъ смедеревскомъ округѣ. У Милоша были другаго рода соперники.

Бѣлградская народная канцелярія походила на прежній сенатъ, если только можно сравнивать учрежденія, основанныя при столь различныхъ обстоятельствахъ. Человѣкъ, заправлявшій всѣми дѣлами ея, могъ возбудить къ себѣ зависть; это былъ племянникъ архимандрита Рувима, тотъ самый, на котораго надѣялся погибшій архимандритъ, потому что онъ занимался живописью въ домѣ одного дахія, отчего онъ и сталъ называться Молеромъ (маляромъ). Въ послѣдствіи Петръ Молеръ подобно другимъ взялся за оружіе, отличился въ разныхъ походахъ и оказалъ особенныя услуги въ послѣднемъ походѣ, послѣ дѣла подъ Палежемъ. Можетъ быть раньше всѣхъ задумавъ объ учрежденіи внутренняго порядка, онъ предлагалъ раздѣлить Сербію между четырьмя равноправными старшинами; но Милоша не легко было склонить къ этому; онъ возражалъ, что заяцъ, котораго хотятъ дѣлить, еще не пойманъ. По возстановленіи мира, властолюбіе Молера было достаточно удовлетворено, хотя и не такъ, какъ онъ желалъ: его сдѣлали предсѣдателемъ народной канцеляріи, что̀ было очень справедливо, ибо онъ одинъ умѣлъ говорить по турецки и писать по сербски. Новое мѣсто какъ разъ пришлось по немъ. Не имѣя никакихъ религіозныхъ убѣжденій, онъ держалъ у себя въ домѣ молодую дѣвушку и не вступалъ съ нею въ супружество; часто созывалъ къ себѣ друзей, вообще жилъ открыто, такъ что его стали подозрѣвать въ растратѣ общественныхъ денегъ. Милошъ, самъ по себѣ завистливый, вскорѣ началъ посылать подать съ своихъ округовъ, помимо его, къ своему надежному хазнадару, Дмитрію, который изъ рукъ въ руки передавалъ ее пашѣ. Обиженный такимъ предпочтеніемъ, тѣмъ болѣе,

что Дмитрій былъ чужеземецъ, Молеръ жаловался на то друзьямъ своимъ, кнезамъ, и успѣлъ привлечь на свою сторону нѣкоторыхъ кнезовъ изъ верхнихъ округовъ. Но въ этомъ спорѣ гораздо бо́льшое число людей изъ Шумадіи и изъ округовъ, лежащихъ за Моравою, стали за Милоша. Весною 1816 года въ Бѣлградѣ была скупштина, и въ многочисленномъ собраніи кнезовъ, занимавшихся предварительными совѣщаніями, между Милошемъ и Молеромъ завязалась перебранка. Раздраженный Молеръ употребилъ выраженіе: «Милошъ, ты лжешь!»—«Братья, сказалъ на это Милошъ, до сихъ поръ я былъ у васъ старшимъ, теперь слушайтесь Молера!» Но кнезы милошевой партіи и момки, которыхъ они привели съ собою, уже успѣли схватить Молера, между тѣмъ какъ его приверженцы не двигались съ мѣста, думая единственно о собственной безопасности. Молеръ былъ связанъ и переданъ пашѣ: присутствовавшіе кнезы подписали бумагу, въ которой просили пашу казнить Молера. Паша исполнилъ просьбу, почитая ее приговоромъ народнаго суда.

Такъ погибъ первый предсѣдатель сербской народной канцеляріи. На похоронахъ одинъ изъ его родственниковъ со слезами на глазахъ сказалъ стоявшему возлѣ его: гдѣ же тутъ правда?—Сами виноваты, отвѣчалъ тотъ. Дѣйствительно этотъ родственникъ, будучи самъ кнезомъ, не посмѣлъ ничего сдѣлать въ пользу покойника.

Просьба, въ силу которой Молеръ потерпѣлъ смертную казнь, была между прочимъ подписана и епископомъ Никшичемъ, обвинявшимъ Молера въ безбожіи. Его вскорѣ постигла подобная же участь.

Епископъ Никшичь, родомъ Сербъ (а не Грекъ), во времена Кара Георгія былъ монахомъ, потомъ архи-

мандритомъ студеницкаго монастыря. Отправившись въ Константинополь въ числѣ уполномоченныхъ, онъ возвратился оттуда епископомъ. Новый санъ вскружилъ ему голову; онъ всѣмъ опротивѣлъ своимъ высокомѣріемъ. Разъѣзжая по улицамъ съ буздованомъ и мечемъ, онъ воображалъ себя выше всѣхъ. Онъ презрительно отзывался о кнезахъ, говоря, что самъ можетъ ставить ихъ и не хотѣлъ Милоша называть господаремъ. Онъ тѣснилъ священниковъ и обходился съ ними самовластно. Его подозрѣвали въ замыслахъ, имѣвшихъ цѣлью основать въ Сербіи такую же власть, какую имѣлъ черногорской владыка; но его одушевляло одно личное, а не народное самолюбіе. Такъ онъ внушалъ пашѣ что Сербы сдадутъ оружіе, если того захочетъ Милошъ; въ томъ же духѣ говорилъ онъ съ народомъ. Все это заставляло ненавидѣть и опасаться его. Въ Іюнѣ 1816 года онъ поѣхалъ обозрѣвать свою епархію, и не возвратился назадъ. Смерть его приписана была разбойникамъ, но всѣ знали настоящую причину ея.

Не слѣдуетъ забывать, что событія, нами описываемыя, происходили въ странѣ, гдѣ еще не успѣли утвердиться понятія о законности; гдѣ жизнь человѣческая мало цѣнилась, гдѣ хитрость и насиліе издавна составляли существенную принадлежность власти, которая даже не беретъ на себя труда отыскивать благовидные предлоги.

Страшная смерть постигла самого Кара Георгія, прежняго предводителя Сербовъ, немедленно по возвращеніи его въ освобожденную имъ землю.

Мы упоминали уже о томъ, что великія европейскія событія могущественно дѣйствовали на христіанъ турецкой имперіи. Имя священаго союза пугало Ту-

рокъ, какъ будто онъ былъ заключенъ съ враждебными противъ нихъ намѣреніями, и воскрешало надежды въ сердцахъ угнѣтенныхъ народовъ въ различныхъ областяхъ Турціи. Не смотря на то, что союзники не хотѣли мѣшаться въ дѣла Востока, пробудившееся движеніе не успокоивалось и стало выражаться въ тайныхъ обществахъ. Основана была гетерія, положившая себѣ цѣлію неутомимо преслѣдовать враговъ вѣры и отечества. Еще въ 1816 году одинъ уполномоченный ея, склоняя на свою сторону майнскаго бега, говорилъ ему о господствѣ надъ цѣлою Мореею (*). Гетеристы хотѣли произвести возстаніе какъ можно скорѣе и распространить его какъ можно далѣе; начать же дѣло они весьма благоразумно намѣревались съ Сербіи, ибо страна эта, хотя и подпала опять подъ власть Турокъ, но лучше другихъ могла снова подняться (**). Для исполненія этихъ замысловъ положили вызвать къ дѣятельности прежняго вождя Сербовъ, съ именемъ коего соединялось, столько славныхъ воспоминаній. Не трудно было уговорить Кара Георгія: онъ самъ никогда не оставлялъ надежды возвратиться на родину и теперь получалъ оттуда самыя лестныя пригласительныя письма. Безъ паспорта, съ однимъ гетеристомъ, ѣхавшимъ въ Мегадію на теплыя воды, онъ пробрался изъ мѣста своего убѣжища въ Бессарабіи къ сербской границѣ, благополучно переправился чрезъ Дунай, задаривъ перевощика, и поспѣшилъ въ Смедерево къ приглашавшему

(*) Gordon, History of the Greek revolution 1. p. 47.

(**) По вѣроятному извѣстію, сообщаемому Блакіеромъ, гетеристы думали отвлечь турецкія силы въ Сербію, будучи увѣрены, что тамъ они встрѣтятъ упорное сопротивленіе, и тѣмъ самымъ облегчится возстаніе Христіанъ въ остальныхъ областяхъ.

его Вуицѣ. Тамъ онъ только и говорилъ что о новомъ возстаніи; онъ увѣрялъ, что подобное же возстаніе вспыхнетъ въ Мореѣ, и что Сербы найдутъ себѣ совсѣмъ иныхъ помощниковъ, нежели какихъ имѣли прежде. Мало того, онъ обратился къ Милошу съ предложеніемъ дѣйствовать съ нимъ за одно и немедленно начать войну. Но Милошъ, по самому характеру своему, не могъ согласиться на предпріятіе, успѣхъ котораго былъ не надеженъ; кромѣ того онъ хорошо зналъ, что съ возстановленіемъ власти Кара Георгія, собственная его власть немедленно рушится. Поэтому онъ не задумался объявить пашѣ о прибытіи Кара Георгія. Паша представилъ ему, что новое возмущеніе будетъ гибельно для страны, что султанъ непремѣнно пришлетъ новое войско и отниметъ дарованныя права; въ заключеніе онъ требовалъ отъ Милоша головы Кара Георгія. Милошъ вслѣдъ за тѣмъ послалъ сказать Вуицѣ: «Присылай сюда голову Чернаго Георгія, иначе поплатишься своею собственною», и чрезъ нѣсколько дней подтвердилъ это приказаніе. Кара Георгій скоро увидѣлъ опасность своего положенія; но бѣжать было некуда, пощады ожидать было не отъ кого. Однажды, когда послѣ долгаго и тяжкаго бдѣнія, онъ заснулъ днемъ, одинъ изъ момковъ Вуицы умертвилъ его. Не лучше ли было бы для Сербіи и, если есть счастіе въ смерти, не отраднѣе ли было бы для самого Кара Георгія, если бы онъ сложилъ свою голову въ бою съ Турками? Теперь онъ палъ, какъ одна изъ первыхъ жертвъ новыхъ возникавшихъ въ Европѣ движеній, палъ по повелѣнію Турокъ, отъ руки своего соотечественника.

Милоша обвиняли въ томъ, будто онъ самъ нарочно заманилъ своего совмѣстника въ Сербію, дабы

избавиться отъ него. Но конечно это не правда. При шаткости тогдашняго порядка вещей въ Сербіи, Милошу очень было опасно вызывать Кара Георгія, который пользовался большою любовію народа, имя котораго уже по тому самому было привлекательно, что онъ долго жилъ въ отдаленіи. Паша не хотѣлъ вѣрить, когда ему принесли голову, и уже послѣ того, какъ бѣлградскіе жители подтвердили, что она дѣйствительно принадлежитъ Кара Георгію, онъ послалъ ее султану, который чрезвычайно ей обрадовался.

Но султанъ напрасно думалъ, что смерть Кара Георгія сильно подѣйствуетъ на Сербовъ.

Милошъ, избавившись отъ всѣхъ своихъ противниковъ, сталъ теперь главою сербскаго народа.

Въ ноябрѣ 1817 года всѣ окружные кнезы, митрополиты, бѣлградскій и ужицкій, Агаѳангелъ и Герасимъ (оба Греки), и три сербскихъ архимандрита, торжественно признали его верховнымъ кнезомъ, постановивъ, что въ случаѣ его смерти ему наслѣдуетъ ближайшій въ его родѣ.

Милошъ занялъ теперь замѣчательное положеніе и при томъ съ двоякимъ характеромъ.

Значеніе свое онъ получалъ отчасти отъ турецкой государственной власти. Даже и во время возстанія онъ оставался султанскимъ кнезомъ. Съ тѣхъ поръ турецкое правительство отдавало ему на откупъ казенныя имущества, сборъ харача и другія менѣе важныя подати, такъ какъ бы онъ былъ пашею. Сверхъ того онъ умѣлъ прибрать къ своимъ рукамъ таможни и перевозы на Савѣ, Дунаѣ, Моравѣ, Колубарѣ и сдѣлаться бѣлградскимъ базергъянбашею. Богатство полилось къ нему рѣкою и сообщило ему силу, какой никто не имѣлъ въ Сербіи. Но въ тоже время ему при-

надлежала честь вторичнаго освобожденія народа отъ власти Турокъ; теперь самъ народъ выбралъ его своимъ главою, и онъ изъ собственныхъ выгодъ долженъ былъ заботиться о судьбѣ его.

Когда въ Европѣ водворился наконецъ надежный миръ, отношенія государствъ окончательно опредѣлились, и чужеземныя войска вышли изъ Франціи; тогда правительства снова обратили вниманіе на дѣла Востока и между прочимъ на тѣ недоразумѣнія, которыя продолжались между Россіею и Турціею, вопреки букарештскому миру.

Мы уже видѣли, что условія сего мира не были исполнены относительно Сербіи; Порта всячески уклонялась отъ окончательнаго рѣшенія.

Наконецъ въ 1820 году диванъ убѣдился въ необходимости покончить эти недоразумѣнія и удовлетворить требованіямъ Россіи. Сербы желали, чтобы къ нимъ присланъ былъ уполномоченный, который бы лично и на мѣстѣ узналъ ихъ дѣла и съ которымъ бы потомъ можно было вступить въ переговоры. Но диванъ и на этотъ разъ разсудилъ за благо избѣгать переговоровъ. Въ Сербію посланъ былъ одинъ изъ ходжагановъ (чиновниковъ рейсэффендія) съ фирманомъ, заключавшимъ съ себѣ права, которыя султанъ хотѣлъ даровать сербскому народу.

Права эти были довольно важны: опредѣлена была сумма податныхъ денегъ, слѣдуемыхъ султану, и сборъ ея вполнѣ предоставлялся сербскимъ властямъ. Такимъ образомъ въ судебномъ и административномъ отношеніяхъ пріобрѣталась бо́льшая независимость. Музеллимы пользовались властію лишь въ крѣпостяхъ; Милошъ безъ всякаго возраженія признанъ верховнымъ княземъ всего сербскаго народа.

Но съ другой стороны нѣкоторые пункты оставались вовсе нерѣшенными, какъ напримѣръ отношенія спахіевъ, которые жили въ крѣпостяхъ и не забывали своихъ притязаній на поземельную сельскую собственность. Кромѣ того въ томъ же фирманѣ выражались требованія, на которыя Сербамъ тяжело было согласиться. Они должны были оставаться, подобно своимъ предкамъ, раею султана; по древнему обычаю, содержать султанское войско, когда оно будетъ проходить чрезъ ихъ землю; и, главное, довольствоваться дарованными правами и объявить торжественно, что никогда не будутъ болѣе ничего просить у султана. Симъ послѣднимъ обстоятельствомъ Турки думали отдѣлаться отъ дальнѣйшихъ требованій Россіи.

Понятно, что Сербы не могли принять подобныхъ условій.

Слава прежнихъ воинскихъ подвиговъ, обѣщанія букарештскаго мира, общее движеніе, которое безпрестанно усиливалось между христіанскимъ народонаселеніемъ имперіи, все это внушало Сербамъ другаго рода надежды.

Турки, узнавъ о томъ, пришли въ негодованіе, думая, что съ ихъ стороны было сдѣлано много уступокъ.

Когда Милошъ сбирался ѣхать изъ Крагуевца (гдѣ онъ обыкновенно жилъ) въ Бѣлградъ, чтобы узнать въ подробности содержаніе фирмана, ему говорили, чтобы онъ оставилъ эту поѣздку, что паша увѣрилъ спахіевъ, будто онъ намѣренъ возобновить требованія Петра Ичка, основанныя на удаленіи ихъ изъ Сербіи; что спахіи уже запаслись порохомъ и свинцомъ и непремѣнно убьютъ его, какъ только онъ въѣдетъ въ бѣлградскія ворота. Друзья милошевы убѣждены бы-

ли, что если онъ не послушается ихъ и поѣдетъ въ Бѣлградъ, то его непремѣнно постигнетъ участь Дели Ахмета, вѣроломно убитаго Эбу Бекиромъ.

Милошъ дѣйствительно остался въ Крагуевцѣ, собралъ вокругъ себя значительное число Сербовъ и объявилъ, что онъ отправится въ Бѣлградъ вмѣстѣ съ ними; но паша велѣлъ ему сказать, чтобы онъ шелъ, взявъ съ собою только 12 кнезовъ, и то безъ оружія, и отнюдь не приводилъ бы съ собою войска, котораго будто не чѣмъ будетъ продовольствовать. Милошъ отвѣчалъ, что онъ идетъ съ мирными жителями для выслушанія царскаго фирмана, что это тѣже самые люди, которые продовольствуютъ пашу въ Бѣлградѣ и весь дворъ его, и самого его Милоша въ Крагуевцѣ; что они сами о себѣ позаботятся и наконецъ что они не пускаютъ его одного въ Бѣлградъ. Но паша стоялъ на своемъ. Сербы также не соглашались, и потому свиданіе ходжи съ верховнымъ кнезомъ произошло въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бѣлграда, въ Топчидерѣ.

Но чего можно было ожидать отъ переговоровъ, когда обѣ стороны обнаруживали злобу и недовѣрчивость?

Въ Топчидерѣ Сербы объявили, что у нихъ нельзя отнять пра́ва прибѣгать къ милосердію султана съ новыми просьбами. Ходжа спрашивалъ, чего же они хотятъ еще? Они отвѣчали, что хотятъ получить права́, предоставленныя имъ букарештскимъ миромъ. Съ 1813 года еще не разу они не осмѣливались прямо говорить объ этомъ мирѣ. Такая ссылка на трактатъ, заключенный съ другимъ государствомъ, показалась ходжѣ преступленіемъ. Онъ потребовалъ лошадей и

немедленно уѣхалъ. Онъ всегда говорилъ, что въ Сербіи нѣтъ больше раи; теперь онъ видѣлъ тамъ только однихъ вооруженныхъ.

Какъ бы опасаясь ѣхать чрезъ сербскую землю, на возвратномъ пути своемъ, онъ поѣхалъ чрезъ австрійскія владѣнія и Валахію.

Такимъ образомъ прежняя помѣха снова явилась во всей своей силѣ: спахіи требовали поземельной собственности, Сербы—права носить оружіе.

Съ этой поры нечего было болѣе думать о соглашеніи: по крайней мѣрѣ Сербы сочли договоръ, заключенный ими съ пашею, прерваннымъ и перестали повиноваться сему послѣднему.

Тѣмъ не менѣе въ Константинополѣ начались новые переговоры.

Порта стала обнаруживать умѣренность, говоря, что она уступитъ, если Сербы сами сдѣлаютъ нѣсколько уступокъ, и что надо прислать надежныхъ людей для избѣжанія излишней переписки.

Послѣ этого Сербы положили предъявить свои требованія какъ можно точнѣе и послать ихъ въ Константинополь съ первѣйшими людьми своими.

Въ этомъ посольствѣ участвовали два духовныя лица, архимандритъ Самуилъ и ягодинскій протопресвитеръ Вукашиновичь, и три кнеза Вуица, Илья Марковичь и Дмитрій; секретаремъ посольства былъ Абрамъ Петроніевичь.

Сербы вообще требовали, чтобы внутренняя независимость ихъ была обезпечена, и при томъ не только въ бѣлградскомъ пашалыкѣ, но и во всѣхъ округахъ, завоеванныхъ большею частію еще при Кара Георгіи.

Они хотѣли имѣть вполнѣ независимые судъ и расправу, право избирать своихъ властей (*), по собственному произволу строить церкви, заводить больницы и училища, и, главное, не имѣть никакихъ сообщеній съ Турками. На удаленіи спахіевъ они не настаивали, и предлагали выплатить имъ извѣстную сумму, внося оную ежегодно вмѣстѣ съ султанскою податью, которая должна была замѣнить всѣ прежніе поборы.

Слѣдовательно букарештскій миръ былъ истолкованъ теперь почти такимъ же образомъ, какъ понималъ его Кара Георгій.

Для бо́льшей точности исчислены были тѣ шесть округовъ, которымъ, наравнѣ съ пашалыкомъ, испрашивалось независимое внутреннее управленіе.

Однимъ словомъ, возстановлялась маленькая держава, въ тѣхъ самыхъ предѣлахъ, въ какихъ мы видѣли ее въ 1811 и въ 1812 годахъ, правда, безъ прежнихъ далекихъ притязаній и подъ турецкимъ владычествомъ, но за то съ значительною долею внутренней самостоятельности.

Нельзя было и ожидать, чтобы Порта легко согласилась на такія требованія. Но они были получены въ Константинополѣ въ то самое время, когда отвсюду приходили туда извѣстія о страшномъ волненіи между христіанами. Подъ этимъ предлогомъ султанъ приказалъ посадить сербскихъ уполномоченныхъ подъ стражу.

Сербовъ не очень огорчило это. Они были твердо увѣрены, что рано или поздно дѣло ихъ обратитъ на себя вниманіе Европы.

(*) Такъ сказано въ документахъ, которые были обнародованы въ послѣдствіи, въ Сербіи же обыкновенно думали, что отъ Порты требовалось только подтвержденіе разъ избраннаго верховнаго кнеза.

Милошъ объявилъ, что онъ лишаетъ посаженныхъ подъ стражу пословъ полномочія. Верховный кнезъ вполнѣ предался теперь заботамъ о внутреннихъ учрежденіяхъ и объ усиленіи собственной своей власти.

ГЛАВА XIX.

Внутреннія учрежденія и господство Милоша.

Великою выгодою для Милоша было то, что основы общественнаго быта онъ нашелъ уже готовыми: ему нечего было начинать съ изнова; надлежало только возстановить порядокъ вещей, какой существовалъ при Кара Георгіи, во времена перваго освобожденія.

Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на судъ, ибо послѣднія волненія произошли главнымъ образомъ въ слѣдствіе самоуправства Турокъ по этой части, и сношенія съ пашею прекращены были именно потому, что его музеллимы начали дѣйствовать вопреки заключенному условію.

Введено было коллегіальное учрежденіе съ тремя степенями.

Сельской судъ, состоявшій изъ мѣстнаго старѣйшины и остальныхъ кметовъ, пользовался преимущественно дисциплинарною властію, въ настоящихъ же судныхъ дѣлахъ онъ ограничивался примиреніемъ противниковъ.

Кто хотѣлъ вести дѣло далѣе, тотъ обращался къ магистратамъ, которые учреждены были по всѣмъ окружнымъ городамъ, въ такомъ точно видѣ, какъ при Кара Георгіи, и состояли изъ предсѣдателя, двухъ

членовъ и писца. Люди эти конечно не были ученые; они дѣйствовали по заведенному обычаю и по своему лучшему усмотрѣнію. Въ случаяхъ запутанныхъ, какъ напримѣръ въ дѣлахъ между промышленниками, обыкновенно спрашивали опытнѣйшихъ въ извѣстномъ промыслѣ и сообразовались съ ихъ мнѣніями, не рѣдко весьма здравыми и остроумными.

Недовольный рѣшеніемъ магистрата обращался къ высшему суду, который при Кара Георгіи извѣстенъ былъ подъ именемъ совѣта, а съ 1815 года назывался народною канцеляріею.

Какъ прежде существенную власть въ этомъ отношеніи имѣли господари и воеводы, такъ и теперь нельзя было ожидать, чтобы судебная часть пользовалась независимостію, ибо новое освобожденіе, точно также какъ и первое, произошло въ слѣдствіе военнаго возстанія, подъ начальствомъ вождей.

Хотя теперь въ главѣ округовъ стояли кнезы, но въ сущности они были преемниками воеводъ, т. е. военными начальниками

Кнезы исполняли приговоры магистратовъ, но они почитали себя выше ихъ и не рѣдко дѣйствовали, не обращая на нихъ вниманія.

Милошъ почиталъ себя главою высшаго суда; народная канцелярія переселялась вмѣстѣ съ нимъ изъ одного города въ другой, и только въ 1825 году, получивъ лучшее устройство, поселилась окончательно въ Крагуевцѣ. Смертные приговоры Милошъ предоставлялъ одному себѣ; исключеніе было сдѣлано только для брата его Ефрема, который начальствовалъ въ округахъ шабацкомъ и валевскомъ.

Такъ какъ народное судилище было продолженіемъ прежняго сената, то обыкновенно думали, что ему принадлежитъ и расправа; но это было только на словахъ. Милошъ въ управленіи своемъ не считалъ нужнымъ спрашивать чьего либо совѣта.

Сначала онъ оказывалъ кнезамъ по крайней мѣрѣ наружное почтеніе. Онъ обращался съ знатнѣйшими изъ нихъ какъ съ равными себѣ, называлъ ихъ господами; когда они къ нему приходили, предлагалъ трубки, и оставался доволенъ всѣмъ, что они ни дѣлали въ своихъ округахъ. Когда они приносили ему порезу и харачъ которые взносимы были по числу хозяйствъ и душъ, онъ не пускался въ разбирательства, дѣйствительно ли взносимая сумма соотвѣтствуетъ числу податныхъ душъ. Казалось, онъ предоставлялъ имъ при этомъ пользоваться нѣкоторымъ барышомъ.

Но чрезъ нѣсколько времени, именно изъ-за этихъ сборовъ, возникли неудовольствія. Милошъ, какъ мы знаемъ, взялъ харачъ на откупъ и не хотѣлъ болѣе довольствоваться неточными и произвольными взносами; онъ послалъ наконецъ въ округи своихъ людей съ момками для произведенія точной переписи. Кнезы обидились такимъ вмѣшательствомъ въ ихъ дѣла; но напрасно они жаловались на то одному изъ довѣреннѣйшихъ служителей Милоша; сей послѣдній отвѣчалъ, что господинъ его не любитъ, чтобъ съ нимъ заговаривали о такихъ предметахъ.

Двоякая власть, которою пользовался верховный вождь, постепенно усиливалась. Туркамъ онъ предъявлялъ притязанія народа, коего считался представителемъ, кнезамъ права, данныя ему отъ Турокъ. Такое сочетаніе двухъ властей, со времени букарешт-

скаго мира было политическою необходимостію. Но почему же одинъ онъ исключительно извлекалъ изъ нея выгоды?

Весною 1821 года Милошъ еще разъ встрѣтилъ сопротивленіе съ обѣихъ сторонъ. Два знатныхъ кнеза изъ-за Моравы, Маркъ Абдула и Стефанъ Добриняцъ, находясь въ Бѣлградѣ, вступили въ сношенія съ спахіями и съ пашею, который обѣщался признать ихъ независимыми кнезами, и открыто говорили, что не будутъ болѣе принимать никакихъ приказаній отъ Милоша. Но сей послѣдній успѣлъ предупредить ихъ. Онъ немедленно двинулъ противъ ихъ округовъ вооруженные отряды, и они погибли бы, еслибъ не получили помощи отъ бѣлградскаго паши. Марашли Али дѣйствительно послалъ къ нимъ войско подъ тѣмъ предлогомъ, будто хочетъ содѣйствовать потушенію мятежа. Милошъ велѣлъ сказать ему, что онъ самъ лучше всѣхъ знаетъ этихъ людей и съумѣетъ съ ними справиться, что если паша не хочетъ видѣть всеобщее возмущеніе, то пусть не мѣшается въ это дѣло. Въ это самое время гетерія начала дѣйствовать въ Валахіи, и повсюду возникали волненія. Паша испугался при мысли о томъ, что Сербы могутъ пристать къ Ипсиланти, и отозвалъ назадъ свое войско. За тѣмъ, какъ сами кнезы, такъ и всѣ друзья ихъ, были безъ труда усмирены. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ, Топалевичъ, кнезъ гружанскій, опасаясь, что его обличитъ одно отправленное имъ письмо, притворился сумасшедшимъ и потомъ бѣжалъ изъ Сербіи. Милошъ поставилъ на его мѣсто Вучича.

Кнезы, доселѣ видѣвшіе въ Милошѣ равнаго себѣ, начали теперь мало по малу признавать его власть и пріучаться къ повиновенію. Милошъ не только назначалъ имъ

мѣста, но и лишалъ ихъ княжескаго званія. Онъ опредѣлялъ имъ жалованье и увеличивалъ оное по своему усмотрѣнію. Мало по малу онъ переставалъ называть ихъ кнезами и чаще именовалъ сердарями и капитанами, ибо должности ихъ въ самомъ дѣлѣ были военныя, либо полицейскія. Они сдѣлались чиновниками Милоша.

Но, сами находясь въ строгомъ повиновеніи, они требовали его и отъ своихъ подчиненныхъ. Весьма естественно, что простой народъ, еще не успѣвшій вновь привыкнуть къ порядку, обнаружилъ сопротивленіе.

Въ самомъ дѣлѣ, власть Милоша почти не отличалась отъ власти паши. По крайней мѣрѣ подати онъ сособиралъ съ неменьшею строгостію, и тѣже самыя, какія взимались Турками. Чѣмъ отличались кнезы въ теперешнемъ значеніи отъ турецкихъ музеллимовъ? Они также употребляли насильственныя мѣры и къ онымъ присоединяли личное принужденіе.

Сербскіе поселяне видѣли, что они весьма немного пріобрѣли цѣною своихъ усилій и пролитой крови: на нихъ по прежнему лежали тяжкія повинности; жестокое обращеніе не прекращалось; и они не могли не жаловаться на новое положеніе свое, можетъ быть особенно потому, что исполнителями власти были люди, которыхъ еще недавно они почитали себѣ равными.

Въ исходѣ 1824 года два поселянина рудницкаго округа, Гюровичь и Ратковичь, начали громко говорить противъ кнезовъ и Милоша. Неизвѣстно, что именно побудило ихъ къ тому, потерпѣли ли они какое нибудь особенное оскорбленіе, или можетъ быть сами хотѣли быть кнезами. Они намѣревались произвести народное возмущеніе. Но въ округѣ рудницкомъ, родинѣ Милоша, ихъ крики и жалобы нашли мало

сочувствія: первый же поселянинъ, котораго они хотѣли склонить на свою сторону, подалъ на нихъ доносъ. За тѣмъ Ратковичь былъ схваченъ и повезенъ въ Крагуевацъ для представленія въ высшее судилище, къ допросу. Дорогою провожатые куда-то отлучились, поручивъ одному изъ своихъ товарищей какъ можно строже стеречь Ратковича. Стражъ, для избѣжанія всякой отвѣтственности, убилъ его. До такой степени еще сильно было въ Сербіи варварство, до такой степени еще мало цѣнилась тамъ жизнь человѣческая! Гюровичь былъ также схваченъ, его довезли до Крагуевца и пытали, желая дознаться, не имѣетъ ли онъ еще другихъ замысловъ. Онъ умеръ отъ пытки, отвѣчая на всѣ вопросы, что своимъ признаніемъ не спасетъ себѣ жизни.

Съ тѣхъ поръ Милошъ и его кнезы стали съ удвоеннымъ вниманіемъ слѣдить за всякимъ движеніемъ.

Такъ въ началѣ 1825 года смедеревскій кнезъ, Петръ Вуличевичь, услыхавъ, что одинъ поселянинъ былъ друженъ съ Ратковичемъ и Гюровичемъ и продолжалъ держаться тѣхъ же мыслей, немедленно отправился въ деревню, гдѣ онъ жилъ и ночью велѣлъ своимъ момкамъ схватить его и привести къ себѣ на квартиру.

Но, думая подавить возстаніе въ самомъ его зародышѣ, онъ напротивъ подалъ поводъ къ его распространенію.

Тамошніе поселяне начали громко говорить, что Вуличевичь дѣйствуетъ разбойнически, что онъ долженъ былъ вытребовать поселянина отъ общины, а не хватать его ночью. Они явились вооруженные къ кнезу и принудили его выдать назадъ схваченнаго.

Не успѣлъ Вуличевичь возвратиться въ постоянное

мѣсто своего жительства, Азаню, какъ и тамъ вспыхнуло возмущеніе, но уже въ бóльшихъ размѣрахъ. Не только тамошніе поселяне, но и другіе изъ многихъ окрестныхъ мѣстъ, не хотѣли вовсе терпѣть кнезовъ и явно возмутились.

Милошъ не замедлилъ послать въ Азанью младшаго брата своего Іована, давъ ему вооруженный отрядъ, набранный изъ людей Язеницы и Лепеницы. Но зло отъ того только увеличилось. Люди, приведенные Іованомъ, пристали къ тѣмъ, противъ кого они должны были дѣйствовать. Въ смятеніи Іованъ прибѣгнулъ къ переговорамъ и согласился на нѣкоторыя требованія возмутившихся, сказавъ имъ впрочемъ, что безъ позволенія своего брата не можетъ дать никакихъ положительныхъ обѣщаній. Поселяне всего настоятельнѣе требовали, чтобы Вуличевичь лишенъ былъ своего мѣста и уступилъ оное Милое Дьяку. Сей послѣдній, принимавшій по всему вѣроятію большое участіе въ возстаніи, назывался Дьякомъ единственно потому, что нѣкогда, въ молодые годы свои, служилъ у одного священника и самъ думалъ поступить въ духовное званіе. Онъ давно уже оставилъ это намѣреніе, былъ въ послѣдствіи писцомъ при Кара Георгіи и теперь занимался самымъ выгоднымъ промысломъ— покупкою и продажею щетины. Разъѣжая по дѣламъ своимъ, онъ свелъ обширное знакомство съ богатыми поселянами, имѣлъ случай узнавать все происходившее и вообще пріобрѣлъ себѣ въ Сербіи немалое значеніе. Іованъ, какъ уже сказано, дозволилъ ему занять на время должность кнеза, пока придетъ подтвержденіе отъ Милоша, и поселянамъ было бы весьма выгодно, еслибы они силою вытребовали себѣ кнеза. Но Дьякъ слишкомъ хорошо зналъ тогдашнія

обстоятельства, чтобы не чувствовать всей шаткости своего положенія. Кромѣ того должность кнеза, вполнѣ подчиненнаго Милошу, не удовлетворяла его честолюбію. Онъ объявилъ, что Іованъ только обманываетъ поселянъ, и явившись самъ въ Гасанъ-Пашина-Паланкѣ, не замедлилъ поднять знамя возстанія противъ Милоша и его правленія. Со всѣхъ сторонъ стекались къ нему приверженцы. Они особенно жаловались на чванство кнезовъ, на то, что они, разъѣзжая по деревнямъ, слишкомъ много спрашиваютъ себѣ продовольствія, что обращаются съ ними ни чѣмъ не лучше Турокъ и даже требуютъ личной службы. Были и другіе болѣе общіе предметы жалобъ, особенно на чрезмѣрную подать. Рѣшившись добиться перемѣны, поселяне двинулись впередъ двумя толпами: одни пошли къ Пожаревцу противъ Іована, который бѣжалъ отъ нихъ, другіе по прямому направленію, къ мѣстопребыванію правительства, Крагуевцу. Послѣднею толпою, которая возрастала ежедневно, начальствовалъ самъ Дьякъ. Въ Ясеницѣ и Лепеницѣ жилища ненавистныхъ кнезовъ были разграблены; момки, высланные Милошемъ, обратились въ бѣгство и нѣкоторые изъ нихъ возвратились въ Крагуевацъ даже безъ лошадей. Многіе жители Крагуевца обнаружили робость, и самъ Милошъ повидимому колебался. Но къ нему подоспѣли въ пору подкрѣпленія изъ Ягодины, Пожеги, Ужицы. Особенную отвагу обнаружилъ недавно опредѣленный кнезъ гружанскій, Вучичь. Онъ спрашивалъ возвратившихся момковъ, куда они подѣвали своихъ лошадей; тѣ отвѣчали ему: «Вотъ посмотримъ завтра что̀ ты самъ заговоришь?» Толпа, приближавшаяся къ Крагуевцу, казалась имъ непреодолимою. Но Вучича нельзя было

испугать. Его Милошъ назначилъ начальникомъ войска, далъ ему денегъ, и обѣщался готовить подкрѣпленія. Получивъ въ свое распоряженіе значительную силу, Вучичь двинулся на мятежниковъ, стоявшихъ лагеремъ близъ Тополи, укрѣпился на возвышеніи противъ нихъ и на другое же утро пошелъ на приступъ. Къ счастію его, въ самомъ началѣ дѣла, Дьякъ получилъ рану и былъ унесенъ. Лишившись вождя своего, который былъ душею предпріятія, мятежники не могли долѣе держаться, и въ короткое время были разогнаны.

Побѣдители ринулись на села, наиболѣе участвовавшія въ возстаніи, и позволили себѣ разнаго рода насилія, точно также какъ поступали Турки въ подобныхъ случаяхъ.

Для Милоша было величайшимъ счастіемъ, что возстаніе это было такъ быстро и такъ рѣшительно подавлено.

Въ бѣлградскомъ округѣ уже начиналось подобное же движеніе, тѣмъ опаснѣйшее, что во главѣ его намѣревались стать два человѣка, пользовавшіеся большою извѣстностію, сыновья Марка Чарапича, который нѣкогда дѣйствовалъ вмѣстѣ съ Кара Георгіемъ. Но, узнавъ о несчастіи, постигшемъ ихъ сообщниковъ въ Тополѣ, они отчаялись въ успѣхѣ своихъ замысловъ и для личной безопасности переѣхали въ австрійскія владѣнія, въ Панчову.

Вскорѣ однако они ободрились. Не имѣя того непосредственнаго понятія о положеніи дѣлъ, которое пріобрѣтается постояннымъ пребываніемъ въ странѣ, обольстившись, подобно многимъ выселенцамъ, несбыточными надеждами, они воображали, что, съ прибытіемъ ихъ въ Сербію, снова пробудится всеобщее

неудовольствіе, что имъ удастся произвести возстаніе не только противъ Милоша и кнезовъ, но и противъ Турокъ, и вообще съ помощію своего славнаго имени сдѣлать нѣчто великое. Два школьные учителя въ Бѣлградѣ, впрочемъ не сербскіе уроженцы, сочинили имъ воззваніе, въ которомъ (если мы не ошибаемся, ибо подлинная бумага, кажется, утратилась) назначена была извѣстная сумма денегъ за голову Милоша, и еще бо́льшая за голову Вучича. Послѣ этого Чарапичи рѣшились приступить къ дѣлу и съ ближайшими своими приверженцами явились въ лѣсу Авалѣ. Но поселяне еще не успѣли оправиться отъ ужаса, наведеннаго топольскимъ пораженіемъ. Воззваніе не произвело ни малѣйшаго дѣйствія. Нѣсколько кнезовъ съ момками искали мятежниковъ по лѣсу какъ разбойниковъ и наконецъ нашли ихъ въ одной горной пещерѣ. Они защищались съ отчаяннымъ мужествомъ, зная, что имъ нечего ждать пощады, и погибли всѣ до одного. Сочинители воззванія были преданы ужасной казни.

Такимъ образомъ подавлены были движенія, имѣвшія цѣлію, съ помощію народа, или вѣрнѣе, съ помощію поселянъ, сокрушить милошево правленіе.

Но побѣжденные и послѣ пораженія чувствовали свою силу: кметы говорили, что теперь Милошъ одолѣлъ ихъ, но что придетъ время, когда и на ихъ улицѣ будетъ праздникъ.

На первыхъ порахъ Милошъ счелъ нужнымъ оказать снисхожденіе поселянамъ. Вуличевичь былъ отставленъ; кнезы ясеницкій и лепеницкій, противъ которыхъ народъ особенно былъ озлобленъ, не получили назадъ своихъ должностей. Кромѣ личныхъ облег-

ченій, поселяне получили даже нѣкоторыя вознагражденія; существенныя права ихъ были уважены.

Тѣмъ не менѣе зачинщики мятежа, одни раньше, другіе позже, не укрылись отъ мщенія.

Вообще разъ заведенная система еще болѣе утвердилась въ слѣдствіе подавленія непокорныхъ движеній.

Кнезы, военные начальники народа, умѣвшіе держать его въ подчиненіи, должны были съ своей стороны безусловно повиноваться верховному начальнику, Милошу, пользовавшемуся отнынѣ почти неограниченною властію.

Если мы спросимъ, какимъ же образомъ сія послѣдняя могла такъ утвердиться въ этой странѣ и въ это время, то найдемъ объясненіе въ той великой политической необходимости, которая предписывала единеніе, вопреки всевозможнымъ неудовольствіямъ.

Прежніе владѣтели страны еще не оставляли ее и жили въ крѣпостяхъ; новый паша, наслѣдовавшій власть Марашли Али (который умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, не успѣвъ произвести въ Европѣ то, чтò ему такъ счастливо удалось въ Азіи), не былъ связанъ никакимъ договоромъ, и Турки при первомъ случаѣ могли снова предъявить свои прежнія требованія. Они вовсе не оставляли мысли о томъ, что Сербы ихъ рабы. Чтобы не возвратиться къ прежнему, чтобы утвердить пріобрѣтенную независимость, надлежало ввести сильную военную организацію, повиноваться одному человѣку, который въ послѣдніе годы шелъ впереди другихъ и торжественно былъ признанъ главою. Всякое внутреннее движеніе, нарушавшее единство, въ тоже время угрожало и политическому существованію.

Чтò бы ни говорили недальновидные поселяне,

несомнѣнное достоинство милошевой власти заключалось именно въ томъ, что она была народная и смѣло стремилась къ освобожденію отъ Османовъ, составлявшему общую задушевную мысль. Милошъ дѣйствовалъ совершенно въ народномъ духѣ, имѣя власть прежде, чѣмъ народъ явно призналъ ее за нимъ. Между прочимъ онъ настроилъ множество церквей, не думая испрашивать на то позволенія отъ паши или отъ султана, и тѣмъ удовлетворилъ религіозному чувству народа. Не смотря на всю шаткость своей власти, онъ держался, опираясь на народное сочувствіе.

Но наконецъ наступили другія времена.

Новыя событія потрясли турецкое царство, и, дѣйствуя по необходимости на Сербію, вывели ее изъ этого напряженнаго состоянія.

ГЛАВА XX.

Утвержденіе сербской самостоятельности.

То, чего ожидали въ продолженіи цѣлаго столѣтія, наконецъ совершилось: Греки возстали противъ Турокъ. Мы неразъ имѣли случай по поводу сербскихъ событій упоминать о движеніи, происходившемъ въ эллинскомъ народонаселеніи турецкаго царства. Главныя причины его были тѣже самыя, какія вызвали возстаніе Сербовъ, т. е. съ одной стороны безпорядки и внутреннее распаденіе правительства, основаннаго на превосходствѣ Ислама, съ другой—возрастающая сила и высшее развитіе европейскихъ народовъ, въ которыхъ угнѣтенные подданные султана не переставали видѣть своихъ собратій и отъ которыхъ ждали себѣ помощи. Впрочемъ дѣло Грековъ вовсе не похо-

дило на возстаніе сербское; была большая разница и во внутреннихъ обстоятельствахъ, и во внѣшнихъ вліяніяхъ, и въ самихъ народахъ, ихъ образѣ жизни и политическихъ отношеніяхъ.

Мысль объ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига, которую Сербы первые начали приводить въ исполненіе, получила теперь бо́льшую силу и болѣе широкое основаніе. Если бы султанъ могъ располагать своими дѣйствіями произвольно, онъ, по всему вѣроятію, не допустилъ бы сербскаго господаря захватить въ свои руки всю общественную власть. Но при тогдашнихъ обстоятельствахъ ему даже было выгодно, что въ Сербіи властвуетъ человѣкъ, умѣющій держать народъ въ повиновеніи и не дозволяющій Сербамъ принимать участіе въ замыслахъ, коихъ цѣлію было разрушеніе всего турецкаго царства. Милошъ постоянно сохранялъ внѣшній видъ подданства; по своему положенію онъ не желалъ полной независимости. Можно было навѣрно сказать, что онъ не пристанетъ къ гетеріи; ибо въ числѣ друзей и приверженцевъ Ипсиланти находились нѣкоторые члены прежняго сербскаго правительства, вытѣсненные Милошемъ изъ Сербіи. Недавно побѣжденные имъ Чарапичи были столько же врагами Турокъ, сколько его собственными. Но предпріятіе Грековъ, воскресшее эллинское имя, встрѣтило у всѣхъ народовъ Европы необыкновенно горячее сочувствіе; оно соединилось съ воспоминаніями о классической древности, вызывало стремленіе къ народности и чувство христіанскаго братства. Европейскія правительства, доселѣ какъ бы мимоходомъ занимавшіяся дѣлами Востока, принуждены были наконецъ обратить на нихъ надлежащее вниманіе.

То, о чемъ по видимому помышлялъ уже императоръ Александръ, привелъ въ исполненіе новый русскій царь, вступившій на престолъ въ 1825 году. Онъ настоятельно потребовалъ отъ Порты, чтобы она прекратила уже нѣсколько лѣтъ продолжавшіяся недоразумѣнія.

Сіи послѣднія преимущественно касались неисполненныхъ условій букарештскаго трактата. Главнѣйшія требованія Россіи заключались въ томъ, чтобы Сербамъ даны были обѣщанныя симъ трактатомъ права.

Порта, принужденная бороться съ опаснѣйшимъ возмущеніемъ, какое когда-либо возникало въ ея предѣлахъ, угрожаемая вдругъ тремя державами, Англіею, Франціею и Россіею, на этотъ разъ забывшими взаимныя свои недоразумѣнія, въ смятеніи рѣшилась уступить требованіямъ: она дала свободу сербскимъ уполномоченнымъ, доселѣ содержавшимся въ заключеніи, и обѣщалась уговориться съ сербскимъ народомъ о дарованіи слѣдующихъ ему привиллегій.

За тѣмъ, лѣтомъ былъ съѣздъ въ Аккерманѣ, гдѣ одинъ изъ главныхъ предметовъ совѣщаній составляли дѣла сербскія.

Послѣ долгаго колебанія, не разъ заставлявшаго отчаяваться въ успѣхѣ дѣла, Порта наконецъ приняла русскій ультиматумъ.

Заключена была конвенція, названная объясненіемъ букарештскаго трактата, для приведенія въ исполненіе содержащихся въ немъ условій. Этимъ актомъ Порта обѣщалась опредѣлить точнѣе принадлежащія Сербамъ по букарештскому миру права (*). За тѣмъ

(*) Convention explicative en exécution du traité de Bucharest. 25 sept. (7 oct.) 1826. art. 5.

въ особенномъ актѣ изложены были требованія Сербовъ, предъявленныя ими въ 1820 году. Порта обязывалась уговориться съ Сербами не только объ этихъ требованіяхъ, но и о другихъ, еще могущихъ возникнуть. Было положено, чтобы въ теченіи 18 мѣсяцевъ турецкое правительство представило русскому двору хаттишерифъ, въ которомъ бы заключалось его соглашеніе съ Сербами и который бы вошелъ потомъ въ составъ конвенціи (*).

Такимъ образомъ представленное Сербами истолкованіе букарештскаго трактата было торжественно признано. Въ случаѣ исполненія конвенціи положеніе ихъ было бы устроено по ихъ собственному желанію, и они пользовались бы ручательствомъ великой европейской державы. Данныя Портою обѣщанія были приняты въ Сербіи съ великою радостію. Милошъ торжественно обнародовалъ ихъ на скупштинѣ въ Крагуевцѣ.

(*) Особый актъ о Сербіи. Требованія Сербовъ были выражены слѣдующимъ образомъ: Свобода богослуженія, выборъ начальниковъ своихъ, независимость внутренняго управленія, возвращеніе отторгнутыхъ отъ Сербіи округовъ, соединеніе разныхъ податей въ одну, предоставленіе Сербамъ управлять имѣніями, принадлежащими мусельманамъ съ условіемъ доставлять доходы оныхъ вмѣстѣ съ данью, свобода торговли, дозволеніе сербскимъ купцамъ путешествовать по областямъ оттоманскимъ съ ихъ собственными паспортами, учрежденіе больницъ, училищъ, типографій, и наконецъ запрещеніе мусельманамъ, кромѣ принадлежащихъ къ гарнизонамъ, поселяться въ Сербіи. Далѣе встрѣчаемъ уклоненіе отъ перваго объявленія Порты, можетъ быть просто случайное. Въ оффиціальной нотѣ $^1/_{13}$ мая 1826) она обѣщается «удовлетворить просьбамъ ихъ, которыя не противорѣчатъ состоянію раи,» между тѣмъ какъ въ особомъ актѣ обѣщано: приступить къ распоряженіямъ вслѣдствіе вышеупомянутыхъ требованій сего вѣрноподданнаго народа, такъ равно и по всѣмъ другимъ, которыя могутъ быть представлены, отъ сербской депутаціи и не будутъ противны обязанностямъ подданныхъ оттоманской имперіи.

Но еще надлежало исполнить ихъ; между тѣмъ надеждъ на то было мало.

Султанъ Махмудъ въ это самое время занятъ былъ предпріятіемъ, которое по его мнѣнію должно было содѣйствовать возстановленію древняго могущества османской державы.

Мы уже знаемъ, что съ 1808 года янычары снова пріобрѣли вѣсъ, и возстановился прежній порядокъ въ государственномъ и военномъ управленіи. Порядокъ этотъ болѣе, нежели когда либо, оказывался несостоятельнымъ. Большіе походы, предпринимаемые для подавленія греческаго возстанія, не смотря на всевозможныя усилія, оканчивались неудачами. Если греческія области еще не совершенно отторглись, то султанъ обязанъ былъ этимъ египетскому вице-королю и его войскамъ, учрежденнымъ по европейскому образцу. Паша, властвуя въ отдаленной землѣ, успѣлъ, съ помощію благопріятныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, произвести то, на что̀ не отваживался самъ падишахъ въ Константинополѣ. Мехмету Али удалось окончательно сокрушить власть мамелюкскихъ беговъ, уже значительно ослабѣвшую послѣ французскаго нашествія; италіанскіе и французскіе офицеры наполеоновской арміи сформировали ему правильное войско, и когда онъ явился на помощь султану, произошло странное явленіе: христіане вели войну неправильную, держась варварскихъ обычаевъ, поклонники Ислама напротивъ слѣдовали европейской тактикѣ. Побѣда, разумѣется, осталась за вторыми.

Это обстоятельство не могло не произвести на султана большаго впечатлѣнія. Онъ видѣлъ, что наступило время осуществить мысль, которая занимала многихъ его предшественниковъ, и хотя погубила Се-

лима, но не могла быть совершенно оставлена—мысль о необходимости внутренняго преобразованія. Выгоды янычаръ прямо противорѣчили выгодамъ Ислама. Имъ можно было по всей справедливости сказать, что своимъ упорнымъ противодѣйствіемъ всякому улучшенію они губятъ государство и что, выдавая себя за главныхъ защитниковъ Ислама, они напротивъ враги его. На большомъ совѣтѣ визирей и улемовъ (сіи послѣдніе теперь уже не были на сторонѣ янычаръ), собранномъ въ іюнѣ 1826 года у Шейкъ-уль-Ислама, мысль султана не встрѣтила противорѣчія: всѣ члены совѣта подписали фетву, въ которой предписывалось янычарамъ ввести у себя военныя упражненія, взявъ для того на первый разъ по 150 человѣкъ изъ каждой орты, по той причинѣ—сказано съ фетвѣ—что музульманамъ невозможно побѣждать невѣрныхъ иначе, какъ имѣя у себя правильныя войска. Янычары, чего и слѣдовало ожидать, отказали въ повиновеніи, но на такой случай уже заранѣе были приняты мѣры. Махмудъ постарался привлечь на свою сторону топджіевъ, зная, что дѣло Селима не удалось отъ того, что артиллеристы не захотѣли помочь ему. Говорятъ, будто на Махмуда произвелъ неизгладимое впечатлѣніе разсказъ о томъ, какъ Мюратъ очищалъ мадритскія улицы отъ возмутившагося народа. На встрѣчу разъяреннымъ янычарамъ Махмудъ велѣлъ вывезти заряженныя пушки; дѣйствіе было страшное: по первымъ же выстрѣламъ они разбѣжались. Царьградъ обагрился ихъ кровію. За тѣмъ войско янычаръ было торжественно объявлено упраздненнымъ, и имя ихъ предано забвенію. Султанъ не счелъ нужнымъ возобновлять названіе Низами-Джедидъ, что не удалось въ началѣ и Мехмету Али. Онъ поручилъ египетскимъ офице-

рамъ обучить европейскому искусству войско, которое онъ теперь набиралъ безпрепятственно. Махмудъ хотѣлъ какъ можно скорѣе образовать дисциплинированную армію, которая бы, по выраженію фирмана, была довольно многочисленна, дабы споспѣшествовать дѣлу вѣры и царства. Армія эта уже называлась просто побѣдоносным магометанскимъ войскомъ.

Такимъ образомъ и вторая мысль, возникшая, какъ мы видѣли, въ слѣдствіе войнъ 18 столѣтія, мысль о преобразованіи, приведена была наконецъ въ исполненіе, хотя не безъ крови и не безъ страшныхъ мѣръ.

Но откуда бы ни возникла эта мысль, она осуществлена была въ видахъ исключительнаго господства Ислама. Служить въ войскѣ, долженствовавшемъ возстановить власть Пророка, могли только одни поклонники Ислама, отнюдь не христіане. Ближайшею цѣлію этого преобразованія было снова привести къ покорности возмущавшіеся христіанскіе народы. Вышла печатная книга, въ которой выражались надежды, что новое войско не только охранитъ древнія области, но и прославитъ себя, проникнувъ внутрь христіанскихъ земель.

Съ такими надеждами, съ такою самоувѣренностію, Порта рѣшительно отклонила вмѣшательство трехъ европейскихъ державъ, хотя они требовали только, чтобы Грекамъ дарована была свобода во внутреннемъ управленіи, съ сохраненіемъ внѣшней зависимости. Въ августѣ 1827 года турецкое правительство объявило, что оно ни за что̀ и никогда не согласится на такое требованіе.

Казалось, ничто не могло его образумить, ни наваринское дѣло, въ слѣдствіе котораго прекратилось

сообщеніе между Египтомъ и Мореею, ни внезапная гибель новаго египетскаго флота. По торжественномъ совѣщаніи дивана султанъ объявилъ, что онъ готовъ простить Морейцевъ, и въ теченіи цѣлаго года не возьметъ съ нихъ харача, если они покорятся, но что не хочетъ слышать ни о какихъ другихъ уступкахъ.

Видя, что военное преобразованіе его идетъ довольно успѣшно, онъ почиталъ себя въ правѣ дѣйствовать настойчиво и предпріимчиво.

Въ декабрѣ 1827 года онъ издалъ хаттишерифъ, воинственныя выраженія котораго напоминали воззванія древнихъ султановъ. Тутъ онъ прямо говоритъ, что приступилъ къ аккерманскимъ совѣщаніямъ для того, чтобы выиграть время. О Сербахъ онъ также замѣчаетъ, что требованія ихъ не исполнимы, и что обѣщаніе исполнить ихъ было вынуждено смутными обстоятельствами. Въ самомъ дѣлѣ, уступивъ Сербамъ, онъ не имѣлъ бы основаній отвергать представленія европейскихъ державъ, которыя для Грековъ требовали того же самаго. Вообще въ этомъ хаттишерифѣ всѣ христіане представлены какъ одинъ народъ, стремящійся къ уничтоженію Ислама. Обращаясь къ европейскимъ и азіатскимъ аянамъ, султанъ напоминаетъ имъ древнюю храбрость ихъ предковъ, распространителей истинной вѣры и призываетъ къ борьбѣ съ главнѣйшими врагами, т. е. съ Русскими.

Еще не наступило время для войны всеобщей, которой, кажется, стали ожидать въ послѣдствіи; но и тогда дѣло не могло обойтись безъ оружія: самъ султанъ вызывалъ къ тому.

Французская экспедиціонная армія очистила Морею отъ Египтянъ; Русскіе двинулись къ Дунаю на встрѣчу преобразованнымъ войскамъ султана.

Дѣйствительно, Турки оказали успѣхи, какъ въ защитѣ укрѣпленій, такъ и въ открытомъ полѣ; они долѣе выдерживали нападенія и болѣе повиновались вождямъ своимъ. Но образъ веденія войны остался прежній: съ слѣпою отвагою устремивъ всѣ свои силы на какое нибудь мѣсто, они давали возможность непріятельскому полководцу приводить въ исполненіе его планы. На другой годъ Русскіе перешли Балканы, почитавшіеся охранительною стѣною Румеліи, и, подойдя почти къ самой столицѣ Турціи, заключили миръ, которымъ всѣ доселѣ спорные вопросы разрѣшены были согласно ихъ желанію. Порта не только приняла всѣ представленія относительно Грековъ, доселѣ отвергаемыя ею съ такою настойчивостію, но въ тоже время объявила себя готовою на все, что порѣшатъ между собою европейскія державы по этому предмету. Вслѣдъ за тѣмъ Греція объявлена была независимымъ королевствомъ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, нежели предполагали сначала (*).

Въ этой войнѣ вообще не принимали участія христіанскіе жители Турціи; къ нимъ не обращались за содѣйствіемъ, принесшимъ великую пользу въ войнахъ 1788 и 1806 годовъ; Сербамъ также, и къ немалой досадѣ ихъ, не дозволили взяться за оружіе. Впрочемъ они имѣли нѣкоторое вліяніе на ходъ войны, не допуская Босняковъ переходить черезъ Дрину.

Адріанопольскій миръ относительно Сербовъ не измѣнялъ ничего существеннаго въ аккерманской конвенціи, которая основывалась на букарештскомъ трактатѣ; но за то теперь Порта обѣщалась исполнить

(*) Protocole № 1 de la conférence tenue à Londres le 3 février 1830.

требованія Сербовъ «безъ малѣйшаго отлагательства, съ добросовѣстною точностію», и не позже мѣсяца представить русскому двору фирманъ, въ которомъ заключались бы ея распоряженія по этому предмету.

На этотъ разъ уже нѣ льзя было употребить ни какихъ уловокъ. Въ первый день реби-ель-ацхеръ 1245 года геджиры (30 сентября 1829 года), черезъ полмѣсяца, по заключеніи мира, явился обѣщанный фирманъ. Этимъ фирманомъ сообщались бѣлградскимъ пашѣ и моллѣ требованія Сербовъ, безъ малѣйшаго измѣненія противъ аккерманской конвенціи, и повелѣвалось привести ихъ въ исполненіе (*).

Но для этого, какъ извѣстно, потребовались еще дальнѣйшія совѣщанія. Дѣло рѣшено было не раньше года. Въ августѣ 1830 года (7 реби-ель-аввель 1246) султанъ Махмудъ издалъ хаттишерифъ, заключавшій въ себѣ точнѣйшія опредѣленія, долженствовавшія порѣшить всѣ споры, какіе возникали въ Сербіи со временъ дахіевъ (**).

Крѣпости остались въ рукахъ Турокъ. Только разъ во все продолженіе событій Сербамъ удалось избавиться отъ этой необходимости; теперь она была неизбѣжна. Если Сербы такъ часто ссылались на букарештскій договоръ, то и Турки захотѣли извлечь изъ него выгоды; уклоненіе отъ него могло бы повести къ новому разрыву.

За то всѣ затрудненія, проистекавшія отъ притязанія поклонниковъ Ислама на исключительное господство, были устранены.

(*) См. у Фридрихсталя, Serbiens Neuzeit, Прилож. I.

(**) См. переводъ этого хаттишерифа во всеоб. аугс. газетѣ 1832, 2, 3 Апрѣля.

Прежде всего султанъ согласился, чтобы чиновники его высокой Порты не мѣшались ни въ управленіе, ни въ спорныя дѣла сербскаго народа. Судебная власть музеллимовъ, усиленная первымъ пашею послѣ войны, ограниченная вторымъ, но все еще подававшая поводъ къ большимъ неудовольствіямъ, такъ что Милошъ рѣшился не допускать ея, была теперь уничтожена по прямому повелѣнію султана. Все внутреннее управленіе предоставлялось Милошу, который съ этихъ поръ назывался княземъ и обязывался править, совѣщаясь съ собраніемъ старѣйшинъ.

Но для того, чтобы все это могло быть исполнено на дѣлѣ, надлежало произвести измѣненіе относительно разныхъ сборовъ и податей, требовавшихъ непосредственнаго надзора и даже личнаго вмѣшательства султанскихъ чиновниковъ.

Султанъ согласился на давнишнее желаніе Сербовъ, не приносившее ущерба его казнѣ, чтобы, вмѣсто всѣхъ этихъ податей, Сербы платили ему одну общую сумму, и сами занимались сборомъ ея. Того самаго желалъ для Сербіи Петръ Ичко; подобную же сдѣлку намѣревались ввести въ Греціи въ то время, когда еще думали, что она останется въ зависимости отъ султана; позднѣе она была примѣнена въ Египтѣ. Иначе не возможно было сохранить независимость во внутреннемъ управленіи. Тутъ же нашлось и средство для удовлетворенія другому притязанію, которое доселѣ служило главнѣйшею помѣхою во всѣхъ переговорахъ. Мы уже знаемъ, что спахіи продолжали считать себя землевладѣльцами. Ихъ требованіе, основанное на коренныхъ началахъ османскаго государственнаго права, доселѣ препятствовало Портѣ согласиться на предложенія Петра Ичка, равно какъ и

выполнить статьи букарештскаго договора, и было главною причиною разрыва, послѣдовавшаго въ 1820 году. Теперь султанъ приказалъ оцѣнить доходы цаймовъ и тимаріотовъ, и сумму, которая окажется по оцѣнкѣ, взносить ему вмѣстѣ съ податною суммою. Такимъ образомъ были упразднены десятина и главница, существовавшія со времени завоеванія страны. Султанъ взялся самъ вознаградить своихъ людей за понесенные ими убытки.

Найдено было нужнымъ какъ можно болѣе разъединить два народонаселенія. Султанъ приказалъ, чтобы впредь ни одинъ Турокъ не требовалъ отъ Сербовъ личной службы; но этого еще было мало, ибо кто сталъ бы наблюдать за исполненіемъ приказанія? По этому, и согласно съ желаніемъ Сербовъ, султанъ счелъ за лучшее воспретить пребываніе въ странѣ всѣмъ Туркамъ, не принадлежавшимъ къ крѣпостнымъ гарнизонамъ. Тѣ, у кого были въ Сербіи имѣнія, обязывались продать оное по цѣнѣ, которую опредѣлялъ назначенный для того оцѣнщикъ. Не соглашавшійся на такую продажу, все таки не могъ оставаться въ Сербіи и получалъ доходъ съ имѣнія изъ бѣлградскаго казначейства.

Военная каста, доселѣ господствовавшая въ странѣ на правахъ религіознаго превосходства, должна была оставить свои притязанія. Полушныя деньги, служившія знакомъ подданства, уже не имѣли теперь этого значенія. Турецкіе чиновники въ остальныхъ областяхъ получили приказаніе не требовать отъ Сербовъ тескеръ, но довольствоваться паспортами, выданными отъ сербскаго правительства.

Такимъ образомъ Сербы, хотя и оставались по прежнему подданными султана и платили ему подать,

но уже не были болѣе беззащитною раею. О запрещеніи носить оружіе или имѣть красивую одежду и хорошіе дома, не было и помину. Церкви строились безпрестанно; въ хаттишерифѣ прямо сказано, что Сербы имѣютъ право заводить сколько имъ угодно школъ и богадѣленъ. Сообщая народу объ этихъ распоряженіяхъ, Милошъ говорилъ, что отнынѣ по церквамъ будутъ звонить въ колокола, и что святое богослуженіе будетъ совершаться безпрепятственно во всей стародавней торжественности своей.

Вообще дѣла церковныя также были устроены сообразно желаніямъ народа.

Мы уже знаемъ, что Сербія получала своихъ епископовъ изъ Константинополя, и что сіи послѣдніе собирали съ народа извѣстную подать. Теперь, когда во всемъ произошла перемѣна, такія отношенія не могли продолжаться долѣе; было бы не сообразно платить епископамъ дымницу, по упраздненіи всѣхъ подобныхъ сборовъ. Кромѣ того Сербы желали избавиться отъ греческаго духовенства, въ которомъ они постоянно видѣли чужеземцевъ. Хаттишерифъ 1830 года дозволилъ имъ избирать изъ среды своей епископовъ и митрополитовъ. Константинопольскій патріархъ сохранилъ право утверждать избранныхъ, впрочемъ не требуя отъ нихъ, чтобы они пріѣзжали для того нарочно въ столицу. Чрезъ это самое получилась возможность уничтожить долговое обязательство, коимъ сербскія эпархіи были связаны съ цареградскою церковью. Народъ принялъ на себя уплату долга. Вмѣсто прежней дымницы, количество которой не льзя было точно опредѣлить, но которое показалось сербскому правительству слишкомъ велико, епископы стали получать жалованье изъ общественной казны. Милошъ

еще прежде пытался сдѣлать это, но до сего времени безуспѣшно. Такъ какъ духовенство въ этой странѣ вообще не пользуется большимъ вліяніемъ, то новое учрежденіе ничего не измѣнило въ его отношеніяхъ къ народу, кромѣ того, что нельзя уже было склонить епископовъ къ дѣйствіямъ, клонящимися ко вреду Сербіи. Мысль Неманичей о самобытной народной церкви теперь могла быть приведена въ исполненіе.

Всѣ эти права заключали въ себѣ неисчислимыя выгоды и давали возможность многаго ожидать въ будущемъ.

Они были дарованы не только жителямъ бѣлградскаго пашалыка, еще и прежде пользовавшимся завоеванною свободою, но и тѣмъ, которые присоединились къ возставшимъ, во время послѣднихъ походовъ Кара Георгія. Такъ Сербы просили о томъ въ 1820 году, такъ было положено въ Аккерманѣ, и подтверждено въ болѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ въ Адріанополѣ.

Порта возобновляла свое обѣщаніе фирманомъ 1829 и хаттишерифомъ 1830 года....

Однако дѣло тѣмъ не кончилось. Паши не хотѣли вѣрить, чтобы Порта уменьшала свои владѣнія и отдавала ихъ сербскому кнезу.

Когда сербскіе уполномоченные явились нарочно за этимъ въ Видинъ, тамошній паша не только не захотѣлъ ихъ выслушать, но и грозилъ, что имъ будетъ худо, если они осмѣлятся поселять неповиновеніе между его подчиненными. Онъ смѣялся, когда они говорили, что въ этихъ мѣстахъ у Кара Георгія были сторожевыя укрѣпленія и что гайдукъ Велько нѣкогда гарцовалъ на конѣ своемъ передъ видинскою крѣпостію.

Нѣсколько Сербовъ было послано съ денежными суммами скупать турецкія имѣнія въ округахъ, омываемыхъ рѣкою Дриною, на которые также простиралось постановленіе хаттишерифа. Но вооруженные Турки напали на нихъ, отняли деньги и лошадей и прогнали назадъ.

Въ этихъ спорныхъ округахъ нѣкоторое время положеніе христіанъ сдѣлалось еще тяжелѣ прежняго. Въ Крушевцѣ и Алексинцѣ встрѣчаемъ снова самовластное управленіе субашей и читлуксахибіевъ. Албанцы, служившіе въ войскѣ, посланномъ въ то время для укрощенія возмутившейся Босніи, позволяли себѣ не мало жестокостей.

Все это выводило изъ терпѣнія тамошнихъ жителей. Два Албанца похитили молодую дѣвушку: народъ жестоко отмстилъ за это участникамъ похищенія. Въ Крайнѣ и Ключѣ вспыхнуло явное возстаніе. Въ Гургусовцѣ, гдѣ воевода дѣйствовалъ съ особеннымъ упорствомъ, дошло даже до военныхъ сшибокъ....

25 маія 1833 года Порта признала опредѣленныя русскими и турецкими коммиссарами границы (*). Чрезъ нѣсколько времени послѣдовало формальное объявленіе, которымъ прекращались всѣ недоразумѣнія.

Эти границы были тѣ же самыя, которыя мы обозначали въ общихъ чертахъ, говоря о завоеваніяхъ Кара Георгія. Впрочемъ въ точности мы не въ состояніи обозначить ихъ, равно какъ пространство и число жителей. Считаютъ, что людей и земли стало одною третію болѣе.

(*) См. всеоб. аугсб. газ. 1833, 9-е іюля, статью, если не ошибаемся, оффиціальную.

Такимъ образомъ всѣ отношенія Сербовъ къ османскому государству и къ магометанскому народонаселенію были въ общихъ чертахъ опредѣлены; споръ наконецъ разрѣшился. Но были еще другіе вопросы, которые, явившись теперь во всей своей силѣ, вызвали совершенно неожиданныя событія.

ГЛАВА XXI.

Внутреннее правленіе Милоша и неудовольствія противъ него.

Мы не можемъ понять, по какой причинѣ въ аккерманской конвенціи, въ числѣ требованій сербскаго народа, предъявленныхъ въ 1820 году, пропущено то, которое касается личнаго положенія Милоша. Тамъ упомянуто только о правѣ народа избирать себѣ главу по произволу.

Сербы еще въ 1817 году избрали Милоша верховнымъ кнезомъ своимъ; въ 1827 году, на скупштинѣ, на которой обнародована была аккерманская конвенція, они повторили этотъ выборъ. Главные кнезы, кнезы округовъ, народные старѣйшины, члены духовенства и судебныхъ мѣстъ, объявили отъ своего имени и отъ имени отсутствующаго народа и тѣхъ собратій, которые еще не вошли въ составъ Сербіи, что они даютъ обѣтъ подданства свѣтлѣйшему князю Милошу Обреновичу, ему и его потомкамъ, изъ рода

въ родъ. Они всѣ вмѣстѣ подписали бумагу, въ которой просили султана дать имъ природнаго митрополита, и Милоша Обреновича наслѣдственнымъ княземъ.

Но при тогдашнихъ военныхъ обстоятельствахъ не такъ скоро можно было добиться этого. Въ адріанопольскомъ трактатѣ, равно какъ и въ изданномъ вслѣдъ за нимъ фирманѣ, говорилось только о народѣ, а не о князѣ. Объявляя этотъ фирманъ народу на скупштинѣ 1830 года, Милошъ говорилъ, что впредь Сербами будутъ управлять не турецкіе чиновники, пріѣзжающіе попеременно и только для собственнаго обогащенія, но люди, вышедшіе изъ среды народа, готовые жить и умереть вмѣстѣ съ нимъ; тутъ же онъ присовокупилъ, что теперь цѣль достигнута, что онъ думаетъ сложить съ себя свое званіе и что народу предстоитъ выбрать себѣ въ князья кого, онъ почитаетъ наиболѣе способнымъ и достойнымъ. Само собою разумѣется, что выборъ и въ третій разъ палъ на него же. Собравшійся народъ называлъ его отъ Бога поставленнымъ княземъ, и просилъ Порту, чтобы она подтвердила Милоша Обреновича въ этомъ званіи, которое «по неизмѣнному на вѣки рѣшенію Сербовъ» должно сохраняться наслѣдственно въ его семействѣ.

Порта не замедлила исполнить это желаніе, тѣмъ болѣе, что Милошъ въ послѣднюю войну оказывалъ ей нѣкоторыя услуги, какъ напримѣръ посылалъ внизъ по Дунаю съѣстные припасы и тѣмъ принесъ не малую пользу султанской арміи. Въ хаттишерифѣ 1830 года прямо сказано, что Милошъ подтверждается княземъ сербскаго народа съ сохраненіемъ сего достоинства въ его семействѣ. Бератъ, данный по этому случаю Милошу, выражаетъ это слѣдующимъ обра-

ѳомъ: «Милошъ пользуется княжескимъ достоинствомъ въ теченіи своей жизни, по смерти его оно переходитъ къ старшему его сыну, а потомъ ко внуку.» Порта давала знать, что Милошъ награждается этимъ за свою вѣрность, которая снискала ему благоволеніе царское.

Милошъ не успѣлъ добиться, чтобы о немъ упомянули въ трактатѣ, заключенномъ въ Адріанополѣ, что̀ обезпечило бы его положеніе наравнѣ съ народомъ и поставило бы его въ независимое положеніе отъ произвола турецкаго правительства. Теперь его власть по прежнему носила двойной характеръ и основывалась на сочетаніи между турецкимъ господствомъ и сербскою самостоятельностію.

Но по видимому онъ забывалъ это.

Онъ много хлопоталъ о бератѣ и хаттишерифѣ, но получивъ ихъ, думалъ, что болѣе не о чемъ заботиться; почиталъ себя основателемъ династіи и власть свою неприкосновенною.

Между тѣмъ въ сущности слѣдовало ожидать совсѣмъ противнаго.

Вспомнимъ, съ какимъ трудомъ утвердилъ онъ свое значеніе, какъ даже въ то время, когда у него не было совмѣстниковъ, противъ него возставали то тѣ, съ помощію которыхъ, то тѣ, надъ которыми онъ хотѣлъ властвовать. Ему надлежало всѣхъ ихъ одолѣть и подчинить себѣ. На скупштинѣ 1827 года онъ счелъ нужнымъ извинять строгость свою тою великою цѣлію освобожденія, которую онъ имѣлъ въ виду и которая иначе была недостижима. Если народъ вообще повиновался ему, то между прочимъ потому, что чувствовалъ необходимость неразрывнаго единства.

Но теперь цѣль была достигнута. Сербы пользовались самостоятельнымъ положеніемъ подъ ручательствомъ великой державы; всѣ области, участвовавшія въ общенародномъ дѣлѣ, были возвращены; опасаться возстановленія прежняго порядка вещей было нечего. Послѣ всего этого Сербы не видѣли никакой необходимости терпѣть милошево управленіе.

Самъ Милошъ долженъ былъ понимать это. Какъ бы ни велика была къ нему милость султана, главнѣйшая основа его власти заключалась въ привязанности къ нему народа, въ его троекратномъ избраніи. Возбудивъ противъ себя неудовольствіе народа, онъ напрасно сталъ бы по прежнему надѣяться на султанскій берать: сей послѣдній могъ быть отнятъ назадъ по самому незначительному поводу.

И такъ ему, болѣе нежели кому либо, слѣдовало стараться о сохраненіи народной привязанности.

Руководясь началами истиннаго просвѣщенія, заботясь о нравственномъ превосходствѣ своего народа надъ Османами, онъ возвысилъ бы въ глазахъ міра и собственную свою личность, и самую мысль объ освобожденіи христіанъ.

Не льзя сказать, чтобъ онъ не слыхалъ подобнаго рода внушеній. Къ числу ихъ принадлежитъ сказанное нами въ первомъ изданіи этого сочиненія, вышедшемъ въ 1829 году.

Мы думаемъ, что насъ не обвинятъ въ неумѣстномъ повтореніи, если приведемъ здѣсь слова, выражавшія тѣ надежды, которыми одушевились друзья сербскаго дѣла въ то время, когда утверждена была внутренняя независимость страны и не предвидѣлось болѣе надобности въ крутыхъ мѣрахъ.

Мы думали, что Милошъ употребитъ всѣ силы, съ помощію которыхъ онъ умѣлъ избавиться отъ Турокъ и въ тяжкія времена сохранять внутреннее спокойствіе, на то, чтобы утвердить благоденствіе народа и повести его по пути преуспѣянія.

«Все, что есть между людьми прекраснаго и славнаго—говорили мы—должно побуждать его къ этому.

«Народъ только тогда будетъ имѣть къ нему сердечную привязанность, когда увидитъ себя счастливымъ и обезпеченнымъ хорошими учрежденіями. Только въ такомъ случаѣ, а не иначе, имя его, подобно именамъ Неманичей, сохранится въ вѣчной памяти потомства.

«Но нѣтъ ничего вѣрнаго, нѣтъ никакого обезпеченія, безъ законовъ. Въ минуту опасности, его не спасутъ ни множество момковъ, ни сила оружія, ни наружная привязанность облагодѣтельствованныхъ имъ чиновниковъ. Онъ можетъ обезопасить свое положеніе, если обезопаситъ другихъ мудрыми законами. Безъ сомнѣнія онъ не возьмется прямо за европейское законодательство, которое можетъ быть несообразно съ мѣстными условіями; онъ дастъ простые законы, соотвѣтствующіе духу народному, обезпечивающіе для каждаго жизнь, достояніе, религіозную и всякаго рода гражданскую свободу, если только сія послѣдняя не сопряжена съ нарушеніемъ общественнаго единства. Для этого онъ соберетъ старѣйшинъ своего народа и выслушаетъ ихъ совѣты. Строгость онъ растворитъ милостію. Тогда Сербы узнаютъ ему цѣну; они увидятъ, что онъ не добивается самовластія, но печется о ихъ благоденствіи. Тогда ему нечего будетъ бояться возвращенія Сербовъ, изгнанныхъ и переселившихся со временъ Кара Георгія.

«Сосѣди сами пожелаютъ жить подъ его правленіемъ.

«Какъ во внутреннемъ управленіи нѣтъ ничего вѣрнаго безъ законовъ, такъ не можетъ быть настоящаго освобожденія отъ Турокъ безъ просвѣщенія. Хотя народъ освободился отъ ихъ власти, но онъ еще сохраняетъ ихъ привычки, ихъ образъ мыслей и не избавится отъ невидимаго ихъ вліянія до тѣхъ поръ, пока не опередитъ ихъ самобытнымъ усовершенствованіемъ благородныхъ способностей своихъ. Только тогда они сдѣлаются безопасны для него, когда онъ пріобрѣтетъ надъ ними нравственное превосходство. Милошъ уже давно помышляетъ основать въ Сербіи высшія учебныя заведенія, и безъ сомнѣнія онъ учредитъ ихъ, также сообразуясь съ настоящими потребностями своего народа. Христіанское ученіе можетъ безпрепятственно преподаваться во всей чистотѣ своей, съ тѣхъ поръ, какъ духовенство освободилось отъ чужеземнаго вліянія. Пѣсни могутъ служить прекраснымъ средствомъ для народнаго воспитанія; все, что есть въ нихъ худаго, смягчится и очистится евангельскимъ ученіемъ. Нѣтъ никакой надобности вводить варварскую полуученость, ибо она только затемняетъ природою данный смыслъ. Тогда мало по малу можно будетъ перенести въ Сербію богатство знанія, добытаго Европою. Повторяемъ, что только этими средствами можно пріобрѣсти истинное превосходство надъ Турками и принять участіе въ умственной жизни, которая составляетъ истинное счастіе. Поле открыто: остается только сѣять.»

Мы надѣялись, что Милошъ займется этимъ дѣломъ; надежды не оправдались.

Между тѣмъ насъ увѣряютъ, что приведенныя сей

часъ слова были сообщены сербскому князю, и что слѣдствіемъ была попытка дать законы.

Подобно египетскому Мехмету Али, Милошъ почиталъ наполеоново законодательство самымъ лучшимъ, и объявилъ, что будетъ имъ руководствоваться при составленіи сербскихъ законовъ. Книга была переведена съ нѣмецкаго на сербскій языкъ; примѣчанія на нее выписаны были изъ Вѣны; также принятъ къ соображенію польскій переводъ. Составленный такимъ образомъ текстъ былъ отданъ на обсужденіе коммиссіи, въ которой засѣдали Протичь, Лазарь Теодоривичь и Прота Ненадовичь. Вукъ Караджичь съ помощію писца завѣдывалъ редакціею. Статьи законодательства были читаны по порядку; иныя приняты, другія отвергнуты какъ ненужныя. Надлежало съ трудомъ добираться до настоящаго значенія ихъ, при чемъ здравый смыслъ неученыхъ людей не рѣдко бралъ верхъ надъ умствованіями одного польскаго правовѣда, котораго пригласили участвовать въ работѣ. Наконецъ осенью 1830 года созваны были всѣ духовныя и свѣтскія должностныя лица для выслушанія предположенныхъ законовъ. Они собрались на широкомъ лугу. Проектъ былъ прочитанъ отъ начала до конца и принятъ съ нѣкоторыми измѣненіями.

Трудъ, конечно не совершенный и далеко не полный. Тѣмъ не менѣе введеніе этихъ законовъ было бы чрезвычайно полезно. Они по крайней мѣрѣ ограничили бы повсюду господствовавшій произволъ и ввели хоть какой нибудь порядокъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ изъ Константинополя полученъ былъ бератъ, о нихъ болѣе не упоминалось. Все осталось по прежнему; насилія и безпорядки не прекращались.

Казалось, что Милошъ, пользуясь общественною властію, не хотѣлъ знать никакого частнаго права. Онъ бралъ себѣ въ собственность все, что̀ ему нравилось, луга, дома, мельницы, платя за нихъ владѣльцамъ цѣну, какую ему было угодно. Разъ, ни съ кѣмъ не спросясь, онъ велѣлъ сжечь одно бѣлградское предмѣстіе, потому что намѣревался выстроить тамъ новыя зданія. По прежнему онъ отягощалъ народъ работами. Ужицкіе поселяне ходили подъ Крушевацъ на его сѣнокосъ; бѣлградскіе мелочные торговцы запирали свои лавки и отправлялись убирать княжеское сѣно (*).

Между тѣмъ какъ Турецкіе татары уже начинали платить за постой и продовольствіе, сербскіе гонцы по прежнему требовали, чтобы имъ все давалось даромъ. Иногда кто нибудь изъ момковъ, прискакавъ въ деревню на измученномъ конѣ, ставилъ его на кормъ, и бралъ себѣ другаго, какой ему попадался. «Посмотрѣлъ бы я, говаривалъ княжескій извощикъ, кто не послушается князя», и спокойно запрягалъ крестьянскихъ воловъ въ свою тѣлегу.

Само собою разумѣется, что общественная власть злоупотреблялась для личныхъ выгодъ. Милошъ началъ дѣлать тоже самое, что̀ нѣкогда возбуждало такое негодованіе противъ Младена и Милое: онъ одинъ завладѣлъ самымъ обильнымъ источникомъ доходовъ, торгомъ щетиною. По лѣсамъ, которые доселѣ считались общественною собственностію, были

(*) Управленіе Милоша и возбужденныя имъ неудовольствія изложены съ достовѣрностію въ подробномъ письмѣ Вука Караджича къ Милошу, напечатанномъ по сербски и по нѣмецки въ сербскомъ курьерѣ 1843, 25-е апрѣля и слѣд.

учреждены заставы, ибо тамъ паслись княжескія свиньи. Одно весьма странное распоряженіе, которымъ затруднялись, если даже не вовсе уничтожались торговые обороты, повело къ толкамъ, что онъ мѣшаетъ всякому сообществу, дабы забрать въ свои руки всю сербскую торговлю.

По видимому онъ думалъ, что султанская власть передана ему, и что поэтому онъ можетъ безусловно распоряжаться землею, людьми и достояніемъ ихъ.

«Развѣ я не властитель, говаривалъ онъ, и не могу дѣлать, что̀ мнѣ угодно?» Онъ одинъ во всей Сербіи считался господиномъ.

И горе тому, кто сопротивлялся или казался ему опаснымъ! Онъ распоряжался жизнію и смертію, столь же произвольно, какъ и безотвѣтственно.

Его чиновники, къ числу которыхъ теперь принадлежали и кнезы, были совершенными рабами. Жалованье ихъ было ничтожное; Милошъ по произволу то возвышалъ, то унижалъ ихъ, такъ, что не льзя было сказать, кто изъ нихъ старшій, кто подчиненный; они терпѣли побои, какъ нѣкогда слуги монгольскихъ хановъ; значительные люди получали палочные удары и потомъ опредѣляемы были въ сенатъ. Они не имѣли ни малѣйшаго понятія о томъ чиновническомъ честолюбіи, на которомъ въ настоящее время преимущественно основано внутреннее управленіе въ нѣмецкихъ княжествахъ. Чиновникъ охотнѣе выдавалъ свою дочь за какого нибудь ремесленника или мелочнаго торговца—не говоря уже объ осѣдлыхъ поселянахъ, доля которыхъ считалась завидною — нежели за младшаго своего сослуживца. Изъ австрійской Венгріи поступалъ въ сербскую службу лишь тотъ, кто по ка-

кимъ либо причинамъ не имѣлъ никакой надежды на выслугу въ собственной своей землѣ.

Никто не смѣлъ разсчитывать на личныя свои достоинства. Напротивъ Милошъ давалъ поводъ думать, что онъ завидуетъ достоинствамъ, обнаруживая тѣмъ эгоизмъ власти, который замѣчали въ немъ и прежде, впрочемъ очень рѣдко. Держа въ рукахъ своихъ всю силу, онъ въ тоже время хотѣлъ, чтобы въ Сербіи никто кромѣ него не имѣлъ никакихъ отличій.

Въ хаттишерифѣ 1830 года прямо сказано, что онъ долженъ править страною, совѣщаясь съ старѣйшинами; но Милошъ не такой былъ человѣкъ, котораго бы султанское опредѣленіе принудило отстать отъ сдѣланной привычки: онъ даже ни разу не позаботился о томъ, чтобы исполнить его, хотя бы для виду.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ это своекорыстіе власти, не дозволявшее ему терпѣть возлѣ себя никого другаго, имѣло и благія послѣдствія: Милошъ помѣшалъ развиться учрежденію, которое, въ случаѣ удачи, могло бы нанести великой вредъ Сербіи.

Такъ какъ спахіи, въ теченіи нѣкотораго времени, пока еще не были исполнены всѣ необходимыя по устраненію ихъ распоряженія, продолжали лично взимать десятину и все еще считались землевладѣльцами, то въ людяхъ, окружавшихъ Милоша, возникло желаніе стать на мѣсто ихъ и сдѣлаться новыми землевладѣльцами въ селахъ.

Они представляли Милошу, что трудно будетъ управлять народомъ безъ посредствующей власти; что, напротивъ, раздавъ имъ имѣнія, онъ всегда можетъ разсчитывать на нихъ, какъ на вѣрныхъ своихъ помощниковъ. Одинъ изъ нихъ особенно хлопоталъ, чтобы

ему дали нѣсколько деревень. На вопросъ, что ему съ ними дѣлать, онъ отвѣчалъ: «Я буду сидѣть и курить до тѣхъ поръ, пока князю нужна будетъ моя помощь; тогда я поскачу къ нему съ своими момками.» Получивъ деревни, они конечно не стали бы мѣшать Милошу обратить въ свою собственность общественныя имущества, коими онъ теперь завѣдывалъ въ качествѣ откупщика.

Но Милошъ не внялъ этимъ внушеніямъ, и хотя во всемъ остальномъ подражалъ султану, однако не захотѣлъ раздавать помѣстья. Это было одно изъ самыхъ важныхъ и для будущности самыхъ плодотворныхъ его дѣйствій. Онъ понималъ, что народъ и безъ того платитъ подать, къ которой причтены были доходы съ прежнихъ помѣстій спахіевъ, и что уничтоженіе помѣстныхъ правъ должно было служить ему облегченіемъ. Этимъ онъ оказалъ неизмѣримую услугу сербскимъ поселянамъ, получившимъ независимость, какою не вездѣ пользуется сельское сословіе. Но конечно число приверженцевъ Милоша отъ того не увеличилось.

Онъ и безъ того подавалъ поводъ ко многимъ справедливымъ и основательнымъ неудовольствіямъ; когда же онъ не согласился на требованія своихъ приближенныхъ, то противъ него поднялся всеобщій ропотъ, котораго развѣ только одинъ онъ не слыхалъ.

У него не было независимыхъ, самостоятельныхъ совмѣстниковъ. Люди, возставшіе противъ него, были по большей части его друзья и приближенные.

Первыя совѣщанія происходили на крестинахъ у Стояна Симича (который издавна былъ вхожъ въ домъ къ Милошу и, по своему веселому характеру, сдѣлался любимцемъ дѣтей), на праздникѣ, который Милошъ давалъ Стояну, по назначеніи его крушевацкимъ кне-

зомъ. Супруга Милоша, Любица, была крестною матерью; ее сопровождали въ домъ къ Стояну Симичу Абрамъ Петроніевичь, ресавскій кнезъ Милосавъ и старикъ Милета Радойковичь, бывшій знаменоносцемъ еще при Кара Георгіи; тутъ же съ нѣсколькими момками находился и Милутинъ Петровичь, братъ гайдука Велька.

Днемъ, въ присутствіи княгини, общество пило за здоровье Милоша. Но вечеромъ, когда она удалялась, начинались совсѣмъ другія рѣчи. Кромѣ старыхъ неудовольствій, толковали еще о томъ, что Милошъ отсрочиваетъ обыкновенное народное собраніе, хотя еще недавно онъ торжественно обѣщался созвать оное.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣхъ убѣдительнѣе говорилъ Милосавъ, одинъ изъ богатѣйшихъ людей въ Сербіи, владѣвшій обширными помѣстьями, многочисленными стадами, мельницами....

Мы знаемъ, что̀ такое были народныя собранія при Кара Георгіи, когда господари и воеводы приводили на нихъ столько же вооруженныхъ товарищей, сколько обыкновенно съ ними ходило на войну. Тогда скупштины созывались ежегодно, и воеводы, недовольные рѣшеніемъ одной изъ нихъ, приводили на другую многочисленныя дружины, дабы, въ случаѣ нужды, силою вытребовать желаемую перемѣну.

Можно было навѣрное разсчитывать, что замышляемое дѣло встрѣтитъ всеобщее сочувствіе. Милутинъ Петровичь, хотя и принадлежалъ къ числу домочадцевъ князя, взялся произвести возстаніе въ одномъ округѣ. Онъ даже вовсе не считалъ нужнымъ молчать, и на возвратномъ пути отъ Стояна Симича обо всемъ разсказалъ княгинѣ, а она, какъ скоро замѣтила первое движеніе, передала все, что̀ знала, князю.

Милошъ призвалъ къ себѣ Милутина и сталъ упрекать его, что онъ не помнитъ благодѣяній. Милутинъ отвѣчалъ, что дѣло пошло не отъ него, а отъ другихъ, но что теперь всякой думаетъ точно также. Какъ всякой? возразилъ Милошъ. — Да, продолжалъ Милутинъ, даже и тотъ, кто стоитъ съ тобою рядомъ. То былъ самый вѣрный любимецъ князя, старый служитель милошева дома, по имени Іосифъ. Милошу еще прежде напоминали, что своими поступками онъ подвергаетъ себя опасности; ибо всѣ, рѣшительно всѣ, были имъ недовольны; но онъ презиралъ подобными предостереженіями. Правду ли говоритъ Милутинъ? спросилъ онъ теперь стараго Іосифа.— Правду, князь, отвѣчалъ тотъ; люди говорятъ, что долѣе нельзя такъ жить....

Одаренный быстрымъ соображеніемъ, Милошъ въ одну минуту измѣрилъ всю опасность, всю силу враговъ своихъ, и немедленно рѣшился оставить Сербію.

Но его стали просить, чтобъ онъ не спѣшилъ отъѣздомъ; ему сказали, что никто не намѣренъ посягать ни на лицо, ни на жизнь его, ни даже на самое правленіе, а желаютъ только правъ и обезпеченія.

Если такъ, отвѣчалъ онъ, желаніе ваше будетъ исполнено.

Между тѣмъ толпы народа, собравшіяся изъ различныхъ нахій, уже шли къ Крагуевцу. Тамъ находился Вучичь съ вооруженнымъ отрядомъ. По наружности онъ оставался покоренъ князю; но онъ уже не могъ ничего сдѣлать въ его пользу, если бъ и желалъ того: у него были сотни, у противниковъ тысячи человѣкъ.

Милосавъ, Абрамъ и Милета безпрепятственно вошли

въ Крагуевацъ (*). Нечего и говорить, что они вовсе не думали производить безчинства въ городѣ и грабить княжеское жилище. Напротивъ, Милета, Сербъ стараго покроя, грозилъ собственноручно предать смерти каждаго, кто осмѣлится посягнуть на чужую собственность.

Милошъ на этотъ разъ и не помышлялъ о сопротивленіи; ибо оно было рѣшительно невозможно. Онъ послалъ просить предводителей возстанія, чтобы они распустили народъ по домамъ, обѣщая все уладить на предстоящей скупштинѣ. Потомъ онъ самъ отправился къ нимъ въ Крагуевацъ. Младшій сынъ его прибылъ туда раньше его, и воротился оттуда къ отцу вмѣстѣ съ кнезами, за которыхъ просилъ у него прощенія. Милошъ встрѣтилъ ихъ ласково, и потомъ принималъ ихъ у себя въ Крагуевцѣ.

Въ 1835 году созвана была скупштина, и весьма понятно, что она нисколько не походила на предъидущія. Прежде Милошъ являлся всякой разъ полновластнымъ властителемъ, теперь, напротивъ, онъ долженъ былъ склониться предъ своими противниками.

Эта перемѣна всего явственнѣе выразилась въ рѣчи, которою онъ открылъ собраніе 2 февраля 1835 года. Онъ обѣщался ограничить свое правленіе не только законами, но и учрежденіями.

Положено было сочинить уставъ, въ которомъ бы опредѣлялись права Сербовъ, именно, право личной свободы и неприкосновенности имущества.

Прежде часто говорили, что Милошъ и сербское

(*) 8 (20) января 1835 года. См. весьма подробное донесеніе, составленное, безъ сомнѣнія, въ милошевой канцеляріи, во всеоб. аугсб. газ. 1836, 13 октября и слѣд.

правительство суть одно и тоже, что съ нимъ оно встаетъ и съ нимъ ложится спать, съ нимъ путешествуетъ и съ нимъ вмѣстѣ умретъ. Теперь онъ обязывался составить министерство изъ шести лицъ, которые бы завѣдывали общественными дѣлами, представляли дѣла на усмотрѣніе сената, получавшаго значеніе государственнаго совѣта, и были бы отвѣтственны, какъ передъ нимъ, такъ и передъ народомъ. Себѣ самому онъ по видимому оставлялъ только право высшаго надзора и подтвержденія.

Наконецъ и въ судебной части устранялся произволъ съ изданіемъ писанныхъ законовъ. То, надъ чѣмъ такъ долго работали, должно было быть приведено въ исполненіе: самъ Милошъ объявлялъ, что будетъ дѣйствовать по законамъ.

Люди, доселѣ подчиненные, получали теперь возможность самостоятельно участвовать въ общественной власти.

Въ этомъ духѣ сочиненъ былъ подробный органическій уставъ, заключавшій въ 14 главахъ и 122 статьяхъ своихъ новое государственное уложеніе Сербіи. Онъ былъ принятъ съ великимъ торжествомъ. Послѣдовало множество новыхъ назначеній, розданы были титулы, назначены пенсіоны: вся Сербія мгновенно измѣнилась.

ГЛАВА XXII.

Уставъ 1838 года. Паденіе Милоша.

Собственно все дѣло состояло въ томъ, что недовольные люди пріобрѣли себѣ значеніе и формально выразили свои желанія.

Но въ самомъ началѣ можно было сказать навѣрное, что, не смотря на обнародованный уставъ, желанія эти не будутъ исполнены.

Прежде всего, его не могли одобрить обѣ сосѣднія имперіи.

Вообще султану никакъ не льзя было на него согласиться. Милошъ назывался въ немъ главою *всѣхъ* Сербовъ; люди изъ областей, еще не присоединенныхъ, случайно находившіеся въ Сербіи во время сочиненія устава, въ томъ числѣ нѣкоторые Болгары, были упомянуты въ немъ, какъ депутаты своихъ націй. Однимъ словомъ, Милошу придавалось значеніе представителя, если не всѣхъ христіанъ, то по крайней мѣрѣ, всѣхъ Славянъ турецкаго царства. Онъ и самъ не скрывалъ этого, говоря всѣмъ, что и для остальной раи необходимо христіанское управленіе.

Конечно такое положеніе могло льстить его славолюбію. Но все это заключалось лишь въ отдаленной возможности; напротивъ, ограниченія, которыя онъ долженъ былъ потерпѣть, касались его непосредственно, и потому были ему противны въ высшей степени. Поэтому онъ рѣшился воспользоваться неудовольствіемъ Порты, и продолжалъ править Сербіею, какъ будто ничего не бывало.

Султанъ любитъ, чтобы къ нему пріѣзжали его подручники. Онъ еще прежде звалъ къ себѣ Милоша. Лѣтомъ 1835 года Милошъ поѣхалъ въ Константинополь, не поскупился на подарки, и потому былъ принятъ весьма ласково. Махмудъ, говорятъ, сказалъ ему: «Твои подарки велики, также какъ ты самъ.» Ободренный этимъ, Милошъ думалъ, что ему можно безъ всякой опасности править по прежнему.

Осенью 1835 года его оффиціальная газета объ-

являла, что въ Сербіи князь есть единственный властитель, что никто кромѣ него не имѣетъ правъ на политическое значеніе, и что Сербія совершенно счастлива подъ его правленіемъ.

Но никто не помѣшалъ бы его единовластію, если бы только онъ воздержался отъ поступковъ, которые, какъ прежде, такъ и послѣ, возбуждали противъ него всеобщее негодованіе.

Напротивъ, онъ еще съ бо́льшимъ упорствомъ держался прежняго образа дѣйствій: такъ напримѣръ торговля все болѣе и болѣе сосредоточивалась въ рукахъ его.

Считаютъ, что для Сербіи необходимо получать изъ Валахіи ежегодно тридцать милліоновъ окъ соли. Безъ всякаго права Милошъ вывозилъ все это количество изъ Валахіи и продавалъ самъ, не дозволяя никому покупать другую соль дешевлѣ.

Съ другой стороны онъ исключительно завладѣлъ правомъ вывоза, скупалъ въ Сербіи предметы, требуемые за границу, и тоже по цѣнѣ, какую самъ назначалъ.

Все это возбуждало противъ него негодованіе, тѣмъ болѣе, что онъ препровождалъ накопляемыя деньги за границу и покупалъ себѣ въ Валахіи помѣстья, какъ бы считая свое положеніе въ Сербіи ненадежнымъ. Нѣкогда онъ говаривалъ, что одна изъ главныхъ выгодъ, предоставляемыхъ новыми правами, заключается въ томъ, что Сербіею будутъ править люди, готовые жить и умереть вмѣстѣ съ народомъ; теперь онъ самъ дѣйствовалъ вопреки этимъ словамъ.

Правда, онъ снова принялся за составленіе писанныхъ законовъ и поручилъ это дѣло двумъ довольно свѣдущимъ австрійскимъ Сербамъ; но работа шла очень медленно, а между тѣмъ прежній произволъ оставался во всей своей силѣ.

Однимъ словомъ, остатки турецкаго правленія были еще такъ ощутительны, что не имѣлось даже самыхъ первыхъ простѣйшихъ основаній для утвержденія неприкосновенности лицъ и имущества.

Мы не станемъ приводить разные разсказы, болѣе или менѣе вѣроятные; несомнѣнно то, что Милошъ въ короткое время успѣлъ снова утвердиться, и началъ преслѣдовать враговъ своихъ, которые было вздумали ограничить его власть.

Георгій Протичь, нѣкогда потерпѣвшій личныя оскорбленія, что̀ не помѣшало ему послѣ занять мѣсто въ народномъ судилищѣ, сначала не принималъ никакого участія въ крушевацкомъ дѣлѣ, но потомъ сдѣлался однимъ изъ ревностныхъ его пособниковъ. Про него говорили, что онъ подавалъ совѣтъ прежде всего, какимъ бы то ни было образомъ, навсегда отдѣлаться отъ самаго князя, ибо иначе трудно будетъ избѣжать его мести, въ чемъ онъ не ошибся, ибо въ 1836 году Милошъ заставилъ его бѣжать изъ Сербіи.

Почти также ненавидѣлъ Милошъ роднаго брата своего, Ефрема, который сначала дѣятельно помогалъ ему въ правленіи, но съ нѣкотораго времени также присталъ къ недовольнымъ. Въ 1837 году онъ уѣхалъ изъ Сербіи вмѣстѣ съ Вучичемъ. О семъ послѣднемъ мы должны сказать нѣсколько подробнѣе.

Ѳома Перишичь, по прозвищу Вучичь, приставшій послѣ возстанія Хаджи Продана къ сторонѣ Милоша, былъ однимъ изъ самыхъ замѣтныхъ его момковъ; но уже въ то время онъ иногда подвергался опалѣ и оставлялъ службу при Милошѣ. Впослѣдствіи, когда онъ былъ сдѣланъ кнезомъ, не смотря на услугу, оказанную имъ въ дѣлѣ противъ Дьяка, Милошъ безпрестанно то ласкалъ его, то снова преслѣдовалъ,

и какъ будто завидовалъ ему. Вскорѣ послѣ побѣды надъ Дьякомъ, Вучичь принужденъ былъ бѣжать въ Валахію; потомъ онъ оттуда возвратился и получилъ мѣсто главнаго сердаря. Чрезъ нѣсколько времени видимъ его въ Смедеревѣ въ ссылкѣ, но недолго спустя, онъ поступилъ въ служители къ княгинѣ и пріобрѣлъ довольно важное значеніе въ Шабцѣ. Тамъ онъ позволилъ себѣ какую-то дерзость; Милошъ послалъ одного изъ надежнѣйшихъ и отважнѣйшихъ своихъ момковъ привезти его, живаго или мертваго. Княжескій слуга вошелъ въ комнату, гдѣ находился Вучичь, съ пистолетомъ въ одной рукѣ и съ кандалами въ другой. «Выбирай любое», сказалъ онъ ему. Вучичь спросилъ момка, отъ кого онъ присланъ, и, услышавъ, что отъ Милоша, спокойно протянулъ ноги и далъ заковать себя. Въ такомъ видѣ онъ былъ представленъ Милошу. Милошъ простилъ его, посадилъ въ верховное судилище и даже, какъ мы знаемъ, довѣрилъ ему защиту Крагуевца. Нерѣшительный образъ дѣйствій Вучича въ этомъ новомъ народномъ возстаніи, поселилъ въ Милошѣ глубокую, непримиримую вражду къ нему. При раздачѣ турецкихъ орденовъ, которые Милошъ привезъ съ собою изъ Константинополя, Вучичь неожиданно былъ обойденъ. Въ одной статьѣ всеобщей аугсбургской газеты, которая почитается оффиціальною, онъ безъ дальнихъ околичностей названъ измѣнникомъ и обвиненъ въ томъ, что сдалъ мятежникамъ городъ. Когда Вучичу прочли эту статью, онъ положилъ руку на ханджаръ свой и сказалъ: «Придется и намъ писать, тогда вотъ будетъ наше перо.» Таковъ вообще его характеръ. Онъ неумѣетъ ни читать, ни писать, не много говоритъ, и всего менѣе о своихъ собственныхъ

подвигахъ; но онъ щедро одаренъ здравымъ смысломъ и твердою волею, храбръ, отваженъ, немилосердъ и страшенъ врагамъ своимъ.

Разумѣется и тѣ, которые бѣжали, и тѣ, которые еще оставались въ Сербіи, но также ждали себѣ тяжкой участи, должны были употребить всѣ усилія, дабы сокрушить власть Милоша....

Порта, по утвержденіи Милоша въ княжескомъ достоинствѣ, не замѣчала въ немъ прежней преданности къ себѣ. Ей казалось, что онъ слишкомъ дружится съ возмутившимся противъ нея Скодра-пашею, и что вообще онъ не любитъ султанской власти. Она не могла, разумѣется, равнодушно видѣть, что Милошъ такъ настойчиво охранялъ самостоятельность Сербіи и всячески устранялъ турецкихъ чиновниковъ отъ вмѣшательства въ дѣла сербскія.

Не нужно было имѣть много дальновидности, чтобъ замѣтить это уже во время пребыванія милошева въ Царьградѣ: Турокъ приводило въ негодованіе самое богатство его подарковъ. При немъ и тамъ находились люди, приносившіе на него жалобы и, можетъ быть, уже въ то время получившіе обѣщаніе, что въ случаѣ нужды имъ помогутъ.

Милошъ просилъ себѣ новаго фирмана, и дѣйствительно получилъ его; но фирманъ этотъ такъ мало соотвѣтствовалъ его желаніямъ, что Милошъ даже не рѣшился его обнародовать. Враги его знали содержаніе фирмана, который былъ сочиненъ по ихъ же внушеніямъ и возбудилъ въ нихъ новыя надежды.

С.петербургскій дворъ имѣлъ другія причины къ неудовольствію.

Въ то время между Россіею и двумя великими дер-

жавами Запада, Англіею и Франціею, существовали весьма важныя недоразумѣнія, возникшія и продолжавшіяся преимущественно по дѣламъ Востока. Европа ежеминутно ждала открытія военныхъ дѣйствій.

Англія не безъ умысла отправила въ Сербію своего консула, котораго Милошъ принялъ какъ не льзя лучше. Предположены были торговыя сношенія, обѣщавшія Милошу, какъ единственному капиталисту Сербіи, огромныя выгоды. Обѣ стороны желали утвердить сношенія на прочныхъ основаніяхъ.

Милошъ какъ будто не умѣлъ больше вести себя такъ, чтобы не затрогивать противоположныхъ интересовъ различныхъ государствъ, которыя до того времени всѣ оставались имъ довольны....

Наконецъ турецкое правительство сдѣлало запросъ, почему въ Сербіи такъ много недовольныхъ, и потребовало отъ князя, чтобы онъ прислалъ въ Царьградъ уполномоченныхъ для окончательнаго опредѣленія, какъ устроить внутреннее управленіе страны.

Распри европейскихъ государствъ, хотя собственно и не касались этихъ событій, но все же слегка затрогивали ихъ. Извѣстно, что англійскій консулъ содѣйствовалъ усиленію княжеской власти въ Сербіи. Увѣряютъ также, что инструкціи, которыя получалъ французскій консулъ, были писаны также въ пользу Милоша. Оба они говорили, что Сербія еще находится въ состояніи варварства, и что потому ей необходима сильная и строгая власть....

Конечно турецкое правительство признало Милоша пожизненнымъ княземъ и предоставило его семейству право наслѣдованія; но въ хаттишерифѣ положительно сказано, чтобы князь правилъ, совѣщаясь съ ста-

рѣйшинами народа. Теперь Порта вспомнила объ этомъ и потребовала исполненія.

Милошъ чуялъ бѣду свою. Вызывая къ себѣ въ Царьградъ депутацію сербскаго народа, Порта изъявила желаніе, чтобы въ ней участвовалъ Петроніевичь, между тѣмъ какъ онъ лично жаловался на Милоша и былъ однимъ изъ непримиримыхъ враговъ его.

Абрамъ Петроніевичь по происхожденію своему принадлежитъ къ числу тѣхъ Сербовъ, которые состояли въ австрійской службѣ въ войнѣ 1787 года: его отецъ былъ унтеръ-офицеромъ въ корпусѣ волонтеровъ. Его воспитали для купеческихъ занятій; но торговля не удавалась ему, что̀ и заставило его переѣхать въ Сербію. Зная по гречески, онъ безъ труда получилъ мѣсто въ канцеляріи, и вскорѣ пріобрѣлъ себѣ извѣстное значеніе. Нѣкоторое время онъ служилъ у князя представникомъ и былъ нѣчто въ родѣ его кіаи. Но не смотря на эти близкія сношенія, послѣ событій 1835 года, онъ сдѣлался непримиримымъ врагомъ Милоша. Говорятъ, что онъ человѣкъ добродушный и почти на все соглашается, но дѣйствуетъ не иначе, какъ въ сообществѣ съ другими. Долго находясь въ заключеніи въ Константинополѣ, вмѣстѣ съ другими сербскими уполномоченными, задержанными Портою въ 1820 году, онъ успѣлъ пріобрѣсти расположеніе Турокъ своимъ ловкимъ и уклончивымъ обращеніемъ. Его можно было назвать главнымъ изъ числа Сербовъ, которые думали избавиться отъ Милоша.

Напрасно Милошъ включилъ въ число депутатовъ одного своего приверженца, напрасно разсчитывалъ на

вліяніе англійскаго консула: дѣло его было окончательно проиграно.

Сербскіе уполномоченные и турецкое правительство, составили для Сербіи основной уставъ, коего цѣлію было ограничить самовластіе князя.

Правда, уставъ этотъ въ весьма почетныхъ выраженіяхъ предоставлялъ Милошу приводить въ исполненіе законы и судебныя опредѣленія, назначать чиновниковъ, увеличивать налоги, миловать провинившихся, предводительствовать войсками; но вмѣстѣ съ тѣмъ учреждался сенатъ который, хотя и обязанъ былъ совѣщаться съ нимъ, но имѣлъ права, сообщавшія ему явное передъ нимъ преимущество.

Князь взималъ подати, но сенатъ вычислялъ сумму расходовъ и опредѣлялъ средства и способы для покрытія ихъ; безъ его согласія нельзя было взимать никакого налога.

Изъ этого слѣдуетъ, что отъ сената зависило содержаніе и число войскъ, жалованье чиновниковъ, учрежденіе новыхъ должностей.

Законодательная власть почти исключительно предоставлялась сенату. Проекты законовъ были подносимы князю уже тогда, когда сенаторы обсудили ихъ, признали большинствомъ голосовъ, и когда на нихъ была подпись президента. Безъ согласія сената ни одно распоряженіе не имѣло силы. Въ спорахъ, касавшихся права и закона, онъ произносилъ окончательныя рѣшенія.

Высшее управленіе подвергнуто было строжайшей отвѣтственности. Князь назначалъ четверыхъ попечителей, изъ коихъ одинъ предсѣдательствовалъ въ его канцеляріи иностранныхъ дѣлъ, другой завѣдывалъ внутренними дѣлами, третій денежными, четвертый

правосудіемъ и учебною частію. Каждый дѣйствовалъ самостоятельно въ своемъ кругу; всякая бумага правительства должна была быть подписана кѣмъ нибудь изъ нихъ. Ежегодно, въ мартѣ мѣсяцѣ, они обязывались представлять сенату отчетъ въ дѣлахъ истекшаго года вмѣстѣ съ необходимыми приложеніями и счетами. Сенатъ все это обсуживалъ и учитывалъ.

Членовъ сената назначалось семнадцать, по числу нахій. Ихъ назначалъ Милошъ, но одинъ разъ навсегда; ибо ни одинъ сенаторъ не могъ быть смѣненъ до тѣхъ поръ, пока высокая Порта не получала доказательствъ, что онъ преступилъ или нарушилъ законы.

Людовикъ XVIII, по прибытіи своемъ во Францію, получивъ отъ наполеоновскаго сената проэктъ правленія, сказалъ: «Сенаторы будутъ сидѣть, а я, король, буду стоять передъ ними.» Это самое, конечно при совершенно другихъ обстоятельствахъ, осуществилось въ Сербіи. Безсмѣнный сенатъ долженъ былъ держать княжескую власть въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ и въ сущности пользоваться исключительно государственнымъ значеніемъ.

Подобно сенаторамъ, судьи также не могли быть смѣняемы, если проступки ихъ не были доказаны судебнымъ порядкомъ.

Равнымъ образомъ и остальные чиновники освобождались отъ княжескаго произвола и могли быть наказаны не иначе, какъ послѣ публичнаго доказательства ихъ вины.

Въ уставѣ содержались еще многія другія замѣчательныя постановленія. Мы упомянемъ о нихъ въ послѣдствіи; теперь же перейдемъ къ разсказу о томъ, на что̀ обращено было тогда всеобщее вниманіе, именно,

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА

какъ въ началѣ 1839 года Милошъ лишился своего прежняго значенія и передалъ большую часть своей доселѣ неограниченной власти, въ руки тѣхъ, которыхъ онъ прежде считалъ почти своими рабами.

Послѣдовавшая перемѣна была такъ рѣшительна и такъ внезапна, что Милошъ даже не могъ имѣть никакого вліянія на предоставленное ему составленіе сената. По уставу, сенаторами должны были быть люди знатные, заслуженные, пользующіеся всеобщимъ уваженіемъ. Такими людьми были члены народнаго судилища, и они сами вмѣсто князя избрали сенаторовъ изъ среды своей. Первыми сенаторами были назначены тѣ, которые были еще недавно преслѣдуемы Милошемъ и только что успѣли возвратиться въ Сербію, Вучичь и Ефремъ, главные враги Милоша. Въ числѣ остальныхъ пятнадцати тоже не было ни одного, который бы могъ назваться его другомъ.

Точно такимъ же образомъ составилось и министерство. Абрамъ Петроніевичь, главный виновникъ устава въ его послѣднемъ видѣ (ибо многія положенія были взяты изъ обнародованнаго прежде устава), получилъ въ свое вѣдѣніе иностранныя дѣла, а Георгій Протичь, первый испытавшій месть князя, послѣ событій 1835 года, былъ избранъ попечителемъ внутреннихъ дѣлъ.

Весьма понятно, что человѣкъ, привыкшій въ теченіи многихъ лѣтъ пользоваться безусловною покорностію, никакъ не могъ подчиниться такому порядку вещей.

Но не въ его характерѣ было противиться прямо, употребляя открытую силу. Такое сопротивленіе на этотъ разъ ни къ чему не повело бы, ибо уставъ вводился съ согласія обѣихъ покровительствующихъ

державъ. Онъ почелъ за лучшее произвести движеніе въ народѣ, которое могло показаться произвольнымъ, и противупоставить распоряженіямъ обоихъ дворовъ волю сербскаго народа, коему самые трактаты предоставляли право избирать себѣ князя.

Милошъ дѣйствительно пользовался не малою привязанностію поселянъ, которые питали къ нему чувство благодарности и, будучи далеки отъ него, меньше терпѣли отъ его насильственнаго правленія. Какое имъ было дѣло до того, что люди, доселѣ ему подчиненные, получили теперь самостоятельность? Имъ сказали, и они повторяли, что вмѣсто одного они будутъ имѣть теперь семнадцать властителей. Милошъ надѣялся, что поселяне возстанутъ за него, если только гдѣ нибудь окажется движеніе въ его пользу.

Ко всеобщему изумленію онъ внезапно уѣхалъ въ Землинъ. Неизвѣстно, что именно его побудило къ тому, чувство ли самохраненія, ибо на него взводилось множество и справедливыхъ и неосновательныхъ обвиненій, и уже говорили о томъ, чтобы потребовать отъ него отчета въ употребленіи общественныхъ денегъ,—или были какія другія причины, только онъ объявилъ, что не возвратится, если не удалятъ заклятыхъ враговъ его, Ефрема и Вучича, и не дадутъ обѣщанія забыть все прошедшее. Правда, его успѣли уговорить, и онъ возвратился въ Сербію, не получивъ желаемаго; но въ это самое время пришло извѣстіе, что въ Крагуевцѣ и въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ мѣстахъ поселяне не соглашаются на введеніе устава. Милошъ тотчасъ же вызвался подавить возстаніе и образумить поселянъ; но всѣ знали, что онъ самъ подъ рукою раздувалъ огонь. Ему не дали

начальства надъ войскомъ; напротивъ имѣли надъ нимъ строжайшій надзоръ.

Послѣ этого всякой могъ напередъ сказать, что возстаніе поселянъ не будетъ имѣть никакого успѣха. Законность оставалась на сторонѣ сената: самъ Милошъ принужденъ былъ дать Вучичу свое княжеское полномочіе на укрощеніе мятежниковъ.

Предводители сихъ послѣднихъ, разумѣется, не могли равняться съ Вучичемъ въ военныхъ способностяхъ.

Правда, приверженцы князя были довольно многочисленны; они имѣли артиллерію и конницу; но когда они вышли въ походъ и расположились отдыхать на одной полянѣ въ лѣсу, Вучичь внезапно настигъ ихъ и заперъ имъ всѣ дороги засѣками. Ни конница ихъ, ни пушки, не могли дѣйствовать, и, лишенные подвоза съѣстныхъ припасовъ, они принуждены были сдаться безъ сопротивленія.

Братъ милошевъ, Іованъ, набиравшій новыхъ приверженцевъ князю, былъ пойманъ не подалеку отъ Крагуевца. Онъ не скрывалъ своего намѣренія поддержать власть брата.

Но при такихъ обстоятельствахъ никто не рѣшался дѣйствовать въ пользу Милоша. Сенатъ разослалъ по всѣмъ нахіямъ возваніе, имѣвшее цѣлію возстановить противъ него Сербовъ. Вскорѣ многія тысячи народа собрались къ Вучичу; онъ выбралъ изъ нихъ самыхъ отважныхъ, которые явились какъ бы уполномоченными отъ всего войска, и вмѣстѣ съ ними поспѣшилъ обратно въ Бѣлградъ, рѣшившись поскорѣе окончить дѣло.

На разстояніи часа пути отъ Бѣлграда онъ остановился въ одной гостинницѣ. Тутъ мать одного священника, казненнаго Милошемъ въ послѣдніе годы,

выбѣжала къ Вучичу съ распущенными волосами и умоляла о мести и справедливости.

Нѣсколько сенаторовъ выѣхали къ нему на встрѣчу для совѣщанія о мѣрахъ, которыя надлежало принять. За тѣмъ всѣ они вмѣстѣ вступили въ Бѣлградъ, во главѣ побѣдоноснаго и исполненнаго новымъ одушевленіемъ войска.

Лошади убитыхъ всадниковъ были съ торжествомъ проведены мимо милошева дома. Его окончательное паденіе было возвѣщено ему тѣмъ, что у него и у его супруги отняли почетную стражу.

Любица издавна имѣла сношенія съ людьми, недовольными княземъ, ибо и ей самой приходилось терпѣть отъ его самовластія. Теперь Милошъ замѣтилъ ей, что она напрасно дружилась съ врагами его, что и у нея также отнята стража. Любица въ самомъ дѣлѣ не ожидала этого и залилась слезами.

Всѣ противники Милоша говорили единогласно, что нельзя долѣе оставлять его въ княжескомъ достоинствѣ. Нѣкоторые даже совѣтывали предать его казни, утверждая, что иначе отъ него никогда не будетъ покоя. Но другіе возражали, что Сербы покроютъ себя вѣчнымъ позоромъ, казнивъ человѣка, который такъ долго былъ у нихъ княземъ. Рѣшено было ограничиться его удаленіемъ.

Вучичь, надѣвъ оружіе и взявъ съ собою момковъ, отправился возвѣстить ему о томъ. Онъ сказалъ ему: «Народъ не хочетъ больше тебя; если не вѣришь, я позову людей, и они подтвердятъ тебѣ слова мои». Милошъ отвѣчалъ: «Ну хорошо, если они не хотятъ меня, я имъ не навязываюсь.»

За тѣмъ написана была бумага, въ которой Милошъ

торжественно отказывался отъ княжеской власти въ пользу своего старшаго сына (*).

Онъ не говорилъ ни слова, когда нѣсколько сенаторовъ, не имѣвшихъ лично къ нему никакихъ враждебныхъ чувствъ, провожали его по дорогѣ къ Савѣ, черезъ которую онъ долженъ былъ переправиться на австрійскій берегъ. Нѣкоторые изъ его приближенныхъ плакали; также плакали и нѣкоторые сенаторы. «Много плаксъ убралось отъ насъ — разсказывалъ Вучичь — а много и осталось.»

ГЛАВА XXIII.

Михаилъ Обреновичь.

Такимъ образомъ пало правительство, возникшее вмѣстѣ съ ходомъ самихъ событій и соединявшее въ рукахъ своихъ всю самобытно-пріобрѣтенную власть....

Но можно навѣрное сказать, что мысль объ освобожденіи отъ турецкой власти нисколько отъ того не ослабѣла. Такое мнѣніе можетъ быть покажется страннымъ, но это не мѣшаетъ ему быть справедливымъ. Милошъ жилъ и дѣйствовалъ по понятіямъ, которыя образовались въ немъ вслѣдствіе прежняго турецкаго правленія и отъ частаго сообщества съ самовластными пашами; онъ правилъ по образцу старипнаго непреобразованнаго османскаго государства.

(*) 13 іюня 1839, Ami Boué IV, 359.

По замѣчательному стеченію обстоятельствъ сама Порта, войдя въ сношенія съ его противниками, принуждена была ограничить его власть законами, не принадлежавшими ей, но заимствованными изъ самобытныхъ учрежденій Запада.

Мы не хотимъ сказать, чтобы враги Милоша отличались особеннымъ образованіемъ или въ какомъ бы то ни было отношеніи ушли впередъ. Но то, чего не хотѣлъ сдѣлать Милошъ, какъ властитель и князь, ибо старинный порядокъ вещей болѣе сообразовался съ его единовластіемъ, къ тому прибѣгли недовольные имъ люди, ища въ этой перемѣнѣ собственной, личной безопасности.

Общественный организмъ потерпѣлъ сильное сотрясеніе, и только черезъ нѣсколько времени все пришло въ обыкновенную колею.

Въ хаттишерифѣ прямо сказано, что княжеская власть послѣ Милоша переходитъ къ старшему его сыну, Милану, въ пользу котораго Милошъ и подписалъ свое отреченіе. Но Миланъ былъ такъ боленъ, что сочли за лучшее, и успѣли, скрыть отъ него несчастіе отца. Ему сказали, что князь по дѣламъ своимъ уѣхалъ изъ Сербіи и назначилъ его намѣстникомъ въ свое отсутствіе. Больной въ этомъ смыслѣ и принималъ всѣ доходившія до него поздравленія. Миланъ умеръ, не зная, что онъ князь Сербіи.

Въ это время, съ согласія Порты, страною правили Вучичь, Петроніевичь и Ефремъ.

Они не всегда оставались дружны между собою. На первой скупштинѣ, созванной вслѣдъ за отреченіемъ князя, Ефремъ жаловался на сокращеніе своего головаго денежнаго оклада. Онъ обвинялъ въ этомъ обоихъ своихъ товарищей, которые въ самомъ

дѣлѣ не любили его, какъ бы не прощая ему того, что они нѣкогда цѣловали край одежды у его брата.

Уже въ то время, по кончинѣ Милана, многіе говорили, что надобно бы совсѣмъ раздѣлаться съ имъ семействомъ. У Милоша оставался еще другой сынъ, Михаилъ; но многіе толковали, что по смыслу берата онъ не имѣетъ прямаго и положительнаго права на наслѣдство.

Кого же было выбрать на его мѣсто? Порта можетъ быть согласилась бы признать княземъ Петроніевича, котораго она почитала своимъ другомъ; народъ могъ выбрать Вучича, который прославился храбростью и геройствомъ. Но не было никакого основанія предпочесть одного другому, да и оба они не имѣли за собою никакихъ особенныхъ правъ. Избраніе кого нибудь изъ нихъ оскорбило бы остальныхъ вождей народа.

Сенатъ, благодаря стараніямъ Милеты и Симича, рѣшился наконецъ проситъ въ князья молодаго Михаила.

Милошъ нѣкоторое время колебался, но напослѣдокъ изъявилъ свое согласіе и отпустилъ сына.

Порта не сопротивлялась; она напротивъ обрадовалась случаю издать новый бератъ, въ которомъ княжеское достоинство не было названо наслѣдственнымъ, даже, если мы не ошибаемся, не упомянуто и о томъ, что князь сохраняетъ свою власть пожизненно. Произведя такимъ образомъ выгодное для себя измѣненіе, Порта отправила бератъ съ однимъ знатнымъ чиновникомъ къ молодому Михаилу въ Валахію; потомъ приняла его какъ нельзя лучше въ Царьградѣ и съ тѣмъ же чиновникомъ препроводила до сербской границы (*)

(*) Михаилъ прибылъ въ Сербію 12 марта, 1840 г.

Вообще можно было надѣяться, что съ новымъ правительствомъ наступитъ спокойное и счастливое время: молодой князь, еще не привыкшій къ обольщеніямъ власти, изъявлялъ рѣшительное намѣреніе сообразоваться во всемъ съ уставомъ; въ сенатѣ большинство всегда оставалось на его сторонѣ; въ народѣ также имъ были довольны, какъ тѣ, которые чтили милошево имя, такъ и тѣ, которые желали отмѣны строгихъ правительственныхъ мѣръ.

Но затрудненія, предстоявшія новому правительству, не замедлили обнаружиться...

Михаилу не сказали ничего положительнаго объ этомъ предметѣ въ Константинополѣ: сопровождавшій его эффенди объявилъ ему о новомъ порядкѣ вещей уже въ Алексинцѣ, на сербской границѣ.

Но тѣмъ самымъ Порта заводила новую распрю. Еще по букарештскому трактату народъ получилъ право избирать себѣ властителей; въ уставѣ также было сказано, что князь долженъ назначать чиновниковъ, а сенатъ учреждать новыя должности. Какое же послѣ этого право имѣла Порта навязывать князю совѣтниковъ, которые должны были стѣснить и безъ того ограниченную его власть? Всѣ понимали это, и общественное мнѣніе, даже и въ Сербіи весьма щекотливое, въ тѣхъ случаяхъ, когда затрогивается народное чувство, обратилось противъ Вучича и Петроніевича.

Не только сенатъ не соглашался исполнить такое постановленіе, но и сельскіе старѣйшины, прибывшіе въ Бѣлградъ для поздравленія молодаго князя, собрались на сенатскомъ дворѣ и, расположившись толпами по округамъ, почти всѣ объявили себя противъ совѣтниковъ.

Ободренные этимъ, снова подняли голоса болѣе смѣлые

изъ приверженцевъ изгнаннаго князя. Почти всѣ поселяне по прежнему стояли на томъ, что для нихъ лучше имѣть одного властителя, охраняющаго народное спокойствіе, нежели многихъ, что сіи послѣдніе всѣ захотятъ обогащаться на ихъ счетъ. Во многихъ мѣстахъ по селамъ, подъ предводительствомъ старѣйшинъ и кметовъ (кнезы теперь уже не имѣли съ ними ничего общаго) возставали вооруженныя толпы и предъявляли три требованія: чтобы правительство перешло жить въ Крагуевацъ, гдѣ оно можетъ дѣйствовать безопаснѣе, нежели въ Бѣлградѣ, чтобы Вучичь и Петроніевичь были преданы суду, и наконецъ, чтобы вызвали назадъ изгнаннаго князя. Новое правительство, руководимое преимущественно Ефремомъ и Георгіемъ Протичемъ, всячески старалось подавить это возстаніе; но всѣ его мѣры не удавались. Самъ Протичь, отправившійся въ округи, былъ задержанъ поселянами. Наконецъ Михаилъ отвѣчалъ имъ, что возвращеніе его отца зависитъ не отъ него, но отъ турецкаго правительства, что съ своей стороны онъ сдѣлаетъ все отъ него зависящее, перенесетъ правительство въ Крагуевацъ и предастъ суду Вучича и Петроніевича, послѣ чего они либо оправдаются, либо понесутъ заслуженное наказаніе. Такимъ образомъ людямъ, еще недавно думавшимъ править страною, грозило судебное слѣдствіе, которое, при господствовавшемъ тогда настроеніи могло, кончиться ихъ казнію. Они спохватились и бѣжали къ пашѣ въ крѣпость.

Вскорѣ и другіе, не столь отъявленные, враги Обреновичей, начали опасаться, чтобы снова не наступило милошево правленіе. Они отказались слѣдовать за правительствомъ, переѣхавшимъ на житье въ Крагуевацъ, и также удалились въ крѣпость. Тутъ были

Стоянъ Симичь, Гарашанинъ, Прота Ненадовичь, Лазарь Теодоровичь, Стефанъ Стефановичь, съ ихъ приверженцами. Паша всѣхъ ихъ принялъ ласково и обнадежилъ своимъ заступничествомъ.

Созвана была скупштина въ Топчидерѣ, и на ней обнаружилось, какъ трудно было держаться михаилову правительству, посреди столь противуположныхъ стремленій.

Въ Браничевѣ, равно какъ и въ Ужицѣ, приверженцы Милоша явно возмутились. Они думали, что старому князю мѣшаютъ возвратиться въ Сербію Ефремъ и Протичь, и требовали удаленія и даже казни ихъ.

Съ другой стороны, турецкій коммиссаръ, Муса-эфенди явился на скупштинѣ и настаивалъ, чтобы правительство возвратило находившимся въ крѣпости Сербамъ ихъ должности и поручилось бы за ихъ неприкосновенность.

Къ чести михаилова правительства должно сказать, что оно дѣйствовало умно и рѣшительно.

Изъ всѣхъ кнезовъ доселѣ въ пользу Милоша возсталъ только одинъ, Мичичь, явившійся въ Топчидерѣ съ толпою людей, которымъ вовсе не слѣдовало присутствовать на скупштинѣ: его принудили не только распустить ихъ по домамъ, но даже принять участіе въ небольшомъ походѣ, предпринятомъ противъ остальныхъ мятежниковъ. Сіи послѣдніе безъ труда были разсѣяны; дѣло обошлось почти безъ крови: поселяне согласились, что ихъ обманули, а предводители ихъ были переловлены.

Не болѣе успѣха имѣлъ турецкій коммиссаръ. Ему напомнили, и даже въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ, что султанскій хаттишерифъ запрещаетъ кому бы

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА

то ни было вмѣшиваться во внутреннія сербскія дѣла. Муса-эффенди счелъ за лучшее удалить изъ страны перешедшихъ къ нему Сербовъ, которыхъ было около 60-ти человѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ одинъ невинный поэтъ, слѣдовали за нимъ до Видина, другіе вмѣстѣ съ нимъ поѣхали въ Константинополь, гдѣ турецкое правительство содержало ихъ на собственный счетъ, но до времени не хотѣло заводить изъ-за нихъ новой ссоры.

Такимъ образомъ михаилово правительство одержало на первый разъ верхъ: теперь противниковъ у него не было, и оно имѣло болѣе досуга заняться внутренними учрежденіями.

Не льзя сказать, чтобы оно не поняло своего призванія, состоявшаго въ томъ, чтобы устранить прежній турецкій бытъ и идти далѣе по пути просвѣщенія.

Правосудіемъ и учебною частію завѣдывалъ теперь Стефанъ Радичевичь, принадлежавшій къ числу тѣхъ австрійскихъ Сербовъ, которые, испытавъ неудачи дома, искали себѣ счастія въ службѣ Милоша. Впрочемъ онъ былъ человѣкъ благонамѣренный и довольно образованный. У Сербовъ онъ снискалъ себѣ уваженіе знаніемъ служебнаго порядка, которое онъ пріобрѣлъ въ австрійскихъ присутственныхъ мѣстахъ. Получивъ должность попечителя, онъ занялся разными преобразованіями. Онъ вообще хотѣлъ перенести въ Сербію все, что̀ видѣлъ лучшаго въ Австріи.

Доселѣ сербское духовенство въ образѣ жизни ничѣмъ не отличалось отъ поселянъ; Радичевичь постановилъ, чтобы община строила священникамъ на собственный счетъ жилища и обработывала ихъ поля.

По австрійскому образцу введено было письменное

судопроизводство. Иногда случалось, что жалобы крестьянъ оставались неудовлетворенными потому, что они не могли найдти писца, который бы сочинилъ имъ просьбу.

Начались статистическія переписи: поселяне съ ужасомъ смотрѣли, какъ пересчитывались ихъ сливовыя деревья, воображая, что вслѣдъ за этимъ наложена будетъ новая подать.

Радичевичь хотѣлъ учредить новыя школы и добивался того, чтобы всѣ Сербы умѣли читать и писать. Преднамѣревалось основаніе ученаго общества, и даже положено было тому начало; но членами общества явились люди, сами едва знавшіе грамоту.

Для успѣховъ зодчества онъ хотѣлъ выстроить особый храмъ, въ которомъ должны были покоиться смертные останки членовъ княжескаго семейства. Дабы распространить вкусъ къ музыкѣ, предположено было завести оперу. Въ Бѣлградѣ устроился театръ, и вскорѣ Турки стали жаловаться, что на немъ даются обидныя для нихъ піесы, какъ напримѣръ та, въ которой прославляется подвигъ Милоша Обилича.

Но эти нововведенія, которыя впрочемъ гораздо лучше были предположены, нежели исполнялись, возбуждали неудовольствіе. Такъ, напримѣръ, говорили противъ того, что многія должности заняты были австрійскими Сербами, которые, по понятіямъ правительства, разумѣется, были весьма полезны. По странному обычаю ихъ всѣхъ называютъ въ Сербіи Швабами, потому что они ведутъ нѣмецкій образъ жизни. Но были и другіе поводы, болѣе основательные, къ неудовольствіямъ. Поселяне въ Мачвѣ передрались между собою; надо было силою усмирять ихъ, послѣ чего нарядили судъ, и значительное число ихъ под-

вергли тѣлесному наказанію. Мало того: виновные присуждены были къ уплатѣ денежной пени, которая взималась съ большою строгостію и даже отдана была на откупъ. Къ несчастію, потребовали черезъ чуръ много, и Радичевичь подъ рукою уменьшилъ пеню. Все это возбудило большое негодованіе, особенно въ тѣхъ, которые взяли пеню на откупъ и понесли невозвратимый убытокъ.

Правительство обвиняли, что оно позволяетъ австрійскимъ купцамъ жечь поташъ въ сербскихъ лѣсахъ; по этому поводу бывали кровавыя схватки.

Но поселяне всего болѣе негодовали на увеличеніе порезы. Первоначально она состояла ежегодно въ 6 австрійскихъ талерахъ; во время низверженія Милоша ее понизили на 5 талеровъ и, какъ кажется, не столько потому, что такое пониженіе согласовалось съ расходами, сколько въ угоду народа. Теперь Михаилъ снова потребовалъ 6 талеровъ, что̀, разумѣется, не могло понравиться поселянамъ. Сюда присоединилось еще и то, что червонцы, ходившіе въ народѣ по 24 піастра, были принимаемы правительствомъ только по 23....

Между тѣмъ личные приверженцы изгнаннаго князя не переставали дѣйствовать. Въ 1841 году обнаружился заговоръ противъ министровъ, во главѣ котораго стоялъ Гая Вукомановичь—братъ княгини. Сама Любица охотнѣе желала видѣть княземъ мужа своего, нежели сына, за котораго боялась, что онъ не съумѣетъ справиться съ противниками.

Вообще нельзя сказать, чтобы семейство Милоша жило дружно.

Іованъ сердился, что ему дали только мѣсто адъютанта при племянникѣ; ему хотѣлось быть попечите-

лемъ внутреннихъ дѣлъ; но не было никакой возможности поручить такую важную должность человѣку, который еще недавно возмущалъ народъ, съ цѣлію, противною введенію устава. Ефремъ всячески старался помѣшать возвращенію брата, которое сопряжено было съ его собственною гибелью; онъ даже опасался жить въ неукрѣпленномъ Крагуевцѣ.

Въ слѣдствіе всего этого не обращено было надлежащаго вниманія на дѣйствія Турокъ и тѣхъ туземныхъ враговъ, которые находились подъ турецкимъ покровительствомъ. Симъ послѣднимъ дозволили возвратиться изъ крѣпости.

Михаила уговорили снова перевести правительство въ Бѣлградъ, въ турецкую крѣпость. Напрасно кметы предостерегали его отъ этого, говоря, что въ случаѣ нужды имъ трудно будетъ поспѣшить къ нему на помощь.

Но онъ оставался совершенно спокоенъ, будучи увѣренъ, что Порта вполнѣ ему благопріятствуетъ за то, что онъ недавно исполнилъ ея желаніе, и полагаясь на слово паши, который обѣщался ему, что Вучичь не имѣетъ никакихъ замысловъ. Когда къ попечителямъ поступали доносы на Вучича, они обыкновенно задерживали доносчиковъ и обвиняли ихъ въ нарушеніи общественнаго спокойствія. О собственной своей безопасности они вовсе не заботились, такъ какъ по уставу личность ихъ была неприкосновенна.

Турки не замедлили воспользоваться этимъ и безпрестанно предъявляли новыя требованія.

Все вооружилось противъ попечителей. Возвратившіеся Сербы видѣли въ нихъ злѣйшихъ враговъ своихъ и не хотѣли просить у нихъ для себя должностей. Чиновники и кнезы, опасавшіеся возвращенія

Милоша, поселяне и кметы, можетъ быть по прежнему желавшіе онаго, также не благопріятствовали попечителямъ. Отовсюду слышались неудовольствія; самъ сенатъ выражалъ опасенія. Турки особенно злобились на Протича, который безъ всякихъ обиняковъ требовалъ, чтобы они не мѣшались въ сербскія дѣла. Наконецъ новый турецкій коммиссаръ началъ настоятельно требовать удаленія не только Протича, но и всѣхъ вообще попечителей.

Самъ Михаилъ не былъ совершенно доволенъ ими; но онъ никакъ не хотѣлъ уволить ихъ тотчасъ, по требованію Турокъ. Онъ понималъ, что право назначать и увольнять попечителей составляло существенную часть княжеской власти, и что уступить его Туркамъ значило бы почти совсѣмъ лишиться всякаго значенія. Ему особенно не хотѣлось принять въ службу возвратившихся Сербовъ, которыхъ онъ считалъ личными своими врагами.

Турки не могли ему простить этого, тѣмъ болѣе, что Булгары, желавшіе пріобрѣсти себѣ одинаковыя съ Сербами права, возлагали на Михаила всѣ свои надежды, хотя впрочемъ съ своей стороны онъ ничего для нихъ не дѣлалъ.

Однимъ словомъ, Туркамъ хотѣлось произвести возстаніе, которое бы измѣнило, или даже совсѣмъ низвергло михаилово правительство.

Къ такому возстанію уже давно готовились давнишніе враги, со времени возвращенія своего въ Сербію находившіеся подъ особеннымъ покровительствомъ Турокъ.

Они всюду отыскивали себѣ приверженцевъ между чиновниками, которые теперь обязаны были имъ своею самостоятельностію.

Хотя Михаилъ ни въ чемъ не нарушилъ устава,

однако они, какъ виновники введенія его, нарочно называли себя и своихъ приверженцевъ *уставобранителями*, т. е. оборонителями, защитниками устава, и это слово, безпрестанно повторяемое, не оставалось безъ дѣйствія.

Особенно начали волноваться тѣ округи, въ которыхъ пользовались вліяніемъ люди, принадлежавшіе къ этой сторонѣ, какъ то: Прота Ненадовичь, Ресавацъ, Гарашанинъ, Лазарь Теодоровичь. Вскорѣ началъ дѣйствовать и Вучичь. Онъ понялъ, что его связь съ Турками не повредитъ ему во мнѣніи народа, когда онъ станетъ во главѣ всѣхъ недовольныхъ.

Уѣхавъ на время изъ Сербіи, онъ скоро возвратился и прибылъ въ Смедерево. Оттуда на арабскомъ конѣ, котораго приготовилъ ему Ресавацъ, онъ поскакалъ въ округи. Приверженцы его повсюду возставали. Распространена была молва, что собирается скупштина, на которой принудятъ князя перемѣнить правленіе.

Михаилъ рѣшился не уступать.

Онъ не сомнѣвался въ своемъ превосходствѣ. Не думая долго о защитѣ Пожаревца и о тамошнихъ пушкахъ, ночью на 19 Августа 1842 года, съ небольшимъ, но обученнымъ войскомъ, въ которомъ было 600 человѣкъ пѣхоты и 30 всадниковъ, онъ двинулся къ Крагуевцу.

Въ округи онъ разосланъ воззванія, и они не остались безъ дѣйствія: къ нему въ короткое время собралось 10 тысячь человѣкъ. Со всѣхъ сторонъ приходили благопріятныя извѣстія. Прота и Лазарь были захвачены въ ихъ округахъ; Стефановичь и Янковичь, послѣ безуспѣшной попытки возмутить Пожаревацъ и Смедерево, бѣжали за австрійскую границу; старый

Гарашанинъ, возмущавшій бѣлградскій округъ, былъ схваченъ и убитъ.

Такіе успѣхи подавали Михаилу надежду отдѣлаться и отъ самаго главнаго врага, который хотя и взялъ Крагуевацъ, однако, не имѣя при себѣ болѣе 2000 человѣкъ, оставилъ этотъ городъ и расположился передъ нимъ на возвышеніи.

Но войны междоусобныя не походятъ на обыкновенныя.

Если бъ Михаилъ повелъ людей своихъ противъ Турокъ, они охотно вступили бы съ ними въ бой, но трудно было заставить ихъ драться съ собратіями. Можетъ быть они бы не отказали въ повиновеніи, но для этого надлежало Михаилу болѣе пользоваться народною любовію.

Завидѣвъ войска Вучича, они приступили къ князю съ просьбою, чтобъ онъ отправилъ къ нему депутацію.

Вучичь поступилъ чрезвычайно ловко. Онъ сказалъ посланнымъ, что вовсе не намѣренъ сопротивляться князю и напротивъ во всемъ готовъ его слушаться, что онъ хочетъ только освободить его отъ недостойныхъ слугъ, и вмѣстѣ съ друзьями своими принести въ Бѣлградѣ жалобу царскому коммиссару, и что нельзя называть мятежникомъ человѣка, который желаетъ, чтобы судія разсудилъ его дѣло.

Вскорѣ въ войскѣ Михаила стали толковать, что Вучичь не совсѣмъ виноватъ. Михаилъ принужденъ былъ согласиться на выслушаніе его условій.

Ихъ было три: удаленіе попечителей и вмѣстѣ съ ними Ефрема, раздача должностей удалившимся въ прошломъ году и уменьшеніе порезы. Вучичь нароч-

но включилъ сіе послѣднее условіе, столь выгодное для народа.

Уже всѣ приближенные, и даже самъ Ефремъ, требовали отъ Михаила, чтобы онъ подчинился необходимости и принялъ эти условія; но онъ считалъ безчестнымъ уступить явному врагу, имѣя надъ нимъ превосходство въ военномъ отношеніи. Онъ все еще надѣялся одержать побѣду.

Но онъ не зналъ своего народа.

Сербы не могли идти въ бой противъ человѣка, который не имѣлъ намѣренія низложить ихъ князя, но хотѣлъ единственно перемѣнить нелюбимое ими управленіе и уменьшить порезу. Какъ скоро Вучичь приказалъ дѣйствовать своей артиллеріи, они немедленно разбѣжались.

Внезапно все перемѣнилось; князь съ своими обученными солдатами, которые одни не покинули его, принужденъ былъ отступить.

Правда, близъ Шабари къ нему подоспѣли на помощь отряды, шедшіе изъ Пожеги и Рудника въ числѣ около 15 тысячь человѣкъ, но теперь численность ничего не значила: съ приближеніемъ Вучича, къ которому между тѣмъ присоединились Ресавацъ и капетанъ Богданъ изъ Паракина, уже начинавшій пользоваться необыкновенною любовію народа, вся эта толпа разбѣжалась по первому свисту пуль.

Къ несчастію, главный городъ Сербіи, мѣстопребываніе правительства, находился въ рукахъ Турокъ. Михаилъ хорошо зналъ, что паша благопріятствуетъ врагамъ его, и потому не хотѣлъ ѣхать въ Бѣлградъ... Въ самомъ дѣлѣ, ему ничего не оставалось дѣлать, какъ оставить Сербію. Ему совѣтовали это всѣ его приближенные. Онъ былъ еще молодъ и могъ надѣять-

ся, что счастіе когда нибудь улыбнется ему, и что онъ успѣетъ возвратить потерянное.

По временамъ къ нему еще приходили его приверженцы; но онъ отсылалъ ихъ назадъ. Чрезъ семь дней по выѣздѣ изъ Бѣлграда, оставленнаго имъ съ такими надеждами, онъ, уже не заѣзжая туда, отправился за австрійскую границу, въ Землинъ.

Извѣщенные имъ Протичь, Радичевичь, Милета, поспѣшили послѣдовать его примѣру.

Послѣ того Вучичь торжественно вступилъ въ Бѣлградъ, назвалъ себя предводителемъ народа и вмѣстѣ съ друзьями своими завладѣлъ правленіемъ.

ГЛАВА XXIV.

Александръ Кара Георгіевичь.

Такимъ образомъ соединенными усиліями Турокъ и Сербовъ, недовольныхъ правительствомъ, судьба Обреновичей была рѣшена. Если бы имъ удалось одержать верхъ, они пріобрѣли бы себѣ точно такое же положеніе, какимъ пользуются семейства скутарійскихъ и ускубскихъ пашей, наслѣдственно властвующія въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій и доселѣ не смѣняемыя ни однимъ султаномъ. Но самъ Милошъ, сынъ его, братья и ближайшіе приверженцы, были изгнаны. Ихъ взаимныя неудовольствія, козни, которыя они строили другъ противъ друга, были естественною причиною общей гибели ихъ и побѣды, которую одержали ихъ противники.

Сіи послѣдніе рѣшились не употреблять полумѣръ и разомъ преобразовать правительство.

Напрасно Михаилъ говорилъ о правахъ своихъ европейскимъ консуламъ, которые послѣдовали за нимъ въ Землинъ; побѣдители, съ согласія турецкаго коммиссара, спѣшили учредить временное правительство, подъ предсѣдательствомъ Вучича, Симича и Петроніевича, и созвали скупштину.

Мы знаемъ, что при Кара Георгіи скупштина собственно служила къ тому, чтобы показать мѣру власти, утвердившейся въ странѣ. При Милошѣ она обыкновенно подтверждала то, что̀ говорилъ князь, и потому Милошъ готовъ былъ когда угодно созвать ее, лишь бы она не измѣняла этого характера.

Правильныхъ совѣщаній не было на этихъ собраніяхъ; они походили на средневѣковые парламенты италіянскихъ городовъ, на которыхъ господствовавшая сторона предписывала законы, не обращая вниманія на своихъ противниковъ.

Никто не осмѣливался высказывать своего личнаго мнѣнія, если оно противорѣчило общему, господствовавшему.

Точно такой характеръ имѣла скупштина, собравшаяся 14 Сентября 1842 года: она преимущественно состояла изъ противниковъ Обреновичей.

Предварительно, для приготовленія умовъ, издано было воззваніе, въ которомъ говорилось, что народъ хочетъ подать султанскому эффенди нѣкоторыя свои жалобы, что князь думалъ было помѣшать этому, но не успѣлъ, и потому самъ бѣжалъ изъ Сербіи.

Когда всѣ собрались, появился Вучичь въ сопровожденіи турецкихъ паши и эффендія. Присутствующихъ спрашивали, хотятъ ли они имѣть по преж-

нему своимъ князем бѣжавшаго Михаила? Самъ Кіамиль паша на ломаномъ сербскомъ языкѣ обращался съ этимъ вопросомъ къ толпамъ народа. Всѣ они отвѣчали отрицательно.

Но никто ни минуту не сомнѣвался, кого посадить на его мѣсто.

Если бы Кара Георгій былъ въ живыхъ, онъ безъ сомнѣнія давно бы потребовалъ отъ Милоша нѣкогда основаннаго имъ княжества. Теперь одно воспоминаніе о немъ, такъ сказать тѣнь его, устраняла Обреновичей.

Сынъ Кара Георгія, Александръ, родившійся въ 1806 году, во время кровавой и рѣшительной борьбы съ Турками, по смерти отца получалъ вмѣстѣ съ матерью ежегодное денежное вспоможеніе отъ Милоша. Онъ переѣхалъ въ Сербію и поступилъ въ адъютанты къ Михаилу. Молодой человѣкъ съ незапятнаннымъ именемъ, добродушный, пріятной наружности, онъ не принималъ никакого участія въ распряхъ, волновавшихъ Сербію. Вучичь уже давно указывалъ на него, какъ на будущаго князя, своимъ приверженцамъ, и сіи послѣдніе безъ труда успѣли расположить въ его пользу народное мнѣніе. Когда скупштина отвергла Михаила, Вучичь спросилъ: Кого же хотите? Всѣ закричали: Кара Георгіевича! Немедленно его пригласили въ собраніе, гдѣ онъ былъ встрѣченъ единогласными радостными криками.

Вучичь, занявшій должность попечителя внутреннихъ дѣлъ, поспѣшилъ остеречься отъ ошибки, погубившей послѣднее правительство, и потому принялъ всѣ мѣры для удаленія враговъ своихъ. Самые главные изъ нихъ уже бѣжали; но онъ счелъ нужнымъ

уволить отъ должностей многихъ другихъ, менѣе значительныхъ. Кромѣ того онъ постарался избавиться отъ нѣкоторыхъ знатныхъ кметовъ, которые держались опаснаго для него образа мыслей: нѣкоторые были схвачены, другіе осуждены на изгнаніе, третьи наконецъ, болѣе робкіе, сами бѣжали за границу.

Порта, ни мало не медля, отрѣшила Михаила, не захотѣла разобрать его дѣло судебнымъ порядкомъ и признала Александра княземъ Сербіи.

Вообще то время было счастливою эпохою для Турціи. Мы не упоминали здѣсь о ссорѣ ея съ Мехмедомъ Али, начавшейся послѣ войны съ Россіею; ибо ссора эта, вообще заслуживающая большаго вниманія, мало касается до Сербіи. Наконецъ въ 1840 году вмѣшательство европейскихъ державъ рѣшило это дѣло въ пользу Турціи.

Съ тѣхъ поръ она подняла голову. Въ Сиріи она не захотѣла долѣе терпѣть наслѣдственной власти эмира Бешира изъ племени Шекабъ, ненавистнаго ей за переходъ отъ Ислама къ вѣрѣ Маронитовъ; на островѣ Критѣ, въ Булгаріи, совершено было не мало насильственныхъ поступковъ, для возстановленія турецкаго господства. Приказъ, дозволявшій христіанамъ самимъ собирать харачь и уже совсѣмъ готовый къ обнародованію, не былъ отданъ; рая почитала себя счастливою, когда не посѣщали ее арнаутскіе сборщики, не дававшіе никому пощады; Черная Гора не разъ подвергалась нападеніямъ; въ Валахіи представился случай употребить высшую власть...

Однимъ словомъ Порта повсюду расширяла свою власть. Сюда же относится и перемѣна, послѣдовавшая въ Сербіи. Турецкому правительству удалось

отстранить семейство, упорно сопротивлявшееся его вмѣшательству и дать перевѣсъ людямъ, на преданность которыхъ оно могло расчитывать.....

Чувство собственнаго достоинства, обновленное недавними удачами, не дозволяло Портѣ согласиться, чтобы кто нибудь вмѣшивался въ ея дѣла. Послѣ долгаго колебанія она торжественно приняла совершившійся въ Сербіи переворотъ подъ свое покровительство. Она объявила, что переворотъ этотъ не есть дѣло мятежа, ибо произошелъ съ согласія ея коммиссара, который служитъ представителемъ власти ея надъ Сербіею; и рѣшительно отклоняла всякое вмѣшательство въ эти верховныя права свои.

Въ теченіи переговоровъ не разъ приходилось опасаться за нарушеніе всеобщаго мира.

Мы не будемъ разбирать этихъ переговоровъ; ибо это повлекло бы насъ къ безплоднымъ предположеніямъ, такъ какъ всѣ извѣстія о нихъ отрывочны и неточны.

Если бы кто захотѣлъ разсмотрѣть отношенія Запада къ Востоку и опредѣлить возвратное вліяніе восточныхъ событій на западныя, тому мы посовѣтуемъ заняться египетскимъ вопросомъ, для изученія котораго обнародовано довольно много матеріаловъ.

Австрія изъявляла мнѣніе, что Порта утратитъ все свое значеніе въ дунайскихъ княжествахъ, если ее заставятъ возстановить Михаила, дабы потомъ опять удалить его, по окончаніи надъ нимъ судебнаго слѣдствія.

Наконецъ и тутъ, какъ и во многихъ другихъ спорныхъ вопросахъ, найдена была середина, равно удовлетворявшая различнымъ требованіямъ и давшая возможность соблюсти миръ.

Россія согласилась не требовать болѣе возстановленія Михаила, съ тѣмъ впрочемъ, чтобы произведены были новые выборы, въ которыхъ бы приняли участіе всѣ стороны, и чтобы удалили зачинщиковъ смуты.

Такъ и сдѣлалось.

Паша тотчасъ же былъ удаленъ. Ему дали мѣсто визиря въ Босніи, гдѣ христіане не слишкомъ остались довольны его попеченіями.

Труднѣе было уладить дѣло съ Вучичемъ и Петроніевичемъ.

Александра уговорили на время сложить свою власть. Когда начались новые выборы, русскій уполномоченный удовольствовался тѣмъ, что оба они не принимали въ нихъ никакого участія.

Порта не допустила къ выборамъ молодаго Михаила, объявивъ, что онъ не умѣетъ править страною согласно съ ея видами. Такимъ образомъ у Александра оставался только одинъ совмѣстникъ, самъ Милошъ. Но, разумѣется, люди, пріобрѣтшіе значеніе единственно въ слѣдствіе его изгнанія, должны были всѣми силами препятствовать его возвращенію, съ коимъ сопряжены были для нихъ не только утрата мѣстъ, но даже, по всему вѣроятію, окончательная погибель. Они успѣли расположить большинство народа въ пользу Александра, уже разъ избраннаго. Въ Бѣлградѣ говорили, что, если кто хочетъ другаго князя, тотъ можетъ посадить его силою; но что въ такомъ случаѣ завяжется борьба на жизнь и смерть. Пушки содержались въ готовности.

Но всѣ эти опасенія были напрасны.

15-го Іюня 1843 года происходили выборы.

Толпы народа стояли въ порядкѣ по нахіямъ.

Ихъ спрашивали, кого они хотятъ имѣть княземъ. 17 нахій единогласно назвали Кара Георгіевича. Такой же отвѣтъ дали и многія отдѣльныя лица, къ коимъ обращались съ этимъ вопросомъ.

Такимъ образомъ сербскіе поселяне дѣйствительно воспользовались правомъ избирать себѣ князя, которое предоставила имъ аккерманская конвенція....

Вскорѣ полученъ былъ бератъ, вновь подтвердившій за Александромъ Кара Георгіевичемъ достоинство князя Сербіи. Уставъ 1838 года не утратилъ при семъ своего значенія.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Г.

О СНОШЕНІЯХЪ РОССІИ СЪ СЕРБІЕЮ.

Извлеченіе изъ сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго: « Описаніе турецкой войны съ 1806 до 1812 года.»

Въ исходѣ 1806 года, еще до окончательнаго разрыва съ Турціею, главнокомандовавшій тогдашнею днѣстровскою арміею, генералъ отъ кавалеріи Михельсонъ отправилъ тайно чиновника къ Черному Георгію, сообщая ему, что императоръ соизволяетъ на покровительство Сербамъ и оказаніе имъ пособія, коль скоро дѣла, бывшія тогда еще въ нерѣшительности, дозволятъ оказать имъ помощь, обнадеживая, что во всякомъ случаѣ Сербы могутъ полагаться на попеченія Его Величества о возстановленіи спокойствія ихъ. Тогда же доставили Михельсону изъ Петербурга 13.000 червонцовъ для отправленія къ Сербамъ, когда послѣдуетъ разрывъ нашъ съ Турціею. Узнавъ о переходѣ русской арміи черезъ Днѣстръ, Сербы ликовали, увѣренные въ низложеніи турецкаго владычества. Добровольно и единодушно присягнули они: «Сражаться за одну съ Русскими вѣру, честный крестъ и православнаго россійскаго краля» (*). Въ такомъ положеніи Черный Георгій просилъ Михельсона отправить съ Сербію русскій отрядъ, но желанія его нельзя было удовлетворить. Надлежало сперва утвердиться въ Княжествахъ, не раздробляя нашей малочисленной арміи. До тѣхъ поръ Михельсонъ снабжалъ Чернаго Георгія деньгами, обѣщая ему прислать войско весною. Такъ начались наши сношенія съ Сербіею; въ послѣдствіи,

(*) Подлинныя слова присяги.

они развились въ бо́льшемъ объемѣ и находились въ тѣсной связи въ веденною противъ Порты войною.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1807 г. генералъ-маіоръ Исаевъ былъ отправленъ въ Малую Валахію (т. е. къ сѣверо-восточнымъ предѣламъ нынѣшняго сербскаго княжества). Отрядъ его состоялъ изъ батальона олонецкаго и одного казачьяго полка, двухъ орудій пѣшей и двухъ донской артиллеріи, Арнаутовъ и Пандуровъ, всего 1,500 человѣкъ. Апрѣля 27-го Исаевъ пришелъ въ Kраіовъ, имѣя повелѣніе открыть сообщеніе съ Чернымъ Георгіемъ и подкрѣплять его, отвлекая тѣмъ силы верховнаго визиря отъ низовьевъ Дуная. Извѣстивъ Чернаго Георгія о своемъ прибытіи въ Краіовъ, Исаевъ просилъ у него подробныхъ свѣдѣній о дѣлахъ въ Сербіи, дабы, сообразуясь съ обстоятельствами, дать выгоднѣйшее направленіе своему отряду. Тогда же отправилъ онъ разъѣзды къ крѣпостямъ Зимницѣ и Турнѣ, занятымъ Турками. Мая 12-го Исаевъ получилъ письмо отъ сербскаго вождя, съ просьбою приблизиться къ Дунаю, для условій о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, и выступилъ изъ Краіова къ селенію Изворину. 17-го Мая расположился онъ на дунайскомъ берегу и ждалъ назначеннаго для условій съ нимъ сербскаго чиновника, но тотъ не пріѣзжалъ, потому что Сербы были озабочены сильными трехъ-дневными нападеніями Турокъ, отрѣзавшихъ имъ прямой путь сношеній съ нами. Между тѣмъ Исаевъ извѣстился о переправѣ Турокъ на лѣвый берегъ Дуная у Турны, почему отступилъ къ Краіову, обезпечивая свой тылъ. Узнавъ о прибытіи Исаева въ Краіовъ, Турки возвратились за Дунай. Исаевъ вторично выступилъ къ Изворину и на свиданіи съ однимъ изъ сербскихъ начальниковъ, Миленкою Стойковичемъ, условился о переходѣ нашего отряда черезъ Дунай и соединенной съ Сербами атакѣ на видинскаго трехъ-бунчужнаго Муллу-пашу, стоявшаго съ 5,000 человѣкъ въ укрѣпленномъ лагерѣ при Малайницѣ, на рѣкѣ Штубикѣ. 18-го Мая Исаевъ совершилъ переправу у острова Ольмара и соединился съ Сербами. На другой день двинулись они вмѣстѣ къ берегамъ Штубика, и вознамѣрились атаковать турецкіе окопы нашимъ лѣвымъ крыломъ. Впереди шли Сербы. При первомъ нападеніи они были отбиты. Исаевъ повелъ на приступъ олонецкій батальонъ, казачій полкъ, Пандуровъ и Арнаутовъ, подкрѣп-

ленныхъ 4-мя русскими орудіями. Первый окопъ былъ мгновенно взятъ, и вскорѣ остальные два вырваны изъ рукъ Турокъ. Непріятель обратился въ бѣгство, потерявъ 4 пушки и 13 знаменъ. Мулла-паша былъ раненъ и съ разбитымъ войскомъ заперся въ Видинъ. Уронъ соединеннаго отряда простирался до 150 человѣкъ. Исаевъ остался на правомъ берегу Дуная, но не подавался въ глубь Сербіи, опасаясь удаляться отъ Краіова и оставлять Малую Валахію безъ защиты.

Дѣло при Малайницѣ утвердило возлагаемое Сербами на Русскихъ довѣріе. Сначала, когда пришелъ къ нимъ Исаевъ, они были недовольны слабостью отряда его, и роптали на Михельсона, что онъ не отправилъ къ нимъ болѣе войска, чего по малочисленности арміи сдѣлать онъ не могъ. «Послѣ дѣла «при Малайницѣ,» доносилъ Михельсонъ, «Сербы увѣрились «изъ опыта, что не количество сволочи, но храбрость образован-«наго воинства и доброе предводительство начальника побѣж-«даютъ непріятеля. Обращавшись прежде съ Исаевымъ холод-«но, Георгій Черный сдѣлался къ нему ласковъ» (*). Когда въ послѣдствіи Черный Георгій встрѣчался съ Русскими, онъ всегда спрашивалъ: «Нѣтъ ли здѣсь моихъ братьевъ?» Такъ онъ называлъ олонецкій полкъ, и находя солдатъ и офицеровъ сего полка, цѣловалъ и привѣтствовалъ ихъ. Желая учредить прочныя сношенія съ Сербами, императоръ Александръ велѣлъ Михельсону послать къ нимъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Родофиникина, для постояннаго пребыванія при Черномъ Георгіѣ, или при Народномъ Совѣтѣ, судя по обстоятельствамъ. Родофиникину было предписано руководствовать Сербовъ въ образованіи внутренняго управленія, собирать самыя подробныя свѣдѣнія о происшествіяхъ, увѣрять Сербовъ въ покровительствѣ и помощи Россіи деньгами и оружіемъ, къ чему уже было сдѣлано начало отправленіемъ къ нимъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ 100,000 піастровъ, 4,500 ружей, пороха и свинца.

Въ Сентябрѣ 1807 года преемникъ Михельсона, князь Прозоровскій, желая утвердить связи съ Сербами, усилилъ отрядъ Исаева, пославъ къ нему еще пять батальоновъ

(*) Донесеніе Михельсона государю, отъ 3-го Іюля, № 95-й.

и казачій полкъ. Сербамъ было дано по высочайшей волѣ 6,000 червонцовъ, и отправленъ къ нимъ, подъ именемъ армейскаго поручика, инженерный маіоръ, дабы осмотрѣть и исправить крѣпости. Не взирая на оказываемую имъ помощь, они крайне страшились при замиреніи Россіи съ Турціею по прежнему поступить въ подданство Порты. Родофиникинъ всячески успокоивалъ ихъ, и для бо́льшаго обнадеживанія письменно объявилъ, 7-го Апрѣля, что благополучіе сербскаго народа составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ попеченій императора Александра. Родофиникину предстоялъ еще великій трудъ укрощать внутренніе раздоры Сербовъ, негодовавшихъ на самоуправство Чернаго Георгія. Они даже просили князя Прозоровскаго о смѣнѣ его. Родофиникинъ успѣлъ возстановить спокойствіе и укротить волненіе.

Въ Маѣ 1809 г. верховный визирь Юссуфъ-паша, соединивъ у Шумлы до 40,000 человѣкъ, вознамѣрился воспользоваться пребываніемъ князя Прозоровскаго подъ Браиловымъ для дѣйствій противъ Сербовъ. Обезпечивъ себя съ сей стороны, хотѣлъ онъ послѣ тѣмъ надежнѣе встрѣтить Русскихъ въ булгарскихъ равнинахъ. Оставаясь съ главными силами въ Шумлѣ, Юссуфъ отрядилъ часть войскъ въ Сербію, куда направилъ также пашей салоникскаго и серезскаго. Многочисленность дала перевѣсъ Туркамъ. Они принудили Чернаго Георгія снять осаду Ниша, взяли Делиградъ и двинулись къ Бѣлграду. Убѣдительнѣйше просили Сербы князя Прозоровскаго приказать находившемуся въ Малой Валахіи генералъ-маіору Исаеву перейдти черезъ Дунай и подкрѣпить ихъ. «Одно появленіе Русскихъ «въ Сербіи», писали они, «наведетъ страхъ на Турокъ и спа-«сетъ насъ. Князь Прозоровскій отвѣчалъ: «Русская флотилія «стоитъ у Галаца и не можетъ подняться по Дунаю, мимо за-«нятыхъ Турками крѣпостей: Браилова, Силистріи, Рущука, «Журжи, Никополя и Видина, а потому Исаеву съ артиллеріею «и конницею, безъ флотиліи, на рыбачьихъ лодкахъ перепра-«вляться нельзя. Совѣтую вамъ взять терпѣніе до перехода «русской арміи черезъ Дунай.»

Настоящая причина отказа князя Прозоровскаго на просьбу Сербовъ состояла въ его нехотѣніи посылать за Дунай Исаева, доколѣ не объяснятся настоящія намѣренія вѣнскаго двора, ибо въ то время онъ еще не получилъ извѣстій изъ

Петербурга, уничтожившихъ его опасеніе быть обойденному съ тыла Австрійцами. Сербы предались отчаянію при чтеніи отвѣта князя Прозоровскаго, вызывавшаго ихъ вооружиться терпѣніемъ въ ожиданіи переправы русской арміи за Дунай. Почитая себя оставленными произволу собственныхъ силъ, они начали переходить въ австрійскія владѣнія. Турки распространились въ Сербіи, но по невѣжеству въ военномъ дѣлѣ, не пріобрѣли успѣховъ отъ своего численнаго превосходства надъ Сербами. Черный Георгій и воеводы его удерживали стремленіе Турокъ войною партизанскою, а Турки, вмѣсто дѣйствій рѣшительныхъ, окапывались шанцами противъ набѣговъ отважныхъ наѣздниковъ. Между тѣмъ Сербы не переставали роптать на Русскихъ. Желая поддержать колебавшуюся ихъ къ намъ довѣренность и отклонить нареканія, и получивъ успокоительныя извѣстія касательно Австрійцевъ, князь Прозоровскій велѣлъ наконецъ Исаеву сдѣлать движеніе въ пользу Сербовъ, перейдти черезъ Дунай и овладѣть лежащею выше Видина крѣпостью Кладовымъ, называемою по турецки Фетъ-Исламъ, то есть, Торжество Ислама. Здѣсь Князь Прозоровскій намѣренъ былъ учредить мѣсто нашихъ постоянныхъ сообщеній съ Сербами.

Исаевъ выступилъ изъ Краіова съ 6-ю батальонами, двумя полками казаковъ и 500 Пандуровъ; 2-го Іюля перешелъ черезъ Дунай, и подъ стѣнами Кладова соединился съ сербскимъ отрядомъ изъ 1,000 человѣкъ, стоявшимъ на горѣ, въ укрѣпленіи. Получивъ отъ турецкаго коменданта отказъ въ требованіи на сдачу крѣпости, Исаевъ рѣшился взять Кладово приступомъ и раздѣлить войска на шесть колоннъ: 1-я, батальонъ старооскольскаго, полковника Турчанинова; 2-я, батальонъ пензенскаго, полковника Желтухина; 3-я, Пандуры, полковника Курта; 4-я, батальонъ малороссійскихъ гренадеровъ, полковника Вейсса; 5-я, батальонъ 6-го егерьскаго, полковника Глѣбова, и 6-я, батальонъ сибирскихъ гренадеровъ, полковника Ахте. Первыя четыре колонны назначены были штурмовать крѣпость съ сухаго пути; пятая посажена на лодки, съ приказаніемъ атаковать ее со стороны Дуная; шестая составляла резервъ. Впереди штурмовыхъ колоннъ находились по 30-ти стрѣлковъ, при офицерѣ; за ними слѣдовали Сербы, съ лѣстницами и фашинами; за коллоннами шли казаки.

Передъ разсвѣтомъ 9-го Іюля, войска двинулись на приступъ. Батальонъ старооскольскаго полка первый взошелъ на валъ, но былъ сбитъ въ ровъ, при чемъ начальникъ колонны Турчаниновъ раненъ и заступившій мѣсто его полковникъ Аѳанасьевъ убитъ. Когда вторая колонна подходила къ назначенному ей мѣсту, Сербы, несшіе впереди ея лѣстницы и фашины, разбѣжались; колонна, спустясь въ ровъ, осталась въ немъ. Въ то же время разсѣялись Пандуры, составлявшіе третью колонну; четвертая, малороссійскіе гренадеры, взошла на валъ и держалась на немъ четверть часа. На помощь къ ней послана резервная колонна, но она взяла ложное направленіе и не подоспѣла къ малороссійскимъ гренадерамъ, а тѣ не могли одни устоять противъ Турокъ, обратившихся на нихъ всѣми силами, и отступили. Пятая колонна, плывшая въ лодкахъ, была удержана отъ высадки непріятельскими выстрѣлами. «Видя вездѣ неуспѣхъ,» доноситъ Исаевъ, «и не имѣя «ни какихъ способовъ поправить дѣло, болѣе потому, что войдя въ ровъ, войска разсыпались по немъ, я принужденъ «былъ велѣть бить сборъ и защищать выходъ изъ рва артиллеріею. Во время приступа съ нашей стороны убито 335 «и ранено 603 человѣка.» (*). На другой день Исаевъ переправился за Дунай.

По смерти кн. Прозоровскаго, въ Августѣ 1809, когда начальство надъ русскою арміею принялъ кн. Багратіонъ, положеніе Сербовъ было весьма жалкое. Турки направлялись уже къ самому Бѣлграду.

Малымъ числомъ войскъ пособить имъ было невозможно, а отправить къ нимъ значительныя подкрѣпленія не дозволяли растянутое на большомъ пространствѣ положеніе русской арміи и изнурявшія ее болѣзни. Отрядъ Исаева, охранявшій Малую Валахію, заключался въ 2,000 человѣкъ, кромѣ Пандуровъ, войска самаго ненадежнаго, состоявшаго изъ неопытныхъ валахскихъ крестьянъ и бродягъ. Не имѣя способовъ помочь Сербамъ, князь Багратіонъ велѣлъ русскому повѣренному въ дѣлахъ въ Бѣлградѣ, Родофиникину, возбуждать Чернаго Ге-

(*) Донесеніе Исаева Милорадовичу, отъ 10-го Іюля, № 1,005-й.

оргія и народъ къ твердости и смѣлому отраженію непріятеля, увѣряя ихъ, что русское войско постарается быстрыми движеніями за Дунаемъ привлечь противъ себя непріятеля и что Сербамъ будутъ доставлены деньги, оружіе и снаряды. Письмо князя Багратіона не дошло до Родофиникина, отъ того что Сербы были вытѣснены изъ Брзы-Паланки, чѣмъ прервались наши сообщенія съ ними. Въ слѣдъ за тѣмъ, князь Багратіонъ, начавшій уже наступательныя дѣйствія, получилъ, 30-го Августа, въ Кистенджи донесеніе, что Сербы вновь разбиты, тысячами спасаются въ Австрію, перевозятъ изъ Бѣлграда имущество свое въ горы, негодуютъ на насъ за то, что обнадеживаніями нашими помѣшали мы имъ помириться съ Портою, два раза предлагавшею имъ всепрощеніе. Ропотъ противъ Русскихъ усилился; даже хотѣли убить Родофиникина, и онъ принужденъ былъ ночью бѣжать въ Букарестъ. Такъ всѣ сношенія Русскихъ съ Сербами нашелъ князь Багратіонъ расторгнутыми, Турокъ господствующихъ отъ Бѣлграда до Видина и готовыхъ вторгнуться въ Малую Валахію.

Въ Маѣ 1810-го года, когда русскимъ войскомъ командовалъ уже графъ Каменскій, на границахъ Сербіи расположенъ былъ отрядъ Исаева, подъ главнымъ начальствомъ графа Цукато, въ слѣдующемъ составѣ: полки староингерманландскій и новоингерманландскій, пензенскій и олонецкій и 5-ть

резервныхъ батальоновъ	4,045 человѣкъ
4 казачьи полка	1,405 — — —
Пандуровъ и Хорватовъ	1,900 — — —
Итого . . .	7,350 человѣкъ

Войска сіи были раздѣлены на двѣ части: одна, подъ начальствомъ полковника Желтухина, состоявшая изъ 3,784 человѣкъ, назначалась для охраненія Малой Валахіи, а другая, изъ 2331 пѣхоты, 935 казаковъ и 300 Пандуровъ, для дѣйствій въ Сербіи, съ приказаніемъ не выступать въ походъ прежде полученія о томъ повелѣнія главнокомандующаго. Іюня 1-го графъ Каменскій, послѣ покоренія Силистріи, обратился къ Шумлѣ, и приказалъ графу Цукато идти въ Сербію и оборонять область сію, стараясь отвлекать къ верховью Дуная непріятельскія силы отъ главнаго театра войны.

Ночью съ 4-го на 5-е Іюня графъ Цукато переправился на правый берегъ Дуная при островѣ Ольмарѣ и на другой день соединился съ Сербами. Они отдали подъ начальство графа Цукато свой отрядъ, стоявшій близъ Дуная. Главныя силы ихъ расположены были на границахъ Босніи и Албаніи. Верховный вождь, Георгій Черный стоялъ съ отрядомъ въ Делиградѣ, на цареградской дорогѣ, пролегающей черезъ Софію и Нишъ въ средину Сербіи. По Дунаю Турки занимали Видинъ и крѣпостцы Брегово, Неготинъ, Праово, Дуду, Брзу-Паланку и Кладово, производя набѣги и опустошенія въ окрестностяхъ.

Графъ Цукато немедленно обложилъ крѣпостцу Дуду, намѣреваясь овладѣть ею для обезпеченія своей переправы. Въ то же время послалъ онъ Сербовъ, съ частью русскихъ войскъ, обложить Кладово и Брзу-Паланку; разъѣзды пошли въ разныя стороны. Узнавъ о появленіи Русскихъ на правомъ берегу Дуная, видинскій комендантъ Мулла-паша усилилъ гарнизоны Неготина и Праово, дабы удерживать нашихъ отъ наступленія къ Видину. Черезъ нѣсколько дней Турки вышли изъ Праово, и атаковали авангардъ графа Цукато, желая оттѣснить нашихъ отъ Дуду, но были опрокинуты. Гарнизонъ сей крѣпостцы, находящейся на горѣ, видя съ высотъ пораженіе шедшаго на его выручку отряда, отчаялся въ своемъ избавленіи и сдался 16-го Іюня, въ числѣ 302 человѣкъ, съ правомъ свободнаго отступленія. Въ слѣдъ за тѣмъ сдалась на такомъ же условіи Брза-Паланка, съ 650 человѣкъ. Обезпечивъ взятіемъ Дуду свою переправу на Дунаѣ, графъ Цукато послалъ партіи внутрь Сербіи, приказавъ очищать отъ турецкихъ разъѣздовъ пространство между Дунаемъ и Моравою и открывать сообщеніе съ Делиградомъ, гдѣ былъ Георгій Черный. Съ отрядомъ своимъ графъ Цукато не удалялся отъ береговъ Дуная, не желая оставлять безъ защиты Малой Валахіи, куда, на переправу къ Оршовѣ, шелъ одинъ турецкій паша, отъ чего въ Краіовѣ распространился страхъ. Для принятія начальства надъ войсками въ Малой Валахіи посланъ былъ изъ Сербіи Исаевъ. Графъ Цукато распололожился впереди Праово, сильно занятаго и укрѣпленнаго Турками. Въ его отрядѣ и въ посыланныхъ отъ него партіяхъ ничего, кромѣ малыхъ сшибокъ, не случилось.

Такъ прошли Іюнь и Іюль, пока графъ Каменскій блокировалъ Шумлу и осаждалъ Рущукъ. Неудача рущукскаго приступа отразилась и на дѣлахъ Сербіи. Ободренный отбитіемъ штурма, верховный визирь приказалъ пашамъ начать наступленіе на Сербію. Паши двинулись туда съ двухъ сторонъ, отъ Ниша и албанской границы. Весь край пришелъ въ уныніе. Сербскіе начальники возроптали на насъ, изъявляя сожалѣніе о своемъ возстаніи противъ Порты и излишней довѣренности къ Русскимъ. Одна желѣзная рука Георгія Чернаго удерживала въ повиновеніи негодовавшихъ. Описывая графу Цукато горестное положеніе Сербіи, Георгій Черный просилъ о вспомогательномъ войскѣ. При всей готовности подкрѣпить Сербовъ, графъ Цукато не имѣлъ къ тому средствъ, ибо его отрядъ былъ едва достаточенъ для прикрытія Малой Валахіи и береговъ Дуная. Соображая крайне стѣсненное положеніе Сербовъ, отчаявавшихся въ своей защитѣ, графъ Каменскій отрядилъ въ Сербію изъ-подъ Рущука полковника графа Орурка, съ ладожскимъ полкомъ, батальономъ волынскихъ улановъ, казачьимъ полкомъ, 300-ми Арнаутовъ, 6-ю орудіями легкой и 4-мя донской артиллеріи.

Августа 11-го графъ Оруркъ соединился съ графомъ Цукато и получилъ отъ него приказаніе съ отрядомъ своимъ сдѣлать сильное обозрѣніе къ Праово и Неготину. Отправясь въ походъ, онъ схватилъ шедшій изъ Видина большой разъѣздъ. Праовскій паша хотѣлъ освободить плѣнныхъ и сдѣлалъ сильную вылазку, опрокинулъ Арнаутовъ и казаковъ, и съ крикомъ мчался за ними. Торжество было непродолжительно. Вдругъ увидѣли Турки передъ собою два ладожскіе батальона и 10-ть орудій. Встрѣченные огнемъ нашей артиллеріи, они обратились въ бѣгство. За ними понеслись волынскіе уланы и казаки, и гнали ихъ до Праово. Полагая, что послѣ сего пораженія Турки не отважатся выдти скоро изъ укрѣпленій, графъ Цукато велѣлъ графу Орурку переправиться черезъ Тимокъ и идти къ Видину, развѣдать о положеніи дѣлъ и возвратиться черезъ недѣлю. Августа 14-го, отрядъ выступилъ въ походъ. На другой день явились къ графу Орурку депутаты отъ Георгія Чернаго съ самою убѣдительною просьбою спѣшить, какъ можно скорѣе, къ Делиграду на соединеніе съ Сербами, безъ чего, говорилъ Георгій, долженъ

онъ будетъ бросить Делиградъ и искать спасенія въ Бѣлградѣ, оставляя весь край на произволъ Турокъ, предающихся внутри Сербіи всѣмъ возможнымъ неистовствамъ. «Отчаяніе наше,» писалъ Георгій Черный графу Орурку, «достигло высшей степени; побѣги въ войскахъ усиливаются ежедневно. «Турки грабятъ и рѣжутъ беззащитныхъ. Только отъ васъ «ждемъ спасенія.» Графъ Орурнъ немедленно выступилъ къ Делиграду, донося графу Цукато о побудительныхъ къ сему движенію причинахъ. Графъ Цукато одобрилъ его рѣшимость.

Присланные отъ Чернаго Георгія депутаты повели отрядъ графа Орурка въ верхъ по Тимоку, дремучими лѣсами и ущельями. На пути была занимаемая Турками крѣпостца Баня, не обширная, но сильная по мѣстоположенію, и важная тѣмъ, что находилась въ срединѣ Сербіи. Сербы два раза пытались овладѣть ею и были отражаемы съ потерею. Графъ Орурнъ могъ обойдти крѣпостцу и слѣдовать къ Георгію Черному окольными дорогами, но рѣшился взять Баню, желая побѣдною вѣстью предупредить соединеніе свое съ Сербами и укрѣпить ихъ въ надеждѣ, возлагаемой ими на заступленіе Россіи. Впереди Бани стояла турецкая конница. Графъ Орурнъ отрядилъ противъ нея волынскихъ улановъ и казаковъ, послалъ ладожскій полкъ овладѣть возвышеніемъ въ тылу крѣпостцы. Уланы и казаки опрокинули Турокъ, а Ладожцы заняли указанную имъ высоту, и потомъ немедленно штурмовали ближайшее укрѣпленіе, защищенное 400-ми Турокъ, съ однимъ орудіемъ. Въ полчаса укрѣпленіе было взято приступомъ; изъ 400 человѣкъ гарнизона осталось въ живыхъ 90: прочіе легли на мѣстѣ. Находившійся въ главномъ укрѣпленіи паша, свидѣтель пораженія своей конницы и неустрашимости ладожскаго полка, оробѣлъ и сдался, съ правомъ свободнаго отступленія и съ обязательствомъ не служить въ настоящей войнѣ противъ Россіи. Съ нашей стороны убито и ранено въ семъ дѣлѣ 126 человѣкъ.

Совершивъ сей подвигъ, графъ Орурнъ оставилъ въ Банѣ сербскій гарнизонъ, а самъ, давъ отряду нѣсколько часовъ отдыха, спѣшилъ къ Делиграду, куда пришелъ 23 Августа. Восторгъ Сербовъ при видѣ Русскихъ былъ чрезвычайный. Войско сербское, народъ и духовенство, съ распущенными

знаменами и хоругвями, спѣшили на встрѣчу нашимъ. Послѣ радостныхъ привѣтствій служили молебенъ, вознося къ Богу молитвы о благоденствіи императора Александра. Объясняя графу Орурку положеніе дѣлъ, Черный Георгій говорилъ, что стоящій противъ него турецкій отрядъ не опасенъ, и не можетъ предпринять никакого покушенія противъ Делиграда, ибо сербскій лагерь укрѣпленъ сильно, но угнетаетъ Сербію 15,000-й непріятельскій корпусъ, подъ начальствомъ визиря Ахмета-Рушида и трехъ пашей, въ томъ числѣ храбраго Измаила-Бея, расположенный на Сербской Моравѣ близъ Ясики, и производящій жестокія разоренія въ окрестностяхъ, гдѣ онъ уже выжегъ до основанія 40 селеній. Выслушавъ Георгія Чернаго, графъ Орурк отвѣчалъ ему: «Пойдемъ и разобьемъ визиря.» Предложеніе было принято.

Августа 24-го графъ Орурк выступилъ съ Георгіемъ Чернымъ изъ Делиграда, и черезъ сутки пришелъ къ Ясикѣ, гдѣ было разрушенное Турками сербское укрѣпленіе. Въ немъ лежало много труповъ Сербовъ, являвшихъ признаки самой мучительной смерти. Тотчасъ принялись исправлять укрѣпленіе, работали всю ночь, и къ утру кончили передній фасъ. Усмотря на разсвѣтѣ прибытіе войскъ къ Ясикѣ и не догадываясь о соединеніи нашемъ съ Сербами, ибо графъ Орурк поставилъ отрядъ свой скрытно, Ахметъ-Рушидъ вознамѣрился атаковать появившихся въ виду его Сербовъ. Турки начали переходить въ бродъ черезъ Мораву, оставя на лагерномъ мѣстѣ, въ резервѣ, Измаила-Бея. Мегметъ Рушидъ атаковалъ укрѣпленіе при Ясикѣ, занятое Георгіемъ Чернымъ съ 2-я орудіями; по сторонамъ укрѣпленія стояли также Сербы, а позади ладожскій полкъ, волынскіе уланы, казаки и артиллерія. Атака была отбита. Турки обратились противъ нашего праваго крыла. Стоявшіе въ первой линіи Сербы отступили. Турки устремились за ними и были встрѣчены ладожскимъ полкомъ и артиллеріею. Появленіе русскихъ войскъ въ нѣдрахъ Сербіи, въ 150-ти верстахъ отъ Дуная, изумило Мегмета Рушида. Онъ остановился. Уланы и казаки не дали ему опомниться и пошли въ атаку. Турки не выждали нападенія и побѣжали.

Видя неудачу, стоявшій въ резервѣ Измаилъ-Бей двинулся впередъ съ своими толпами, присоединяя къ себѣ разсѣян-

ныя войска Мехмета-Рушида, и началъ переправляться черезъ Сербскую Мораву. Графъ Орурнъ не мѣшалъ переправѣ и готовился къ встрѣчѣ непріятеля. Перейдя черезъ Мораву, Измаилъ-Бей повелъ атаку. графъ Орурнъ открылъ по немъ пушечную пальбу, и смѣшавъ его толпы нашими мѣткими выстрѣлами, ударилъ на него съ волынскими уланами и казаками, приказавъ ладожскому полку быстро идти за конницею. Турки разсѣялись и безпорядочными толпами кидались въ Мораву. Графъ Орурнъ гналъ ихъ до рѣки сей, но на берегахъ ея остановилъ преслѣдованіе и стрѣлялъ по бѣгущимъ ядрами и гранатами. Дѣло продолжалось 7 часовъ; съ нашей стороны, кромѣ Сербовъ, убито и ранено 55 человѣкъ.

Побѣда при Ясикѣ произвела самое радостное волненіе въ Сербахъ, никогда не одерживавшихъ подобнаго торжества надъ своими злыми врагами. Георгій Черный ввѣрилъ графу Орурку все свое войско въ полное, неограниченное распоряженіе, съ правомъ казнить смертью, а самъ отправился въ Бѣлградъ, для приведенія въ устройство гражданскихъ дѣлъ, сбора войскъ и продовольствія. Черезъ нѣсколько дней, отправленные въ разныя стороны графомъ Орурномъ разъѣзды донесли, что Ахметъ-Рушидъ выступилъ изъ своего укрѣпленнаго лагеря и потянулся къ Варварину. Графъ Орурнъ послѣдовалъ за нимъ и сталъ противъ турецкаго лагеря. Желая имѣть въ нѣдрахъ Сербіи твердый пунктъ для дальнѣйшихъ дѣйствій, графъ Орурнъ началъ строить большой редутъ. Всѣ окрестные жители радушно помогали работамъ. Черезъ пять дней соорудили укрѣпленіе на 1,000 человѣкъ и 8 пушекъ. По сторонамъ сдѣлали засѣки въ лѣсахъ. Въ тоже время графъ Орурнъ обучалъ Сербовъ правильнымъ движеніямъ и составилъ изъ нихъ два батальона и три эскадрона. Они легко понимали наши построенія, но только не могли вести порядочно конныхъ атакъ. При командѣ: маршъ-маршъ! ряды исчезали, и слѣдуя прежней привычкѣ, каждый Сербъ носился по произволу; трудно было потомъ собрать ихъ. Сентября 6-го, Ахмедъ-Рушидъ вышелъ изъ лагеря и двинулся противъ нашего редута, по сторонамъ коего стояли войска. Турки кидались на всю нашу боевую линію, попеременно, то на одинъ пунктъ, то на другой, и вездѣ были отбиваемы. Черезъ четыре дня визирь вновь атаковалъ нашу позицію, сперва съ фронта, а потомъ

съ праваго крыла, стараясь обходить ее. Огонь редута и потомъ удачная кавалерійская атака уничтожили покушеніе непріятеля Визирь отступилъ, преслѣдуемый всѣмъ отрядомъ нашимъ. Простоявъ еще двѣ недѣли у Варварина, визирь возвратился къ албанскимъ границамъ, послѣ чего не оставалось болѣе Турокъ внутри Сербіи. Казаки слѣдовали нѣсколько переходовъ за Мегеметомъ-Рушидомъ, удостовѣряясь въ дѣйствительности его отступленія, а за тѣмъ примкнули къ графу Орурку и пошли съ нимъ въ Делиградъ, на соединеніе съ Георгіемъ Чернымъ.

Въ продолженіе сихъ дѣйствій умерли командовавшіе войсками въ Сербіи и Малой Валахіи, графъ Цукато и Исаевъ. Преемникомъ ихъ назначенъ былъ Зассъ, а какъ въ то время сдались Рущукъ и Журжа, то графъ Каменскій, болѣе прежняго развязанный въ своихъ дѣйствіяхъ, отрядилъ съ Зассомъ 6 батальоновъ, 5 эскадроновъ, и полкъ казаковъ. Въ исходѣ Сентября Зассъ переправился черезъ Дунай у Дуду. Озабоченный прибытіемъ столь значительнаго числа войскъ, видинскій паша вывелъ гарнизоны изъ Неготина и Праово, и отступилъ за рѣку Тимокъ, къ Брегову. Тогда сдалась крѣпость Кладово, обложенная Русскими и Сербами, подъ начальствомъ Полковника Цвиленева. Гарнизону, въ числѣ 500 человѣкъ, дано было право свободнаго отступленія, съ условіемъ не служить противъ насъ въ теченіе года. Въ крѣпости взяты 21 орудіе и 6 знаменъ. Такимъ образомъ весь правый берегъ Дуная до Тимока былъ очищенъ, въ то время, когда Мегметъ-Рушидъ возвращался изъ Варварина къ албанскимъ границамъ

Въ половинѣ Октября войска видинскаго паши начали расходиться по домамъ. Графъ Каменскій приказалъ Зассу и графу Орурку возвратиться на зимованье въ Малую Валахію, но желая совершенно обезпечить Сербію отъ нападеній со стороны Булгаріи, онъ предписалъ графу Орурку, на обратномъ пути къ Дунаю, взять крѣпостцу Гургусовацъ, если можно овладѣть ею безъ большой потери. Для содѣйствія ему посланъ былъ къ Гургусовцу отъ Праово отрядъ флигель-адъютанта Засса, 3 батальона и казачій полкъ. Ему и графу Орурку приказано было придти къ крѣпостцѣ 4-го Ноября. Въ назначенный день оба отряда соединились у Гургусовца.

Прогнавъ встрѣченную впереди крѣпости турецкую конницу, графъ Оруркъ обложилъ Гургусовацъ и открылъ по немъ дѣйствіе изъ 18-ти орудій. Ночью Турки сдѣлали вылазку, въ намѣреніи пробиться, но были отражены. На другой день графъ Оруркъ сосредоточилъ въ одномъ мѣстѣ 12-ть орудій, началъ бить брешъ, готовя лѣстницы и фашины для приступа. Вскорѣ повалились башня и часть стѣны. Назначенный на приступъ отрядъ флигель-адъютанта Засса двинулся впередъ. Испуганные Турки открыли переговоры и сдались, съ условіемъ положить оружіе и свободно возвратиться въ домы. Гарнизонъ состоялъ изъ 800 человѣкъ. Крѣпостца, найденныя въ ней четыре пушки и снаряды были отданы Сербамъ. Съ покореніемъ Гургусовца присоединились отъ Турокъ къ Сербамъ два уѣзда, заключавшіе въ себѣ болѣе 80-ти селеній, повиновавшихся до тѣхъ поръ бывшему въ Гургусовцѣ турецкому начальнику. Въ половинѣ Ноября графъ Оруркъ перешелъ вмѣстѣ съ Зассомъ черезъ Дунай, и расположился на зимнія квартиры въ Малой Валахіи. Такъ кончился первый и послѣдній походъ, совершенный Русскими въ Сербію. Благодарные Сербы поднесли графу Орурку грамоту, именуя его своимъ избавителемъ.

Для содѣйствія Сербамъ и убѣжденія ихъ въ постоянной помощи Русскихъ, новый главнокомандующій Кутузовъ въ походѣ 1811 г. отправилъ къ нимъ при началѣ похода два отряда: одинъ, генералъ-маіора Баллы, состоявшій изъ нейшлотскаго мушкетерскаго полка и казаковъ, занялъ Бѣлградъ, другой, графа Орурка, расположенъ былъ Неготинѣ. Въ Іюлѣ, отрядъ графа Орурка оставилъ Сербію. Однимъ батальономъ нейшлотскаго полка Балла занималъ Бѣлградъ, а другой баталіонъ отрядилъ во внутрь Сербіи, къ крѣпостямъ Банѣ и Гургусовцу, въ минувшемъ году взятымъ нашими войсками. Два раза Турки подходили къ симъ крѣпостямъ, завязывали перестрѣлку и возвращались безъ успѣха. Обративъ на себя всѣ силы Турковъ, Кутузовъ избавилъ Сербію отъ нападеній. Впервыя послѣ многихъ лѣтъ военной тревоги и разоренія, наносимаго имъ Турками, Сербы насладились спокойствіемъ, вздохнули свободно.

II.

УСТАВЪ КНЯЖЕСТВА СЕРБСКАГО.

СУЛТАНСКІЙ ХАТТИШЕРИФЪ,

состоявшійся около половины мѣсяца Шевала (между $\frac{10}{22}$ и $\frac{12}{24}$ числами Декабря 1838 года) и содержащій въ себѣ Уставъ, дарованный его Величествомъ жителямъ его области Сербіи.

Моему визирю *Юсуфъ-Мухлисъ-Пашѣ* (да прославится онъ!) и князю народа сербскаго *Милошу Обреновичу* (да будетъ счастливъ конецъ его!)

Въ силу преимуществъ и льготъ, дарованныхъ жителямъ моей области Сербіи, за ихъ вѣрность и приверженность, и по содержанію прежнихъ, въ разныя времена состоявшихся, царскихъ хаттишерифовъ, признано за нужное даровать этой области единое внутреннее управленіе и единый народный Уставъ, постоянный, особенный и преимущественный, подъ условіемъ, чтобы Сербы на будущее время твердо сохраняли свои обязанности, вѣрность и покорность, и въ назначенные сроки исправно платили моей высокой Портѣ опредѣленную подать.

1. Согласно съ органическимъ уставомъ, который дарую я сербскому народу, предоставляется тебѣ и твоему семейству княжеское достоинство, въ награду за твою вѣрность и твою приверженность, и по содержанію полученнаго тобою прежде царскаго берата.

2. Внутреннее управленіе страны ввѣряется твоему вѣрному попеченію, и на твои собственныя издержки назначается 4000 мѣшковъ ежегодно дохода (*).

3. Кромѣ того предоставляю тебѣ въ свое время:

а) назначать разныхъ областныхъ чиновниковъ;

б) приводить въ исполненіе установленные законы;

в) быть верховнымъ начальникомъ надъ гарнизонными войсками, необходимыми для охраненія добраго порядка и мира въ странѣ отъ всякаго нападенія и всякаго нарушенія;

г) блюсти за распредѣленіемъ и сборомъ явныхъ, т. е. общенародныхъ, податей и налоговъ;

д) раздавать должностнымъ и чиновнымъ лицамъ законныя порученія и приказанія, какія понадобятся;

е) наказывать осужденныхъ по законамъ преступниковъ, и даемъ тебѣ власть съ подобающими исключеніями отмѣнять или смягчать наказанія.

4. Получивъ такую власть, ты будешь имѣть полное право, для надлежащаго управленія страною и жителями, тебѣ ввѣренными, выбрать, наименовать и поставить трехъ лицъ, которыя, подъ твоимъ начальствомъ, составятъ главное правительство области и будутъ заниматься: одно внутренними дѣлами, другое финансами, а третье судебными дѣлами страны.

5. Ты учредишь себѣ особенную канцелярію, которая будетъ состоять подъ управленіемъ твоего мѣстоблюстителя или представника; и ты поручишь ему выдавать паспорты и завѣдывать сношеніями Сербовъ съ иноземными державами.

6. Образуется и устроится совѣтъ изъ старѣйшинъ и важнѣйшихъ лицъ сербскаго народа. Въ немъ будутъ засѣдать 17 членовъ, и въ числѣ ихъ одинъ долженъ быть предсѣдателемъ.

7. Кто родился не въ Сербіи или по законамъ не получилъ качества сербскаго гражданина, кто не достигъ 35-лѣтняго возраста, или не имѣетъ недвижимаго достоянія, тотъ не можетъ участвовать въ народномъ совѣтѣ и считаться въ числѣ его членовъ.

8. Какъ предсѣдатель совѣта, такъ и члены изберутся

(*) Въ мѣшкѣ заключается 500 піастровъ.

тобою, но подъ условіемъ, чтобы они были достаточно извѣстны между согражданами, своими способностями и честностью, оказали какія либо услуги отечеству и заслужили общее одобреніе.

9 Послѣ избранія и назначенія, и предъ вступленіемъ въ должность, каждый членъ и всѣ, начиная съ тебя, принесутъ присягу предъ лицемъ митрополита, и поклянутся не дѣлать ничего противнаго благу народа, обязанностямъ званія, предписаніямъ совѣсти и моей царской волѣ.

10. Исключительнымъ занятіемъ этого совѣта будетъ соблюденіе общенароднаго блага и оказаніе тебѣ услугъ и помощи.

11. Безъ предварительнаго одобренія и утвержденія Совѣта никакое распоряженіе не можетъ быть исполнено и никакой налогъ не можетъ быть взимаемъ.

12. Жалованье членамъ совѣта опредѣлишь ты съ общаго согласія и сообразно надобности; когда же собранія ихъ будутъ устроены въ главномъ мѣстѣ управленія княжества, то кругъ ихъ дѣятельности будетъ опредѣленъ и ограниченъ слѣдующими предметами:

а) Разборъ и рѣшеніе вопросовъ и дѣлъ, касающихся законовъ и учрежденій страны, правосудія, податей и другихъ налоговъ.

б) Опредѣленіе жалованья и награжденій всѣмъ чиновникамъ въ странѣ, равно какъ и учрежденіе новыхъ должностей, если онѣ понадобятся.

в) Счетъ годовыхъ издержекъ по управленію страною и пріисканіе наилучшихъ и легчайшихъ средствъ для распредѣленія и взиманія налоговъ, коими должны покрываться расходы.

г) Наконецъ сочиненіе единаго закона, который долженъ опредѣлить число, жалованье и служебныя обязанности земскаго гарнизона, долженствующаго охранять добрый порядокъ и спокойствіе.

13. Совѣтъ имѣетъ право составлять проэкты законовъ, какіе найдетъ онъ полезными, и представлять ихъ тебѣ за подписью предсѣдателя и секретаря совѣта, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы законъ этотъ никакимъ образомъ не нарушалъ законныхъ правъ господствованія моей высокой Порты, подъ властію которой страна состоитъ.

14. Вопросы, подлежащіе разсмотрѣнію совѣта, рѣшаются большинствомъ голосовъ.

15. Совѣтъ имѣетъ право ежегодно въ Мартѣ и Апрѣлѣ требовать отъ трехъ вышеупомянутыхъ попечителей годоваго извлеченія изъ ихъ дѣлъ и повѣрять ихъ счеты.

16. Эти три высокіе сановника, попечители внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и правосудія, равно и попечитель твоей канцеляріи, пока состоятъ при должности, будутъ засѣдать въ совѣтѣ, по предварительномъ принесеніи присяги.

17. Члены совѣта не могутъ быть отставлены безъ причины, и пока не будутъ доказано передъ моею высокою Портою, что они совершили какое нибудь преступленіе или нарушили законы и постановленія страны.

18 Избирается и назначается изъ Сербовъ одинъ капутехая (повѣренный), который будетъ жить при моей высокой Портѣ и завѣдывать дѣлами сербскаго народа, согласно съ моими царскими намѣреніями, равно и съ постановленіями и національными правами Сербіи.

19. Въ вѣдѣніе сановника, которому поручаются дѣла внутреннія, входятъ: полиція, карантинъ, сообщеніе княжескихъ распоряженій земскимъ властямъ по округамъ, управленіе общеполезными заведеніями и почтою, содержаніе большихъ дорогъ и исполненіе законовъ, относящихся къ войскамъ земскаго гарнизона.

20 Тотъ, кому поручаются финансы, долженъ повѣрять счеты, заботиться о процвѣтаніи торговли, беречь общенародные доходы, число которыхъ опредѣлено будетъ законами страны и управлять ими; смотрѣть, чтобы исполнялись законы, относящіеся до торговли и денежныхъ дѣлъ; уплачивать земскіе расходы, по разсчетамъ, представленнымъ отъ прочихъ сановниковъ; онъ постарается составить списокъ общественныхъ и частныхъ имуществъ, равно и недвижимыхъ имуществъ земскихъ и правительственныхъ; будетъ имѣть надзоръ за горнымъ промысломъ, лѣсами и за другими дѣлами, относящимися до его канцеляріи.

21. Попечитель правосудія, которому поручается также и министерство общенароднаго воспитанія и распространенія наукъ, будетъ надзирать за исполненіемъ приговоровъ; принимать и удовлетворять жалобы на судей, освѣдомляться о

качествахъ тѣхъ лицъ, коимъ ввѣрено соблюденіе правосудія; требовать отъ нихъ черезъ всякіе три мѣсяца списокъ всѣхъ дѣлъ, происходившихъ въ теченіи этого времени; пещись о содержаніи и порядкѣ въ тюрьмахъ и объ улучшеніи ихъ.

22. Онъ будетъ также заниматься усовершенствованіемъ общенародныхъ нравовъ, заводя новыя школы и поощряя науки. Ему поручаются надзоръ за больницами и прочими общеполезными заведеніями, и переписка съ церковными властями для устроенія всего, относящагося до религіи, богослуженія и церкви.

23. Иностранецъ, родившійся внѣ Сербіи, или не получившій правъ сербскаго гражданина, не можетъ занимать ни одной изъ трехъ вышеписанныхъ должностей.

24. Три попечителя будутъ заниматься своими обязанностями, независимо другъ отъ друга и не подчиняясь другъ другу; у каждаго изъ нихъ будетъ своя особая канцелярія.

25. Дѣла каждаго изъ нихъ должны быть распредѣлены на нѣсколько отдѣленій и столовъ, и всякая бумага, исходящая отъ нихъ по дѣламъ службы, должна быть снабжена надлежащею ихъ подписью; сверхъ того никакое дѣло, взаимно касающееся этихъ отдѣленій, не можетъ идти въ ходъ, безъ предварительной помѣтной подписи начальника отдѣленія; такимъ образомъ никакое распоряженіе, никакое дѣло не можетъ имѣть силы, если напередъ на будетъ явлено и занесено въ книги того отдѣленія, къ которому оно относится.

26. Три попечителя ежегодно, въ Мартѣ и Апрѣлѣ, составляютъ извлеченіе изъ всѣхъ дѣлъ, производившихся въ ихъ собственныхъ и подчиненныхъ имъ канцеляріяхъ, и съ доказательнымъ изложеніемъ представляютъ его на разсмотрѣніе совѣту, за своими печатями и подписями, также и за подписью начальника отдѣленія.

27. Я непремѣнно желаю, чтобы жители Сербіи, подданные моей высокой Порты, пользовались безопасностью относительно имущесквъ своихъ, личности, чести и достоинствъ, чтобы никто безъ суда не былъ лишенъ своихъ гражданскихъ правъ, ниже подвергался гоненію или какому либо наказанію.

Для этой цѣли, согласно съ началами правды и общественными потребностями положено устроить въ странѣ разные

суды, которые бы по законамъ наказывали преступниковъ и давали правду всякому общественному и частному лицу, обращая вниманіе на права и оправданіе его, или напротивъ на вины и преступленія, предварительно судомъ доказанныя.

28. Слѣдовательно ни одинъ Сербинъ не можетъ быть подвергнутъ денежному или какому либо другому тѣлесному наказанію или *глобѣ*, то есть, выкупу за наказаніе, прежде законнаго суда и осужденія. Суды эти, по закону, будутъ разбирать спорныя дѣла и торговыя тяжбы, допрашивать и судить преступленія, но ни въ какомъ случаѣ не могутъ налагать и назначать наказаніе описью имущества.

29. Дѣти и сродники преступника не отвѣчаютъ и не наказываются за преступленіе ихъ родителей.

30. Для исполненія правосудія учреждены въ Сербіи три суда. Первый по селамъ изъ мѣстныхъ старѣйшинъ, подъ названіемъ суда примирительнаго. Другой, судъ первой степени, въ каждомъ изъ 17 округовъ, изъ которыхъ состоитъ Сербія. Третій—аппелляціонный въ главномъ мѣстѣ правительства.

31. Судъ примирительный въ каждомъ селѣ составляетъ одинъ предсѣдатель и два члена, избранные изъ мѣстныхъ жителей. Ни одинъ сельскій судъ не можетъ рѣшать дѣла, превышающія 100 грошей (*). Самое большее наказаніе, которое онъ можетъ присудить, должно состоять въ трехдневномъ заключеніи и въ десяти палочныхъ ударахъ.

32. Тяжбы въ этихъ судахъ разбираются и рѣшаются изустно и въ общихъ словахъ. Только остальные два суда прозводятъ свои рѣшенія письменно. Судъ сельскій обязанъ посылать въ судъ окружный, котораго онъ составляетъ часть, всѣ тяжбы, превышающія 100 грошей, и всѣ дѣла о преступленіяхъ, заслуживающихъ болѣе 10 палочныхъ ударовъ, и въ семъ послѣднемъ случаѣ препровождать въ окружный судъ какъ истца, такъ и отвѣтчика.

33. Окружный судъ, долженствующій разбирать тяжбы въ первой степени, состоитъ изъ предсѣдателя, трехъ членовъ и достаточнаго числа писарей.

(*) Піастръ.

34. Въ председатели и въ члены первостепеннаго суда не могутъ быть назначены лица, не достигшія 30 лѣтняго возраста.

35. Судъ этотъ имѣетъ право разбирать и рѣшать какъ спорныя дѣла, такъ и уголовныя преступленія и торговыя тяжбы.

36. Всякому лицу, проигравшему тяжбу въ первостепенномъ судѣ своего округа, дается дневный срокъ, въ теченіи котораго онъ можетъ перенести ее въ судъ аппелляціонный; послѣ же этого срока рѣшеніе окружнаго суда считается окончательнымъ.

37. Судъ аппелляціонный исключительно занимается разсмотрѣніемъ и обсужденіемъ дѣлъ и тяжбъ, уже находившихся въ первостепенномъ судѣ, и какъ председатель аппелляціоннаго суда, такъ и 4 члена, данные ему въ помощники, непремѣнно должны быть старѣе 35 лѣтъ.

38. Члены судовъ сербскихъ должны быть природные Сербы, либо получившіе по законамъ права сербскаго гражданина.

39. Въ тяжбахъ, перенесенныхъ изъ одного суда въ другой, председатель каждаго суда долженъ дать истцу и отвѣтчику извлеченіе изъ рѣшенія, за своею подписью и печатью.

40. Члены сельскихъ примирительныхъ судовъ не могутъ быть членами остальныхъ двухъ судовъ.

41. Въ случаѣ смерти члена этихъ двухъ судовъ, на его мѣсто выбирается старѣйшій возрастомъ и службою изъ знающихъ законы людей и уже исполнявшихъ судейскую должность.

42. Членъ суда не можетъ быть отставленъ подъ предлогомъ нарушенія должности , прежде чѣмъ вина его не будетъ доказана по законамъ правосудія.

43. Такъ какъ чиновники военные, гражданскіе и священники изъяты отъ тѣлеснаго наказанія, то въ тѣхъ случаяхъ, когда по торжественномъ доказательствѣ ихъ виновности, вслѣдствіе законнаго рѣшенія, они будутъ осуждены на наказаніе, должно наказывать ихъ строгимъ выговоромъ, задержаніемъ, отставкою или наконецъ заточеніемъ.

44. Чиновники княжества, гражданскіе и военные, высшіе и низшіе, не могутъ вмѣшиваться въ дѣла вышеписанныхъ трехъ

судовъ, и призываются только для приведенія въ дѣйствіе ихъ рѣшеній.

45. Торговля въ Сербіи свободна; и потому всякій Сербинъ воленъ упражняться въ ней; не дозволяется ни малѣйшаго стѣсненія этой свободы, развѣ князь, по согласію съ земскимъ совѣтомъ, признаетъ за нужное сдѣлать временное ограниченіе въ какой нибудь отрасли торговли.

46. Всякій Сербинъ, соблюдающій законы державы, вполнѣ властенъ продать собственность свою и имущество, располагать ими по волѣ и оставлять другимъ посредствомъ завѣщанія.

47. Онъ не можетъ быть лишенъ этого права, развѣ по законному опредѣленію одного изъ учрежденныхъ земскихъ судовъ

48. Всякій Сербинъ, начинающій тяжбу, долженъ обращаться къ суду того округа, въ которомъ онъ живетъ, и не можетъ быть позванъ въ судъ другаго округа.

49. Барская работа (кулукъ) отмѣняется въ Сербіи, и не можетъ быть наложена ни на одного Сербина.

50. Издержки на содержаніе и постройку мостовъ и дорогъ должны быть разложены на окрестныя сельскія общества.

51. Какъ главное правительство княжества должно заботиться о большихъ дорогахъ, по которымъ ходитъ почта, о мостахъ и прочихъ общеполезныхъ сооруженіяхъ: такъ равно и частные люди должны знать, что для этого необходимы собственныя ихъ ревность и вниманіе.

52. По согласію съ совѣтомъ ты опредѣлишь надлежащую поденную плату бѣднымъ людямъ, которые занимаются этими работами; равнымъ образомъ ты условишься съ совѣтомъ о годовомъ постоянномъ жалованіи всѣмъ, опредѣленнымъ на разныя должности въ княжествѣ.

53. Чиновникъ, прослужившій нѣсколько лѣтъ, можетъ, по законнымъ причинамъ, выйдти въ отставку; въ такомъ случаѣ ему должна быть назначена соотвѣтствующая его заслугамъ пенсія.

54. Должности, гражданскія, военныя и судейскія, даются въ Сербіи указомъ князя, подъ условіемъ, чтобы всякій чиновникъ начиналъ служить съ низшихъ мѣстъ и постепенно

возводимъ былъ на мѣста высшія, по надлежащемъ его испытаніи

55. Законовѣды, имѣющіе судейскія должности, никогда не могутъ перемѣнить службу или получить мѣсто гдѣ нибудь не въ судахъ, но должны исключительно заниматься усовершенствованіемъ своимъ по судейской части.

56. Никакой чиновникъ, ни гражданскій, ни военный, не можетъ, даже и временно, занимать должность въ судахъ.

57. Такъ какъ Сербы, подданные и плательщики моей высокой Порты, принадлежатъ къ христіанскому греческому вѣроисповѣданію или такъ называемой восточной церкви, то я даровалъ сербскому народу полную свободу совершать обычные обряды ихъ вѣры, и съ твоимъ содѣйствіемъ и подъ твоимъ надзоромъ, избирать изъ себя митрополитовъ и епископовъ, съ условіемъ, что они, по духовному чиноположенію, будутъ подчинены духовной власти патріарха, который находится въ Константинополѣ, и считается главою ихъ вѣры и Сѵнода. По преимуществамъ и льготамъ, которыя издревле, съ самаго завладѣнія, дарованы христіанамъ, жителямъ оттоманскаго царства, начальники священства ихъ вполнѣ управляютъ дѣлами вѣры и церкви; со стороны народа опредѣлены награжденія митрополитамъ, епископамъ, игумнамъ и священникамъ и благочестивымъ, принадлежащимъ церкви, заведеніямъ; тоже самое должно имѣть силу и относительно содержанія и достоинства митрополитовъ и епископовъ въ Сербіи.

58. Въ Сербіи назначены будутъ мѣста, въ которыхъ будетъ собираться особый совѣтъ изъ митрополитовъ и епископовъ; въ вѣдѣніе сего совѣта поступятъ дѣла вѣры, дѣла митрополитовъ, епископовъ и священниковъ, и дѣла, касающіяся церковныхъ земель.

59. Спахилуховъ, тимаровъ и зіаметовъ болѣе не будетъ въ Сербіи, и этотъ старый обычай никогда не будетъ возобновленъ.

60. Всякій Сербинъ, большой и малый, обязанъ платить дань и налоги. Сербскіе чиновники, несущіе земскую службу, платятъ приходящіяся на ихъ долю подати соразмѣрно ихъ имуществамъ и землямъ; одно духовенство не платитъ податей.

61. Сербія раздѣляется на 17 округовъ, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ по нѣскольку волостей (*срезовъ*), подраздѣляющихся на села и общины; посему всякій окружный начальникъ долженъ имѣть при себѣ одного помощника, одного писаря, одного казначея и еще нѣсколько лицъ, буде понадобятся.

62. Окружные начальники должны исполнять распоряженія, получаемыя ими отъ главнаго правительства княжества, по всѣмъ дѣламъ внутренняго управленія, относящимся къ ихъ должности; при сборѣ податей они должны строго держаться присланныхъ отъ финансоваго управленія списковъ; не мѣшаться въ распри, могущія возникнуть въ ихъ округахъ по случаю платежа податей, и довольствоваться единственно отсылкою возникшихъ спорныхъ и тяжебныхъ дѣлъ въ окружный судъ, предоставляя себѣ лишь исполненіе судейскаго опредѣленія.

63. Начальникъ волости предохраняетъ земли и имущества селъ отъ всякаго нападенія и защищаетъ народъ отъ злоумышленниковъ, бродягъ и негодяевъ

64. Онъ долженъ осматривать паспорты всѣхъ лицъ, прибывающихъ въ его волость или оставляющихъ оную.

65. Онъ не можетъ никого держать въ заключеніи болѣе 24 часовъ, но посылаетъ въ окружный судъ спорныя и тяжебныя дѣла, возникающія въ его волости, и въ дѣлахъ полицейскихъ обращается къ начальнику окружной полиціи. Сверхъ того онъ надзираетъ за сельскими примирительными судами, но отнюдь не вмѣшивается въ дѣла сельскихъ церквей и школъ, и не касается доходовъ и земель, принадлежащихъ другимъ благочестивымъ заведеніямъ. На земли и имущества, назначаемыя церквамъ, городамъ, жителямъ и общеполезнымъ заведеніямъ, также и на имущества, коими владѣютъ частныя лица, выдаются особыя, подтверждающія право владѣнія, доказательства (документы, т. е. тапіи), которыя записываются въ земскихъ канцеляріяхъ.

66. Всѣ вообще Сербы, безъ изъятія, не могутъ быть, ни тайно, ни явно, преслѣдуемы и гонимы безъ позыва въ судъ и осужденія. По устроеніи и утвержденіи вышеписанныхъ уставовъ, согласно моей императорской волѣ, состоялся на-

рочно сей императорскій фирманъ, который украшенъ моимъ свѣтлымъ царскимъ хатомъ и посылается тебѣ.

Итакъ повелѣвается тебѣ, какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ отношеніяхъ, блюсти благосостояніе царской области, надъ которою дано тебѣ и твоему семейству начальство, подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ты внималъ и подчинялся исходящимъ отъ меня повелѣніямъ. Ты долженъ всѣми силами изыскивать средства къ обезпеченію благоденствія области, спокойствія и мира ея обитателей. Кромѣ того повелѣваю тебѣ уважать званіе, честь, чинъ и заслуги каждаго; особенно стараться о томъ, чтобы вышеизложенный уставъ во всѣхъ подробностяхъ и цѣлости всегда соблюдался, и чтобы чрезъ твою ревность молились за меня и благословляли меня всѣ жители страны. Этимъ ты подтвердишь и оправдаешь мою царскую довѣренность и благоволеніе къ тебѣ. — Повелѣваю всѣмъ Сербамъ вообще слушаться всѣхъ повелѣній князя, согласныхъ съ уставами и учрежденіями страны, и старательно сообразжаться съ необходимыми приличіями. — Повелѣваю обнародывать сей царскій хаттишерифъ, дабы народъ зналъ о немъ, дабы, всякій исполняясь болѣе и болѣе признательностью за льготы и благодѣянія, дарованныя отъ моей царской щедроты, во всѣхъ обстоятельствахъ заслуживалъ мое одобреніе, и дабы вышеписанный уставъ исполнялся всегда во всѣхъ подробностяхъ буквально, безъ всякаго нарушенія.

И ты также, мой визирь, примешь его къ соображенію и соединишь свои силы съ силами князя къ точному и строгому исполненію всѣхъ пунктовъ сего императорскаго фирмана.

СОДЕРЖАНІЕ.

От переводчика.

ГЛАВА I. Нѣсколько словъ о древнѣйшей сербской исторіи. . 1

— 2. Паденіе сербскаго царства. 17

— 3. Черты османскихъ учрежденій въ Сербіи. . . . 30

— 4. Нравы, обычаи и поэзія Сербовъ. 41

— 5. Начало новыхъ движеній въ Турціи. 64

— 6. Начало волненій въ Сербіи. 77

— 7. Возстаніе противъ дахіевъ. 90

— 8. Разрывъ съ султаномъ. 102

— 9. Война за независимость въ 1806 и 1807 годахъ. . . 116

— 10. Учрежденіе сербскаго правительства. 135

— 11. Отношенія Сербіи къ другимъ державамъ. . . . 152

— 12. Война 1809 и 1810 годовъ. Распространеніе границъ. 161

— 13. Внутренніе раздоры. Единодержавіе Кара Георгія. 172

— 14. Букарештскій миръ. 182

— 15. 1813 годъ. 193

— 16. Новое владычество Турокъ. 205

— 17. Возстаніе Милоша. 217

— 18. Предварительное соглашеніе. 230

— 19. Внутреннія учрежденія и господства Милоша. . . 249

— 20. Утвержденіе сербской самостоятельности. 260

— 21. Внутреннее правленіе Милоша и неудовольствія противъ него. 275

— 22. Уставъ 1838 года. Паденіе Милоша. 289

— 23. Михаилъ Обреновичъ. 303

— 24. Александръ Кара Георгіевичъ. 317

ПРИЛОЖЕНІЯ

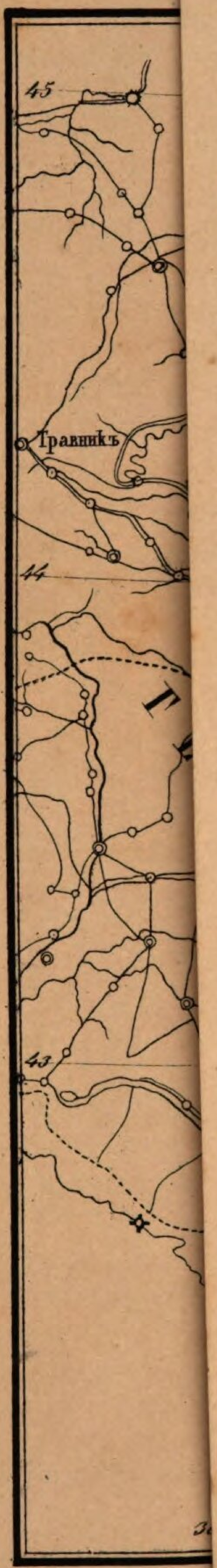
1) О сношеніяхъ Россіи съ Сербіею.

2) Уставъ княжества сербскаго.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Стр.*		Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
10	7	снизу	давала	давали
—	8	—	ослабляла	ослабляли
13	22	—	Геллептоптѣ	Геллеспонтѣ
49	10	—	сильные	сильныя
71	16	—	состояла	состояло
124	9	—	существенные	существенныя
125	12	—	отправился	отправились
141	1	—	предложениое	предложенное
182	9	—	Глава XIII.	Глава XIV.
205	7	—	то,	то, что
212	1	—	межу	между
216	3	—	догаливъ	догадливъ
219	4	сверху	по и	но и
224	10	снизу	Туркамп	Турками
273	6	сверху	клонящмися	клонящимся

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА

Bayerische
Staatsbibliothek
München

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА

НАР[illegible]ЛИОТЕКА

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Ranke, Leopold <<von>>,

Istorija Serbii po serbskim istočnikam Sočinenie Leopol'da Ranke. Perevod s německago Petra Barteneva. S pril. portr. Černago Georgija, s kartoju knjažestva serbskago i s vin'etkami

Moskva 1857

Turc. 245 h
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10787291-5